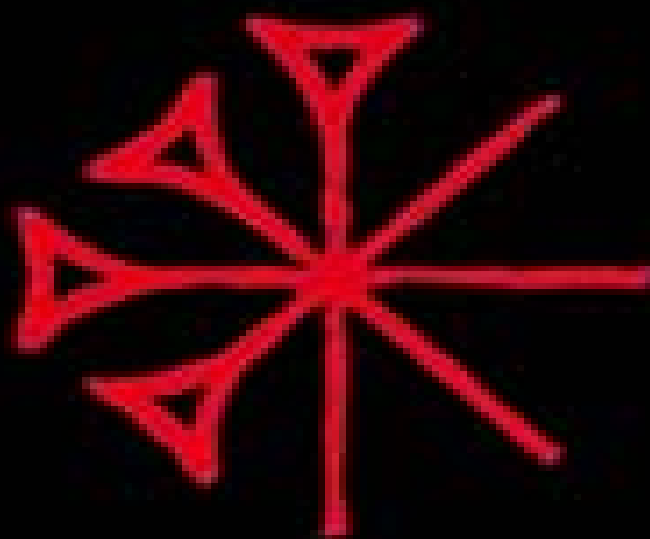

ИМОС

историческое расследование

Юлия Латынина

Annotation

Иисус Христос был. Сам факт его существования не выдумка, не миф. Его существование доказывает множество документов. Но насколько реальный Иисус соответствовал образу, старательно создававшемуся библеистами в течение без малого двух тысяч лет?

Известный журналист и публицист Юлия Латынина провела собственное историческое расследование, которое перевернет ваши представления о том, каким человеком был Иисус, какие ценности он проповедовал, к чему призывал. Ее книга, основанная на исследованиях ведущих мировых специалистов, критическом анализе давно известных и недавно открытых источников (от кумранских свитков до «Толедот Иешу», от апокрифических текстов до «славянского Иосифа»), ставит очень острые вопросы — и отвечает на них.

-
- [Юлия Латынина](#)
 -
 - [Предисловие](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 -
 - [История мира согласно Торе](#)
 - [Царь Давид](#)
 - [Документарная гипотеза](#)
 - [Приход евреев в Ханаан](#)
 - [Религии Древнего Ханаана](#)
 - [Религия Древнего Израиля](#)
 - [Борьба бога Грозы с чудовищем](#)
 - [Лицезрение Бога](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Израиль и Иудея](#)
 - [Реформы Езекии](#)
 - [Priestercodex](#)
 - [Сеннахериб и осада Иерусалима](#)

- [Царь Иосия \(640–609 гг. до н. э.\)](#)
- [Вавилонский плен](#)
- [Глава 4](#)
 -
 - [Разделение на евреев и самаритян](#)
 - [Саддукеи](#)
 - [Восстание Маккавеев](#)
 - [Книга Даниила](#)
 - [Воскресение мучеников](#)
 - [Фарисеи](#)
 - [Закат и разложение фарисеев](#)
 - [Восстание Аристовбула](#)
 - [Помпей и взятие Иерусалимского храма](#)
- [Глава 5](#)
 -
 - [Мессия из дома Давидова](#)
 - [Ессеи](#)
 - [Возвышение Ирода](#)
 - [Царь Ирод, Антихрист](#)
 - [Ессей Менахем](#)
 - [Война Сынов Света против Сынов Тьмы](#)
 - [Ирод и Мариамна](#)
 - [Восстание Иуды и Маттафии](#)
- [Глава 6](#)
 -
 - [«Четвертая секта»](#)
 - [Книга Еноха](#)
 - [Дальнейшие приключения Еноха](#)
 - [Вознесение на небо](#)
 - [Сатана](#)
 - [Гегемон](#)
 - [Имя Мессии](#)
 - [Зилоты и Ессеи](#)
- [Глава 7](#)
 -
 - [Хаос или организация?](#)
- [Глава 8](#)

-
- [Римские источники](#)
- [Еретические сочинения](#)
- [Талмуд и «Толедот Иешу»](#)
- [Протоколы](#)
- [Глава 9](#)
 -
 - [Главный месседж Иисуса](#)
 - [Имена учеников](#)
 - [Грешники и праведники](#)
 - [Пустыня](#)
 - [Чудеса](#)
 - [Въезд в Иерусалим](#)
- [Глава 10](#)
 -
 - [Выгодная концессия](#)
 - [Первосвященник и его бизнес](#)
 - [Торговцы или Хананеи?](#)
 - [Иерусалимский храм](#)
 - [Кесарю — кесарево](#)
 - [Понтий Пилат](#)
 - [Почему Иисуса арестовали за городом?](#)
 - [Тайная Вечеря](#)
 - [Арест](#)
- [Глава 11](#)
 -
 - [Суд Синедриона](#)
 - [В чем Иисуса обвинял Синедрион?](#)
 - [Прельщение народа](#)
 - [Почему Иисуса не публично казнили?](#)
 - [Суд Пилата](#)
 - [Иисус бар-Авва](#)
 - [Силоамская башня](#)
 - [Приговор и казнь](#)
 - [Иисус и разбойники](#)
- [Глава 12](#)
 -

- [Настоящие рескрипты императоров](#)
 - [Когда впервые появилось слово «христианин»](#)
 - [Императорские рескрипты](#)
 - [Тертуллиан и Порфирий](#)
 - [Апокалипсисы](#)
 - [Откровение Иоанна Богослова](#)
 - [Апокалипсис Петра](#)
 - [Вознесение Исаяи](#)
 - [Апокалипсис Илии](#)
 - [Иудейская война глазами ее участников](#)
 - [Эпициклы и «христианские вставки»](#)
 - [Другие разновидности христиан](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
 -
 - [Апостол Павел и еретики](#)
 - [Апостол Павел и Симон Волхв](#)
 - [Псевдоклиментины](#)
 - [Свидетельство Иакова Серугского](#)
 - [Местонахождение Дамаска](#)
 - [Загадка концовки Марка](#)
 - [Почему в «Деяниях апостолов» нет мученичества апостола Павла](#)
 - [Пророк Валаам и синагога Сатаны](#)
- [Глава 15](#)
 -
 - [Глава всех последователей Иисуса](#)
 - [Иаков Праведник](#)
 - [Община Иакова Праведника](#)
- [Глава 16](#)
 -
 - [Что вычеркнули](#)
 - [Медный свиток](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)

- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)

- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)

- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)

- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)

- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)

- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)

- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)
- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)
- [262](#)

- [263](#)
- [264](#)
- [265](#)
- [266](#)
- [267](#)
- [268](#)
- [269](#)
- [270](#)
- [271](#)
- [272](#)
- [273](#)
- [274](#)
- [275](#)
- [276](#)
- [277](#)
- [278](#)
- [279](#)
- [280](#)
- [281](#)
- [282](#)
- [283](#)
- [284](#)
- [285](#)
- [286](#)
- [287](#)
- [288](#)
- [289](#)
- [290](#)
- [291](#)
- [292](#)
- [293](#)
- [294](#)
- [295](#)
- [296](#)
- [297](#)
- [298](#)
- [299](#)

- [300](#)
- [301](#)
- [302](#)
- [303](#)
- [304](#)
- [305](#)
- [306](#)
- [307](#)
- [308](#)
- [309](#)
- [310](#)
- [311](#)
- [312](#)
- [313](#)
- [314](#)
- [315](#)
- [316](#)
- [317](#)
- [318](#)
- [319](#)
- [320](#)
- [321](#)
- [322](#)
- [323](#)
- [324](#)
- [325](#)
- [326](#)
- [327](#)
- [328](#)
- [329](#)
- [330](#)
- [331](#)
- [332](#)
- [333](#)
- [334](#)
- [335](#)
- [336](#)

- [337](#)
- [338](#)
- [339](#)
- [340](#)
- [341](#)
- [342](#)
- [343](#)
- [344](#)
- [345](#)
- [346](#)
- [347](#)
- [348](#)
- [349](#)
- [350](#)
- [351](#)
- [352](#)
- [353](#)
- [354](#)
- [355](#)
- [356](#)
- [357](#)
- [358](#)
- [359](#)
- [360](#)
- [361](#)
- [362](#)
- [363](#)
- [364](#)
- [365](#)
- [366](#)
- [367](#)
- [368](#)
- [369](#)
- [370](#)
- [371](#)
- [372](#)
- [373](#)

- [374](#)
- [375](#)
- [376](#)
- [377](#)
- [378](#)
- [379](#)
- [380](#)
- [381](#)
- [382](#)
- [383](#)
- [384](#)
- [385](#)
- [386](#)
- [387](#)
- [388](#)
- [389](#)
- [390](#)
- [391](#)
- [392](#)
- [393](#)
- [394](#)
- [395](#)
- [396](#)
- [397](#)
- [398](#)
- [399](#)
- [400](#)
- [401](#)
- [402](#)
- [403](#)
- [404](#)
- [405](#)
- [406](#)
- [407](#)
- [408](#)
- [409](#)
- [410](#)

- [411](#)
- [412](#)
- [413](#)
- [414](#)
- [415](#)
- [416](#)
- [417](#)
- [418](#)
- [419](#)
- [420](#)
- [421](#)
- [422](#)
- [423](#)
- [424](#)
- [425](#)
- [426](#)
- [427](#)
- [428](#)
- [429](#)
- [430](#)
- [431](#)
- [432](#)
- [433](#)
- [434](#)
- [435](#)
- [436](#)
- [437](#)
- [438](#)
- [439](#)
- [440](#)
- [441](#)
- [442](#)
- [443](#)
- [444](#)
- [445](#)
- [446](#)
- [447](#)

- [448](#)
- [449](#)
- [450](#)
- [451](#)
- [452](#)
- [453](#)
- [454](#)
- [455](#)
- [456](#)
- [457](#)
- [458](#)
- [459](#)
- [460](#)
- [461](#)
- [462](#)
- [463](#)
- [464](#)
- [465](#)
- [466](#)
- [467](#)
- [468](#)
- [469](#)
- [470](#)
- [471](#)
- [472](#)
- [473](#)
- [474](#)
- [475](#)
- [476](#)
- [477](#)
- [478](#)
- [479](#)
- [480](#)
- [481](#)
- [482](#)
- [483](#)
- [484](#)

- [485](#)
- [486](#)
- [487](#)
- [488](#)
- [489](#)
- [490](#)
- [491](#)
- [492](#)
- [493](#)
- [494](#)
- [495](#)
- [496](#)
- [497](#)
- [498](#)
- [499](#)
- [500](#)
- [501](#)
- [502](#)
- [503](#)
- [504](#)
- [505](#)
- [506](#)
- [507](#)
- [508](#)
- [509](#)
- [510](#)
- [511](#)
- [512](#)
- [513](#)
- [514](#)
- [515](#)
- [516](#)
- [517](#)
- [518](#)
- [519](#)
- [520](#)
- [521](#)

- [522](#)
- [523](#)
- [524](#)
- [525](#)
- [526](#)
- [527](#)
- [528](#)
- [529](#)
- [530](#)
- [531](#)
- [532](#)
- [533](#)
- [534](#)
- [535](#)
- [536](#)
- [537](#)
- [538](#)
- [539](#)
- [540](#)
- [541](#)
- [542](#)
- [543](#)
- [544](#)
- [545](#)
- [546](#)
- [547](#)
- [548](#)
- [549](#)
- [550](#)
- [551](#)
- [552](#)
- [553](#)
- [554](#)
- [555](#)
- [556](#)
- [557](#)
- [558](#)

- [559](#)
 - [560](#)
 - [561](#)
 - [562](#)
 - [563](#)
 - [564](#)
 - [565](#)
 - [566](#)
 - [567](#)
 - [568](#)
 - [569](#)
 - [570](#)
 - [571](#)
 - [572](#)
 - [573](#)
 - [574](#)
 - [575](#)
 - [576](#)
 - [577](#)
 - [578](#)
 - [579](#)
 - [580](#)
 - [581](#)
 - [582](#)
 - [583](#)
-

Юлия Латынина

Иисус

Историческое расследование

*Так говорит Господь, Царь Израиля,
и Искупитель его,
Господь Войск: Я первый и Я последний,
и кроме Меня нет Бога.*

Исайя, 44, 6^[1].

*«Они будут совокупляться во имя мое и резать
своих детей».*

Иисус Христос, «Евангелие от Иуды»

*** * ***

Без сомнения, данная работа является лучшей в этом непростом жанре.

Я уверен, что труд Латыниной станет классикой. На сегодняшний день книга — обжигающе современна, так как отвечает на те вопросы, которые обнажились только сегодня. Помимо своего фактологического богатства — она смертносно логична и блестяще написана.

Александр Невзоров

Издательство не несет ответственности за содержание авторских материалов и достоверность информации, точность перевода, цитирования, библиографической информации.

Мнение издательства может не совпадать с мнением автора.

Предисловие

Как было хорошо известно последние полторы тысячи лет — с момента триумфа христианства и до середины XX в., — в начале I в. н. э. в Палестине существовали два религиозных течения.

Одно была страшная и могущественная «четвертая секта», описанная Иосифом Флавием — зилоты и сикарии. Это были террористы, которые фанатически соблюдали иудейский закон, проповедовали джихад, устраивали теракты и в конце концов развязали Иудейскую войну. Короче, это был еврейский ИГИЛ.

Другое течение возглавлял Иисус Христос. Он был проповедник мира, добра и любви. Он учил, что иудейский закон соблюдать не надо и что врагов надо любить.

Кровавые зилоты, несмотря на всё их могущество, были уничтожены римлянами и исчезли без следа. Мирные христиане, несмотря на то, что они были крошечным ручейком, постепенно разлились в могучую реку, которая подчинила себе весь мир.

В течение почти полутора тысяч лет, во время которых христианская церковь обладала монополией на грамотность и образование, тезис о том, что Иисус Христос проповедовал мир, всепрощение и любовь к врагам, никто не оспаривал. Оспаривать его был опасно. Любой, кто усомнился бы в мирном характере христианства и его любви к врагам, был бы сожжен на костре.

Со времени Просвещения дело начало обстоит хуже. Герман Самуил Реймарус (1694–1768) первый предположил, что месседж Иисуса ничем не отличался от месседжа других пророков ненависти, ходивших в это время по Иудее. Альберт Швейцер (1875–1965) согласился с его выводами, и его книга «В поисках исторического Иисуса: от Реймаруса до Вреде», переведенная на английский в 1911 г., открыла новую эпоху в библеистике.

Фундаментальный труд Роберта Эйслера (1882–1949) «Царь Иисус», вышедший в 1929 г., опередил свое время и был в значительной степени проигнорирован. Однако после появившейся в 1967 г. книги «Иисус и зилоты» англиканского священника Самуила Джорджа Фредерика Брендона специфически иудейскую

милленаристскую составляющую в учении Иисуса стало игнорировать больше нельзя.

Со времен основателя тюбингенской школы Фердинанда Кристиана Баура (1792–1860) и Вильяма Вреде (1859–1906) в библеистике твердо укоренилось тактичное предположение, что настоящим основателем христианства был апостол Павел и что без него последователи Иисуса Мессии так бы и остались одной из крошечных милленаристских иудейских сект.

Несмотря на всю колоссальную разницу между каноническим Иисусом, отвергающим иудейский закон и проповедующим любовь к врагам, и Иисусом — проповедником ненависти, каким его рисуют Реймарус и Брендон, у этих обоих Иисусов есть важная общая черта: они являются совершенно незначительными персонажами, чья смерть была не замечена никем, кроме их ближайших соратников.

Лучше всего такую точку зрения сформулировал один из лучших современных популярных библеистов и автор бестселлеров Барт Эрман. Он соглашается, что да, конечно, Иисус был обыкновенным иудейским пророком ненависти. Но он был очень маленьким пророком.

Он был малоизвестным неудачником, унылым лузером, «слабым и бессильным ничтожеством, казненным самым унижительным и болезненным способом римлянами, бродячим проповедником, который оказался не в ладах с законом и был распят как мелкий преступник»^[2].

С этой замечательной картиной незначительного Иисуса не согласуется, однако, ряд фактов.

Первое.

Иосиф Флавий сообщает нам, что в 62 г. н. э. со стены Иерусалимского храма был сброшен Иаков, брат Иисуса^[3].

Более того — первоначальный текст Иосифа Флавия именно эту смерть связывал с причиной Иудейской войны^[4]. В современном тексте Флавия эта цитата пала жертвой полуторатысячелетий христианской цензуры, но ее видели и цитировали такие столпы церкви, как Ориген^[5], Евсевий Кесарийский^[6] и бл. Иероним^[7].

«Это случилось с иудеями в отмщение (ἐκδίκησιν) за Иакова Праведника, брата Иисуса, называемого Христом», — неосторожно приводит нам эту фразу Евсевий.

Как легко понять, Иудейская война могла быть отмщением за одну только смерть — смерть главы секты сикариев. В этом случае восстание было мстью за эту смерть. Однако предположение, что брат Иисуса, Иаков, руководил сикариями и зилотами, плохо согласуется с гипотезой о незначительности Иисуса.

Мы не знаем, кто был Иисус, но брат его после его смерти руководил «четвертой сектой». Это как в анекдоте: не знаем, кого везут, но водителем у него Брежнев.

Второе.

Кто стал преемником Иакова, брата Иисуса, на посту главы секты? Сказать сложно. Наши христианские источники темнят^[8].

Но мы знаем, кто возглавил Иудейское восстание, которое, согласно неотцензурированному Иосифу, произошло из-за казни Иакова. Этого человека звали Менахем. Он был потомком основателя страшной «четвертой секты» Иуды Галилеянина и, очевидно, Мессией из рода Давидова, потому что в это время потомок никакого другого рода не мог претендовать на то, чтобы быть Помазанником.

Что говорит нам Новый Завет о Мессии Менахеме? Как ни странно, довольно много, потому что в Евангелии от Иоанна Иисус всё время предрекает пришествие на землю некоего Утешителя.

«Я умолю отца, да даст вам другого Утешителя, и да пребудет с вами навек. Не оставлю вас сиротами, приду к вам» (Ин. 14:16–18). «Утешитель, Дух Святой, которого отец пошлет во имя мое» (Ин. 14:26). «Когда же придет Утешитель, которого я пошлю вам от Отца, Дух Истины, который от Отца исходит, он будет свидетельствовать обо мне» (Ин. 15:26). «Если я не пойду, Утешитель не придет к вам» (Ин. 16:7).

Как переводится Утешитель на арамейский?

Менахем.

Это, согласитесь, неприятная мысль.

Иисус пророчествует, что придет Менахем, что он будет Дух Истины, что он будет свидетельствовать об Иисусе и даже что он будет новым воплощением Иисуса.

И Менахем приходит и оказывается кровавым палачом и главой секты фанатиков.

Может быть, перед нами просто совпадение?

Проблема заключается в том, что римляне не считали это, видимо, совпадением.

Дело в том, что после Иудейской войны Веспасиан отдал приказ истребить всех членов рода Давидова, к которому принадлежал Иисус^[9]. В 80-х годах аналогичный приказ отдал Домициан^[10]. В третий раз распоряжение разыскать и убить всех потомков Давида отдал император Траян. В результате как раз и был распят вышеупомянутый Симеон бар Клеопа^[11].

Согласитесь, что Веспасиан после Иудейской войны должен был, по логике вещей, приказать истребить родственников Мессии сикариев, Менахема. Почему же он истреблял родственников мирного Иисуса? И как эти систематические преследования рода Иисуса римскими императорами соотносятся с утверждением, что те чуть ли не до IV века ничего не знали о христианстве?

Четвертое.

Сразу после разрушения Храма фарисеи, собранные в Явне, учредили *биркат а-миним*, т. е. ежедневное проклятие еретикам, произносимое в составе ежедневной молитвы^[12]. «Миним», которым произносилось проклятие — это иудействующие христиане.

Как известно, фарисеи возложили ответственность за Иудейскую войну и гибель Храма на «четвертую секту». Как же объяснить тот факт, что, собравшись в Явне, первым делом после гибели Храма фарисеи предали проклятию не «четвертую секту», а маленькое и никому не известное, да еще вдобавок исключительно мирное течение?

Пятое.

Современные последователи Иисуса называют себя христианами. Слово это не является самоназванием. Оно происходит от слова «Христос», которое, в свою очередь, является буквальным переводом на греческий древнееврейского «Машиах», т. е. «Помазанник» (аналогичное арамейское слово — «Машиаха»). Иисус и его апостолы на греческом не говорили и уже по этой причине называть себя христианами не могли.

И, действительно, в Новом Завете Иисус и его последователи называются «святые», «праведники», «назореи», «следующие пути» и даже «зилоты» ((ζηλωται) (Деян. 21:20). Слово «христианин» в Новом Завете употребляется только три раза, и при этом каждый раз оно

вложено в уста врагов секты или властей. Так, царь Агриппа II с насмешкою говорит апостолу Павлу: «Ты немного не убеждаешь меня сделаться христианином» (Деян. 26:28).

Напротив, римские официальные источники с самого начала называют христиан «христианами». В переписке Траяна и Плиния Младшего, у Тацита, в многочисленных протоколах судов над христианами, которые дошли к нам со II в. н. э., употребляется именно слово «христиане».

Резонно предположить, что слово «христиане» было римским юридическим термином, который обозначал последователей Иисуса. Однако тогда получается, что термин этот появился очень рано. В «Деяниях апостолов» говорится, что это случилось после бегства последователей Иисуса из Иерусалима, вероятно, еще в 30-х гг.: «И ученики в Антиохии в первый раз *были объявлены* (χρηματίσαι) христианами» (Деян. 11:26).

Мы еще вернемся подробно к вопросу о том, кто, когда и почему стал преследовать последователей Иисуса. Сейчас же сошлемся на двух современных итальянских библеистов — Марту Сорди и Илларию Рамелли, полагающих, что христианство было запрещено сенатусконсультом еще при императоре Тиберии, то есть не позже 37 г. н. э.^[13] В таком случае данная фраза из «Деяний апостолов» прямо относится именно к этому эпизоду.

Однако как согласовать такое раннее появление римского юридического термина с утверждением о никому не известном Иисусе? И как получилось, что в то самое время, когда в Галилее развивалась и крепла ужасная «четвертая секта», Сенат запретил не ее, а мирных и кротких христиан?

Но даже все эти проблемы меркнут по сравнению с самой очевидной и с самой главной — а именно, проблемой так называемых «преследований христиан».

Каждый уважающий себя христианин знает, что Римская империя преследовала мирную религию Христа. О причинах этого преследования выдвинуты десятки оригинальных предположений, делающих честь уму и изобретательности их авторов.

Вы можете прочесть, что римляне преследовали мирную религию христиан, потому что были одержимы Сатаной. Что христиане нарушали установленный порядок вещей. Что римляне считали их

колдунами. Глупые невежественные римляне полагали, что христиане на своих собраниях пьют кровь и занимаются свальным грехом. Христиане отказывались поклоняться императору и тем самым нарушали *рaх Deorum*, и пр., и пр.

Все эти удивительные объяснения игнорируют один простой и очевидный факт. А именно — Римская империя была тотально веротерпима. К моменту начала преследований христиан Рим запрещал только две религии.

В 186 г. до н. э. сенатусконсулт запретил вакханалии. Спустя два века при Тиберии Сенат запретил религию друидов. Никаких идеологических причин этого запрета не было: обе религии были запрещены за человеческие жертвоприношения.

За всю историю Рима в нем не было случая преследований людей только за то, во что они верят. Как ехидно заметил в свое время Эрнест Ренан, для того чтобы такие преследования начались, надо было дожидаться триумфа религии мира, прощения и любви.

И тем не менее римляне более или менее систематически, начиная с 30-х годов н. э., преследовали тех, кто «был объявлен христианами». При этом тесты, которые римляне предлагали пройти христианам (отречься от Господа и принести жертву императору или богам), точь-в-точь напоминали тесты, которые после конца Иудейской войны они предлагали сикариям и зилотам.

Очевидно, что вопрос о преследованиях христиан не имеет правильного ответа, потому что он неправильно сформулирован. Бессмысленно спрашивать: «Почему римляне преследовали христиан»?

Надо спрашивать: что сделали христиане, чтобы римляне их преследовали?

Глава 1

Масада

Недалеко от города Иерусалима, к востоку, находится одно из самых безжизненных мест на Земле — Иудейская пустыня.

Посередине пустыни лежит последний остаток древнего океана Тетис, Мертвое море. Берега его расположены на 419 метров ниже уровня моря, а сама пустыня — это впадина в месте схождения Африканской и Аравийской тектонических плит. От этого она и пустыня — воздушные массы, приходящие с запада, натываются, не доходя Мертвого моря, на Иудейские горы, и пустыня лежит в «тени дождя».

Дожди здесь идут только зимой, прорывая вади и глубокие ущелья, и столовые горы из пересохшего безжизненного известняка, нависающие с востока и с запада над Мертвым морем, иссечены этой водой за миллионы лет на куски, как топором. Согласно Книге Бытия, именно в этом месте когда-то располагались Содом и Гоморра, уничтоженные Господом огнем и серой за свою нечестивость.

Останков Содома и Гоморры археологи, впрочем, не обнаружили, зато на вершине одной из гор есть развалины древней Масады. Крепость эта совершенно неприступна. С востока утесы вздымаются на высоту 400 м, с запада — на 90 м. Наверху — идеально ровное плато.

Масада была одна из царских резиденций идумеянина Ирода Великого — полуараба, недоиудея, выпросившего у римлян за взятку владычество над евреями и покрывшего Иудею сетью крепостей, из которых он властвовал над непокорным и ненавидящим его народом.

Одна из этих крепостей и была Масада. Ирод устроил в орлином гнезде дворец, за которым располагались склады, бараки и казематы. Плато было обнесено дополнительной стеной. Чуть ниже главных укреплений в толще известняка были пробиты огромные цистерны-колодцы, и во время зимних дождей хитроумно устроенная система стен и канавок направляла в них водяной поток.

Масада несла важную таможенную нагрузку, контролируя караванную дорогу от Красного моря в Иерусалим. Этот торговый

путь, соединявший Восток и Запад, был главным источником процветания царства Ирода, а также главной причиной того, почему все окрестные царства стремились завладеть Иудеей, постоянно превращая эту территорию в место прокси-войн тогдашних региональных сверхдержав: сначала между Египтом и Ассирией, потом между Селевкидами и Птолемеями, а в начале нашей эры — между римлянами и парфянами.

Но самое главное — Масада контролировала Иудейскую пустыню. Пустыня в Иудее была местом, где самозарождались пророки и разбойники; в пустыне близ Масады, в Эйн-Геди, скрывался Давид, когда он был еще разбойником, а не царем (1 Цар. 24:1), в пустыню бежал Магтафия Маккавей, поднявший восстание против Антиоха Епифана. В пустыню выводили людей Мессии.

Бежавший в пустыню отсекался от семьи и от рода, оказывался членом новой общины и, по бескормице, добывал себе еду грабежом. Евреи называли таких людей *бирйоним*. Это слово происходило от корня «БР» (снаружи, вовне) и удачно несло в себе указание на физический выход за границу обустроенного мира^[14].

Бирйоним — это экстремисты, в буквальном смысле слова, или, если угодно — экстремисты-террористы. «Бежать в пустыню» в религиозном словаре той эпохи значило встать на джихад, и Ироду не раз приходилось иметь дело с еврейскими джихадистами.

Еще при жизни своего отца, в 48 г. до н. э., он уничтожил лидера *бирйоним*, некоего архиразбойника Езекию, опустошавшего окраины Сирии^[15].

В 37 г. до н. э. он схватился с разбойниками, давшими ему целое регулярное сражение, а потом укрывшимися в глубоких пещерах на склонах отвесных гор. Чтобы выкурить их, Ирод прибег к химическому оружию: он спустил с утесов железные ящики, и воины, стоявшие в них, бросали в пещеры пылающие головни и рубили всех, кто выскочит.

Ирод предложил *бирйоним* помилование, но они отказались: один из них на глазах Ирода поочередно перебил всех выходивших из пещеры своих детей, а затем и жену^[16].

То, что сражение Ирода с галилейскими разбойниками состоялось именно в пещерах, отнюдь не случайно. Ревнителю вообще нравились пещеры еще со времени Маккавеев (2 Мак. 6:11). Есть пещеры и в

пустынном Кумране, тренировочном лагере и крепости религиозных террористов, уничтоженном как раз во времена Ирода.

В 66 г. н. э., во время Иудейского восстания, пустыня и ее обитатели взяли над Масадой реванш: группа *бирйоним* во главе с потомком Езекии Менахемом захватила крепость и вырезала находившийся в ней римский гарнизон. Из Масады Менахем отправился в Иерусалим, был провозглашен Мессией и убит, но его двоюродный брат, могущественный Елеазар бен Яир, продолжал контролировать Масаду. После взятия Иерусалима к семьям присоединились те, кто смог бежать из города.

Римляне не торопились брать Масаду. Ее обитатели, забившиеся на вершину бесплодной горы в бесплодной пустыне, не представляли для Рима никакой стратегической угрозы. Но римляне никогда ничего не прощали и никогда ничего не забывали, и в 73 г. н. э. Десятый легион под командованием Луция Флавия Сильвы подошел к Масаде, чтобы отомстить за гибель римского гарнизона и уничтожить гнездо фанатиков.

Осада Масады была свидетельством не столько полководческого искусства, сколько инженерных достижений римлян. По правде говоря, римляне просто тренировались. Для Десятого легиона это было что-то вроде учений.

Римляне обнесли гору невысокой стеной, чтобы обезопаситься от вылазок, а потом подвели к западной части горы насыпь. Насыпь сохранилась до сих пор, став частью пейзажа. Из-под ее известняковых глыб торчат мумифицированные в пустынном жарком воздухе останки бревен. По верху насыпи повели осадную башню с тараном. Башни не сохранились, но в конце 1970-х в Голливуде затеяли мини-сериал «Масада», и вот эта-то голливудская башня, вполне соответствующая канонам полиоркететики, украшает собой насыпь сейчас.

Несмотря на отчаянное сопротивление, таран быстро взломал стены. Римляне сделали перерыв на ночь, но когда они утром ворвались в крепость, там уже никого не оставалось в живых. Защитники крепости, бросив жребий, перерезали горла женщинам и детям, а потом перебили друг друга. Две женщины, спрятавшиеся от побоища, рассказали победителям о произошедшем.

Мы даже точно знаем, где повстанцы убивали друг друга — в 1960-х годах знаменитый израильский археолог Игаль Ядин раскопал Масаду и нашел в небольшом помещении перед северным дворцом черепки с именами. На одном было начеркано «бен Яир», — Елеазар бен Яир, командир крепости^[17]. Игаль Ядин был вам не какой-нибудь кабинетный очкарик: за его плечами была двадцатилетняя военная карьера, которую он начал в 15 лет в Хагане и окончил в 35 лет на посту начальника Генштаба Армии Оборона Израиля.

Благодаря раскопам Ядина Масада сделалась для молодого государства Израиль символом нестигаемого мужества.

«Именно бен Яир и его товарищи, их героическое сопротивление, то, что они предпочли смерть рабству и сожгли свои скромные пожитки в качестве последнего вызова врагу, превратило Масаду в бессмертный символ отчаянного мужества, символ, который волновал сердца на протяжении последних девятнадцати столетий. Именно это сподвигло ученых и простых обывателей подниматься к Масаде. Именно это сподвигло современного еврейского поэта вскричать: Масада больше не падет! И именно поэтому новые солдаты бронетанковых частей Армии Оборона современного Израиля приносят свою армейскую клятву на высотах Масады: „Масада больше не падет!“» — писал Игаль Ядин^[18].

Однако дело было не в одном только нестигаемом мужестве.

Защитники Масады перебили свои семьи вместо того, чтобы позволить им сдаться, руководствуясь очень практическим, с их точки зрения, соображением: они полагали, что мученическая смерть — это пропуск в Рай.

Во всяком случае, именно это объясняет у Иосифа своим соратникам Елеазар бен Яир.

Он говорит, что свобода — это то, что получает душа, когда она освобождается от оков смертного тела. Он называет душу «родственной» Богу. Он говорит, что во сне эта родственная Богу душа говорит с ним, ходит, где ей угодно, и предсказывает будущее. Поэтому «смерть дарует душам свободу и открывает им вход в родное светлое место, где их не могут постигнуть никакие страдания». Именно в этом и состоит «божественное учение» сикариев, унаследованное ими от отцов^[19].

Иначе говоря, Елеазар бен Яир обещал своим людям, что после смерти они попадут в Рай. И хотя речь Елеазара бен Яира не является документальной — тогдашние шахиды еще не записывали предсмертных обращений на видео, — тем не менее мы, без сомнения, понимаем, что Иосиф Флавий был хорошо знаком с подобного рода аргументами и просто воспроизвел стандартную пропаганду секты.

Защитники Масады убивали своих жен и детей, чтобы встретиться с ними в Раю. Они не могли лишиться своих жен и детей будущего Рая. Это было бы нечестно и эгоистично с их стороны.

В Масаде сохранилось совсем немного текстов, принадлежавших этой секте. Зато те, которые сохранились, совпадают с текстами, найденными в Кумране, — главной штаб-квартире фанатиков, располагавшейся тоже на берегу Мертвого моря в 50 км от Масады.

Иначе говоря, у нас есть все основания полагать, что фанатики, взявшие в 66 г. римскую крепость Масаду, и фанатики, контролировавшие до этого Кумран, были одной и той же сектой.

Кумранские свитки дают нам яркий психологический портрет этих людей, веривших в две вещи: в рай в небесах, в котором пребывают души мучеников в ожидании Мессии из рода Давидова, и в рай на земле, который воцарится, когда он возвратится на землю.

Мессия, полагали они, придет с войском духов на облаках; он поразит владыку мира сего, Велиала, огнем из своих уст. Он произведет космический переворот, после которого земля станет рождать стократ. Он покарает грешников и вознаградит праведников.

Праведниками для них были все, кто соблюдает правила секты, или, пользуясь терминологией кумранитов, — все, кто соблюдает Новый Завет, — не прежний, старый, заключенный Богом еще с Авраамом, а Новый, заключенный после основания секты.

Грешниками для них были все те, кто в Новый Завет не вошел — т. е. в том числе и не принадлежащие к секте евреи. Страстная любовь к членам своего коллектива сопровождалась у членов секты ненавистью к тем, кто в Новый Завет не входил.

Несмотря на то, что Масада не страдала от недостатка запасов (Ирод заготовил их столько, что хватило бы пережить ядерную войну), обитатели Масады регулярно истребляли близлежащие еврейские городки, виноватые тем, что они не входили в Новый Завет.

Особого внимания искателей надмирной свободы удостоилось находившееся неподалеку зажиточное поселение Эйн-Геди, разбогатевшее на производстве священного благовонного масла, производившегося из произраставшего только в этих краях и истребленного впоследствии бальзамового дерева. Сикарии, мечтающие об освобождении родственной Богу души от плотских уз, напали на Эйн-Геди в день Пасхи и убили всех, кто не успел убежать, то есть в основном детей и женщин.

«Затем они начисто ограбили дома, захватили созревший хлеб и возвратились со своей добычей в Масаду. Таким путем они разграбили все деревни вокруг крепости и дальние окрестности»^[20].

Обладатели родственных Богу душ полагали возможным перебить дубинками детей в Эйн-Геди потому, что эти дети веровали не так, как надо. Детей и жен своих они убили затем, чтобы вместе попасть на небо.

Им вовсе не улыбалось стоять у престола Господа, вкушая блаженство, в то время как члены их семей, оскверненные римлянами, варились бы рядом в смоле. Люди Елеазара бен Яира были шахиды, причем в прямом, лингвистическом смысле слова, ибо арабское «шахид» (свидетель) и греческое «μάρτυς» (свидетель) — оба кальки с сирийского арамейского «шахдо».

Секта, обосновавшаяся в Кумране и захватившая Масаду, была вовсе не изолированной группой фанатиков. Напротив, она была многочисленна и влиятельна. Она имела свои отделения в каждом городе. Ее шахиды в течение нескольких лет терроризировали Иерусалим, безнаказанно убивая врагов прямо на улицах. В начале Иудейской войны они захватили Храм изнутри, внезапно активизировав свои спящие ячейки.

Эта секта фанатически слушалась своих начальников — *мебаккеров* — и за любое теологическое или политическое отступление карала смертью. Партийная дисциплина в ней была строже, чем в Третьем Интернационале.

Имущество членов секты было общим, то есть находилось в распоряжении *мебаккера*, и, таким образом, он получал в свое распоряжение гигантские материальные, финансовые и людские ресурсы, а любой член секты мог передвигаться по Палестине без

денег, получая в каждом городе кров и поддержку. Править общиной *мебаккеру* помогал совет из двенадцати человек.

Ощущение единства поддерживалось за счет ритуалов. Члены секты по несколько раз на день крестились проточной водой, смывая с себя грехи, и собирались на общие трапезы, во время которых *мебаккер* или священник, председательствующий за столом, первым простирает руку, чтобы благословить первые плоды хлеба и новое вино. Кроме этого, члены секты участвовали в ежедневных молениях, во время которых они достигали экстатического соединения с богом. Они считали своего Мессию Сыном Всевышнего и воплощением Господа. Себя они считали членами войска духов и собеседниками ангелов.

Всё это — мистицизм, фанатизм и абсолютная уверенность в попадании души шахида к престолу Бога — позволило приверженцам Нового Завета создать в Иудее свое, параллельное государство, основанное на идее ожидания Царства Божия и возвращении Мессии из дома Давидова, Святого и Великого, Господа Славы, Вечного Царя, который сойдет, чтобы посетить землю с милостью (1 Еноха. 5:28).

Как появилась на свет такая секта?

Как вера в освобождение души от оков плоти могла сочетаться с самым банальным грабежом?

Как вера в Господа Мессию, Вторую Власть в Небе, могла сочетаться с фанатичным монотеизмом и строжайшим соблюдением закона Моисеева?

И какое отношение этот грозный Мессия из дома Давидова имел к проповеднику любви, добра и мира по имени Иисус?

Глава 2

«Я сделаю вас народом священников и царством святым»

Абсолютное большинство книг по истории христианства начинаются с I в. н. э.

Вы скажете — как же иначе? Ведь христианство началось с проповеди Иисуса Христа, а Иисус был распят при императоре Тиберии, правившем с 14-го по 37 г. н. э. Христианство, скажете вы, — это новая религия. Она отпочковалась от своего предка, иудаизма.

Однако для ранних христиан это было не так. В I в. н. э. «христианства» как такового не существовало. Многочисленные разновидности последователей Иисуса не считали, что они исповедуют какое-то «христианство». Они считали себя «Новым Израилем».

Иудаизм I–II вв. представлял собой великое множество сект, из которых постепенно сформировались две основные: раввинистический иудаизм и ортодоксальное христианство, оба являющиеся равноправными наследниками классического иудаизма. В это время не было ни одного теологического положения христианства, которое нельзя было сыскать в иудаизме, и наоборот^[21].

С точки зрения ранних последователей Иисуса, они исповедовали не христианство, а *правильный иудаизм*. Они верили в иудейского бога правильно. А все остальные евреи верили неправильно.

И самое интересное, что доля смысла в этом утверждении — была.

Иудейский монотеизм — если задуматься — был совершенно необычной религией.

Вокруг все народы обладали множеством богов. Они обожествляли каждый куст и каждую речку. Они приносили жертвы в многочисленных храмах, разбросанных по всей земле. Они верили в приметы и колдовство. Они фантазировали о том, что происходит с душой после смерти. Их боги сходили на землю, совокуплялись с

людьми и порождали смертных героев. Эти смертные герои, в свою очередь, восходили на небо и тоже становились богами.

Напротив, иудеи верили в единого Всевышнего бога. Он был трансцендентен, невидим, внемирен и непостижим. Сыновей у этого бога не было. В некоторых текстах, вошедших в Тору, не было даже ангелов!

О том, что происходит с человеком после смерти, этот бог не говорил: в Торе невозможно найти не только доктрину бессмертия души, но и какой-либо намек на нее. Увидеть этого бога было нельзя — его можно было только слышать. Тот, кто его видел, умирал сразу (Исх. 33:20).

Колдунов он требовал предавать смерти (Исх. 22:18). *Прельстителей*, то есть пророков, чудесами совращающих Израиль служить другим богам, он требовал предавать смерти (Втор. 13:5). Город, послушавший такого пророка, он требовал вырезать весь, не только всех жителей, но и скот (Втор. 13:15).

Каждый, кто хотел принести жертву этому богу, мог сделать это только в одном месте — в Храме в Иерусалиме, и только через одну касту — через касту жрецов, являвшихся потомками Аарона, брата Моисея. Все другие боги, другие места и другие жрецы — включая потомков самого Моисея — были недействительны.

Потомки Аарона обладали полной монополией на жертвы и на посредничество перед единственным богом. И при этом они даже не обещали евреям бессмертия!

Как могла появиться на свет столь необыкновенная и противоречащая многим человеческим инстинктам религия?

Кто и когда ее создал?

И что из древних верований евреев при создании ее было выброшено за борт?

Еще в середине II века Юстин Мученик доказывал своему собеседнику, иудею Трифону, что тот бог, который являлся под Мамврийским дубом Аврааму, боролся на переправе с Иаковом и уничтожил Содом и Гоморру, и есть Иисус Христос, *девторос теос*, второй бог, Ангел Великого Совета, Сын Человеческий^[22]. А в 351 году Сирмийский собор даже принял официальное постановление на этот счет^[23].

С точки зрения Юстина Мученика, он, последователь Иисуса, понимал еврейское св. Писание правильно. А сами евреи понимали его неправильно.

Мы в данной книге, конечно, так далеко, как Юстин Мученик, заходить не будем. Его точка зрения вряд ли может претендовать на объективность.

Но, как ни странно, в каком-то смысле (совсем не в том, в котором он предполагал) Юстин Мученик был прав. Историю христианства бессмысленно рассказывать без истории возникновения иудейского монотеизма. Это всё равно как смотреть сериал с предпоследнего сезона.

Кое-что, вы, несомненно, поймете; но огромное количество важных смыслов, героев и пересечений окажутся потерянными для вас. Некоторые действия героев приобретут принципиально другое значение.

И так как история становления монотеизма является, сама по себе, предметом для толстенной книги, то мы решили сделать так: вынести эту книгу в отдельный том, а здесь обговорить только некоторые главные вехи, необходимые именно для понимания генезиса христианства.

Еще раз подчеркиваем, что следующие четыре главы ни в коем случае не претендуют на полное изложение истории развития монотеизма и не являются оригинальным исследованием. Они написаны по двум причинам. Автор постарается показать, что:

— христианство, особенно раннее, сохраняло некоторые важные черты дореформенного, домонотеистического иудаизма;

— историю иудейского миллениаризма, одна из разновидностей которого впоследствии стала христианством, бессмысленно начинать с I в. н. э. Ее надо начинать по крайней мере с восстания Маккавеев, т. е. со II в. до н. э.

История мира согласно Торе

Еврейский народ имел особые отношения с Богом. Он был народом, избранным Господом. «Вы будете у меня царством священников и народом *святым*», — сказал этот бог евреям (Исх. 19:6).

Этот бог был единственным Богом, который существовал на самом деле. Все остальные боги не существовали. Они были в лучшем случае просто идолами — деревянными чурбанами, бронзовыми чучками, камнями и красками. Всех этих языческих богов создали сами люди.

Напротив, еврейский Бог создал весь мир. Он отделил свет от тьмы и сотворил человека.

Когда весь мир погрузился во грех, Бог наслал на него потоп, а когда люди затеяли построить башню, чтобы долезть на ней до неба, он смешал их языки.

После этого бог отчаялся спасти всё человечество и занялся потомством одного человека, Авраама. Бог и Авраам заключили между собой договор. Согласно этому договору, Авраам обязался обрезываться и соблюдать закон, а взамен он и его потомство получили во владение вечное Ханаанскую землю (Быт. 17:8).

Наследником Авраама стал его сын Исаак, а наследником Исаака — его сын Иаков. Из-за своего сына Иосифа, достигшего больших чинов при египетском фараоне, патриарх Иаков со своими родными переселился в Египет, и евреи вследствие этого попали в рабство к египтянам.

Из рабства их вывел лидер по имени Моисей, которому Господь явился на горе Хорив в горящем кусте. Именно Моисею бог впервые назвал свое имя.

В ответ на вопрос Моисея о его имени Бог ответил: «Я Есмь Кто Я Есмь» — древнееврейская фраза, первые буквы которой образуют акроним «Яхве» (Исх. 3:14). Господь заявил Моисею: «Являлся Я Аврааму, Исааку и Иакову с именем *Эль Шаддай*, а с именем *Яхве* я не открылся им» (Исх. 6:3).

Это имя — Яхве — у евреев было табуированным, и впоследствии его мог произносить вслух только один раз в год первосвященник в Святой Святынь в Иерусалимском храме. Греки называли его «тетраграмматон», то есть четырехбуквие, и в греческих переводах Библии (например, Септуагинте) оно писалось еврейскими буквами. Латинские переводы использовали четырехбуквие YHWH.

Чтобы вывести евреев из рабства, Яхве совершил множество чудес. Он порастил Египет десятию казнями. Он разделил воды Красного моря, и он шел перед евреями в огненном столпе ночью и в облачном — днем.

На горе Синай он сошел к Моисею и заключил с ним завет, то есть договор. Согласно этому завету, евреи обязывались поклоняться Яхве и одному только Яхве, а Яхве в ответ обязывался отдать им в обитание Ханаан. Будучи *ревнивым* богом, Яхве потребовал от них не вступать в союз с хананеями и уничтожить их и их богов:

«Смотри, не вступай в союз с жителями той земли, в которую войдешь, дабы они не сделались ловушкой для вас. Жертвенники их разрушьте, *мацевот* их сокрушите, вырубите их *ашеры*. Ибо ты не должен поклоняться богу иному, кроме Господа; потому что имя Его — Ревнитель» (Исх. 34:12–14). «Предай их *херему*, не вступай с ними в союз и не щади их» (Втор. 7:2).

Слово *херем*, употребляемое в этой заповеди, является одним из ключевых слов Ветхого Завета.

Херем — это тот же корень, что в арабском «харам», запрет. *Херем* — и проклятье, и запрет, и джихад. Это священная война, в ходе которой истребляется все население данной земли, а его имущество уничтожается или передается жрецам Яхве.

Именно совершение *херема* было главным условием владения Обетованной Землею. Во «Второзаконии», последней, заключительной книге Пятикнижия Моисея, Моисей предупреждает Израиль:

«А в городах сих народов, которых Господь Бог твой дает тебе во владение, не оставляй в живых ни одной души, но предай их *херему*: Хеттеев и Аморреев, и Хананеев, и Ферезеев, и Евеев, и Иевусеев, как повелел тебе Господь Бог твой» (Втор. 20:16–18).

Если Израиль будет соблюдать эти правила, его ждет счастливая жизнь в Обетованной Земле. Если же нет, то Израиль будет истреблен и извержен из Обетованной Земли (Втор. 29:64–65).

В Книге Судей процветание того или иного колена Израилева прямо связывается с тщательностью выполнения им *херема*.

Там сообщается, что потомки Иуды поразили мечом всех жителей доставшейся им земли (Судей. 1:4–18). Именно поэтому будущее царство Иудеи было построено на прочном основании. Напротив, колена, которые населили будущее царство Израиль, не истребили хананеев, как это предписал Господь (Судей. 27:35). Этот несмыаемый грех и послужил причиной падения царства Израиль.

История сотворения мира и еврейского народа вплоть до прихода его в Землю Обетованную излагалась в пяти первых книгах еврейского Священного Писания: Бытие, Исход, Числа, Левит и Второзаконие. Эти пять книг были продиктованы Господом Моисею непосредственно на горе Синай. Они были одинаково священны для евреев и большинства христиан. Христиане называют их Пятикнижием Моисея, а евреи называют их просто Тора — т. е. «Закон».

Последующая история евреев от прихода их в Ханаан и до падения Первого Храма была рассказана в следующих шести книгах Библии: книге Иисуса Навина, книге Судей и четырех книгах Царств.

Книга Иисуса Навина рассказывает о молниеносном блицкриге, который совершил преемник Моисея — Иисус Навин, и о *хереме*, которому он предал все сопротивлявшиеся города. Книга Иисуса Навина — это книга о том, что нет ничего, чего бы не мог совершить народ, когда во главе его стоит сам Господь.

Она продолжает тему чудес, которые Господь совершает для избранного народа. Все эти чудеса носят ярко выраженный военно-прикладной характер. Господь обеспечил евреям переправу через Иордан, раздвинув воды реки; он обрушил от звука трубы стены Иерихона, и он лично метал у Гаваона на врагов евреев с небес огромные камни.

Поэтому сразу после завоевания Обетованной Земли Иисус Навин собрал евреев и построил огромный алтарь на открытом воздухе, как завещал ему Моисей (Втор. 26:7).

Учитывая будущую роль Иерусалима в иудаизме, мы могли бы ожидать, что этот алтарь был построен на Храмовой Горе. Однако это совершенно не так. Алтарь, который Иисус Навин поставил по завещанию Моисея, был расположен, согласно «Второзаконию», на горе Гевал над городом, который назывался *Сихем*, в самом центре

Ханаанского нагорья, являвшегося сердцевиной будущего царства Израиль.

Об удивительном расположении этого алтаря мы поговорим чуть позднее.

Согласно Библии, после завоевания Земли Обетованной евреи некоторое время жили отдельными кланами под руководством *шофетов* (судей) — особо избранных Богом людей. Но когда их стали теснить филистимляне, они попросили последнего из *шофетов*, пророка Самуила, помазать себе царя.

Пророк Самуил тоже не имел никакого отношения к Иерусалиму. Он жил в городе *Силоме*, и в этом же городе тогда стоял ковчег Яхве.

Пророк Самуил был категорически против желания евреев. Он произнес тираноборческую речь. Резкими словами пророк описал все последствия абсолютной монархии: произвол, нарушение прав частной собственности и превращение свободных людей в рабов. Всякий, кто хочет прочесть аргументы против единоличного правления одного человека, может перечесть речь пророка Самуила из 8-й главы Первой книги Царств.

Более того, Самуил заявил, что избрание царя есть очередной акт измены Израиля Господу, такой же отвратительный, как изготовление Золотого Тельца и поклонение Ашере и Баалу.

«Не тебя они отвергли, но отвергли Меня, чтоб Я не царствовал над ними», — сообщил Господь Самуилу (1 Цар. 8:7).

Однако народ закусил удила: не хотим бога, хотим царя, после чего пророк Самуил поставил им в цари Саула из колена Вениаминова.

Увы, Саул оказался плохой царь. Он нарушил свой договор с Яхве. Он пошел войной на амалекитян, но не сделал *херема* и даже сохранил жизнь царю амалекитян Агагу. В результате Самуил снял Саула с царского поста и передал этот пост молодому Давиду (1 Цар. 16:13).

Это подтверждало приоритет пророка над царем. Голосом пророка говорил бог. Пророки снимали и назначали царей, но цари ничего не могли сделать с пророками.

Царь Давид

Если верить Библии, сначала Давид был царем одного только южного царства Иудеи, но потом он, как и Саул перед ним, стал царем обоих еврейских царств: южного — Иудеи, и северного — Израиля.

Именно Давид захватил у иевусеев и сделал своей столицей город Иерусалим. До этого столица Давида была в *Хевроне*. Давид также перенес в Иерусалим ковчег Господень. Это деяние пришлось Яхве так по душе, что он заключил с Давидом завет, согласно которому власть над евреями всегда будет принадлежать царям из дома Давидова (2 Цар. 7:13).

В отличие от заветов, заключенных с Авраамом и Моисеем, это был безусловный завет. Яхве не ставил царям из дома Давидова никаких условий. Право на правление евреями навечно закреплялось за царями из дома Давидова вне зависимости от того, что они совершили и кому они поклонились. Это была безотзывная оферта.

«Он построит дом имени Моему, и Я утвержу престол царства его на веки. *Я буду ему отцом, и он будет Мне сыном*; и если он согрешит, Я накажу его жезлом мужей и ударами сынов человеческих; но милости Моей не отниму от него, как Я отнял от Саула, которого Я отверг пред лицом твоим. И будет непоколебим дом твой и царство твое на веки пред лицом Моим, и престол твой устоит во веки» (2 Цар. 7:13–16), — сказал Господь через придворного пророка Нафана Давиду.

Именно этот предсказанный Господом сын Давида, Соломон, и поднял могущество Иудеи и Израиля на новую высоту. Именно он построил в Иерусалиме Первый Храм. Мудрость Соломона была известна всей земле, царица Савская посетила его с подарками, и «серебро во дни Соломоновы считалось ни за что» (3 Цар. 10:21).

На первый взгляд может показаться, что автор Третьей книги Царств восхищается Соломоном. Однако на самом деле он рассказывает про него несколько очень неприятных историй.

Он рассказывает, что Соломон убил своего брата, Адонию, которого первосвященник Авиафар, выходец из Силома, помазал в цари. После этого Соломон сослал первосвященника Авиафара и

заменял его первосвященником Садоком. И Садок, и Авиафар были потомками Аарона, но при этом они происходили от разных его сыновей.

Однако даже этот грех убийства Адонии был несравним с тем, что Соломон сделал в старости. Ибо несмотря на то, что Соломон был строителем Храма Господня, он был также грешником и сластолюбцем, чьи иностранные жены в конце его царствования заставили впасть его в самый страшный грех из возможных грехов — грех поклонения иноземным идолам.

Направо от Масличной горы, прямо наискосок от горы Храмовой, Соломон построил еще три храма: Ашере, мерзости Сидонской, и Хамосу, мерзости Моавитской, и Милхому, мерзости Аммонитской (4 Цар. 23:13).

Это его отступничество произошло из-за его иноземных жен.

«Во время старости Соломона жены его склонили сердце его к иным богам, и сердце его не было вполне предано Господу Богу своему, как сердце Давида, отца его... И делал Соломон неудобное пред очами Господа и не вполне последовал Господу, как Давид, отец его» (3 Цар. 11:3–6).

Из-за этого после смерти Соломона царство распалось. Еще при его жизни пророк Ахия, происходивший из Силома, помазал на царство одного из его подданных, Иеровоама.

Однако, как мы помним, Господь заключил с Давидом безотзывный договор. Он обещал, что дом Давидов *всегда*, что бы ни произошло, будет царствовать над евреями. Поэтому Ахия не помазал Иеровоама царить над всем народом. Встретив Иеровоама, он разодрал свою одежду на двенадцать частей и десять из них отдал Иеровоаму, в знак того, что он отдает ему власть над десятью коленами Израилевыми, проживающими в Израиле.

Ахия также предсказал, что одну часть царства, из уважения к Давиду, Бог всегда оставит за домом Давидовым. Если Иеровоам, заявил Ахия, будет соблюдать завет Господа, то его дом процветет, как до этого дом Давида.

«И если будешь соблюдать всё, что Я заповедую тебе... то Я буду с тобою и устрою тебе дом твердый, как Я устроил Давиду, и отдам тебе Израиля; и смирю Я род Давидов за сие, но не на все дни» (3 Цар. 11:38–39).

Так, согласно Третьей книге Царств, совершилось разделение евреев на два царства: северное, Израиль, который назывался так по имени всех евреев, и южное, Иудею, которую населяло только одно колено — колено Иудово.

Над Израилем воцарился Иеровоам, а над Иудеей — сын Соломона, Ровоам. Это разделение совершилось оттого, что Соломон взял в жены чужеземных принцесс и изменил Господу. Он совершил самый страшный грех, который запрещала Тора.

Ввиду наглядной и немедленной кары, постигшей Соломона, мы были бы вправе ожидать, что Иеровоам, помазанный на царство силомским пророком Ахией, поведет себя куда более благоразумно.

Но куда там!

Ничего хорошего из его помазания не вышло. Иеровоам тоже изменил Господу — и еще как! Побоявшись, что евреи из его владений будут ходить на поклонение в Иерусалим, он сделал двух золотых тельцов, и одного поставил в Дане, на самой северной границе Израиля, а другого в Вефиле, на самом юге.

«И посоветовавшись царь сделал двух золотых тельцов и сказал народу: не нужно вам ходить в Иерусалим; вот боги твои, Израиль, которые вывели тебя из земли Египетской» (3 Цар. 12:28).

Этот поступок Иеровоама вызвал гнев Господа. В тот самый момент, когда Иеровоам в Вефиле стоял у жертвенника и готовился совершить курение, он был проклят еще одним пророком. Иеровоам приказал схватить пророка, но рука его тут же отсохла. Пророк же «произнес к жертвеннику слово Господне и сказал: жертвенник, жертвенник! так говорит Господь: вот, родится сын дому Давидову, имя ему Иосия, и принесет на тебе в жертву священников высот, совершающих на тебе курение, и человеческие кости сожжет на тебе» (3 Цар. 13:2).

Это пророчество поражает своей необыкновенной точностью. Пророк, грозящий Иеровоаму, не просто предсказал ему плохую участь. Он назвал конкретного царя, царя Иосию из дома Давидова, который спустя триста лет после описываемых событий уничтожит вефильский жертвенник. Это невероятная точность. Это всё равно, как если бы современник Джорджа Вашингтона предсказал, что в 2016 году американцы выберут президентом человека по имени Дональд Трамп.

Так или иначе, в результате отступничества Соломона единое еврейское царство распалось на северный Израиль и южную Иудею.

Все цари Израиля были отщепенцами, узурпаторами и нечестивцами. Все они делали плохое в глазах Господа, и поэтому Господь отвернулся от Израиля, который в 722 г. до н. э. был завоеван ассирийцами.

Дела соседней Иудеи, где царствовал законный дом Давидов, обстояли значительно лучше. Многие ее цари соблюдали завет и запрещали служение чужеземным богам.

Большой ревностью по Господу отличался царь Езекия (715–696 гг. до н. э.). Но самым ревностным из них был царь Иосия, правивший в 641–609 гг. до н. э. Именно Иосия был тот самый царь, появление которого за 300 лет до его рождения предсказал Вефильскому жертвеннику проклявший его пророк.

В самом начале царствования Иосии в храме была найдена древняя книга. Ее принесли царю первосвященник Хилкия и пророк Шафан.

Услышав слова этой книги, царь разодрал одежды свои и начал масштабную кампанию религиозного очищения.

Иосия вынес «из храма Господня все вещи, сделанные для Баала и для Ашеры и для всего воинства небесного, и сжег их за Иерусалимом в долине Кедрон, и велел прах их отнести в Вефиль. И отставил жрецов, которых поставили цари Иудейские, чтобы совершать курения на высотах в городах Иудейских и окрестностях Иерусалима, — и которые кадили Баалу, солнцу, и луне, и созвездиям, и всему воинству небесному. И вынес Ашеру из дома Господня за Иерусалим к потоку Кедрону, и сжег ее у потока Кедрона, и истер ее в прах, и бросил прах ее на кладбище общенародное» (4 Цар. 23:4–6).

Иосия ввел тотальный запрет на изображения. Он выгнал жрецов, которые кадили Баалу. Он осквернил высоты и отменил коней, которые цари иудейские ставили Солнцу, а колесницы Солнца сжег огнем. Он снес храмы Ашеры, Хамоса и Милхома, устроенные Соломоном на Елеонской горе, сломал статуи, срубил священную рощу и осквернил священные места, забросав их человеческими костями; он уничтожил устроенный Иеровоамом жертвенник в Вефиле и сжег на жертвеннике человеческие кости.

«Так же и все капища высот в городах Самарийских, которые построили цари Израильские, прогневно Господа, разрушил Иосия и сделал с ними то же, что сделал в Вефиле; и заколол всех жрецов высот, которые там были, на жертвенниках, и сожег кости человеческие на них... И вызывателей мертвых, и волшебников, и терафимов, и идолов, и все мерзости, которые появлялись в земле Иудейской и в Иерусалиме, истребил Иосия...» (4 Цар. 23:19–24).

Перед нами — впечатляющая картина культурной революции конца VII века до н. э., — полное, тотальное истребление всех традиций народа, всех его богов, верований и привычек, осуществленное с невиданной жестокостью, религиозный тоталитаризм, искореняющий всё, что составляло сумму верований народа, в пользу удивительно вовремя найденной древней книги.

Однако автор Четвертой книги Царств утверждает, что все реформы Иосии были никаким не нововведением. Они произошли после находки древней священной книги. Они были возвращением к истокам.

«Подобного ему не было царя прежде его, который обратился бы к Господу всем сердцем своим, и всею душою своею, и всеми силами своими, по всему закону Моисееву; и после него не восстал подобный ему» (4 Цар. 23:25).

Документарная гипотеза

Так — в очень кратком пересказе — выглядела история еврейского народа согласно Библии.

Сейчас, разумеется, мы можем сказать, что это была не совсем точная картина.

К примеру, Пятикнижие Моисея не было продиктовано Моисею лично Господом на горе Синай. Еще в XIX в. великий немецкий библеист Юлиус Велльгаузен доказал, что оно состоит из четырех текстов, которые когда-то были разрезаны и склеены друг с другом.

Гипотеза Велльгаузена была для библеистики то же, что гипотеза Дарвина — для биологии. Со времени Велльгаузена она многократно уточнялась и усложнялась, но все попытки ее опровергнуть выглядят изумительно жалко.

Поэтому прежде, чем мы перейдем к археологии и посмотрим, что мы сможем сказать о реальной истории евреев, мы постараемся, хотя бы коротко, охарактеризовать четыре этих текста.

Первый из этих текстов известен как J, или Яхвист. Он был написан в Иудее, при дворе царей из рода Давидова, и не позже VIII в. до н. э., а, возможно, значительно раньше.

Это единственный текст из вошедших в состав Торы, который не был написан жрецом. Скорее всего, его автором являлся придворный писец или родственник правящего царя^[24].

Этот текст отражает политические интересы южного еврейского царства — Иудеи. В частности, в нем утверждается, что умирающий патриарх Иаков благословил в качестве своего преемника своего четвертого сына Иуду, того самого, из рода которого и происходил царь Давид (Быт. 49:10).

Яхвист — самая захватывающая из составных частей Торы. Необыкновенные приключения, лихие повороты сюжета, психологические портреты изумительной глубины — это всё Яхвист. Исаак, покупающий у своего брата право первородства за чечевичную похлебку, истории Рахили и Дины, история Иосифа, проданного своими братьями в Египет и простившего их, — это всё Яхвист. Без

Яхвиста не было бы Торы и истории народа евреев — мы попросту не запомнили бы ее.

Автор Яхвиста — это самый ранний и самый гениальный романист всех времен и народов.

Однако одновременно Яхвист — самая «языческая» из составных частей Торы. Яхве предстает в Яхвисте обычным антропоморфным божком. Он лично закрывает дверцу Ноева ковчега, лично борется на переправе с Иаковом, запросто кушает под Мамврийским дубом шашлык с Авраамом — более того, он является под Мамврийский дуб *с двумя спутниками*. Главным объектом интереса Яхвиста являются патриархи, а Моисей, герой Исхода, значит для него довольно мало.

Для нас самое важное то, что Яхвист, даже в нынешнем отредактированном виде, ничего не знает о позднейших монотеистических табу. Патриархи в Яхвисте ставят жертвенник Яхве на каждой высоте и под каждым развесистым деревом, Рахиль, убегая с Иаковом, забирает с собой идолов отца (Быт. 31:19), а супруга Давида, чтобы обмануть убийц, посланных Саулом, кладет в постель Давида *терафима* (1 Цар. 19:23), каковой терафим был или простой истукан, или, если верить Талмуду, сушеная человечья голова^[25]. Ни избранник Яхве Саул, ни избранник Яхве Давид не считают вышеозначенного *терафима* чем-то неподобающим.

Единственный запрет, который содержится в Десяти заповедях в том виде, в котором их приводит Яхвист, — это запрет «не делай себе богов литых» (Исх. 34:17).

Как мы только что видели, *литые боги*, т. е. вылитые из золота быки, стояли в Вефиле и Дане, в царстве Израиля.

В Первом храме в Иерусалиме, где жил автор Яхвиста, тоже стояли золотые крылатые быки — херувимы. Но они не были *литыми*. Они были вырезаны из дерева и обложены золотыми листьями (Исх. 25:18).

Таким образом, запрет Яхвиста на изготовление *литых статуй* удивительно удачно запрещает почитать золотых быков, которые стояли в конкурирующих Вефиле и Дане. Он признаёт их негодными к почитанию по причине способа их изготовления. Но он не запрещает почитания золотых крылатых быков, которые стояли в его родном городе^[26].

Другой текст, вошедший в состав Пятикнижия Моисея, — это Е, или Элохист. Он был написан приблизительно в одно время с Яхвистом — но в северном царстве Израиль. Его перспектива отражает политические и теологические интересы соперника Иудеи, Израиля.

К примеру, он мало озабочен патриархами, зато он интересуется Моисеем — главным героем царства Израиль.

Яхвист называется так потому, что в нем бог евреев с самого начала называется Яхве. Однако в Элохисте он называется Элохим до того момента, когда его встречает в горящем кусте Моисей. После этого он тоже начинает называться Яхве. Элохист придает огромное значение тому, что Моисей был первый человек, которому открылось настоящее имя бога. Помните?

«Являлся Я Аврааму, Исааку и Иакову с именем *Эль Шаддай*, а с именем *Яхве* я не открылся им» (Исх. 6:3).

Самый известный из правивших в Израиле родов — род царя Ахава — происходил из колена Ефремова. Поэтому в Элохисте Иаков, умирая, благословляет не Иуду, а младшего сына Иосифа, Ефрема (Быт. 48:14).

Элохист, в отличие от Яхвиста, ничего не знает о запрете на изготовление *литых богов*. Его вариант Десяти заповедей требует: «Не сотвори себе *песел*» (Исх. 20:4).

Песел — это не просто идол. Это резное изображение. Не исключено, что в раннем варианте Элохиста Господь запретил иметь *идолов резных*, подобных тем резным херувимам, которые стояли в Иерусалимском храме, и ничего не говорил о литых идолах, стоявших в Вефиле и Дане^[27].

Элохист содержит большое количество священных законов и написан жрецом. Судя по всему, этот жрец — потомок Моисея. Именно потомки Моисея были жрецами в северном Израиле. В частности, они были жрецами в Дане, где стояло то, что позднейшие монотеисты в полемическом задоре называют Золотой Телец и что в Псалмах называлось «Абир Иаков», т. е. Бык Иакова (Пс. 132:2)^[28].

Третий составной текст Торы — это Жреческий кодекс, или Р. Это первый полностью монотеистический текст, который имеется в составе Торы. О времени написания и авторах этого текста мы поговорим чуть позднее, а пока перейдем к четвертому тексту, который

никто не клеил и не разрезал. Этот четвертый текст есть Второзаконие, пятая, заключительная часть Торы.

Это единственная книга, о которой мы точно знаем, когда, где и даже кем она была написана. Она была написана в самом конце VII в. до н. э. при дворе праведного царя Иосии.

«Второзаконие» была та самая «древняя книга», которую первосвященник Хелкия и писец Шафан нашли в храме и принесли царю Иосии. Именно после обнаружения этой книги царь Иосия начал уничтожать идолов и казнить их жрецов.

В 1943 г. немецкий библеист Мартин Нот доказал, что все шесть следующих за Второзаконием книг — т. е. Иисуса Навина, Судей и четыре книги Царств — написаны тем же человеком или, по крайней мере, тем же авторским коллективом, который написал «Второзаконие». Все эти шесть книг сейчас носят название Девтерономической истории, а автор их часто называется «Девтерономистом».

Наш современник Ричард Эллиот Фридман считает, что Девтерономист — это единственный из соавторов Торы, который известен нам по имени. Это — не кто иной, как пророк Иеремия^[29].

При этом слово «пророк» по отношению к Иеремии не совсем справедливо. Ведь обычно под «пророком» мы понимаем вдохновенного богом босоногого одиночку в рубище. Что же касается Иеремии, то он был могущественным царедворцем и вождем той самой жреческой партии, которая и являлась главной движущей силой реформ Иосии. У него был свой писец — Барух. У него была власть.

Иеремию правильней сравнивать с персонажами типа Льва Троцкого или Мао Цзедуна. Иногда они были у власти, иногда теряли ее, иногда резали соперников, иногда сидели в тюрьме — но всегда были могущественными вождями влиятельных партий.

Если наш Девтерономист и вправду Иеремия, то мы легко можем понять, каким образом в одной из его книг пророк Ахия так удачно предсказал за 300 лет до разрушения вефильского жертвенника то, что жертвенник этот разрушит царь Иосия. Ведь Иеремия, собственно, и был тем человеком, приверженцы которого разрушили этот жертвенник и сожгли на нем кости его жрецов.

Мы также легко можем понять, почему Девтерономист уделяет такое внимание обнаружению «древней книги», вдохновившей царя

Иосию на борьбу за монотеизм. Ведь эту «древнюю книгу» написал он сам, равно как и он сам организовал ее очень удачную находку с помощью писца Шафана, чьи родственники были верными последователями Иеремии, и первосвященника Хилкии, носившего, по случайному совпадению, то же имя, которым звали отца Иеремии.

Если Иеремия и вправду написал или отредактировал все шесть книг Библии, повествующих об истории евреев с момента завоевания Ханаана и до разрушения Первого Храма, то понятно, какие проблемы это нам создает.

С одной стороны, конечно, этот человек жил очень давно. Девтерономист/Иеремия был современником многих описываемых им событий, а для описания других событий он пользовался почти современными им текстами.

Поэтому никак нельзя сказать, что он описывает миф. Напротив, многие из его текстов удивительно рациональны. К примеру, его история правления царя Давида не содержит упоминания ни о едином чуде. Это совершенно поразительная трезвость, которой не могли похвастаться даже римские историки, обожавшие начинать любую биографию с рассказов о знаках, предвестиях и чудесах.

Но, с другой стороны, очень многое из того, что он сообщает о древней еврейской истории, подозрительно совпадает с пропагандистскими интересами самого Иеремии, который был могущественным временщиком одного из иудейских царей — Иосии — и не менее могущественным противником четырех его преемников.

Это как если бы мы знали историю Европы со времени гибели Римской империи только в изложении Льва Троцкого. Нельзя сказать, что Лев Давыдович много врал бы о событиях, но его способ отбора событий и точка зрения были бы, мягко говоря, весьма пристрастны.

Это была бы не история. Это была бы пропаганда.

Можем ли мы как-то уточнить некоторые моменты в рассказе Девтерономиста, опираясь на его пропаганду, но — с учетом текстов соседних народов и данных археологии?

В общем-то, да.

Приход евреев в Ханаан

Первые оседлые поселения евреев на Ханаанском нагорье появляются внезапно и многочисленно около 1200 г. до н. э. Это очень небольшие поселения, на 50–100 человек. В них присутствует определенного типа керамика и отсутствуют алтари и свиные кости^[30].

В это же время на склоне горы Гебал — в том самом месте, о котором упоминает «Второзаконие», — на открытом воздухе возводится огромный алтарь, жертвы на котором приносятся в точном предписании с правилами кашрута^[31].

Почему так важна для нас эта дата — рубеж XII в. до н. э.?

Потому что это единственная дата, в которую мог состояться Исход. Если в истории евреев и существовало какое-то реальное событие, породившее легенду об Исходе, то оно могло произойти только в это время.

Почему для нас так важен алтарь на горе Гебал?

Потому что он подтверждает легенду об Исходе. На рубеже XII в. до н. э. в жизни кочевых евреев произошло какое-то событие, которое стало катализатором перехода к оседлости. И одновременно с этим событием они построили алтарь Яхве на горе Гебал. Очень возможно, что это событие было связано с репатриацией большой группы единоплеменников из Египта.

Если бы вера в Яхве была распространена у евреев и до этого, то они бы построили этот алтарь гораздо раньше: кочевые народы прекрасно строят алтари еще в кочевом состоянии.

Алтарь на горе Гебал — это наше важнейшее подтверждение существования Моисея. Это, в переводе с археологического, надпись: «Здесь был Иисус Навин».

Что мы можем сказать о Ханаане XIII в. до н. э.? Довольно много, потому что с 1270-х г. до н. э. Ханаан был провинцией Египта. Он был завоеван великим египетским фараоном Рамзесом II, поставившим рекорд Книги Гиннеса для Древнего Востока по длительности правления: Рамзес правил в течение 66 лет.

Покорение Ханаана, представлявшего собой тогда страну прибрежных городов и горных диких кочевников (преемник фараона

Рамзеса Мернептах называет этих кочевников «Израилем»), повлекло за собой обычные последствия: часть пленников превратилась в государственных рабов и отправилась делать кирпичи и строить пирамиды; часть хананеян отправилась делать карьеру при дворе метрополии, а часть оказалась на государственной службе в качестве союзнических войск — грозных отрядов 'апиру — египетского слова, от которого, как считается, и произошло слово «еврей».

Как это всегда бывает с пограничными варварами, 'апиру или грабили империю, или служили в ее войсках. В 1213 году Рамзес умер, вскоре после его смерти в Египте началась гражданская война, и отряды 'апиру играли в ней огромную роль.

Начальником этих отрядов и делателем фараонов некоторое время был выходец из Ханаана канцлер Бейя, он же Ра-мосес Ха-ментеру. Элемент «Ра-мосес» в его пышном имени, точно так же, как и в имени фараона Рамзеса, означал «сын Ра». Египетское «мсы» (ср. «мосес») вообще значит «отпрыск, сын».

Некоторое время Бейя/Мосес был так же могущественен, как германские короли при дворе последних римских императоров, или, или... как Моисей, которого Исход рисует высокопоставленным чиновником, усыновленным дочерью фараона. «Сириец, выскочка, стал вождем и захотел подчинить себе всю страну», — так рассказывает об этом времени потомок победителя гражданской войны, фараона Сетнахта^[32].

Мы отложим обсуждение увлекательной, даже фантастической биографии Моисея до другой книги, а пока лишь заметим, что не было бы ничего удивительного, если бы отряды 'апиру после поражения сбежали в фактически отделившийся Ханаан и если бы именно это событие послужило катализатором процесса оседания на землю их оставшихся в Ханаане соотечественников.

Не было бы также ничего удивительного в том, если бы руководивший этими войсками вождь консолидировал их вокруг культа Яхве, идентифицировав его с богом патриархов Эль Шаддаем.

Другое дело, что этот культ Яхве в том виде, в котором он существовал в XII–VIII вв. до н. э., имел очень мало общего с рафинированным монотеизмом Жреческого Документа и очень много общего с другими ханаанскими, и даже шире — семитскими религиями.

Религии Древнего Ханаана

Со времени Возрождения любой образованный европеец среди богов античного пантеона чувствовал себя как рыба в воде. Он слагал стихи на лире Аполлона, прославлял ратные подвиги Марса и восклицал: «Юпитер, ты сердисься, значит, ты неправ». Он даже болезни называл «венерическими». Он говорил о «танталовых муках» и «сизифовом труде».

Боги Древнего Ханаана не были частью европейского культурного багажа. Вы не найдете у европейских поэтов стихов о колеснице Шемеша или о борьбе Баала с Яммом. В лучшем случае европеец представлял себе ханаанскую религию как аналог эллинской — то есть как великое месиво божеств, почитание ручьев, нимф, деревьев, богозверей, без порядка, без смысла — настоящее броуновское движение богов, вечно меняющих имена и без каких-либо проблем идентифицирующихся со своими иноязычными аналогами.

На самом деле ханаанские боги — особенно если речь шла о богах кочевников — довольно сильно отличались от эллинских.

Во-первых, для древнего Ханаана был типичен культ Верховного Бога, Эля. Вера в Верховного Бога была одной из главных черт и семитской, и шумерской религии. В Шумере этот бог обозначался клинописным значком, что читалось как «Ан», а в семитском аккадском языке этот же самый значок читался как «эль/иль». «Эль» — это тот же корень, что в словах «Аллах», «Баал» и «Израиль».

Ханаанский Эль восседал на престоле, поддерживаемом крылатыми херувимами^[33]. У него была длинная борода и рога быка^[34]. Жилище его была гора и скиния собрания^[35]. Его эпитеты были «милостивый», «милосердный», «Творец» и «отец времени»^[36].

Он был «Судьей» и «Элем Завета»^[37]. Греки отождествляли Эля с Кроносом, в том числе и потому, что именно в жертву Элю приносили детей^[38].

Напомню, что в Ветхом Завете Бог часто называется «Эль», а чаще во множественном числе: «Элохим».

Кроме этого, для Ханаана был характерен культ *персонального бога народа*. Персональным богом моавитян был Камош (Числ. 21:29),

а филистимлян — Дагон (Судей. 16:23). Персональным богом эдомитян был некто Котзе, он же Кос или Кавс^[39]. В Вавилоне особенно почитали Мардука, а в городе Угарите — Баал Хадада, чаще известного как просто Баал: вообще же слово «баал» использовалось как имя нарицательное и, собственно, и означало «Господин», «Господь».

Персональный бог кочевых народов был *ревнивый* бог. Если в оседлых Риме и Греции чужих богов легко ассоциировали со своими, то у кочевников — наоборот. Персональный бог народа всегда требовал уничтожать своих братьев. Он требовал от подвластного ему народа творить *херем*. *Херем* был общесемитским понятием. На стеле моавитского царя Меша, высеченной в VIII в., Меша хвастается тем, что он уничтожил евреев и сделал их *херемом* своему богу Камошу. А в другой надписи того же времени царь Сабейского царства в Южной Аравии хвастается городами, преданными *херему* во имя бога Эль-Макаха, он же Баал Аваэль, т. е. Господь козлов^[40].

Народ всегда был должен поклоняться своему богу. Поклоняться чужим богам было запрещено, точно так же как американскому военному служащему запрещено, к примеру, слушаться чужого, а не американского президента. Но это не значило, что народ не признавал существования других богов: он лишь считал поклонение им актом измены. Этот тезис предельно ясно сформулировал еще в конце XIX в. Юлиус Велльгаузен: «Моав, Аммон и Едом, ближайшие родственники и соседи Израиля, были монотеистами ровно в том смысле слова, в каком им был в этот момент Израиль»^[41].

Чем Персональный Бог народа заслуживал свое высокое положение? Тем же, чем и земной владыка — то есть победами над врагами. Персональный бог народа был обыкновенно Богом Грозы и Победителем Водяного Чудовища. Он являлся с Небесным Воинством на облаках.

Самый известный ханаанский текст, найденный при раскопках в ханаанском городе Угарите, — это как раз текст о борьбе Бога Грозы, «наездника облаков» Баала с Морским Чудовищем по имени Ямм.

Миф о Победе над Чудовищем всегда имел важное политическое измерение, потому что с возникновением царской власти царь того или иного города неизменно ассоциировался с богом Грозы —

победителем чудовища (Баалом, Хададом или Мардуком), а его противники — с самим чудовищем.

«Когда ты [Зимри-Лим] воссел на трон отца своего, я дал тебе оружие, с которым я сражался против Моря (тамтум)», — так писал пророк по имени Нур-син царю Мари Зимри-Лиму от имени бога Баала Хадада^[42].

Какие отношения связывали Всевышнего и Персонального бога того или иного народа — Баала, Камоша, Яхве?

Несколько упрощая, можно сказать, что персональные боги народов были Сынами Эля от его супруги — Ашеры/Атират/Астарты. В угаритском цикле Баала Госпожа Атират именуется матерью семидесяти богов, которые, видимо, были персональными богами семидесяти народов^[43]. Эти боги составляли *совет богов* — еще одно важнейшее для Ханаана понятие.

Несколько уточняя, можно сказать, что Победитель Чудовища и Персональный Бог народа выступал как Преемник Эля, как новый глава Совета Богов, оттеснивший прародителя на обочину истории, а иногда даже отбивший у него Ашеру.

Угаритский Баал, победитель Чудовища Ямма, именовался то сыном Эля, то сыном Дагана. Вавилонский Бог Грозы Мардук, победитель Тиамат, был наследник (но не сын) Ана. А хурритский Бог Грозы Тешуб был сыном сразу двух богов в результате удивительного события: бог Кумарби боролся с Верховным богом Ану и в процессе откусил его член и забеременел. От этого космического соития, несколько напоминающего брачные обычаи богомоллов, и родился Тешуб, победитель чудовища Улликумми.

Религия Древнего Израиля

Чем первоначальный яхвизм — то есть почитание евреями бога Яхве — отличался от религий их ближайших родственников?

Если коротко, то ничем.

Представление о Яхве как о Персональном Боге евреев сохранилось во многих местах Библии. Так, пророк Михей утверждал, что «все народы ходят, каждый во имя своего бога» (Мих. 4:5). В Книге Судей израильтяне говорят Сигону, царю аморейскому: «Не владеешь ли ты тем, что дал тебе Камощ, бог твой? И мы владеем всем тем, что дал нам в наследие Господь Бог наш» (Судей. 11:24).

Как и другие Персональные Боги народа, Яхве первоначально, видимо, был сыном Всевышнего и членом совета богов.

Одно из самых поразительных тому подтверждений содержится в т. н. «Песне Моисея» — древнем гимне, вошедшем в состав «Второзакония». В своей ранней редакции этот гимн прямо утверждал, что количество народов в мире равно количеству богов, и что Яхве, Господь евреев, есть Сын Эля:

«Когда Всевышний (Элион) давал уделы народам и расселял сынов человеческих, тогда поставил пределы народов *по числу сынов Эля*, ибо часть Господа народ Его, Иаков наследственный удел Его» (Втор. 32:8)^[44].

Это утверждение настолько противоречило позднему монотеизму, что уже после I в. н. э. словосочетание «сыны Эля» было поправлено на бессмысленное «Сыны Израэля».

Как и все персональные боги-победители Чудовищ, Яхве был Богом Грозы. Он являлся с небесным воинством на облаках. «Наклонил он небеса и сошел... и воссел на херувимов, и полетел, и понесся на крыльях ветра» (4 Цар. 23:10–11).

Была у Яхве и женская половина, Ашера^[45].

Многочисленные рисунки, найденные в Кунтиллет Аржуд и Кирбет-эль-Хоме, изображают «Яхве и его ашеру»^[46]. Ашера почиталась патриархами в виде священных роц: «И насадил Авраам при Вирсавии роцу и призвал там имя Господа, Бога вечного» (Быт. 21:33) или в виде деревьев при алтаре (Судей. 6:25).

Женщины ткали для этих деревьев одеяния, то есть пестрые полоски ткани (4 Цар. 23:7). Крошечные фигурки Ашеры, датируемые X–VI вв. до н. э., находятся по всей территории Израиля. Несколько сотен их найдены в двух пещерах-святилищах, расположенных в трехстах метрах от Первого Храма^[47].

Древние евреи почитали также и *совет богов* (он же — Совет Святых или Великий Совет), в котором председательствует Господь. Книга Иова начинается со сцены в *совете богов*, а 81-й Псалом — со слов: «Бог встал в *совете богов*; среди богов произнес суд» (Пс. 82:1)^[48]. Псалом 89 утверждает, что Яхве — самый сильный бог в совете богов. «Кто между сынами Божиими уподобится Господу? Страшен Бог в великом сонме святых» (Пс. 89:7–9)^[49].

Как у всякого уважающего себя Бога Грозы, у Яхве была своя свита. Эта свита была Небесное Воинство. Это воинство видел пророк Михей: «Я видел Господа, сидящего на престоле Своем, и всё *воинство небесное* стояло при Нем, по правую и по левую руку Его» (3 Цар. 22:19).

Это Небесное Воинство видел пророк Елисей: «И открыл Господь глаза слуге, и он увидел, и вот, вся гора наполнена конями и колесницами огненными кругом Елисея» (3 Цар. 6:17).

Эти огненные кони были те самые кони, которые и составляли войско Яхве: «Колесниц Божиих тьмы, тысячи тысяч; среди их Господь на Синае, во святилище» (Пс. 68:18)^[50].

Это *небесное воинство* было такой важной составляющей мощи Бога Грозы Яхве, что даже в период победившего монотеизма его устойчивый эпитет был «Яхве Цеваот», то есть «Господь Войск», что и дало в итоге искаженное «Господь Саваоф».

Предводитель этого Воинства явился к Иисусу Навину во время завоевания Земли Обетованной (Нав. 5:14) и имел с ним долгий и, вероятно, цензурированный впоследствии разговор. Звезды, члены этого воинства, сражались с Сисарою (Судей. 5:20).

В число членов этого воинства, вероятно, входил даже бог Солнца — Шемеш. Во всяком случае, уже в эпоху Судей в Израиле жил вождь по имени Самсон/Шимшон. Он появился на свет в результате чудесного зачатия и обладал огромными размерами, как и великаны, зачатые *сынами божьими* (Быт. 6:4). Место, в котором он родился,

называлось Бейт Шемеш, потому что в нем стоял храм бога Солнца, Шемеша^[51].

Иначе говоря, в оригинале Шимшон был сыном Шемеша, и в этом не было ничего несовместимого с культом Яхве — ведь солнце/Шемеш слушался Яхве и даже по просьбе Иисуса Навина остановился над долиною Гаваонскою, точно так же, как звезды послушались пророчицу Девору и по ее просьбе сражались с Сисарою.

Евреи еще со времени Моисея несомненно поклонялись Господу Войск, Яхве. Это поклонение было системообразующим для нации. Кто поклонялся Яхве, был евреем. Кто поклонялся Кемошу или Дагону, евреем не был. Но это поклонение имело совершенно другой характер, нежели позднейший рафинированный монотеизм Жреческого Документа, запрещавшего Небесное Воинство, Ашеру и даже *высоты*.

Мы можем представить себе тогдашний Иерусалим — небольшой еще, но пестрый и многобожный город.

В этом городе на горе Сион стоял храм Яхве, построенный Соломоном. Перед входом в этот храм стояли *кони Солнца* (4 Цар. 23:11), а в самом храме стоял изваянный Моисеем бронзовый змей Нехуштан (4 Цар. 18:4).

Строители этого храма ничего не знали о запрете на изображения. В храме стояли «двенадцать медных волов» (Иер. 52:20), а стены его украшали «всякие изображения пресмыкающихся и нечистых животных и всякие идола дома Израилева, написанные по стенам кругом» (Иез. 8:10).

Посередине храма стоял престол Господа в виде «колесницы с золотыми херувимами, распростирающими крылья и покрывающими ковчег завета Господня» (1 Пар. 28:18), и на этот престол во время коронации и воссел царь Соломон (1 Пар. 29:23).

В этом храме стоял идол, который возбуждал ревность Яхве (Иез. 8:3) — то есть статуя или Ашеры, или самого Яхве. Более восьмидесяти стихов из Псалмов упоминают лицо самого Яхве, то есть лицо его статуи^[52]. Именно перед это лицо «трижды в год» требует являться один из вариантов Десяти заповедей. Заметим, что он не требует являться во храм, или к скинии, или в место собрания. Он требует являться именно *перед лицом Яхве* — то есть к тому месту, где стояла статуя Яхве.

Напротив горы Сион, на горе Елеонской, стоял храм Ашере (4 Цар. 23:13). Девтерономист называет Ашеру «мерзостью Сидонской» и утверждает, что этот храм был возведен из-за чужеземных жен Соломона. Но, скорее всего, это был храм супруги или матери Яхве. Точно такие же два парных храма — один храм Яхве на острове Элефантине, а другой — Царицы Неба на противоположном берегу Нила — построил спустя три века в Египте отправленный туда еврейский гарнизон^[53].

Храм Ашере на Елеонской горе был построен в рамках обширной девелоперской программы Соломона, превращавшего заштатный горный городишко в свою столицу, и эта программа так впечатлила современников, что впоследствии они сложили легенду о том, что храм Соломону строили подчиненные ему духи, которыми он повелевал, будучи могучим чародеем.

Этот город был полон богов, и своих, и чужих. В этом городе пророки пророчествовали во имя Баала (Иер. 2:8), а женщины плакали по Таммузе (Иез. 8:14). Его обитатели молились «на всяком высоком холме и под всяким ветвистым деревом» (Иер. 2:20). Они кадили на кровлях всех домов воинству небесному (Иер. 19:13), кланялись Солнцу (Иез. 8:16) и подносили ветви к носам своим (Иез. 8:17). Дети в этом городе собирали дрова, и женщины месили тесто для того, чтобы делать пирожки для богини неба (Иер. 7:18).

«Сколько у тебя городов, столько и богов у тебя, Иуда, и сколько улиц в Иерусалиме, столько вы наставили жертвенников постыдному, жертвенников для каждения Баалу» (Иер. 11:13) — восклицал еще в начале VI в. до н. э. рассерженный Иеремия.

Два верования, важных для нашего рассказа, мы хотели бы выделить особо.

Борьба бога Грозы с чудовищем

Одна из важнейших особенностей Торы — это полное отсутствие у Яхве космических противников. Это обстоятельство кардинально отличает космологию и теогонию Библии от космологии и теогонии всего остального Древнего Ближнего Востока.

Во всех остальных шумерских и семитских космогониях бог сотворяет мир, уничтожая водяное чудовище, олицетворение хаоса. Мардук в Вавилоне уничтожает Тиамат, а ближайший родственник Яхве угаритский Баал побеждает водяное чудовище Ямма, Бога моря (*ямм*), Господа реки (*нахар*).

Но Яхве не уничтожает своих соперников. У него их просто нет. Книга Бытия начинается текстом о том, что без всякого конфликта со хтоническими чудовищами Бог, носящийся над бездной (*техом*) и водой (*ямм*), создает мир одним словом.

Это-то и делает иудаизм — монотеизмом.

Собственно, всё это было бы прекрасно, если бы в других местах Торы Яхве, так же как Мардук или Баал, не представал истребителем чудовищ^[54].

Пророк Исайя призывает: «Восстань, восстань, облекись крепостью, мышца Господня! Восстань, как в дни древние, в роды давние! Не ты ли сразила Раава, поразила *Таннин*? Не ты ли иссушила море (*ямм*), поразила воды великой бездны (*техом*)?» (Исаи. 51:9–10).

Здесь уже никак не скажешь, что Раав и Таннин (дракон) — это просто стихии.

Точно так же 74-й Псалом гласит:

«Ты расторг силою Твоею Ямма, Ты сокрушил головы *Таннин* воды; Ты сокрушил голову Левиафана, отдал его в пищу людям пустыни» (Пс. 74:13–14)^[55].

Означает ли в этом Псалме «ямм» — просто море, или для его древнего автора Ямм, как и Таннин и Левиафан, был не просто морем, но и морским чудовищем?

«Разве я Ямм или Таннин, что Ты поставил надо мною стражу?» (Иов. 7:12) — причитает Иов.

«В тот день поразит Господь мечом Своим тяжелым, и большим и крепким, Левиафана, змея ускользящего, и Левиафана, змея изгибающегося, и убьет Дракона Морского», — обещает Исая (Исаи. 27:1).

Все эти тексты идентифицируют Яхве с богом Бури, который приходит на облаках и поражает водяное чудовище. Другие тексты идентифицируют с этими чудовищами врагов Израиля, а борьбу с этими врагами, соответственно, возводят в ранг сотворения мира. К примеру, у Исая Египет называется «Раав» (Исаи. 30:7), а у Иезекииля — «Танним» (Иез. 29:3).

«Говори и скажи: так говорит Господь Бог: вот Я — на тебя, фараон, царь Египетский, Танним, который, лежа среди рек своих, говорит: „моя река, и я создал ее для себя“» (Иез. 29:3).

Таннин/Танним, который переводится в синодальном переводе то как «крокодил», то как «дракон» — это близкий языковой родственник той самой Тиамат, которую разрубил Мардук, и той самой *техом*, бездны, которая упоминается в начале Книги Бытия.

Вода, *ямм*, над которой кружит Дух Божий — это то самое водяное чудовище Ямм/Нахар, которого убивает угаритский Баал и победу над которым Бог обещает царю из рода Давидова: «И положу я на Ямм руку его, и на Нахар — десницу его» (Пс. 89:25)^[56].

А семиглавый змей Левиатан/Лотан не просто упоминается в угаритских текстах в качестве одного из противников Баала. Он даже описывается в них той же самой ритуальной формулой, как у Исая, включая угаритское словечко «изгибающийся» (*калатон*), которого нет ни в одном другом тексте Ветхого Завета^[57].

Надо полагать, что история борьбы Господа и его воплощения, Царя, с хтоническими чудовищами — Танним/Ямм/Нахар — была хорошо известна многим авторам Библии, коли они позволяли себе такие сравнения.

Для нас же особенно важно, что в семитских мифологиях функция борьбы с Чудовищем неизменно была закреплена за Молодым Богом. Баал, победитель Ямма, был сын Эля. Тешуб, победитель Улликумми, был сын Ану. Сам Эль, Отец Дней, никогда не побеждал Чудовище и никогда не сражался со Смертью.

Это делал его Молодой Сын.

Лицезрение Бога

Вторая важная для нас теологическая идея — это идея лицезрения бога.

Позднейший монотеизм строго-настрога запрещал видеть бога *лицом к лицу*. Жреческий Кодекс даже рассказывает нам по этому поводу большую историю про Моисея.

Когда Моисей поднялся на гору Синай и получил там от Господа каменные скрижали, он, рассказывает Жреческий Кодекс, пожелал увидеть лицо Господа. Однако тот сказал, что это невозможно.

«Лица Моего не можно тебе увидеть, потому что человек не может увидеть Меня и остаться в живых» (Исх. 33:20), — сказал Моисею Яхве.

Однако Моисей так настаивал на своем желании повидать бога, что обе стороны решились на эксперимент. Бог поставил Моисея в расселине скалы и прикрыл его рукой. После этого перед Моисеем прошла Слава Господа. Моисей видел эту Славу только сзади. Однако и этого хватило, чтобы лицо Моисея начало сиять (Исх. 34:29).

Это положение Жреческого Кодекса станет краеугольным положением ортодоксального иудаизма. Бог трансцендентен и непостижим. Человеку невозможно увидеть лицо Господа и остаться в живых.

Однако Элохист — наш более ранний источник — совершенно не осведомлен об этом запрете. Он утверждает, что Моисей взошел на гору и увидел Господа. Более того, он утверждает, что вместе с Моисеем на гору взошли семьдесят старейшин Израиля! Они тоже видели бога, и более того — они пообедали с ним! «Они видели Бога, и ели и пили» (Исх. 24:9–11).

Эта северная практика лицезрения бога, и тем более участия на пиру в совете богов, вероятно, имела прямое отношение к еще одному важнейшему для Элохиста понятию: *святости*. Те, кто видел бога, становились святыми, *кедошим*, и, наоборот, только *кедошим* могли видеть бога. «Освятитесь и будьте святы, ибо и я свят» (Лев. 11:44). В Элохисте *святым* называется весь еврейский народ: «Вы будете у меня царством священников и народом святым» (Исх. 19:6).

Почему Жрецу было так важно заявить, что Моисей не видел бога?

Ответ на этот вопрос дает нам египетская традиция, развивавшаяся вдали от всеподавляющей теологии Второго Храма.

В рамках этой традиции современник Иисуса Христа Филон Александрийский называл Моисея *богом*. Более того, Филон утверждал, что Моисей стал богом в тот момент, *когда увидел Бога, и потому, что увидел Бога*. Он стал богом потому, что совершил акт *гнозиса* — т. е. познал Бога.

«Он был назван Богом и Царем всего народа. И он, как говорят, вошел во тьму, где был Бог, то есть в бесформенное и невидимое и безвещное прасуществование существующих вещей, *познав* вещи, невидимые смертному существу»^[58].

Такое представление о Моисее вовсе не было личным мнением самого Филона. Оно было широко распространено среди египетских евреев. Оно даже нашло свое отражение в написанной на потребу публике светской пьесе Езекииля Драматурга — единственного дошедшего до нас иудейского драматурга, писавшего на греческом языке пьесы по образцу Софокла и Еврипида.

В пьесе Езекииля «Исход» момент Преображения Моисея в бога является кульминацией всей пьесы: Моисей поднимается на гору Синай, и Бог уступает ему свой престол:

«И на вершине я горы узрел
Великий трон, достигший небосвода,
И мужа с благороднейшим лицом
Увенчанного царскою короной; и десницей
Он поманил меня; я встал перед престолом.
Он мне вручил свой скипетр и венец,
И попросил меня занять престол,
С которого поднялся. Я воззрел
На мира круг широкий, и под ним
на землю, и на небосвод над нею.
Затем у ног моих тьмы звезд
Паденье начали, и я их сосчитал...»^[59]

Позднейшее христианство утверждало, что в иудаизме бог не мог воплощаться в человеке.

Тот факт, что бог мог быть человеком, утверждали христиане, есть уникальное ноу-хау христианства, которого ограниченные евреи не смогли понять. Это — грань в познании Бога, которую они не смогли перейти. И вот выясняется, что для египетских евреев человек мог-таки стать богом! Причем эта традиция у египетских евреев была связана вовсе не с их эллинизмом. Наоборот, это была часть их традиционных представлений, восходивших к древнейшей части Горы, Элохисту, в которой люди «видели бога, и ели и пили».

В ходе монотеистической реформы потомки Аарона наложили категорическое вето на традицию, согласно которой обычный человек мог видеть Бога и в процессе этого становиться богом. Они даже переименовали человека, который назывался *прозорливцем*, то есть умел видеть бога, в *пророка*, который только слышал его. «Ибо тот, кого называют ныне пророком, раньше назывался прозорливцем» (1 Цар. 9:9).

Тем удивительней, что в Библии, помимо Моисея, сохранился еще один персонаж, который прямо именовался Сыном Яхве или его воплощением, самим Господом на нашей грешной земле. Этот Господь был не кто иной, как царь из рода Давидова.

Именно так он называется во Второй книге Царств, где Яхве обещает царю Давиду: «Я утвержу престол царства его на веки. Я буду Ему Отцом, и он будет Мне Сыном» (2 Цар. 7:13–14).

В Псалтири о таком царе говорится: «Господь сказал Мне: Ты Сын Мой; Я ныне родил Тебя, Проси у Меня, и дам народы в наследие Тебе и пределы земли во владение Тебе. Ты поразишь их жезлом железным; сокрушишь их, как сосуд горшечника» (Пс. 2:7–9).

Фраза «Я ныне родил тебя», вероятно, относится к церемонии миропомазания, которая совершалась во время коронации. Именно в этот момент, скорее всего, звучал этот гимн, и, таким образом, сыновние взаимоотношения царя Израиля и Яхве возникали в момент помазания царя на царство.

Это помазание превращало царя в Помазанника или, по-древнееврейски, в Машияха, Мессию, в голос Яхве, его слово, сосуд, через который говорит сам Бог: «Дух Господень говорит во мне, и слово Его на языке у меня» (2 Цар. 23:2).

Этот смертный царь стоял так высоко, что иногда сам именовался богом и Господом, земным отражением и образом Всевышнего: Этот царь садился в Храме на Господний Престол (1 Пар. 29:23), и люди поклонялись при этом Господу Царю^[60].

«Сказал Господь Господу моему: седи одесную Меня, доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих» (Пс. 110:1)^[61]. «Престол твой, Боже (элохим), вовек... помазал тебя, Боже, Бог Твой елеем радости» (Пс. 45:7–8)^[62].

Словом, мы видим в этих описаниях хорошо узнаваемую фигуру священного царя, — земной ипостаси бога, царя, чье правление породит мир, любовь и изобилие на земле, царя, который поражает своих врагов, как бог поражает хтонических чудовищ. Этот царь взошел к Яхве во время коронации, сев на престол во Храме, и, наоборот, Яхве снизошел в этого царя во время коронации, этот царь есть ипостась Яхве, его образ и сам Яхве.

«Ибо Младенец родился нам — Сын дан нам; владычество на раменах Его, и нарекут имя Ему: Чудный, Советник, *Бог крепкий*, Отец вечности, Князь мира, Умножению владычества Его и мира нет предела на престоле Давида и в царстве его» (Исаи. 9:6–7).

Глава 3

Монотеистическая реформа VIII– VII вв. до н.э

Израиль и Иудея

Как мы уже говорили, нашим главным источником по истории евреев до разрушения Первого Храма является Девтерономист/Иеремия, то есть предводитель могущественной теократической партии, ставленником которой (если не марионеткой) был царь Иосия из дома Давидова.

Немудрено, что он описывает историю евреев так, как она была выгодна для пропаганды Иудеи. Из двух еврейских царств — Иудеи на юге и Израиля на севере — именно Иудея изображается им как главное.

В Иудее был расположен Иерусалимский храм, который, согласно Девтерономисту, был единственным легитимным местом поклонения Яхве. Ее цари вели свой род от Давида, который, по утверждению Девтерономиста, правил обоими царствами, и именно цари Иудеи периодически удостоиваются от Девтерономиста похвалы за то, что они «делали правильное в глазах Господа».

Наоборот, все израильские цари для Девтерономиста — длинная череда узурпаторов, идолопоклонников и изменников. Они откололись от дома Давидова, поставили Золотых Тельцов в Вефиле и Дане, поклонялись Баалу и вообще делали неправильное в глазах Господа.

Особенно достается от Девтерономиста нечестивому царю Израиля Ахаву. Этот Ахав женился на финикийской принцессе Иезавели, которая кормила от стола своего «четыреста пятьдесят пророков Баала и четыреста пророков Ашеры», пытался ввести в Израиле культ Баала и отобрал у несчастного Навуфея его виноградник. За всё это пророк Илия, устами которого говорил Господь, предсказал, что дом Ахава будет истреблен совершенно и что псы будут лизать кровь Иезавели на том самом месте, где была пролита кровь Навуфея (3 Цар. 21:19).

Именно царствование Давида и Соломона описывается Девтерономистом как золотой век соединенных Израиля и Иудеи.

Поэтому, когда в середине 1920-х годов археологи из Чикагского университета раскопали в Мегиддо гигантский дворец, сложенный из тесаного камня, они сразу решили, что нашли дворец царя Соломона,

тем более что Девтерономист прямо приписывает строительство Мегиддо, а также Хацора и Гезера именно Соломону (3 Цар. 9:15).

Однако, как доказал один из величайших археологов XX в. Израэль Финкельштейн, дворец в Мегиддо был построен во время нечестивого Ахава. Тогда же были построены Хацор и Самария, столица Ахава^[63].

Это были поистине необыкновенные инженерные сооружения. Все они были сооружены на гигантских искусственных платформах. Господствующие над местностью высоты и в Самарии, и в Мегиддо, и в Хацоре укреплялись стеной из полых каменных казематов, а получившееся пространство затем заваливалось камнями и землей, создавая огромную строительную площадку. Такое строительство должно было сопровождаться повальной национализацией окружающих лачуг, и мы легко понимаем, откуда взялась история про несчастного Навуфея и его виноградник.

Другой особенностью дворцов были фантастические водяные туннели: в Хацоре вертикальный тридцатиметровый тоннель, пробитый прямо в толще скалы, вел к наклонной двадцатипятиметровой шахте, в конце которой находился источник. Такая система водоснабжения позволяла городу выдерживать любую осаду.

Археология полностью опровергает всё, о чем сообщает нам Девтерономист. Творцами первого развитого еврейского государства с развитой бюрократией, письменностью и дворцами был не дом Давида, правивший в южной Иудее, а дом Омри (Амврия), правивший в северном Израиле, утверждает Финкельштейн^[64].

Более того, это политическое развитие было естественным следствием географии. Иудейское царство располагалось в засушливых неплодородных горах, в труднодоступных местностях, где сельское хозяйство зависело от непредсказуемых зимних дождей.

Напротив, северный Израиль после разрушительного похода фараона Шешонка стал гегемоном над бывшими ханаанскими городами и плодороднейшими долинами; это было мультикультурное, процветающее, искушенное государство, имевшее к VIII в. до н. э. население около 350 тыс. человек — на тот момент это самая большая плотность населения на Ближнем Востоке.

Такое процветание было связано в первую очередь с тем, что цари из дома Омри переняли власть над существующим ханаанским населением, находящимся на значительно более высоком уровне культуры, и не стали уничтожать его. Женитьба Ахава на дочери могущественного царя Тира и была признанием нового высокого международного статуса царства Израиля. Всё то, что Девтерономист считает преступлениями Ахава, на самом деле было его колоссальным достижением.

Население южной Иудеи в то время было на порядок меньше, и мы не видим никаких археологических следов строительных достижений Давида и Соломона. В то время, как цари из рода Омри строили свои фантастические дворцы, Иерусалим был не больше чем типичной горной деревней^[65].

Давид и Соломон, несомненно, существовали, но даже если они и притязали когда-то на власть над всеми евреями, то власть эта была достаточно рудиментарной. В противном случае Давид вряд ли избрал бы своей столицей горный Иерусалим, который годился скорее на роль разбойничьей крепости, нежели на роль могучей столицы могучего царства.

На момент завоевания его Давидом Иерусалим был никому не известным городком, чья подпорченная иевусеями репутация резко контрастировала с действительно древнейшими религиозными и культурными центрами евреев — Сихемом, Вефилем и Силомом.

Реформы Езекии

Итак, по состоянию на VIII в. до н. э. северный Израиль был куда могущественней и богаче южной Иудеи.

Оба царства, разумеется, поклонялись Яхве; всякие попытки отступничества от Яхве жестоко карались, и когда царь Ахав вознамерился интродуцировать в Израиль культ Баала (по-видимому, Баал Хадада), ответом ему было яхвистское восстание во главе с пророком Илией.

Но это поклонение Яхве строилось принципиально на других основаниях. Оно включало в себя поклонение Яхве и его ашере; оно не знало запрета на изображения, зато знало *небесное войско* и *совет богов*, оно предусматривало роци, идолы, столбы и высоты. Оно включало в себя культ царя как сына и воплощения Яхве и культ могущественных волшебников, которые, подобно пророку Илии, умели насылать засуху и огонь и даже возноситься живьем на небо. Не исключено, что эти волшебники умели видеть Яхве лицом к лицу и в результате этого сами становились сверхъестественными существами.

При этом оба царства резко различались экономически.

Когда богатые и процветающие цари Израиля из дома Омрия строили свои фантастические города — с насыпными террасами, шестикамерными воротами, искусной системой водоводов, пронзающих толщи скал, — Иерусалим оставался заштатным городишком, бедной столицей глубоко отсталой Иудеи.

Это процветание и погубило Израиль. В VIII в. до н. э. могущественнейшей державой Ближнего Востока была Ассирия. Как и все остальные ближневосточные державы со времен Саргона, Ассирия практиковала то, что можно называть политикой контролируемого геноцида. Любое царство, оказавшееся в зоне ее геополитического влияния, либо становилось данником, либо подвергалось тотальному разграблению: города уничтожались, а население — ремесленники, ткачи, каменотесы — все, кто мог пригодиться в качестве государственных рабов, вывозились в метрополию (кроме, разумеется, тех, кто помрет по дороге).

В 722 г. до н. э. подобная участь постигла и Израиль; отсталая Иудея, которой тогда правил царь Езекия, избегла уничтожения в первую очередь благодаря своей инвестиционной непривлекательности. Война против Иудеи попросту не окупалась.

После разорения Израиля население Иудеи в течение короткого времени возросло в разы. Население Иерусалима, до этого колебавшееся в пределе двадцати-тридцати тысяч, вдруг выросло до 120 тыс. человек. В нем вдруг появились искусные ремесленники и горные мастера, способные выбить в толще камня такие же водоводы, как были выбиты в северных Самарии и Мегиддо. Крошечный городишко Лахис превратился в крупный административный центр, окруженный мощной стеной. Количество поселений любого типа в Иудее выросло на порядок и перевалило за три сотни^[66].

Откуда взялось всё это население?

Израэль Финкельштейн справедливо предполагает, что это были беженцы из Израиля, и вместе с собой они принесли невиданный взлет ВВП, популяционное давление и страшную ненависть отчаявшихся людей, которые видели, как на их глазах чужаки жгут их города и разбивают головы младенцев о камни.

Царь Езекия должен был выбирать: покориться ассирийцам или бросить им вызов, и этот вызов означал капитальную реорганизацию его патриархального и крошечного государства. Он означал невиданную централизацию сил и невиданное напряжение ресурсов.

Никогда еще царь Иудеи не тратил столько ресурсов на войну; никогда он еще не делал это так централизованно. Именно в этот момент по всему царству появляются гигантские кладовые: кувшины, стоящие в них, запечатаны личной печатью Езекии: скарабеем и краткой надписью lmlk, т. е. «принадлежит царю»^[67]. Иерусалим был обведен новой стеной; в скале был пробит водовод, позволяющий расположенному за городом источнику Гихон изливаться в подземный Силоамский пруд. Работы велись с таким искусством, что две бригады мастеров, прорубавшие тоннель в известняке, вышли почти навстречу друг другу, а разница уровней между источником и прудом составила всего тридцать сантиметров.

Параллельно с военной централизацией происходила централизация религиозная. Иерусалимский Храм был объявлен единственным местом, где можно приносить жертвы Яхве. Царь

послал к Ефрему и Манассии (то есть в павший Израиль) гонцов с приглашением отпраздновать Пасху в Иерусалиме, и многие отчаявшиеся, оголодавшие мужчины, оставшиеся без земли и семьи, с удовольствием приняли его предложения.

Для этих людей был устроен роскошный пир. Для них зарезали две тысячи тельцов и двадцать тысяч мелкого скота. По окончании этого пира его участники пошли «в города иудейские и разбили статуи, срубили посвященные деревья и разрушили высоты и жертвенники во всей Иудее и в земле Вениаминовой, Ефремовой и Манассиной» (2 Пар. 31:1).

Иначе говоря, Езекия собрал со всех концов земли отчаявшихся и обремененных беженцев, накормил их до отвала и сформировал из них ударный отряд хунвейбинов, которые разнесли для него нецентрализованные алтари.

Это и была первая отпразднованная в Иерусалиме Пасха, объявленная, разумеется, восстановлением древнего обычая (2 Пар. 30:26).

Централизация государства через централизацию религиозного культа была первой важнейшей частью реформы Езекии.

Второй важнейшей частью этой реформы стало создание священнической бюрократии. Доселе жертвы Яхве приносили где угодно и кто угодно. В Давидовы времена жертвы приносили потомки Моисея. В Вефиле, вероятно, жрецы не были даже левиты^[68]. В Библии жертвы Господу приносят, в частности, Авраам, Моисей, Самуил, Саул, сын Давида Авессалом и пророк Илия Фесвитянин, о которых мы точно можем быть уверены, что они не являлись потомками Аарона.

Однако в Иерусалимском храме жертвы Господу приносили именно потомки Аарона. Теперь, после того как Езекия предписал приносить жертвы только в храме, они автоматически получили на них монополию, в связи с чем их материальное положение сильно улучшилось. «С того времени, как начали носить приношения в дом Господень, мы ели досыта» (2 Пар. 31:10), — заявил Езекии священник Азария.

Одним изящным бюрократическим маневром царь Езекия создал влиятельную группу интересов, доход которой и, главное, статус зависели именно от централизации культа Яхве.

Эта группа интересов испытывала немалую конкуренцию со стороны других бежавших в Иудею жрецов Яхве, и эта конкуренция была запрещена Езекией официально.

Он разделил потомков колена Левиева, к которому относились и Моисей, и его брат Аарон, на *коэнов* (священников) и простых левитов. Он закрепил монополию на приношение жертв Яхве за одними только *коэнами* — потомками Аарона. Все остальные потомки колена Левиева превратились из жрецов в храмовую службу. Они имели право рубить дрова, мыть полы и петь в хоре. Езекия составил списки коэнов и левитов «со всеми малолетними их, с женами их и с сыновьями их и с дочерьми их» (2 Пар. 31:18).

Потомки Аарона, которые еще недавно были вынуждены конкурировать на рынке ритуальных услуг с великим множеством местечек, богов и богинь, вдруг оказались обладателями монополии. Потомки Моисея, лишившиеся святилища в Дане после ассирийского завоевания, должны были или жить впроголодь, или идти по спискам в левиты и получать пособие от царя в обмен на поддержку его курса.

Что еще сделал царь Езекия, первостроитель тоталитарного монотеизма?

Он сделал еще одну очень важную вещь.

Он заказал (или благословил) написание Р — Жреческого Кодекса.

Priestercodex

Автор данной книги прекрасно осведомлен о спорах, касающихся даты написания Жреческого Кодекса. Большая часть современных ученых, включая отца-основателя Документарной Гипотезы Юлиуса Велльгаузена, считает, что Р есть самая поздняя составная часть Торы, написанная не раньше V века до н. э., уже во время вавилонского плена.

Однако небольшое, но влиятельное меньшинство, включающее в себя, в частности, Иезекииля Кауфмана и лучшего библеиста современности Ричарда Эллиота Фридмана, считает, что Р был написан гораздо раньше, во время царя Езекии.

Собственно, это был программный документ, в соответствии с которым и осуществлялись реформы.

Жреческий Кодекс — это самый ультрамонотеистический документ в составе Торы. Это жрец рассказывает историю о сотворении мира, согласно которой Господь сотворил мир одним словом. В картине мира Жреца у Господа нет не только космических соперников, но даже помощников. В Жреческом Кодексе нет даже ангелов! В нем нет говорящих животных и вещей снов. В нем даже нет пророков, за исключением Аарона^[69]. Его Бог всемирен, трансцендентен и непознаваем. Он не кушает шашлык с Авраамом и не вступает на переправе в спарринг с Иаковом.

Когда Жрец рассказывает о десяти казнях египетских, ему важнее всего подчеркнуть, что Господь есть единственный бог. В результате Господь у него сначала поражает египтян всё новыми и новыми казнями — и одновременно ожесточает сердце фараона, чтобы тот не отпустил евреев. Жреческий Кодекс так стремится изгнать любые упоминания о космическом противнике Яхве, что предпочитает в этой истории выставить своего Бога садистом и параноиком.

Есть много причин, по которым мы можем датировать Жреческий Кодекс именно временем реформы Езекии. Желаясь ознакомиться с ними подробно лучше всего обратиться к эпохальной «Кто написал Библию» Ричарда Эллиота Фридмана. Мы же сейчас остановимся коротко только на одной из них.

Дело в том, что Жреческий Кодекс ненавидит Моисея.

На первый взгляд, это кажется парадоксальным. Моисей есть основатель иудаизма. Именно ему Господь явился в горящем кусте, именно он вывел евреев из земли Египетской, и именно он взшел к Господу на гору Синай. Иудаизм до сих пор называется «религией Моисея». Он не называется, к примеру, «религией Езекии».

Однако религия Моисея в том виде, в котором она существовала в более древних источниках, например, в Элохисте, была для автора Жреческого Кодекса неприемлема. Поэтому Жрец пытается исподволь дискредитировать Моисея и одновременно — уж коль скоро он глыба, основатель и вождь — освятить его именем свою собственную идеологию.

Рассмотрим несколько историй, которые Жреческий Кодекс рассказывает о Моисее.

В составе Элохиста была притча: однажды во время скитаний по пустыне часть народа восстала против Моисея (Чис. 16:2). За это Моисей разверз пред ними землю, и они были живьем проглочены Шеол (Чис. 16: 32).

Это была очень простая притча с очень простым смыслом: Моисей — вождь, бунтовать против него нельзя. Как и другие сюжеты Элохиста, она подчеркивала выдающиеся способности самого Моисея. Моисей был могучий шаман: он наслал на египтян десять казней египетских, он раздвинул своим жезлом воды Чермного моря, он бросил в горькие воды Мерры лист, и они стали сладкими (Псевдо-Филон утверждает, что этот лист был *лист с Древа Жизни*) — и вот теперь он в очередной раз доказал свое могущество. Живыми он низверг бунтовщиков в пасть Шеол, которая, заметим, в данном случае выступает не просто как преисподняя, а как вполне себе одушевленное подземное чудовище.

Жреческий Кодекс заменяет эту притчу другой — контрпритчей. Обе они сейчас в Библии соединены вместе методом копипаста и составляют единую 16-ю главу Книги Чисел, но оба текста легко отделить друг от друга^[70].

Согласно притче, рассказанной Жрецом, бунт был. Но его участники были недовольны не лидерством Моисея, а тем, что Моисей закрепил право приносить жертвы Господу за потомками его брата Аарона. Это вызвало недовольство многих и, в частности, племянника

Моисея, Корея, который заявил: «Всё общество, все *святы*, и среди них Господь! почему же вы ставите себя выше народа Господня?» (Чис. 16:3). За эту попытку поставить под сомнение монополию потомков Аарона Корея был пожран живьем огнем от Господа с неба (Чис. 16:35).

Очень может быть, что племянник Моисея, Корея, выбран в этой истории в качестве паршивой овцы не случайно. Дело в том, что именно во время Езекии, в ходе монотеистических реформ, был закрыт храм в царской крепости в Араде. Жрецами в этом храме, с большой вероятностью, были именно потомки Корея^[71]. Таким образом, притча о Корея несла практический смысл, совершенно злободневный, как карикатуры Кукрыниксов. Она приписывала введение монополии на жертвоприношения Яхве не Езекии, а самому Моисею.

Вторая история такого рода рассказана в Книге Чисел.

Элохист рассказывает, что во время сорокалетнего странствия по пустыне евреи начали блудодействовать с дочерьми Моава и, как следствие, поклоняться его богу Баал-Фегору (Чис. 25:3). Дело спас, как всегда, Моисей. Он приказал перебить всех, кто поклонялся Баал-Фегору. Эта спасительная мера искоренила заразу (Чис. 25:3).

Но Жреческий Кодекс рассказывает совсем другую историю. Сейчас обе эти истории опять-таки смешаны друг с другом в одной и той же 25-й главе Книги Чисел, но их опять-таки легко разделить.

Согласно Жрецу, Израиль блудодействовал не с моавитянками, а с мадианитянками. Из-за этого Господь наслал на народ мор. И этот мор прекратил отнюдь не Моисей! Моисей никак в мероприятии не участвовал. Он совершенно безразлично относился к совокуплению евреев с мадианитянками, даже когда один из евреев стал заниматься этим прямо в скинии.

Человека, который вступился за честь Господа, звали Финеес, и он был внук Аарона. *Возревновав* о Господе, он схватил копье и пронзил им одновременно и еврея, и женщину.

«Финеес, сын Елеазара, сына Аарона священника, увидев это, встал из среды общества и взял в руку свою копье, и вошел вслед за Израильтянином *в скинию* и пронзил обоих их, Израильтянина и женщину в чрево ее» (Чис. 25:7–8).

Почему в этом эпизоде действует не Моисей, а *ревностный* Финеес, внук Аарон, объяснять не надо. Жрецу нужно поднять

авторитет своего предка. Поэтому он называет убийство, совершенное Финеесом, *искуплением*. Он заявляет, что тот «показал ревность по Боге» (Чис. 25:13). Именно за этот подвиг Господь заключил с Финеесом «завет вечного священства» (Чис. 25:13).

Но почему в этой истории моавитяне поменяны на мадианитян?

Очень просто. Потому что жена Моисея была *мадианитянка* (Исх. 2:21). Более того, Элохист утверждает, что Иофор, мадианитянский тесть Моисея, был жрец и приносил жертвы Яхве! (Исх. 18:12).

Несложно заметить, что обе притчи, рассказанные Жрецом, метят в одну и ту же точку. Эта точка — утверждение монополии родственников Жреца на право приносить жертвы Яхве. Без преувеличения можно сказать, что стремление Жреца закрепить эту монополию за своими родичами является главной экономической движущей силой его бескомпромиссного и централизованного монотеизма.

Но третью, самую интересную притчу, направленную против Моисея, Жреческий Кодекс рассказывает о водах Меривы.

Притча о водах Меривы тоже рассказана в Торе дважды. Поскольку обе притчи имеют противоположный конец, на этот раз у редактора Торы не было никакой возможности их совместить. Поэтому две эти истории находятся в разных частях Торы.

Одна притча про воды Меривы находится в Книге Исхода. Это — история о том, как Моисей чудесным образом добыл воду из скалы.

Однажды, гласит притча, народ, выведенный Моисеем из земли Египетской, начинает роптать в безводной пустыне. Господь велит Моисею стукнуть жезлом по скале, на которой он будет стоять.

«Возьми с собою жезл твой, которым ты ударил по воде, возьми в руку твою, и пойдешь; вот, Я стану пред тобою там на скале в Хориве, и ты ударишь в скалу, и пойдет из нее вода, и будет пить народ. И сделал так Моисей» (Исх. 17:5–6).

Перед нами — очередное описание необыкновенных способностей Моисея и власти его волшебного посоха над водой. Этим посохом он вызвал разлив вод Нила, этим посохом он разделил воды Черного моря и вот теперь этим посохом Моисей чудесным образом, как впоследствии Митра, добыл воду из скалы. Эту историю рассказывает нам Элохист.

Но Жреческий Кодекс рассказывает нам совершенно другую историю про воды Меривы!

Согласно Жрецу, народ в Мериве точно так же возроптал против Моисея. Согласно Жрецу, Моисей точно так же совершил чудо. Он ударил посохом в скалу и высек из нее воду.

«И поднял Моисей руку свою и ударил в скалу жезлом своим дважды, и потекло много воды, и пило общество и скот его» (Чис. 20:10).

Но после этого, утверждает Жрец, Господь проклял Моисея! Что-то в чуде, совершенном Моисеем, так не угодило ему, что Господь объявил, что в возмездие за поведение Моисея тот умрет раньше, чем попадет в пределы Обетованной Земли! (Чис. 20:12).

Эта история была бы интересна сама по себе: ведь в одном случае чудо, сотворенное Моисеем, описывается как доказательство его единосушности с Господом, а в другом — как святотатство.

Но еще интересней эта история тем, что в Торе она выступает *единственной причиной*, по которой Моисей умер раньше, чем вступил на землю Израиля.

Элохист ничего не говорит нам о смерти Моисея. Очень возможно, что с точки зрения Е он вовсе не умирал.

Моисей был большой специалист по горным восхождениям. Он взошел на гору Хорив и побеседовал там с Яхве. Он взошел на гору Синай и получил от Яхве скрижали. А потом, накануне прихода евреев в Землю Обетованную, Господь возвел его на гору напротив Иерихона и показал ему с этой горы всю эту Землю Обетованную (Втор. 34:1–3). После этого Моисей, великий вождь, окруженный тысячами последователей, исчез из повествования, «и никто не знает места погребения его даже до сего дня» (Втор. 34:6).

Легенду о том, что Моисей не умер, знали египетские христиане. Он был вознесен живьем на небо и там, после своего вознесения, получил имя Мелхи, т. е. царь^[72]. О легенде, согласно которой Моисей «вследствие особенной любви к нему Господа Бога был взят прямо на небо», с большой неохотой упоминает Иосиф Флавий^[73]. «Моисей не умер, но стоит и служит на небе», — утверждает Вавилонский Талмуд^[74].

Образ Моисея в Торе подвергся существенной редакции, и многие детали, дошедшие до нас из других — альтернативных —

источников, рисуют нам легенду, существенно отличающуюся от ортодоксальной.

Моисея звали египетским именем «Мсы», т. е. Сын. Отец его был Амрам (Исх. 6:20). Это очень похоже на имя главного египетского бога, отца фараонов Амона-Ра.

Его мать при рождении не чувствовала боли, свойственной всем дочерям Евы после совершения первородного греха^[75]. Моисей родился уже обрезанным. В тот момент, когда он был рожден, дом вдруг наполнился светом^[76]. Египетские волхвы предсказали фараону рождение Моисея, и именно поэтому фараон приказал убивать всех еврейских детей^[77].

Моисей повелевал змеями, вызвал своим жезлом первый разлив Нила, научил людей кораблестроению и сооружению машин, и он убил фараона, назвав ему тайное имя Бога, а после этого воскресил его^[78]. Он увидел бога и поэтому стал богом^[79].

А когда он поднялся на гору напротив Иерихона, его окутало облако^[80] — облако, традиционное место обитания Яхве, — и спустя много-много лет на том же самом месте, напротив Иерихона, живьем на небе на огненной колеснице вознесся могущественный пророк северного Израиля — Илия.

Здесь у нас, к сожалению, нет места, чтобы остановиться на этих и на многих других легендах, окружавших Моисея, и подробно разобрать, какие из них являются позднейшими напластованиями, а какие, наоборот — древнейшими верованиями, пробившимися через монотеистическую цензуру. Мы обязательно посвятим волшебнику и колдуну Моисею, сыну бога, вознесшемуся на небо, отдельную книгу.

Мы лишь хотим обратить внимание на то, что тот Моисей, который в 1200-х г. до н. э. вывел из Египта оборванные орды 'апиру с присоединившимися к ним рабами, никак не помещался в прокрустово ложе монотеистической реформы Езекии.

Сеннахериб и осада Иерусалима

То, что делал Езекия, был невиданный религиозный тоталитаризм — и вместе с тем это было напряжение всех сил нации, чтобы выжить.

И напряжение оправдалось. Бог — если верить Библии — спас Езекию. И как! Когда разгневанный ассириец Сеннахериб подступил к Иерусалиму со своими полчищами, ангел Господень лично поразил в стане врага сто восемьдесят пять тысяч человек, и Сеннахериб убрался восвояси. Вскоре он погиб при дворцовом перевороте (4 Цар. 19:35).

Несмотря на это, после смерти Езекии его сын, Манассия, возвратился к старой религии и вернул и Баала, и высоты, и войско духов, и Ашеру. Что случилось? Почему Манассия не заметил столь очевидных преимуществ от взаимовыгодного сотрудничества с Господом? Как он мог добровольно в столь тяжелые времена отказаться от использования оружия массового поражения в лице столь впечатляюще эффективного ангела?

Чтобы ответить на этот вопрос, нам надо обратиться к альтернативным источникам.

Иеремия/Девтерономист утверждает, что Сеннахериб потерпел поражение и был вынужден отступить от Иерусалима. Сам Сеннахериб рассказывает другую историю:

«А Хизкию-иудея, который не склонился под мое ярмо — 45 городов его больших, крепости и малые поселения их окрестностей, которым нет счета, — продвижением насыпей и приближением таранов, атакой пехоты и штурмовых лестниц я осадил, взял 200 150 человек, от мала до велика, мужчин и женщин, лошадей, мулов, ослов, верблюдов, крупный и мелкий скот без числа из них я вывел и причислил к полону. Самого же его, как птицу в клетке, в Иерусалиме, его царском городе, я запер. Укрепления против него я воздвиг, выход из ворот его города сделал ему запретным. Города его, которые я захватил, отделил я от его страны и Метинти, царю Ашдода, Пади, царю Экрона, и Цилли-Белу, царю Газы, отдал»^[81].

Археологические свидетельства подтверждают, что прав был Сеннахериб. Езекия отсиделся за стенами Иерусалима: обстоятельство, значение которого Сеннахериб, несомненно, пытается

принизить в своей хвастливой пропаганде. Но страна была разорена. Город Лахис, который Езекия лихорадочно укреплял, сделав его вторым по значению в царстве, был взят и сровнен с землей, и пророк Михей объявил, что причиной этому было идолопоклонство его жителей (Мих. 1:13).

Опустошение Иудеи было не просто местью: это была тщательно рассчитанная кампания экономического террора, призванная продемонстрировать иудеям ошибочность их позиции.

И Манассия понял ошибку отца: он склонил голову под ярмо, покорился ассирийцам, и страна при нем снова ожила, вовлеченная в ассирийский общий рынок.

Девтерономист относит Манассию к самым черным персонажам истории Иудеи. Манассия «делал неудобное в очах Господа» (4 Цар. 21:2). Он снова устроил высоты, кадил Баалу, сделал дубраву и поклонялся воинству небесному. Однако Израэль Финкельштейн считает, что именно время Манассии было временем наибольшего экономического процветания Иудеи.

Нечестивый Манассия правил 55 лет — абсолютный рекорд среди всех иудейских царей — и был погребен с почетом и миром. Его сын Амон процарствовал два года и был убит заговорщиками. После этого на престол взошел внук Манассии, восьмилетний Иосия.

Царь Иосия (640–609 гг. до н. э.)

Именно царю Иосии было суждено стать главным монотеистом-реформатором, даже более последовательным и более жестоким, нежели Езекия.

Ко времени его совершеннолетия в Ассирии разразилась гражданская война, и ее могущество начало закатываться. Иосия счел время подходящим для того, чтобы не только освободиться от ассирийского ига, но и предъявить притязания на территорию царства Израиль.

Именно при Иосии были запрещены изображения (до этого даже Езекия использовал их на своей же собственной царской печати). Именно в этот момент всё, что было древним в религии Израиля, было объявлено чужеземным и идолопоклонническим.

Именно при царе Иосии писец Шафан и первосвященник Хилкия — два близких соратника Иеремии — неожиданно обнаруживают в Храме и приносят царю «забытую древнюю книгу» — Второзаконие.

Все семь книг, написанных Девтерономистом, начиная со Второзакония, были написаны с целью предсказать, объяснить и возвеличить религиозные реформы Иосии.

Именно поэтому тексты Второзакония прямо запрещают религиозные практики, одобряемые другими частями Торы.

Так, Девтерономист требует запретить поклонение *ашере*. «Не сади себе рощи из каких-либо деревьев при жертвеннике Господа, Бога твоего» (Втор. 16:21). Однако роща из деревьев, символ и ипостась богини Ашеры, была постоянной спутницей Яхве при патриархах: «И насадил Авраам при Вирсавии рощу и призвал там имя Господа» (Быт. 21:33).

Девтерономист требует запретить *мацевот*, то есть каменные столпы на священных местах. «Не ставь себе столпа (мацева), что ненавидит Господь Бог твой» (Втор. 16:22). Однако именно *мацевот* ставили патриархи. «И встал Иаков рано утром, и взял камень, который он положил себе изголовьем, и поставил его столпом (мацева) и возлил елей на верх его» (Быт. 28:18).

Девтерономист запрещает приносить жертвы на *высотах* (бамот), т. е. на открытых алтарях, построенных на склонах гор. Однако именно жертвоприношения на *высотах* были древнейшей чертой культа Яхве. Самый древний гигантский еврейский алтарь на горе Гевал, построенный одновременно с появлением первых еврейских поселений — это типичная *высота*^[82].

Девтерономист требует делать всё то, что делал царь Иосия, который уничтожил высоты, запретил Небесное Воинство, искоренил Ашеру, вынес из Иерусалимского храма идолов и сжег кости священников *высот* на их алтарях. И всё это он представляет не как реформы, не имеющие параллели, а как древние заветы, к которым наконец-таки возвратилась власть.

Однако реформы Иосии продолжались недолго. Иосия в возрасте 40 лет погиб в битве при Мегиддо, будучи разбит фараоном Нехо II.

В следующие двадцать три года в стране сменилось четыре марионеточных царя, назначаемых то египтянами, то вавилонянами, а в 587 году до н. э., после восстания, которое возглавил потомок Давида царь Седекия, вавилонский царь Навуходоносор сровнял Храм с землей. Город был уничтожен, население его было депортировано, сыновей Седекии казнили у него на глазах. После этого его ослепили и в цепях увезли в Вавилон.

Девтерономист был спешно вынужден издать новую редакцию своего труда, в которой он сообщил, что Храм был разграблен потому, что, несмотря на образцового царя Иосию, оскорбления, нанесенные Господу его дедом Иосии, были слишком тяжелы.

«Господь не отложил великой ярости гнева Своего, какую воспытал гнев Его на Иуду за все оскорбления, какими прогневал Его Манассия» (4 Цар. 23:26).

У Девтерономиста Господь был всегда прав.

Вавилонский плен

Реформы царя Езекии полностью отождествили Эля и Яхве, упразднили женскую часть божества и централизовали культ Яхве вокруг Иерусалима.

Реформы Иосии сделали Яхве единственным богом. Вся монотеистическая иудео-христианская традиция появилась на свет в течение всего нескольких десятилетий в конце VIII — начале VII в. до н. э.^[83]

Она родилась в лихорадочной атмосфере предчувствия гибели; ее пророки проповедовали среди толп переселенцев, цеплявшихся за любую надежду перед лицом неотвратимо наступающего ассирийского геноцида, и одновременно они давали в руки царя могущественный политический инструмент, аналог военного коммунизма и реформ китайских легистов, единственное, что могло спаять патриархальный, разношерстный, отчаявшийся народ в единый инструмент, противостоящий чужеземной агрессии.

Однако монотеизм был государственной религией всего при двух царях, и, надо полагать, далеко не все в Иудее были довольны, когда Иосия стал сжигать жрецов на их алтарях. Оба царя при этом потерпели поражение. После смерти Иосии и до разрушения Храма прошло двадцать два года, которые были заполнены традиционным яхвизмом.

В момент гибели Иерусалима мы видим монотеистов не у власти и в меньшинстве. Гибель эту они объясняют гневом Божиим, причем в силу исторических обстоятельств они вынуждены объяснять этим гневом не только гибель идолопоклонников, но и гибель самого Иосии. Поклонение Яхве выглядит в этих обстоятельствах безвыигрышной лотереей: всех тех, кто ему перечит, Яхве уничтожает, но своих почитателей он карает тоже.

Каким же образом именно эта разновидность яхвизма, потерпевшая поражение и находившаяся в меньшинстве, спустя пару столетий оказалось верой всех иудеев?

Очень просто.

Разумеется, не все евреи стали монотеистами. Но те, кто им не стал, просто перестали быть евреями. Языческие религии обладали громадной гибкостью, и любой, кто их исповедовал, попросту растворялся в чужеземной культуре, как растворились в ней евреи, вывезенные в 722 г. до н. э. в Ассирию.

Часть еврейских войск, не покорившихся вавилонянам, сбежала в Египет и была размещена в Элефантине, на острове посередине Нила на границе с Нубией. Элефантинский гарнизон построил на острове Храм Яхве, который просуществовал до середины IV в. до н. э. В Храме, кроме Яхве, почитали его супругу Анаг-Яху, а на противоположном берегу Нила стоял другой храм, посвященный Ашере^[84]. Религия элефантинских евреев была классическим домонотеистическим яхвизмом. Однако она исчезла, как исчезла религия моавитян.

Как это ни парадоксально, но именно монотеисты — со всей своей нетерпимостью, ограниченностью и патологической уверенностью в том, что Господь руководит всеми их действиями — были правы. Все, кто не уверовал в Яхве, погибли. Решительно все народы, окружавшие евреев в VIII веке — египтяне, ассирийцы, вавилоняне, моавитяне, эдомитяне, мадианитяне, моавитяне, филистимляне, хананеяне — прекратили существование. Единственным народом в истории Земли, сохранившим свою этническую целостность с того времени, остаются иудеи.

Монотеизм был великим консервантом.

Однако несмотря на это превосходное качество монотеизма, нам не следует слишком доверять письменным источникам.

К примеру, средневековая Европа, если судить по письменным памятникам, тоже была целиком христианской. Однако мы прекрасно знаем, что многочисленные языческие пережитки сохранялись в ней не то что в тринадцатом, а и в девятнадцатом веке.

То же самое иудейский монотеизм. Мы судим о нем по дошедшим до нас идеологически выверенным текстам. Но так же, как и в средневековой Европе, под гладкой поверхностью победившей идеологии сохранялись различные подводные течения. Особенно мощно текли они вдалеке от всеподавляющего монотеизма Второго Храма.

Например, в Египте, куда сбежали еврейские войска, резко враждебные новому фавориту вавилонян, Иеремии, и где еще в III в.

до н. э. писал по-гречески удивительный еврей с персидским именем Артапан Александрийский: тот самый, который утверждал, что Моисей создал науку и корабли и убил и воскресил фараона словом.

Или же в Галилее, которая входила в состав Древнего Израиля, но никогда до I в. до н. э. не была частью Иудеи.

Глава 4

Саддукеи и фарисеи

Вавилонское завоевание было губительно для Иудеи как государства, но оно оказалось благотворным для иудаизма как религии.

Партия монотеистов состояла в оппозиции к последним «языческим» царям и потому оказалась «пятой колонной» для Вавилона. Лидер ее, Иеремия, зашел даже так далеко, что назвал Навуходоносора, разрушителя Первого храма, избранником Господа. Он обещал гибель всем его противникам и прорек от имени Яхве: «Я отдаю все земли сии в руку Навуходоносора, царя Вавилонского, раба Моего, и даже зверей полевых отдаю ему на служение» (Иер. 27:6).

Немудрено, что после таких политически корректных пророчеств именно ставленник Иеремии был назначен наместником опустошенной Иудеи, а при вавилонском дворе монотеисты пользовались привилегированным положением. Через этих коллаборантов вавилоняне контролировали еврейскую общину. Формально ее возглавлял представитель дома Давидова, бывший царь Иехония, освобожденный из темницы (4 Цар. 25:27).

Владычество вавилонян, между тем, продолжалось недолго. В 539 году, через сорок семь лет после разорения Храма, Вавилон пал, завоеванный царем персов, Киром. А еще через 20 лет, во второй год правления царя Дария (то есть около 520 года до н. э.), персидским наместником Иудеи был назначен некто Зоровавель, потомок царя Давида.

Зоровавель возвратился в Иудею с сорока двумя тысячами переселенцев, с первосвященником Иисусом и с двумя придворными пророками, Захарией и Аггеем. В это время в Персии шла гражданская война, и страна распалась на части. Судя по всему, Зоровавель воспользовался смутой, чтобы поднять мятеж.

Во всяком случае, Захария и Аггей объявили его Мессией, то есть помазанником и царем, и пообещали ему победу над «престолами царств» (Агг. 2:22).

Пророчество оказалось не очень удачным. Победу над престолами царств одержал отнюдь не Зоровавель, а перс Дарий. Мы не знаем, что случилось после этого с Мессией из рода Давидова, но мы можем предположить, что ему пришел быстрый и бесславный конец^[85].

Судя по всему, персы сделали выводы из неудачной попытки назначить отпрыска дома Давидова наместником в Иудею, и следующие ключевые для нашего рассказа люди, отправившиеся руководить провинцией, никакого отношения к дому Давидову не имели.

Одного из этих людей звали Неемия. Он заслужил свою должность тем, что был виночерпием царя Артаксеркса. Неемия прибыл в провинцию спустя семьдесят лет после Зоровавеля, около 445 г. до н. э. Незадолго до него в Иудею прибыл писец по имени Ездра, потомок первосвященника Садока.

Ездра и Неемия были шокированы положением дел, которое они застали на родине. Оказалось, что предшествующие им возвращенцы продолжали со страшной силой грешить против бога. Они не соблюдали субботу, общались с инородцами и даже брали замуж их дочерей.

Ездра имел с собой два важных документа. Одним из них было письмо царя Артаксеркса, дававшее ему право судить, штрафовать, сажать в тюрьму и даже предавать казни тех, кто не исполняет Тору (Езд. 7:26). Другой был текст, который Ездра представил как эту самую Тору. Как полагает Ричард Эллиот Фридман, тот текст, который привез Ездра, и был окончательной редакцией Торы.

А Редактором, ее составившим, был сам Ездра^[86].

Одна из самых удивительных загадок книг Ездры и Неемии, рассказывающих об этой второй алии — это вопрос о том, что случилось с предшествующей алией, которую возглавлял потомок дома Давидова. Книги обходят его судьбу полным молчанием, и мы только что предположили, почему.

Зато внимательное их чтение может дать ответ на другой вопрос — о том, почему Неемия и Ездра были так шокированы нечестивыми браками автохтонного населения.

Дело в том, что первый, кто был вынужден с позором отказаться от иноплеменных жен, был первосвященник Елиашив, потомок первосвященника, привезенного с собой Зоровавелем. Он породнился

с неким Товией Аммонитянином и даже выделил ему жилплощадь в Храме (Неем. 13:5).

Трудно представить, как именно Ездра и Неемия боролись бы с этим позором, если бы не предписание, тут же счастливо найденное ими во Второзаконии.

«В тот день читано было из книги Моисеевой вслух народа и найдено написанное в ней: Аммонитянин и Моавитянин не может войти в общество Божие *во веки*» (Неем. 13:1).

По этому случаю первосвященник Елиашив с треском лишился места, а Товию Аммонитянина выкинули из храма со всеми его пожитками.

Понятно, почему предписание, столь счастливо найденное в этот критический момент, касалось аммонитян: оно дало возможность произвести маленькую административную революцию.

Но при чем тут были моавитяне?

Возможно, ответ заключается в том, что в таком виде предписание било не только по первосвященнику Елиашиву, но и по дому Давидову. Ведь царь Давид был потомок моавитянки (Руф. 4:22). А его внук Ровоам (предок Зоровавеля и Иехонии) был сыном аммонитянки (3 Цар. 14:21).

Таким образом, счастливо найденная цитата делала не только первосвященника Елиашива, но и весь дом Давидов нечистокровными иудеями, непригодными для правления избранным народом. Они никогда, ни в каком поколении не то что не могли им руководить — они не могли быть его частью!

Разделение на евреев и самаритян

Прегрешения священника Елиашива не ограничивались родственными связями с аммонитянами. Книга Неемии упоминает и другое его позорное деяние: он женил своих внуков на дочери некоего Санаваллата Хоронита (Неем. 13:28).

Кто такой был Санаваллат Хоронит? И почему, приехав, новый наместник персидской провинции Иудеи первым делом начал меряться с ним статусом?

Санаваллат Хоронит был не кто иной, как сатрап соседней персидской провинции Самарии — то есть бывшего царства Израиля.

Персидское царство было организовано по феодальному образцу. Его сатрапы, так же как позднее европейские герцоги и графы, формально были царскими назначенцами, но в реальности они зачастую вели полуавтономное существование. Иногда сатрапы даже воевали между собой. Зачастую персидскому царю было так же трудно снять сатрапа, как королю Франции в XII в. снять с должности герцога Нормандского. Санаваллат был как раз из таких наследственных сатрапов. Его род правил Самарией вплоть до времени Александра Великого.

Одним из самых древних священных центров Израиля, как мы помним, был город Сихем. Именно возле Сихема возвел алтарь Господу Авраам, придя впервые в Землю Обетованную. Там же возвел алтарь и Иаков. Именно в Сихеме Иисус Навин зарыл скрижали закона «под дубом близ святилища Господня», и именно над Сихемом, на горе Гевал, на рубеже 1200-х гг. до н. э. был построен гигантский алтарь Яхве, строительство которого совпадает по времени с появлением первых еврейских поселений. Именно Сихем сделал своей первой столицей первый царь Израиля Иероваам.

Так вот — сатрап Самарии Санаваллат Хоронит не просто был естественным соперником сатрапа Иудеи, бывшего виночерпия Неемии. В середине V в. до н. э. он начал строить храм Яхве над Сихемом, на горе Геризим. Археолог Ицхак Магин, копавший этот храм четверть века, считает, что Санаваллат начал строить храм еще до приезда Неемии, состоявшегося в 445 г. до н. э. ^[87].

На самом деле, учитывая сравнительную неточность археологических датировок, очень сложно понять, что произошло сначала: приезд Неемии в Иерусалим или начало строительства храма в Сихеме. Однако эти два события были неразрывно друг с другом связаны. Одно из них было следствием второго.

Дело в том, что те евреи, которые приносили жертвы Яхве в храме на горе Геризим, были объявлены иерусалимской теократией самаритянами.

Самаритяне говорили на том же языке, так же соблюдали субботу и Пасху и даже имели почти такую же Тору, но их ритуальным центром был не Иерусалим, а Сихем. Сами себя они считали чистокровными евреями. Однако последователи Ездры их евреями не считали.

Какова была последовательность событий?

Мы можем предположить, что царский виночерпий Неемия, новый наместник персидской провинции Йехуд, вследствие собственных амбиций поссорился со своим самарянским соседом, и *после* этого Санаваллат начал строить храм в Сихеме.

Мы также можем предположить, что дело было ровно наоборот: это сатрап Самарии Санаваллат консолидировал евреев вокруг своей столицы в Сихеме и породнился с иерусалимским первосвященником с целью консолидации, под его руководством, Иудеи и Израиля.

В таком случае приезд Неемии был не случайным совпадением, а результатом контрмер, предпринятых против слишком амбициозного Санаваллата центральным правительством. Как мы уже сказали, Персидское царство было рыхлым и малоуправляемым, и жестокость центрального правительства в нем компенсировалась совершенным неподчинением феодальных окраин. Отозвать Санаваллата Артаксеркс не мог или не хотел, но он направил в провинцию Иудею представителей фанатической партии, которая заблокировала объединение.

В таком случае писец Ездра и виночерпий Неемия блестяще решили проблему, стоявшую перед персидским царем. Идея объединения севера и юга была похоронена тут же. Санаваллат Хоронит был изгнан из храма. И так как последователи Ездры не могли назвать тех, кто соблюдает Тору, язычниками, они заклеили их *самаритянами* ^[88].

Итак, реформы Ездры, продиктованные Господом, совершенно случайно ударили прежде всего по тем, кто руководил иудеями до появления Ездры и Неемии.

Вражда Ездры и Неемии с их противниками всегда пролегла по строго административной линии. Они неизменно сметали со своего пути всех административных соперников, и каждый раз дело удачно объяснялось найденными в Торе словами. Еще никогда Бог не был так внимателен к личным административным амбициям мелких чиновников Персидского царства. И никогда мелкая административная борьба не имела столь катастрофических последствий: именно в результате ее автохтонное население Израиля из евреев было разжаловано в самаритян.

Саддукеи

Именно Ездра и его последователям удалось централизовать иудаизм так, как это не удалось ни Езекии, ни Иосии. Ни один еврей теперь не имел права принести жертву нигде, кроме как в Иерусалимском храме, а Храмом руководила правящая от лица персов коллективная теократия.

Эта коллективная теократия были не просто потомки Аарона.

Это были прямые, как и сам Ездра, потомки священника Садока, помазавшего Соломона на царство. Именно поэтому впоследствии носители идеологии Ездры назывались *саддукеями*.

Фактически Ездра обеспечил коллективное руководство над иудейским народом своим родственникам.

Напомним, что самими ранними служителями Яхве были, по видимому, любые левиты, то есть любые потомки колена Левиева^[89]. В результате реформ Езекии священство было закреплено за одними лишь потомками Аарона.

Почему Ездра пошел еще дальше и создал жреческую верхушку из потомков одного только Садока?

В рамках всё той же административной борьбы. Дело в том, что у евреев, помимо Иерусалима, был по крайней мере еще один культовый центр, возглавляемый потомками Аарона, который тоже проповедовал строгий монотеизм, но проиграл в административной конкуренции.

Этот центр — Силом, который так часто пропагандирует Девтерономист/Иеремия.

Согласно Девтерономисту, именно в Силоме прошел посвящение пророк Самуил. Именно из Силома происходил первосвященник Авиафар, в борьбе между Саулом и Давидом принявший сторону Давида. Этот Авиафар помазал на царство соперника Соломона и после воцарения Соломона был сослан в жреческий городок Анатот — тот самый, из которого и происходил пророк Иеремия.

Иначе говоря, в лице Ездры потомки Садока, помазавшего на царство Соломона, наконец восторжествовали над потомками Авиафара, который помазал на царство его конкурента.

Итак, после вавилонского пленения иудаизм прошел вторую капитальную трансформацию. Из веры, консолидировавшей иудейское население вокруг правящего царя из рода Давидова, он превратился в идеологию правящей в Иерусалиме коллективной теократии.

«У евреев никогда нет царя, — писал около 300 г. до н. э. Гекатей Абдерский, — и власть над народом принадлежит тому из священников, который считается наивысшим по мудрости и добродетели среди своих соратников. Они именуют его первосвященником и верят, что он действует как посланец, передающий им приказы бога»^[90].

В рамках этой правящей аристократии никакому царю из рода Давидова не было места, и, более того, мы можем предположить, что категорическая настойчивость, с которой эта теократия настаивала на исключительно трансцендентном характере Яхве, который не может воплощаться в смертном и даже не может показаться ему, имела своей основой вполне политическую составляющую. Никто в коллективном ЦК не был заинтересован в воспоминании о царях из рода Давидова, бывших земным воплощением Яхве.

Тут надо сказать, что само словечко «саддукеи» появилось гораздо позже, как раз тогда, когда эта правящая теократия утратила свою монополию. Как Журден не знал, что он говорит прозой, так и приверженцы линии Ездры не знали, что они являются «саддукеями», до появления конкурентов. До этого они были единственным правильным иудаизмом.

Однако к I в. до н. э. монополия саддукеев прекратила свое существование. Иосиф Флавий относится к саддукеям с презрением и описывает их как немногих потомков знатных родов, которые не признают бессмертия души и с трудом «терпимы простонародьем». «Влияние их настолько ничтожно, что о них и говорить не стоит», — роняет Флавий^[91]. Вместо них главной теологической школой, влияние которой столь велико, что она может противостоять даже царям, Иосиф Флавий называет *фарисеев*.

Еще через век саддукеи сошли на нет и вовсе были объявлены еретиками. В Талмуде они носят презрительное название «эпикуросим», то есть «эпикурейцы», и находятся среди тех, кто «не получит доли в будущем мире», то есть не удостоится вечной жизни^[92].

Первосвященник Каиафа, судивший Иисуса, был, скорее всего, саддукеем. По иронии судьбы, с точки зрения Талмуда Иисуса осудил еретик-эпикурос.

Что же случилось с родственниками Ездры? Как из всемогущих правителей нации они превратились в еретиков?

Восстание Маккавеев

Теократия развращает, а наследственная теократия развращает абсолютно. Римские папы времен Ренессанса, окруженные детьми и любовницами, живущие в изобилии, окружившие себя античными статуями и роскошными картинами, изображающими обнаженных нимф, мало напоминали суровых отцов церкви времен св. Антония. «Бог дал нам папство, так насладимся же им», — молвил папа Лев X Медичи. То же к середине II в. до н. э. могли сказать и потомки Садока.

Персидское владычество над Иудеей продолжалось чуть больше двухсот лет. В 332 г. до н. э. царство Ахеменидов пало под натиском войск Александра Македонского. Вскоре Александр умер; царство его распалось на враждующие осколки, и Иудея, в течение двух сотен лет бывшая заштатной персидской провинцией, вдруг обнаружила себя пограничной территорией и предметом спора между потомками Селевка и Птолемея. Больше столетия Иудея была провинцией Египта и вернулась к Селевкидам только около 200 г. до н. э.

Войны эти не прошли для иудеев бесследно: один только Птолемей Сотер переселил в Египет несколько десятков тысяч пленных евреев. Это были уже не прежние переселенцы. Это были твердокаменные монотеисты эпохи Второго Храма. Именно в эллинистическую эпоху иудейский монотеизм, сложившийся в Вавилонии, начал распространяться на весь эллинистический мир, а мессианизм евреев принял всемирный характер.

Всё это время нацией руководили потомки Садока — будущие саддукеи. Они должны были сохранять сложный баланс и, пресмыкаясь в Антиохии пред элинами, бороться с чужеземным идолопоклонством в Иерусалиме. Баланс соблюдался плохо, и к началу II в. до н. э. теократическая верхушка Иудеи стремительно эллинизировалась.

В начале царствования Антиоха IV Эпифана (175–164 гг. до н. э.) брат действующего первосвященника, Ясон (так переименовавший себя на эллинистический манер из Иешуа), перекупил у царя место первосвященника за 590 талантов серебра, а заодно попросил предоставить Иерусалиму права эллинистического города. Городское

самоуправление той поры означало прежде всего консервацию власти в руках людей состоятельных, и Ясон, надо думать, заботился прежде всего о выгодах своего круга. В Иерусалиме появились гимназии и палестры, и фанатично настроенные священники с ужасом, как иранские муллы, взирали на нагих потомков Финееса и Садока, подвизающихся в метании копья.

Культурная интеграция дошла до того, что саддукей Ясон посылал деньги для жертв Геркулесу, совершавшихся во время языческих игр. Вскоре, однако, он совершил *faux pas* — посылая Антиоху очередную взятку, он не отправился с нею сам, а отправил с ней другого маститого потомка Садока по имени Менелай (обратите внимание на еще одно греческое имя), который вручил царю эти деньги от своего имени и перекупил на них титул первосвященника.

Первое, на что употребил свой титул Менелай, было воровство. Он украл из Храма кое-какое золотишко — надо думать, чтобы возместить расходы; изобличивший его Хоний (прежний первосвященник, пост которого перекупил еще Ясон) был убит, а иудеи, обвинившие Менелая в этом преступлении, были казнены как бунтовщики.

Лишившийся теплого места Ясон сбежал к аммонитянам (т. е. в нынешнюю Иорданию) и, воспользовавшись войной Антиоха с Египтом, нагрянул с навербованным им сбродом в Иерусалим, грабя и убивая. Из этого заметно, что Ясон совершенно забыл о стараниях своего предка Ездры, заботливо оберегавшего народ от контактов с Товией Аммонитянином.

Взбешенный Антиох воспринял происходящее как восстание. Царь захватил Иерусалим, экспроприировал из Храма тысячу восемьсот талантов, что сильно пополнило его казну, а заодно решил раз и навсегда покончить с осточертевшими ему иудейскими суевериями. Он запретил обрезание и субботу, посвятил Иерусалимский храм Юпитеру, «а на празднике Диониса принуждал иудеев в плющевых венках идти на торжественном ходе в честь Диониса» (2 Мак. 6:7).

Близко зная Ясона и Менелая, царь не сомневался в успехе своей реформы. И в самом деле — оба достойных первосвященника были людьми мультикультурными и толерантными, от души чуравшимися невежественной ксенофобии своего народа. Если бы линия Ясона и

Менелая восторжествовала, Иерусалим еще во II в. до н. э. стал бы второй Александрией, иудеи бы без остатка растворились в безбрежном океане эллинизма, и еврейский монотеизм остался бы лишь забавным примечанием в истории, известным лишь специалистам, вроде почитания единственного бога Залмоксиса фракийцами-гетами.

Царь забыл, что, кроме правящих потомков Садока, существуют еще и рядовые священники, отличающиеся от своих просвещенных собратьев точно тем, чем фанатичные иранские муллы отличались от просвещенных министров последнего иранского шаха.

Восстание началось в городке Модине. Местный священник Маттафия при виде приносящего идольскую жертву соплеменника «возревновал, и затрепетала внутренность его, и воспламенилась ярость его по закону, и он, подбежав, убил его при жертвеннике» (1 Мак. 2:24).

После этого со своими пятью сыновьями, *ревнующими* о законе (1 Мак. 2:27), Маттафия скрылся в пустыне и начал там полномасштабный джихад, который и привел к власти династию Хасмонеев.

Книга Даниила

Модинский священник Маттафия и его сын Иуда, имевший революционное прозвище Маккавей, т. е. Молот, были не просто фанатики.

Они были руководители хорошо организованной общины, вдохновленной только что обнародованным пророчеством: пророчеством о Страшном суде, о Смертном, который воссядет на троне одесную Господа, и о его приверженцах, *святых*, которые навечно овладеют царством.

Пророчество это сейчас составляет 7-ю главу Книги Даниила. Оно представляет из себя Апокалипсис, то есть рассказ о конце света и Страшном суде.

Апокалипсисы хорошо знакомы нам как разновидность христианской литературы и голливудского триллера, но первым апокалипсисом в истории является именно Книга Даниила, а точнее, ее 7-я глава. Все Апокалипсисы на свете вышли из 7-й главы Книги Даниила, как русская литература — из «Шинели» Гоголя.

Всё в этой 7-й главе случается впервые: начиная от терминов, которые она употребляет, и кончая метафорами, которыми она пользуется.

В своем видении Даниил видит четыре царства, сменяющие друг друга: вавилонское, мидийское, персидское и греческое. Все эти четыре царства имеют образ четырех чудовищ. В дальнейшем все Апокалипсисы будут изображать царства в виде чудовищ, и эта характерная черта поэтики Апокалипсисов берет свое начало именно с Даниила.

Даниил также видит одиннадцать царей греческого царства. Все эти одиннадцать царей имеют вид одиннадцати «рогов». В дальнейшем все Апокалипсисы будут изображать индивидуальных правителей в виде рогов на голове царства-зверя, и эта характерная черта опять-таки берет начало с Даниила.

Одиннадцатый рог — это Антиох IV Эпифан, *bête noire* иудейских повстанцев, и в этом роге «были глаза, как глаза человеческие, и уста, говорящие высокомерно» (Дан. 7:8).

Все эти рогатые звери поднимаются *из моря*.

Это не случайно. Как мы уже видели, море устойчиво ассоциировалась на Древнем Востоке с чудовищем /хаосом/ политическим врагом, которое убивал Бог/Священный Царь для создания миропорядка: море было Тиамат, Ямм и Левиафан. В Книге Даниила, как и в ханаанских мифах, предшествовавших монотеистическим реформам VIII–V вв. до н. э., мы снова встречаем морское чудовище, уравненное с политическими врагами, но акт его уничтожения Богом отнесен не в прошлое, а в будущее. Божий мир не сотворен — его еще только надлежит сотворить.

Как и во всех дальнейших апокалипсисах, значение зверей, рогов и Сына Человеческого Даниилу объясняет ангел Божий.

В наше время, когда ангелов стало как грязи, когда они глядят с потолков всех церквей и полок всех сувенирных магазинов, присутствие ангела в качестве гида Даниила не вызывает у нас никакого удивления. Однако в классическом иудаизме оно не имеет прецедента. Напомним, что Жреческий Кодекс, одна из главных составных частей Торы, *вообще не упоминает ангелов*. В нем также нет говорящих животных, антропоморфного бога и вещей снов. В жизнеописаниях Давида и Соломона нету ни одного ангела. Нету ангелов и в книгах Ездры и Неемии.

Из этого можно заметить, что саддукеи ангелов не жаловали. Ангелы подрывали идею единобожия и были де-факто запрещены — так же, как Небесное Воинство и Совет Богов, членами которого они, надо думать, и являлись.

И вот теперь — в Книге Даниила — ангелы снова становятся действующими лицами библейской истории и отличаются большой разговорчивостью.

Двумя главными действующими лицами Даниила 7 являются два сверхъестественных персонажа. Первый из них — это Бог Всевышний.

Всевышний этот носит арамейский титул *атик йомин*, который на греческий был переведен чрезвычайно неудачным словосочетанием «Παλαιός τῶν Ημερῶν», т. е. Ветхий Днями. Так он часто и значится в переводах. На самом деле правильный перевод — это, конечно, Отец Дней, Предвечный.

«Видел я, наконец, что поставлены были престолы, и воссел Предвечный; одеяние на Нем было бело, как снег, и волосы главы Его

— как чистая волна; престол Его — как пламя огня, колеса Его — пылающий огонь. Огненная река выходила и проходила пред Ним; тысячи тысяч служили Ему и тьмы тем предстояли пред Ним; судьи сели, и раскрылись книги» (Дан. 7:9–10).

Предвечный совершает суд над зверями, вышедшими из моря, и предаёт их огню.

Но ещё интересней второй персонаж, которого видит Даниил. Он носит имя *бар енош* (буквально «Сын Человеческий»), что в переводе с арамейского значит просто «человек», «смертный». Но это не просто смертный. Это некто, имеющий облик Смертного. Это СМЕРТНЫЙ капсулом.

«Видел я в ночных видениях, вот, с облаками небесными шел как бы Сын Человеческий, дошел до Предвечного и *был предложен* Ему. И Ему дана власть, слава и царство, чтобы все народы, племена и языки служили Ему; владычество Его — владычество вечное, которое не прейдет, и царство Его не разрушится» (Дан. 7:14).

Этот Сын Человеческий/Смертный взошел на небо и *сел на престол рядом с Предвечным*. Этих престолов было два. Книга Даниила отмечает это особо. «Поставлены были престолы» (Дан. 7:9), — говорит она.

Тут впору напомнить, что престол на небе в ортодоксальном иудаизме был только один. Это был престол Господа Войск, его летающая колесница, Меркава, с огненными колесами, шестикрылыми серафимами и сапфировым тронном, которую видел в небе над собой Иезекииль (Иез. 1:1–27).

Поэтому *два престола*, которые стоят на небе в Даниила, 7:9, позднее приводили рабби в отчаяние. Талмуд сохранил нам одну из многочисленных дискуссий по этому поводу.

«Как объяснить „И поставлены были престолы“? Один был для Него [Бога] и другой для Давида: так учил рабби Акива. Рабби Иосе возмутился этим: „Акива, как долго ты будешь осквернять Шехину? Скорее: один престол был для правосудия, а другой — для милосердия... А рабби Елеазар бен Азария сказал... один был престол, а другой подставка: престол для сиденья и подставка для Его ног“»^[93].

Несмотря на всё остроумие трактовки рабби Елеазара, трудно не согласиться с тем, что прав был, конечно, рабби Акива. Второй престол был для как бы Смертного, который превзошел Смертных.

Однако мы можем пойти еще дальше рабби Акивы. Дело в том, что рабби Акива не читал угаритского цикла о подвигах бога Баала. Мы же, однако, можем его читать. И тогда мы видим нечто необычайное: старый бог с белою бородой в книге Даниила выглядит совершенно так же, как старый бог Эль в угаритских текстах, и, более того, он носит тот же титул «Отец Дней»^[94].

Перед нами — не что иное, как сцена в *совете богов*. Мы видим древнего старца Эля, Предвечного Отца Дней, и молодого Господа, победителя морского чудовища Ямма и смерти^[95].

Именно поэтому этот молодой Господь идет «с облаками небесными», как и полагается богу грозы, разъезжающему на облачной колеснице^[96]. И именно поэтому этот как бы Смертный, взошедший на небо, был не *подведен* к Предвечному, как это написано в Синодальном переводе, а, опять же, в переводе более точном — *поставлен, предложен*, как жертва^[97].

Благодаря одной очень важной детали мы можем точно датировать седьмую главу Книги Даниила. Дело в том, что автор пророчества уже знает о политике тотальной эллинизации, проводимой Антиохом Эпифаном. Но он еще не знает об осквернении Храма. Это осквернение произошло около 167 года до н. э., и мы смело можем предположить, что именно пророчество Даниила, вовремя обнаруженное, как это уже часто бывало, в священной книге, вдохновило на войну соратников Маттафии и его сына Иуды Молота.

Воскресение мучеников

Помимо надежды на победу Сына Человеческого, под которым, вероятно, многие понимали самого Иуду, восставшие руководствовались еще одной важной надеждой: они были уверены, что всякий, кто пал в войне за Господа, физически воскреснет.

В прямом виде это обещание содержится в одном из пророчеств Даниила.

«И многие из спящих в прахе земли пробудятся, одни для жизни вечной, другие на вечное поругание и посрамление» (Дан. 12:2).

Однако самое подробное описание этой идеи содержится во 2-й книге Маккавеев, в притче о матери и ее семи сыновьях, поразительно напоминающей последующие христианские жития мучеников. В этой притче подробно рассказывается, как этих восьмерых мучеников поджаривали на сковороде, рубили на части, сдирали кожу — и тем не менее они наотрез отказались отречься от Бога.

Один из сыновей при последнем издыхании сказал царю: «Ты, мучитель, лишаешь нас настоящей жизни, но *Царь мира воскресит нас, умерших за Его законы, для жизни вечной*» (2 Мак. 7:9).

Другой, подставляя руки под топор, заявил: «От неба я получил их и за законы Его не жалею их, и от Него надеюсь опять получить их» (2 Мак. 7:11).

Третий объяснил царю, что он, умирая, наследует жизнь вечную, в то время как царь этой вечной жизни лишился: «Умирающему от людей вожделенно возлагать надежду на Бога, что Он опять оживит; *для тебя же не будет воскресения в жизнь*» (2 Мак. 7:14).

Наконец ужаснувшийся царь призывает мать уговорить остаться в живых самого младшего из ее отпрысков. Вместо этого мать наставляет мальчика последовать, с твердостью духа, с сыновьями, с тем, чтобы все они вместе воскресли для жизни вечной.

Мальчик умирает со словами: «Братья наши, претерпев ныне краткое мучение, *по завету Божию получили жизнь вечную*, а ты по суду Божию понесешь праведное наказание за превозношение» (2 Мак. 7:36).

Обратим внимание, что и в Книге Даниила, и во второй Маккавеев ничего не говорится о *бессмертии души*. То, что обещается в ней — это именно *физическое воскресение тела*. И это физическое воскресение должно произойти сейчас, вот-вот — с победой Сына Человеческого и космической революцией во всем мире.

Как называла себя та община, к которой было обращено пророчество Даниила?

Одно из ее самоназваний, вероятно, было *канаим*, т. е. ревнители, или, по-гречески, зилоты. Слово «ревнитель» имело безусловно положительный смысл для всех иудеев, и всё время в одной и той же коннотации: *ревнители* истребляли язычников.

Ревнителем являлся Финеес, пронзивший копьем еврея, совокуплявшего с мадианитянкой (Чис. 25:6–13). «Возревновал о Господе Боге войск» Илия, когда убил четыреста пятьдесят пророков Баала (3 Цар. 19:10). *Ревнителем* являлся сам Бог Израиля. Фактически это было одно из его имен: он был Бог Ревнитель, Эль Канна.

«Ибо ты не должен поклоняться богу иному, кроме Господа, потому что имя Его — ревнитель; Он Бог Ревнитель» (Исх. 34:14).

Еще одно самоназвание этой общины было *кедошим*, т. е. святые. Так она постоянно называется в Книге Даниила. Именно «святым» передает в ней навеки царство Всевышний.

Это тоже было древнее и наполненное сакральным смыслом слово. Яхве Цеваот, Господь Войск, был не только *ревнителем*, но и *святым*, и именно поэтому *святы* были его последователи: «Освящайтесь и будьте святы, ибо Бог свят» (Лев. 11:44). «Вы будете у меня царством священников и народом святым» (Исх. 19:6).

Понятно, что саддукеи своих конкурентов ни *святыми*, ни *ревнителями* не называли. Они завели для них презрительную кличку: раскольники, т. е. *перушим*.

Это слово, в его эллинизированном варианте, хорошо знакомо всем христианам. *Перушим* — это не кто иные, как фарисеи^[98].

Фарисеи

Слово «фарисей» теперь означает «лицемер», благодаря ожесточенной с ними полемике в Новом Завете. На самом деле фарисеи — национал-теократическая партия, пришедшая к власти с Иудой Маккавеем.

Тогда, после победы милленаристского восстания, доктрина бессмертия мучеников стала основанием всей новой идеологии восстановленного Иудейского царства, фарисеи превратились в правящую партию национал-теократов, потеснив саддукеев, запятнавших себя сотрудничеством с оккупантами и моральным разложением, выразившимся в учреждении палестр и жертвоприношениях Юпитеру. А потомки Маттафии стали лидерами нации и приняли на себя титул Первосвященника.

Трудно представить себе, какой это был переворот в социальной структуре иудейского общества.

Ведь доселе первосвященником мог быть только потомок Садока. Это была освященная веками традиция. И Ясон, и Менелай, несмотря на низкопоклонство перед Селевкидами, были потомками Садока. Но Симон Хасмонеи, избранный революционным Синедрионом Вечным Первосвященником (1 Мак. 14:41), потомком Садока не был. Он был выскочка. Революционер. Фарисей.

Но постом Первосвященника революция не ограничилась.

Саддукеи были наследственной теократией. Они происходили «из немногих знатных семей». Наоборот, фарисеем мог стать любой, кто изучил закон. Фарисеи были служивой религиозной бюрократией, для которой знание закона было социальным лифтом, иногда поднимавшим человека с самых низов. К примеру, рабби Акива (ок. 40–137 г. н. э.), по преданию, до 40 лет был неграмотным пастухом.

Фарисеи утверждали, что они сохранили, «на основании древнего предания, множество законоположений, которые не входят в состав Моисеева законодательства»^[99]. Центральным пунктом этого «древнего предания», отсутствовавшего в Моисеевом законодательстве, было представление о воскресении тела, а также о

том, что этого воскресения *удостаиваются только мученики, павшие за веру.*

Насколько это предание было действительно древним? Или мы опять имеем дело с типичным для древности приемом, когда совершенно новомодные идеи вдруг оказывались прописаны в кстати отыскавшейся «древней пророческой книге»?

Скорее всего, претензии фарисеев были справедливы. Крайне странно, чтобы яхвизм, заточенный со времен Моисея специально под священную войну, под *херем*, был лишен обещания бессмертия воинам.

Яхве был Господь Войск, Яхве Цеваот.

Эти войска первоначально включали в себя, видимо, те самые войска духов на огненных колесницах, которые видел пророк Елисей, и эти духи (как и у угаритов) были *рефаим* — павшие в боях за Яхве. Политически некорректные представления об этих духах, пирующих в иудейской Вальгалле, были, вероятно, вычищены из Торы в ходе утверждения абсолютной монополии потомков Садока, но сохранились в устном обиходе.

Теперь, в 167 г. до н. э., *войска духов* снова вернулись на землю.

Закат и разложение фарисеев

Первоначальная программа *святых* предусматривала воскресение мертвых, пришествие Мессии и строительство Царства Божия во всем мире. Первые Хасмонеи даже не озаботились принять титул царей — они правили нацией как Первосвященники.

Политическая действительность, однако, внесла свои коррективы в их далеко идущие планы.

Мертвые не спешили воскресать после битвы, и автору второй книги Маккавеев даже пришлось объяснять это печальное обстоятельство их недостаточной верой и наличием у них языческих амулетов (2 Мак. 12:40). Ополчение Иуды разбежалось, и в очередном сражении он был убит (1 Мак. 9:18). Брат его, первосвященник Ионатан, попал в плен и был казнен (1 Мак. 13:23), а их младший брат, Симон, который был поставлен, чтобы «иметь попечение о святых» до тех пор, пока не «восстанет Пророк верный» (1 Мак. 14:41–42) — то есть, как можно предположить, пока не воскреснет сам Иуда, — был предательски убит своим зятем.

Вместо воскресения мертвых и наказания грешников *святым* пришлось заняться построением Царства Божия в одной отдельно взятой стране, заключать политические союзы с Птолемеями и римлянами, вести дворцовые интриги, подсиживать, лгать и убивать.

Тем не менее Хасмонеи были единственной династией в истории Иудеи, занявшейся наступательным джихадом. Первосвященник Иоанн Гиркан (134–104 гг. до н. э.) завоевал сначала самаритян, уничтожив ненавистный всякому иудею Храм Яхве на горе Геризим, а затем завоевал и обратил в иудаизм Идумею. Его сын Аристокбул завоевал Галилею, Голаны и Хермон, также обратив в иудаизм местное семитское население.

Однако, как это часто бывает, именно военные успехи династии привели к изменению в положении *святых*. Иоанн Гиркан воспользовался своими победами для того, чтобы освободиться от опеки со стороны коллективной теократии. Фарисеи были отстранены от правления; в пику им Гиркан приблизил к себе давно впавших в

апатию и совсем ортодоксов, которые, надо думать, и получили в этот момент от своих врагов презрительную кличку «саддукеи».

Сын Гиркана Александр Яннай пошел еще дальше — он провозгласил себя царем, тем самым узурпировав власть у ЦК.

Фарисеи в ответ подняли восстание, в котором погибло 50 тыс. человек: эту пышную цифру мы, впрочем, оставляем на совести приводящего ее Иосифа Флавия. 800 захваченных в плен фарисеев было распято на глазах Яннай, наблюдавшего за этим зрелищем вместе с супругами и наложницами; семьи распятых были зарублены на их глазах. 8 тыс. фарисеев бежали из Иудеи^[100].

В 76 году до н. э. Александр Яннай умер. Трон перешел к его супруге Саломее Александре, и фарисеи, которых она возвратила, стали править страной.

В Иудее воцарился беспощадный религиозный террор: фарисеи стали, в частности, «виновниками смерти одного знатного гражданина, Диогена, друга Александра, которого они обвинили в том, что распятие восьмисот совершено было Александром по его наущению; они также довели Александру до того, что она лишила жизни и других лиц, подстрекавших Александра на это дело. Из религиозного страха она уступала, а фарисеи сметали с пути, кого только хотели»^[101].

Иосиф Флавий, который пишет иудейскую историю на манер греческой и специально делает вид, что главной ее движущей силой были цари и полководцы, не называет нам имя воинственного лидера этих фанатичных фарисеев.

Зато его называет Талмуд.

Этого человека, если верить Талмуду, звали Симеон бен Шетах. Он был *нази* (т. е. глава, буквально «князь») Синедриона и брат царицы Саломеи Александры^[102]. Именно ему Талмуд приписывает учреждение религиозных школ, то есть превращение фарисеев из милленаристской партии в правящую бюрократию, дотошно регламентирующую каждую минуту жизни подопечного им населения.

Восстание Аристовбула

Симеон бен Шетах был человек беспощадный и никогда не упустил возможности ввязаться в ссору, которую легко было бы избежать. Он преследовал полководцев Янная, затеял в Иудее религиозные и политические чистки и однажды даже совершил вылазку в город Аскалон только затем, чтобы казнить 80 тамошних ведьм, виноватых, вероятно, в том, что они исповедовали иудаизм не того оттенка, который насаждал Симеон бен Шетах^[103].

В этом смысле Симеон бен Шетах может считаться первым в истории инквизитором.

Беспощадность эта не могла не вызвать реакции. Через девять лет реформ этого нового Иеремии младший сын царицы, Аристовбул, бежал из Иерусалима в одну из крепостей, в которой от расправы бен Шетаха укрывались военачальники его отца.

Восстание вспыхнуло, как сухая трава.

«Менее чем за пятнадцать дней он овладел двадцатью двумя городами»^[104].

Между тем беда не приходит одна: в разгар восстания царица Александра неожиданно умерла, и Симеону бен Шетаху ничего не оставалось, как объявить главой государства ее старшего сына Гиркана. Гиркан был ленив, ограничен и неспособен к правлению — словом, он был наилучшей кандидатурой для бен Шетаха, собиравшегося править от его имени.

Новый вождь был выбран, религиозная бюрократия ему присягнула, и дело оставалось за малым — разбить войска его брата Аристовбула, катившиеся к столице.

Этого-то и не удалось: в решающей битве Гиркан потерпел сокрушительное поражение, в первую очередь потому, что его войска толпами стали переходить на сторону Аристовбула.

Аристовбул не стал казнить брата и проявил тем самым непростительную доверчивость, которая стоила ему жизни, а Иудее — независимости. Не прошло и двух лет, как пощаженный им Гиркан, проживавший в Иерусалиме на правах частного лица и не имевший в своем распоряжении никаких военных сил, на которые он мог бы

рассчитывать, сбежал за помощью к набатеям, царь которых, Арета, всегда был готов поучаствовать в братоубийственной войне на территории соседнего царства в обмен на парочку городов.

Иосиф Флавий называет главным организатором — и главным же бенефициаром — этого бегства араба-идумеянина по имени Антипатр, правителя покоренной Гирканом и обращенной в иудаизм Идумеи^[105]. Мы можем не без основания предположить, что партия фарисеев и сам Симеон бен Шетах несли не меньшую ответственность за новую смуту.

Арете обещали заплатить по бартеру: двадцатью городами, которые Яннай забрал у арабов. Антипатр уже достиг, чего хотел: из вассального правителя он стал сёгуном при бессильном Гиркане. В 65 году до н. э. идумеи и набатеи осадили Иерусалим, чтобы вернуть пост первосвященника человеку, который был слишком мелочен и жаден, чтобы отказаться от власти, и слишком ничтожен, чтобы захватить ее сам.

Время для этой осады, между тем, было выбрано неудачное — если для гражданской войны вообще когда-либо бывает удачное время. Именно в 65 году до н. э. в регионе появилась новая сверхдержава. На Восток — с чрезвычайными полномочиями и огромным флотом — прибыл полководец римской республики Помпей.

Помпей и взятие Иерусалимского храма

Нам теперь даже трудно представить переворот, который произошел на Востоке с появлением на нем Помпея.

Это в Риме Помпей был гражданином и полководцем. На Востоке же он был всемогущим владыкой: он решал судьбы местных царьков и командовал войсками, качество и количество которых превосходило всё, что имелось на тот момент на театре боевых действий.

Lex Gabinia, принятый в 67 г. до н. э., предоставил ему командование над 500 кораблями, 120 000 пехоты и 5000 кавалерии. *Lex Manilia* передал Помпею контроль над войсками, воевавшими против понтийского царя Митридата.

Помпей разбил Митридата, а за ним — царя Армении. Сирию он захватил почти мимоходом; покорил Каппадокию, Пафлагонию, Мидию, нынешнюю Грузию и кавказскую Албанию. В Месопотамии его войска дошли до Арбел и Кордуэны. Римское превосходство над местными царьками было тотальным: Помпей вел себя с ними, как английский адмирал, командующий военной эскадрой — с пирогами местных туземцев, с той только разницей, что английские адмиралы не брали столько взяток.

Утвердившись в качестве вершителя судеб Азии, Помпей «судил споры и другие дела царей и правителей, которые обращались к нему. Некоторых он утвердил во владении их царствами, другим прибавил территорий, а также урезал и унизил излишнее могущество некоторых»^[106].

Это новое могущество Помпея не осталось незамеченным всеми участниками иудейской гражданской войны. Аристокл и Гиркан оба прибежали к Помпею со взятками. Даже генерал Помпея получил четыреста талантов. Сам же Помпей сделался счастливым обладателем изумительного золотого виноградника ценой в пятьсот талантов по прозвищу «Услада», который потом Иосиф Флавий собственными глазами видел выставленным на Капитолии в святилище Юпитера^[107].

Это прекрасное ювелирное произведение было доставлено Помпею от Аристокла в качестве исчерпывающего доказательства того, что правителем Иудеи достоин быть именно он.

Помпей заколебался; Аристокбул и Гиркан наперегонки ухаживали за ним. При равных объемах взяток Помпей начал склоняться на сторону самого никчемного из претендентов, т. е. опять же Гиркана. Понемногу он двинулся к Иерусалиму. Гиркан следовал в его обозе. Аристокбул то скрывался по крепостям, порываясь к войне, то вновь являлся к Помпею и начинал торговаться.

Наконец Помпей подошел к Иерусалиму, и Аристокбул окончательно струсил. Он явился в лагерь к Помпею и пообещал ему денег, если тот разрешит дело в его пользу. Стороны ударили по рукам, Помпей дал слово, и наутро один из римских военачальников, Габиний, отправился в Иерусалим, чтобы быть впущену в город и забрать причитающуюся патрону взятку.

Можно только представить себе разочарование римского полководца, когда Габиний вернулся из-под стен Иерусалима с пустыми руками. Тамошние фанатики не пустили его в город; с деньгами, естественно, тоже вышел полный облом.

Помпей взбеленился. Аристокбул, так жестоко кинувший римскую сверхдержаву со взяткой, был взят под стражу. Римские войска вошли в Иерусалим, но часть иудеев отступила к храму и наотрез отказалась сдаваться.

Храмовая Гора в то время была еще не такой неприступной крепостью, какой она предстает посетителю Иерусалима в наше время. Таковой ее сделал Ирод, обнеся гору отвесной стеной и засыпав промежутки между стеной и горой камнями.

После недолгой осады храм был взят римскими войсками, и тут римлянам на собственном опыте пришлось убедиться в невероятном фанатизме его защитников: даже в момент штурма они продолжали жертвоприношения. «Их не могли принудить к бегству ни страх за свою жизнь, ни множество убитых уже товарищей, потому что они были убеждены, что лучше подвергнуться своей участи, оставаясь у жертвенников, чем в чем бы то ни было нарушить предписания законов», — сообщает нам Иосиф Флавий^[108].

«Некоторые из иудеев были перерезаны римлянами, другие своими же земляками; были и такие, которые кидались в бездну или сгорали живьем, поджигая свои собственные дома, лишь бы не дожидаться угрожающей им гибели. Таким образом погибло до двенадцати тысяч иудеев; римлян же пало очень немного»^[109].

В описании Иосифа Флавия обращает на себя внимание одна деталь: необычайная *ревность* защитников храма.

Дело их было абсолютно безнадежно. Первосвященник Гиркан был союзником римлян. Его конкурент Аристокбул находился в римском плену. Иерусалим был сдан властями, совершенно официально.

Тем не менее эти люди были настолько *ревностны*, что они продолжали в момент взятия храма приносить жертвы Господу, а другие кончали с собой, лишь бы не попасть в плен.

Чем руководствовались эти *ревнител*и?

В составе Св. Писания есть Книга пророка Захарии. Мы уже упоминали о нем как о придворном пророке того самого Зоровавеля, потомка Давида, который вернулся в Иудею в качестве наместника Дария и, видимо, воспользовался персидскими смутами, чтобы провозгласить себя царем.

Захария — это тот самый пророк, который предрекает, что Мессия из рода Давидова въедет в Иерусалим на ослице и на молодом осле, сыне подъяремной (Зах. 9:9). Когда Иисус въезжал в Иерусалим на осле, он сделал это во исполнение пророчества Захарии.

Книга Захарии состоит из четырнадцати глав. Первые восемь из них, несомненно, написаны самим Захарией во 2-й год правления царя Дария, то есть около 520 г. до н. э. В них Захария, собственно, и занимается тем, что провозглашает своего патрона Помазанником, т. е. Мессией.

Нас, однако, интересуют сейчас другие две части — Второй и особенно Третий Захария, составляющий главы с 12-й по 14-ю.

Нам точно неизвестна дата, когда было написано пророчество Третьего Захарии (она служит предметом горячих дебатов), но мы можем с уверенностью сказать, что оно было изречено во время одной из бесчисленных осад, которые выдержал Иерусалим.

Дело в том, что Третий Захария предсказывает, что Господь придет в Иерусалим в тот самый момент, когда город будет наполовину взят. Как голливудский герой, он спасет мир в самую последнюю секунду.

«И взят будет город, и разграблены будут дома, и обещены будут жены, и половина города пойдет в плен; но остальной народ не будет истреблен из города. Тогда выступит Господь и ополчится

против этих народов, как ополчился в день брани. И станут ноги Его в тот день на горе Елеонской, которая перед лицом Иерусалима к востоку; и раздвоится гора Елеонская от востока к западу весьма большою долиною, и половина горы отойдет к северу, а половина ее — к югу» (Зах. 14:2–4).

Не будет большою натяжкой предположить, что фанатики, совершавшие богослужение в тот самый момент, когда римляне брали храм, руководствовались именно Третьим Захарией. Они были уверены, что им на помощь придет сам Господь. С их точки зрения, их действия были совершенно логичны. Они совершали жертвы в момент взятия храма по той же причине, по которой экипаж атомной подлодки с баллистическими ракетами на борту при объявлении войны не выскакивает на берег с ножами в зубах, а методично жмет на кнопки.

Господь был их оружием массового поражения, и они приносили жертвы, чтобы пустить его в ход. Он должен был явиться вот-вот: так обещал пророк, и все приметы обещанного — взятый город, обесчещенный народ, и прочее — были уже налицо.

Надеждам осажденных не суждено было сбыться. Господь не пришел. Елеонская гора осталась на месте. Римские войска ворвались в храм, убивая и грабя. Иудея была расчленена. Эллинистические города, завоеванные Хасмонеями, были включены в римскую провинцию Сирию или получили независимость. Проживавшие в них евреи были депортированы или, по крайней мере, лишены прав гражданства^[110].

Аристокл с семьей был отправлен в Рим. Гиркан был назначен первосвященником, и вместо того, чтобы стать марионеткой в руках фарисеев, превратился в марионетку в руках римлян и их верного клиента, идумеянина Антипатра, сделавшегося впоследствии, уже после смерти Помпея, римским гражданином и правителем Иудеи^[111].

Трудно было представить себе более унижительное фиаско. Партия милленаристов, пришедшая к власти под лозунгом воскресения мертвых и водворения Царства Божия на земле, вместо Царства Божия получила позор, разгром, римские сандалии, топчущие Святая Святы, потерю независимости, утрату территорий и фактическое правление Антипатра, который вдобавок даже не был чистокровным евреем: он происходил из завоеванных при Гиркане арабов.

И всё это произошло из-за распри внутри Хасмонеев.

Глава 5

Рим и царь Ирод

Захват Иерусалимского храма и расчленение Иудеи не привели к миру. Ровно наоборот — точно так же, как и захват президентского дворца в Кабуле советским спецназом означал не конец, а начало партизанской войны.

Первым ее начал сын Аристобула Хасмоней Александр, который сбежал из римского плена и «прошел во главе огромного войска по стране, убивая всех римлян, попадавшихся ему на пути»^[112]. Вскоре к нему присоединился сам Аристобул, а после пленения Аристобула и казни Александра главарем мятежников стал некий Пифолай^[113].

Однако нас сейчас интересует другое восстание, которое разразилось чрезвычайно удачно — а именно, когда в Риме началась гражданская война, и умирающей республике стало не до своих восточных сателлитов.

Спустя 15 лет после взятия Храма, в 48 г. до н. э., пока Цезарь и Помпей выясняли отношения между собой, в Галилее, на окраине Сирии, появился атаман Езекия^[114], который совершал «во главе огромного отряда набегу на пограничные с Сириею области»^[115].

Римский лоялист Иосиф Флавий называет Езекию «разбойником», точно так же, как официальная российская пресса называет кавказских джихадистов «бандитами». «Иосифон» — средневековая компиляция на базе Иосифа Флавия, источник куда менее достоверный и поздний, но зато не сдерживаемый лояльностью к римлянам, называет Езекию «храбрым молодым человеком, к которому стекались все обиженные»^[116]. Во главе своего войска Езекия вторгся в римскую Сирию и начал методично опустошать провинцию. Как и Иуда Молот, он вел *херем* — священную войну против неверных.

Наместнику Сирии Сексту в это время было не до еврейских джихадистов: он был двоюродным братом Цезаря и был занят мятежами среди собственных войск. Однако на помощь Сексту Цезарю весьма кстати пришел Антипатр. Он отрядил против Езекии своего двадцатипятилетнего сына, Ирода. Тот «неожиданно напал на

Езекию и его людей, когда они возвращались с добычей из Сирии, и был щедро вознагражден подарками сирийского наместника»^[117].

Род этого таинственного Езекии будет играть огромную роль в нашем повествовании.

После смерти Ирода потомок Езекии, Иуда, провозгласит себя царем, а спустя десять лет станет основателем «четвертой секты». Сыновья Иуды, Симон и Иаков, будут распяты при прокураторе Тиберии Александре. Еще один его потомок, Менахем, станет главным зачинателем Иудейской войны.

Однако еще необыкновенней этой — посмертной — карьеры была реакция, которую убийство Езекии произвело в Иерусалиме.

А именно: Иерусалимский Синедрион, то есть высший законодательный и судебный орган Иудеи, состоявший из знатнейших ее людей и религиозных авторитетов, — ее Сенат и Верховный Суд — потребовал привлечь Ирода к суду за то, что тот казнил Езекию без разрешения Синедриона.

Ирод явился на заседание Синедриона с вооруженной свитой и с рекомендательным письмом наместника Секста Цезаря. Письмо не помогло: Ирод спасся от смерти только тем, что бежал в ту же ночь из Иерусалима. Вскоре он купил у благоволившего к нему Секста наместничество над Келесирией.

Эпизод этот, известный нам, к сожалению, только из Иосифа Флавия — источника сколь же впечатляющего, столь и недостоверного — повергает, по внимательном рассмотрении, в полное изумление. Что это за *разбойник*, из-за убийства которого Верховный Суд страны готов казнить победоносного сына всемогущего сёгуна? Как получилось, что сторонники этого *разбойника* имели большинство в Синедрионе и могли влиять даже на первосвященника Гиркана?^[118]

Как получилось, что даже матери убитых Иродом «ежедневно напоминали в храме царю и народу, что он должен предать Ирода суду Синедриона»?^[119]

Кто такой был атаман Езекия?

Из какого рода он происходил?

Кто были его сторонники в Синедрионе и в Иерусалиме?

Я хочу сделать простое предположение.

Я думаю, что атаман Езекия происходил или, по крайней мере, претендовал на происхождение *из дома Давидова*.

Мессия из дома Давидова

Дом Давидов впоследствии играл огромную роль в иудейском мессианизме.

Из дома Давидова происходил Иисус. Мессию из дома Давидова до сих пор ждет Талмуд. Силомское пророчество: «Не отойдет скипетр от Иуды и законодатель от чресел его, доколе не придет *шило*, и ему покорность народов» (Быт. 49:10) было главным пророчеством, воодушевлявшим «четвертую секту»^[120].

Этот общеизвестный факт не должен заслонять от нас то удивительное обстоятельство, что вплоть до позорного конца Хасмонеев о доме Давидове все забыли.

Ездра и Неемия приложили огромные усилия, чтобы оттереть дом Давидов от управления Иудеей. Они учредили коллективное теократическое правление, которое к III в. до н. э. стало главной особенностью нации.

Они даже внесли в Тору положение, согласно которому аммонитянин и моавитянин не мог стать евреем ни в каком поколении (Втор. 23:3). Это положение било непосредственно по роду Давидову. Давид, сын Иессеев, был потомком моавитянки Руфи. А его внук Ровоам был сыном аммонитянки (3 Цар. 14:21). Из этого прямо следовало, что дом Давидов ни при каких обстоятельствах не может не то что руководить евреями: он не может быть даже членом общины верующих!

Главными книгами, которые со времени Ездры описывали историю иудейского царства, были шесть книг, сочиненных Девтерономистом/Иеремией. Опыт собственного общения Иеремии с царями (он состоял в фанатической оппозиции четверем из них) привел его к крайне скептическому отношению к царской власти. Во всей Девтерономической истории царей постоянно назначают и смещают пророки. В каждом противостоянии между царем и пророком прав оказывается пророк.

Более того, Девтерономист утверждает, что избрание царя есть очередной акт измены Израиля Господу, такой же отвратительный, как изготовление Золотого Тельца и поклонение Ашере и Баалу.

«Не тебя они отвергли, но отвергли Меня, чтоб Я не царствовал над ними» (1 Цар. 8:7).

В тех случаях, когда саддукейские тексты упоминают о царе Давиде, они не связывают с ним никаких мессианистских надежд. В Книге Премудрости Иисуса Сына Сирахова, написанной в Египте в 180 г. до н. э. — совсем незадолго до восстания Маккавеев, — мессианизм показательно отсутствует. Царь Давид в ней предстает всего лишь как добродетельный правитель, которому Господь «даровал завет царственный и престол Славы в Израиле» (Сирах. 47:13) — но не более того.

С приходом *фарисеев* ситуация не меняется. Они мечтают о Мессии, но нигде при Хасмонеях мы не находим упоминания, что этот Мессия должен происходить из дома Давидова.

В главе 7 Даниила Мессия именуется просто Сын Человеческий. Даниил понятия не имеет, что Мессия должен происходить от Давида. В Первой книге Маккавеев говорится, что после смерти Иуды и Ионафана их младший брат, Симон, принял власть, чтобы «иметь попечение о святых» до тех пор, пока не «восстанет Пророк верный» (1 Мак. 14:41–42) — т. е. опять же не царь из рода Давидова, а пророк. Иными словами — кто-то из идеологов и организаторов восстания.

Хасмонеи правят нацией в качестве Мессий — сначала первосвященников, а потом и царей — и не выказывают ни малейшего желания ни породниться с кем-то из дома Давидова, ни провозгласить себя потомками такового. Последнее к тому же довольно трудно: родословные списки евреев хранятся в Храме, и про Хасмонеев хорошо известно, что они являются священниками из Модина.

Даже во время войны против Александра Янная фарисеи не вспоминают ни о каком доме Давидовом. Оно и немудрено, если учесть, что согласно Талмуду Симеон бен Шетах приходился шурином Александру Яннаю. Было бы странно, если бы Симеон бен Шетах поддерживал род, не связанный с Хасмонеями. Лучшим инструментом для его прихода к власти были его сестра и племянники.

Ситуация меняется только в 60–40 гг. до н. э. — после религиозного террора, устроенного Симеоном бен Шетахом, заката Хасмонеев и взятия римлянами Храма. Именно в это время появляются «Псалмы Соломона» — 18 гимнов, популярных среди ранних христиан^[121].

Воинственная община, сочинившая «Псалмы Соломона», обладает некоторыми отличительными чертами. Она продолжает именовать своих членов *святыми*, так же, как в Книге Даниила, но при этом начинает использовать и другое самоназвание: *праведники*. Она уверена, что праведники и святые будут жить вечно, и даже называет их «древями жизни» (14:2)^[122].

Община эта ненавидит Хасмонеев. С ее точки зрения, они были грешниками, взявшими силой престол Давидов, который им не принадлежал. За их грехи Господь «низверг их и уничтожил их семя на земле» (17:8). Он сделал это с помощью чужеземного правителя, который взял Иерусалим силой, но потом был убит в Египте, и тело его лежало непохороненным на берегу (2:30–31).

Ненавидит автор «Псалмов» и фарисеев. Он выражает надежду, что вскоре они будут уничтожены, как Хасмонеи. «Да выключат вороны глаза лицемеров», — восклицает он (4:22).

Автор «Псалмов Соломона» называет фарисеев лицемерами, разрушающими дома, и «человекоугодниками, которые лицемерно провозглашают закон». Они разрушают семьи; их блудливые глаза следят за каждой красивой женщиной, и все их слова — обман, чтобы удовлетворить их порочные страсти. Их души ненасытимы, как Шеол.

«Да разорвут дикие звери плоть человекоугодников!
Пусть вороны выключат глаза лицемеров!
Ибо они опустошили много домов
И уничтожили их своей алчностью»

(4:21–23).

Как мы видим, претензии общины, сочинившей «Гимны Соломона», вполне конкретны. Фарисеи, находящиеся у власти, по мнению этой общины, только притворяются *ревнителями*. На самом деле они лицемеры и похотливцы, и именно их лицемерие, похоть и алчность и стали причиной гибели Иерусалима.

На кого же возлагает свои надежды община, написавшая «Псалмы Соломона»?

На Мессию из рода Давидова.

«Псалмы Соломона» — это первая за много веков группа текстов, в которой мессианистские надежды связываются с фигурой царя из дома Давидова, который «очистит Иерусалим и сделает его *святым*» (17:33)^[123]. И, более того, этот царь в «Псалмах» называется не просто Мессией, то есть Помазанником, но Господом Мессией — то есть воплощением Яхве на земле.

«И будет над ними *праведный* царь, наставленный Богом. И не будет неправедности среди них в эти дни, ибо все будут *святыми*, и их царь будет *Господь Мессия*» (17:35–36).

Когда появились на свет «Псалмы Соломона»?

Они сочинялись в продолжение некоторого времени. Так, Псалом номер два упоминает о гибели Помпея, тело которого было брошено на морской берег в 48 г. до н. э., а Псалом номер семнадцать сообщает о полном уничтожении семени Хасмонеев, под каковым уничтожением разумеется, вероятно, смерть последнего из сыновей Аристобула, казненного после взятия Иерусалима Иродом в 37 г. до н. э.

Это позволяет нам датировать по крайней мере некоторые из Псалмов 40–30 гг. до н. э.

Кроме этого, автор «Псалмов Соломона» утверждает, что *праведники* и *святые* не пострадали при штурме Иерусалима римлянами в 63 г. до н. э. Пострадали — за свои грехи — только грешники. Праведники же спаслись в пустыню (17:19). «Ибо Господь показал себя праведным в суде его над народами земли, и благочестивые Господа — как невинные овцы среди них» (8:27–28).

Иначе говоря, если верить Псалмам, то община, их написавшая, действовала как раз во время атамана Езекии, а покинула она Иерусалим в начале 60-х годов до н. э., еще до того, как он был взят римлянами. Ее изгнали лицемеры и опустошители домов.

Что это была за община?

Я полагаю, что это были *ессеи*.

Ессеи

Этимология слова «ессеи» темна и неясна. «Ессеев» производили от греческого «оссеос» (т. е. святой), от арамейского «ашшайя» (целитель), от древнееврейского «хасидим», т. е. «благочестивые», и от «осей а-Тора», т. е. «соблюдающие Тору».

Однако есть и еще один вариант этимологии слова «ессей». Ессеи — это *иессеи*, то есть сторонники дома Давидова, отцом которого был Иессей.

«Те, кто уверовал в Христа, назывались Иессеями перед тем, как они стали называться христианами, ибо, как я говорил, Иессей был отец Давидов», — пишет Епифаний из Саламиса^[124].

И в самом деле, нельзя короче изобразить космическую и политическую программу авторов «Псалмов Соломона». *Иессеи* утверждали, что неудачи их предшественников по водворению царства Божия на земле связаны с неправильным руководством. Ими руководили всякие грешники.

А надо, чтобы общиной руководил Господь Мессия из дома Давидова, из корня Иессеева.

На первый взгляд в этом утверждении не было ничего удивительного. Иерусалим был взят, а Хасмонеи погибли: надо же было кого-то ждать.

Однако не стоит недооценивать одну вещь: исключительно прагматический характер иудейской теологии. При царе Иосии эта теология удивительно хорошо отражала интересы Иосии, при Ездre эта теология удивительно хорошо отражала интересы Ездры, а при Хасмонеях она прекрасно отражала интересы Хасмонеев.

Все пророчества, которые мы уже приводили в этой книге (и те, которые мы еще не приводили), делались исключительно задним числом и в пользу совершенно конкретного политического адресата. Только когда они не сбывались, действие их переносилось в неопределенное будущее.

Иначе говоря, если кто-то после взятия Иерусалима Помпеем начал распевать гимны о роде Давидовом, мы вправе предположить,

что этот кто-то принадлежал к группе, которую возглавлял представитель рода Давидова или кто-то, кто называл себя таковым.

Разбойничья шайка и секта фанатиков обыкновенно имеют жесткую, ригидную иерархию. Иерархия ессеев, как мы увидим чуть дальше, была совершенно тоталитарной. «Все действия совершаются ими не иначе, как по указаниям лиц, стоящих во главе их», — пишет о них Иосиф Флавий^[125]. Он также сообщает о жесткой иерархии внутри секты: «По времени вступления в братство, они делятся на четыре класса; причем младшие члены так далеко отстоят от старших, что последние, при прикосновении к ним первых, умывают свое тело, точно их осквернил чужеземец»^[126].

Очень сложно представить себе, чтобы во главе этой ригидной тоталитарной иерархии, руководители которой считали себя оскверненными даже прикосновением к низшим собратям, и члены которой клялись страшной клятвой хранить в тайне идеологию секты и имена ангелов, стоял кто-нибудь, кто не претендовал на высшую власть.

Во всем мире, во все эпохи, у всех народов, мессианистские движения всегда происходили под руководством живых и очевидных Мессий. Только после их смерти верующие начинали ждать их возвращения.

И если «Псалмы Соломона» утверждают, что нацией должен руководить Мессия из рода Давидова, мы вправе полагать, что общиной, написавшей Псалмы, он уже руководил.

Именно поэтому Езекия имел такую серьезную поддержку. Именно поэтому не кто-нибудь, а часть членов правящего Синедриона требовали казнить за его убийство Ирода. И именно поэтому эта ранняя схватка между родом Ирода и родом Езекии определила многое в дальнейшем развитии событий.

Возвышение Ирода

Антипатр, отец Ирода, прекрасно сознавал свое расово неполноценное (с точки зрения иудейских фанатиков) происхождение и никогда не притязал на титул царя, довольствуясь вместо этого реальной властью. Он правил Иудеей не как царь, а как римский наместник — как всемогущий сёгун за спиной своей жалкой марионетки, первосвященника Гиркана.

Он был настоящим восточным политиком: он никогда не спешил употребить военную силу там, где можно было обойтись простой хитростью, и никогда не сохранял верность патрону дальше, чем это было ему выгодно.

Между тем время, в которое жил Антипатр, было бурным. Это было время римской гражданской войны. Патроны, которым надо было служить, постоянно менялись, и Антипатр, а за ним и его сын принялись играть в классическую военно-политическую игру времен любой смуты.

Предавая каждого предыдущего патрона в пользу последующего, они выторговывали себе всё больше привилегий и власти, превращаясь, мало-помалу, из восточных парвеню, державшихся только на римских мечах, в младших партнеров любого из римских претендентов на власть на Востоке.

Сначала Антипатр поддерживал Помпея, потом перевернулся к его победителю, Цезарю, а после убийства Цезаря поддержал убийцу Цезаря, Кассия.

В 44 г. до н. э. Кассий и Антипатр заключили взаимовыгодную сделку: Кассий получал с Иудеи 700 талантов серебра. Взамен пламенный республиканец Кассий назначил сына Антипатра, Ирода, римским наместником Келесирии и обещал назначить его после победы царем Иудеи^[127].

Иудейский престол находился теперь от Ирода в одном шаге.

Шаг этот, однако, не удалось сделать. Слухи о сделке вызвали негодование в Иерусалиме. Антипатр был отравлен, последний из Хасмонеев, Антигон, снова поднял восстание. А вскоре потерпел

сокрушительное поражение и погиб и другой участник сделки — т. е. Кассий.

Некоронованным правителем Востока стал Марк Антоний, и Синедрион немедленно воспользовался ситуацией. Он отправил Марку Антонию делегацию из «самых влиятельных иудеев». Делегация пожаловалась Антонию, что Ирод поддерживал Кассия и даже обобрал для него налогами всю Иудею. Целью делегации было, очевидно, освобождение от власти идумеян и заключение договора с римлянами напрямую.

Надеждам «влиятельных иудеев», увы, не суждено было оправдаться. Ирод к этому времени успел стать одним из ключевых игроков на сирийском фронте. Марк Антоний нуждался в его воинах куда больше, чем в молитвах белобородых иудейских старцев. Деньги, собранные для Кассия,годились для взятки Антонию; первая делегация, явившаяся жаловаться Антонию на его же врага, была арестована, а вторая, состоявшая из тысячи человек, попросту перебита^[128]. Ирод снова заполучил контроль над безвольным первосвященником Гирканом и, чтобы упрочить свою власть, обручился с его внучкою Мариамной, которую он, впрочем, по всем отзывам, до потери сознания любил.

Между тем противники Ирода, не получив власти над Иудеей от римлян, обратились к парфянам. Парфяне охотно поддержали восстание Антигона и вторглись в Иудею. Параллельно парфянский принц Пакор овладел почти всею римскою Сирией^[129].

Войска Антигона, обраставшие по пути местными волонтерами, не успели еще дойти до Иерусалима, как в нем вспыхнуло хорошо организованное восстание: несколько десятков тысяч иудеев, собравшихся на праздник Пятидесятницы, захватили Храм^[130].

Ирод в панике едва успел спастись из Иерусалима и, оставив своих жен и детей под охраной немногочисленного гарнизона в неприступной Масаде, бежал в Египет и отплыл оттуда в Рим, взывая к своим патронам о помощи^[131].

Ирод потерпел от повстанцев унизительное поражение, но это именно тактическое поражение обернулось серьезной стратегической победой. Дело Ирода теперь стало делом всех римлян. Полыхал уже весь римский Восток, речь шла не о том, кто будет господствовать в Иудее, а о том, кто будет владеть Азией — Рим или Парфия. Для

решения этого вопроса Ирод был так же необходим римлянам, как они ему, и это позволило Ироду наконец добиться заветной цели: по просьбе Антония и с согласия Октавиана Сенат назначил его иудейским царем.

«По окончании заседания Ирод вышел из сената, имея, с одной стороны, Антония и с другой — Октавиана. Консулы и другие государственные сановники провожали их для приношения жертвы богам и возложения сенатского решения на Капитолий. В первый же день назначения Ирода царем Антоний дал в честь него торжественный обед»^[132].

Ирод вернулся с римскими войсками в Иудею и осадил Иерусалим.

Тут же в тылу Ирода вспыхнуло восстание. Оно разразилось в той самой Галилее, которая была вотчиной убитого им атамана Езекии. Ирод был вынужден прервать осаду и выступить против разбойников, успехи которых угрожали отрезать его от побережья.

Разбойники дали Ироду регулярное сражение и даже «правым своим крылом заставили левое крыло Ирода податься назад»^[133]. Разбив их, Ирод «преследовал их до Иордана с безостановочной резней и значительную часть их уничтожил»^[134]; уцелевшие остатки рассеялись по ту сторону реки. Однако это был еще не конец: остатки разбойников укрылись в пещерах на вершинах утесов — в тех самых пещерах, которые Ирод брал с помощью ящиков и дыма. В ответ на предложение сдаться разбойники принялись убивать жен и детей.

«Один старик, отец семерых детей, следующим образом убил последних вместе с их матерью за то, что они, доверяясь царским обещаниям, упрашивали его выйти из пещеры. Он стал у входа пещеры, приказал им выходить по одиночке и заколол каждого отдельно появлявшегося сына. Ирод, потрясенный этой сценой... простирая свою правую руку к старику и умолял его пощадить своих собственных детей. Но старик и слышать его не хотел: резкой бранью он напомнил Ироду о его низком происхождении, умертвил еще свою жену над трупами детей и, швырнув их вниз по отвесной стене, сам вслед за ними бросился в бездну»^[135].

Что еще важнее, победа Ирода оказалась эфемерной. Едва Ирод вернулся к стенам Иерусалима, «те отряды, которые и раньше производили смуты в Галилее», напали на оставленного им командира

и убили его, «после чего бежали в болота и неприступные местности, предавая всё на пути своем разграблению»^[136].

Ироду пришлось возвращаться в Галилею и наводить порядок. Порядок продлился недолго: едва услышав о гибели брата Ирода, «галилеяне отложились от своих наместников и потопили приверженцев Ирода в озере»^[137].

Наконец Иерусалим, с помощью римских войск, был взят. «Произошла страшная резня, так как римляне были разъярены продолжительностью осады, а иудейские приверженцы Ирода не желали оставлять в живых ни одного противника»^[138].

Несмотря на то, что наш единственный источник — Иосиф Флавий — всячески старается преуменьшить фанатическую составляющую в сопротивлении Ироду, она прямо-таки бросается в глаза. Особенно это касается истории разбойника, который убил свою жену и детей прямо на глазах обещавшего ему помилование царя.

Она прямо перекликается с историей матери и ее семи сыновей во второй книге Маккавеев. «Разбойник» убил свою жену и детей, чтобы воскреснуть вместе с ними для вечной жизни, и весь характер этого эпизода заставляет предположить, что Иосиф Флавий заимствовал его из устной легенды или какого-то текста, аналогичного Второй книге Маккавеев, только посвященного священной войне против Ирода.

Что это была за легенда и что это был за текст, и не осталось ли у нас хоть каких-нибудь сведений об этой войне разбойников против Ирода, не восходящих к пропаганде римского лоялиста Флавия?

Очень возможно, что такой текст сохранился, и мы рассмотрим его немного погодя.

Царь Ирод, Антихрист

Иудейская элита ненавидела Ирода «совершенною ненавистью» (как сказано по другому поводу в 138-м Псалме), и ненависть эта пережила века. Мы до сих пор называем «иродом» жестокого и несправедливого царя.

Нет таких злодеяний, которые не приписывались бы Ироду.

Евангелия обвиняют его в избииении младенцев; Иосиф утверждает, что из ненависти к евреям Ирод перед смертью приказал казнить всех представителей знатнейших семейств.

Талмуд называет Ирода рабом Хасмонеев, который взбунтовался против господина, чтобы заполучить в жены красавицу Мариамну. Когда она убила себя, чтобы не достаться извергу, этот мерзкий некрофил положил ее тело в мед и семь лет сношался с трупом.

«Ирод был рабом дома Хасмонеев и положил свои глаза на деву из этого дома, — рассказывает трактат Баба Батра. — Однажды он услышал, как *Бат Кол* (Голос с Неба) сказал: „Каждый раб, который ныне восстанет, достигнет успеха“. Он восстал и убил всех членов дома своего господина, но пощадил деву. Когда она услышала, что он хочет жениться на ней, она взошла на крышу и вскричала: „Тот, кто придет и скажет, что он из дома Хасмонеев — раб, ибо я одна осталась из него и я сейчас брошусь с крыши“. Он сохранял ее тело в меду в течение семи лет. Некоторые говорят, что он имел с ней соитие, а некоторые — что нет»^[139].

Трудно, кажется, найти в истории другого персонажа, которого ненавидели бы одновременно и иудеи, и христиане, и проримски настроенные ренегаты.

Ненависть эта выглядит несколько странно, потому что правление Ирода было золотым веком для Иудеи.

Страна была настолько независима от римлян, насколько возможно. Повсюду царил мир. Торговля процветала, и так как страна сидела на транспортном коридоре, соединявшем Красное море со Средиземным, таможенные доходы государства были огромны. Ирод вкладывал их в развитие инфраструктуры, тем самым обеспечивая работой население и вызывая небывалый приток переселенцев.

С невероятной роскошью Ирод отстроил Храм, отделав его желтым, синим и белым мрамором. «Тот, кто не видел Храма, когда тот стоял, никогда не видел прекрасного здания», — вздыхает Талмуд^[140]. Он же сообщает, что когда Ирод возводил Храм, дождь шел только по ночам, чтобы не мешать рабочим^[141]. Роскошь Храма, в свою очередь, привлекала новых паломников, и Иерусалим превратился в один из богатейших городов античного мира.

Не забывал Ирод и своих римских покровителей. Он справил в честь Октавиана пятилетние игры и возводил в его честь храмы, правда, предусмотрительно предпочитая делать это за пределами собственно Иудеи. Он возвел новые языческие города — Себастию, Фазаэлиду и Антипатриду^[142]. Он строил театры, амфитеатры и ипподромы.

Крепость, построенную им в Иерусалиме, Ирод подобострастно назвал в честь своего покровителя Антония Антониевой башней. Когда Антоний был разбит Октавианом Августом, Ирод поспешно исправил свою политическую ошибку, назвав в честь Октавиана целый город — Кесарию. В Самарии он построил крепость Себасту, в Галилее — Гаву, в Перее — Есевон.

При Ироде страна была богата и умиротворена; казна была переполнена; строительство давало всем работу и процветание. В чем дело? Откуда эта невероятная, звенящая ненависть?

Причину ее приоткрывает нам случайное замечание Тертуллиана — знаменитого христианского апологета, жившего на рубеже II–III вв.

Тертуллиан пишет об «иродианах». Иродиане упоминаются в Евангелиях наряду с саддукеями и фарисеями в качестве гонителей Христа, и невнимательный читатель может счесть их партией политических сторонников Ирода.

Тертуллиан сообщает, что *иродиане считали Ирода Христом*. «Herodiani, qui Herodem Christum esse credebant»^[143].

Ничего удивительно в этом, если подумать, не было. Как мы уже много раз говорили, Христос/Машиах/Машиаха значило просто — помазанник. Иудейский царь и был помазанник.

Ирод, который был провозглашен иудейским царем язычниками на римском Капитолии, вполне очевидно должен был потребовать от своих иудейских подданных признать этот титул. У него просто не было другого выхода.

Другое дело, что евреям это показалось бы святотатством. Некоторые из них не признавали в это время царей вообще и настаивали, что «народ обязан подчиняться лишь священнослужителям почитаемого Бога»^[144]. Другие полагали, что если уж царь — то только из рода Давидова.

Царь из племени идумеян точно не входил ни в какую еврейскую политическую программу. Это было немыслимо. Это было оскорбительно для всех. И для сторонников рода Давидова, и для сторонников теократической аристократии.

Но откуда Тертуллиан — а за ним бл. Иероним и многие другие ранние христиане — взял эти свои сведения? Теология, гласящая, что недоеврей-идумеяне являются законными Помазанниками еврейского народа, очевидно, не пережила этой самой идумейской династии. Сыскать ее представителей в III в.н. э. было так же сложно, как сыскать сейчас в России поклонников татаро-монголов.

Скорее всего, Тертуллиан взял информацию оттуда же, откуда христиане обычно брали свои сведения об иудейском обществе I в.н. э. — у Иосифа Флавия.

Это утверждение может показаться странным, потому что в современных канонических текстах Флавия ничего подобного нет. В них только содержится брошенное мельком утверждение, что Ирод после своего вступления в Иерусалим во главе римских войск перебил весь Синедрион, за исключением двух рабби — Поллиона и Самеи^[145].

Истребление правящего Синедриона — это большое событие. Это как если бы оккупанты расстреляли весь Конгресс США. Очевидно, что это ключевое для понимания всего царствования Ирода событие заслуживает отдельного рассказа.

Однако у нынешнего Флавия такого рассказа нет — он просто мельком упоминает, что событие это случилось в отместку за то, что Синедрион приговорил Ирода к смерти за убийство атамана Езекии^[146].

Однако у нас есть не только канонические тексты Флавия. У нас есть еще также текст, который называется «славянский Иосиф». Он называется так потому, что он сохранился только на древнерусском языке. Распространялся он, вероятно, среди еретиков, которые в Московской Руси носили название «жидовствующие».

В одной из следующих книг мы поговорим о «славянском Иосифе» поподробней, а пока скажем только, что в 1930-х годах Роберт Эйслер показал, что этот текст восходит — хотя и в сильно испорченном христианами виде — к первоначальному варианту «Иудейской войны», написанной Иосифом сразу после уничтожения Храма в 70 году на арамейском языке. Он отличался от позднейшего греческого варианта. Впоследствии этот арамейский текст был тоже переведен на греческий, и с ним, вероятно, и был знаком Тертуллиан.

Так вот — в «славянском Иосифе», помимо прочего, содержится подробное и кинематографическое описание расправы Ирода над Синедрионом.

Славянский Иосиф сообщает, что сразу после взятия Иерусалима Ирод, провозглашенный иудейским царем на Капитолии в ходе языческого жертвоприношения, потребовал от Синедриона признать его Помазанником, то есть Мессией.

Синедрион отказался от предложения наотрез. Славянский Иосиф приводит речь одного из его членов, по имени Ионатан: «Закон не велит нам иметь царя-иноплеменника, но ждем кроткого Помазанника от колена царя Давида. Об Ироде мы же знаем, что он араб и не обрезан»^[147].

Когда предатель из рядов Синедриона донес Ироду о принятом решении, Ирод приказал перебить весь Синедрион и назначил новый. На следующий день после этого кровавого злодеяния произошло землетрясение. «И поутру вся земля затряслась»^[148].

Сцена эта вдруг, как кусочек пазла, со щелчком встает на место и представляет нам в совершенно новом свете и жертвоприношение Ирода на Капитолии, и вырезанный Иродом Синедрион, и перестроенный Храм, и легенду об избииении младенцев, и распоряжение перебить перед смертью всех знатнейших граждан Иудеи.

Ирод потребовал, чтобы его признали Мессией.

Убийство всех членов Синедриона — беспрецедентная мера даже для того бурного времени — было только реакцией Ирода на категорический отказ.

Идумеянин, уничтожавший борцов за веру, претендовал на то, чтобы быть Помазанником!

Прислужник *киттим*^[149], получивший свое звание из рук идольских жрецов во время языческого жертвоприношения на Капитолии, провозгласил себя преемником Давида! Убийца Хасмонеев претендовал на то, чтобы править землей, принадлежавшей одному Богу!

Римляне, безглаголиво презиравшие иудейских варваров, даже не обратили внимание, какой гигантской силы теологическую мину они заложили под основаниями своего могущества в Иудее, провозгласив — для войны с Парфией — идумеянина иудейским царем.

С точки зрения иудеев, Ирод был не Христом, а Анти-Христом. Он был не Сыном Закона, а Сыном Беззакония.

Именно «Сыном Беззакония» именуют арамейские тексты I в. до н. э. того персонажа, которого потом христианство будет называть «Анти-Христом», «Анти-Мессией». Они подчеркивают тем самым главную его проблему. Этот персонаж претендует на управление Иудеей, но при этом он не соблюдает Закон.

Автор данной книги полагает, что слово «Сын Беззакония» обозначало поначалу совершенно конкретную историческую фигуру. Оно не обозначало египетского фараона или парфянского царя. Оно родилось как бранное прозвище конкретного человека, который претендует на то, чтобы быть Помазанником, но при этом получил титул царя из рук римлян, проклятых *киттим*, в ходе языческого жертвоприношения.

Царь Манассия делал неудобное в очах Господа, но он не был Лже-Помазанником. Царь Ахав преследовал пророка Илию, но он не был Лже-Помазанником. Антиох IV Эпифан своей политикой вызвал восстание Маккавеев, но в Книге Даниила он нигде не именуется Антихристом и Сыном Беззакония. Даже Александр Яннай, хотя и распял 800 фарисеев, не был Лже-Помазанником.

Лже-Помазанник — это специфический исторический персонаж, который берет начало во время Ирода. За Сыном Беззакония должен был прийти тот, кто Соблюдает Закон. За Анти-Христом — Христос.

Потом, по мере того, как пришествие настоящего Мессии задерживалось, Лже-Помазанник тоже обретал всё более фантастические черты, и борьба с ним отодвигалась в будущее. Но первым Сыном Беззакония в истории, Лже-Помазанником с большой буквы, человеком, который породил саму концепцию Лже-

Помазанника, был именно Ирод, а за ним — его потомки, Ирод Антипа и Ирод Агриппа, которые слились в памяти народа в одного Расширенного Ирода.

«Нечестивый царь сменит их, не из рода священников, человек наглый и бесстыдный, и он будет судить их, как они того заслуживают. И он убьет их начальников мечом, и будет уничтожать их в тайных местах, так что никто не узнает, где их тела. Он будет убивать молодых и старых, и щадить не будет. Страх перед ним будет горьким в их земле. И он будет казнить их судом, как египтяне казнили их, в течение тридцати и четырех лет, и он будет карать их» — так описывается Ирод в апокрифе «Успение Моисея»^[150].

Талмуд сохранил нам яркий рассказ об этих убийствах.

Талмуд сообщает, что Ирод велел убить всех рабби, кроме рабби Баба бен Буты.

Ирод выколол ему глаза и предложил проклясть Ирода. Однако рабби Баба, проявляя поистине христианское смирение, категорически от этого отказался.

«Он [Ирод] восстал и убил всех рабби, пощадив Бабу бен Бута, с тем, чтобы тот советовал ему. Он увенчал его чело венком из игл ежа и выколол ему глаза. Как-то он пришел и сел перед ним и сказал: „Смотри, господин, что делает этот презренный раб [Ирод]. — Что ты хочешь, чтобы я сделал с ним, — ответил Баба бен Бута. — Я хочу, чтобы ты проклял его“. — Он [Баба] ответил стихом: „даже в твоих мыслях ты не должен проклинать царя“. Ирод сказал ему: но это не царь. — Он ответил, что даже если он просто богатый человек, то написано: „и в опочивальне своей не проклинай богатого“... Он сказал: я боюсь его. — Ирод сказал: здесь нет никого, кто мог бы пойти и рассказать ему, потому что мы одни. — Он ответил: „птицы небесные донесут голос“. Тогда Ирод сказал: „я Ирод. Если бы я знал, что рабби так осмотрительны, я бы не убил их“»^[151].

Эта история важна для нас тем, что она ярко эксплуатирует любимый прием тогдашних идеологов Иудеи: она выставляет их противника — безусловным агрессором, а всех его жертв — невинными мучениками, которые, несмотря на все ужасы правления Сына Беззакония, отказываются сопротивляться злу насилием.

Как мы увидим чуть ниже, это представление о мирных фарисеях, невинных жертвах кровавого Ирода, было несколько преувеличено.

Ессей Менахем

Иосиф Флавий идет еще дальше Талмуда.

Он подтверждает, что Ирод плохо относился к фарисеям. Он сообщает, что Ирод перебил весь Синедрион и оставил в живых только двух его членов. Однако Иосиф Флавий при этом утверждает, что в Иудее был по крайней мере один святой человек, который хорошо относился к Ироду и даже предсказал ему долгое царствование. Этот человек был не кто иной, как некий ессей Менахем.

Рассказ Иосифа стоит того, чтобы привести его здесь целиком.

«Был некогда ессей по имени Менахем, который был призван *свидетельствовать*, и не только жил самым *праведным* образом, но и имел данное ему Господом знание будущего. Этот человек взглянул однажды на маленького Ирода, когда тот шел в школу, и приветствовал его как царя иудейского. На это Ирод, полагавший, что тот его не знает или шутит с ним, ответил, что он является частным человеком. Менахем, однако, улыбнулся, ударил его рукой по спине и сказал: „И тем не менее ты будешь царствовать и притом счастливо, ибо Предвечный так решил. Помни также об ударах Менахема, и пусть они будут символом переменчивости судьбы“».

Однако на этом предсказание Менахема не кончается. Праведный ессей продолжает:

«Ты превзойдешь всех людей в счастье и уготовишь себе вечную известность, но забудешь о богопочитании и праведности. Все эти преступления не будут скрыты от Бога, жизнь твою постигнет гибельный конец (катастрофѣ), и ты узнаешь, что ему известно о них, и он покарает тебя за них»^[152].

Итак, согласно Иосифу Флавию, в то время как фарисеи постоянно строили козни против Ирода, мирные праведные ессеи чтили его как царя. Ессей Менахем даже предсказал Ироду, что он будет счастлив, как никто другой, и в связи с этим Ирод «глубоко чтил ессеев и считал их выше прочих людей».

Неужели это правда? Неужели в Иудее действительно нашлась религиозная группа, которая считала Ирода настоящим Помазанником,

и это были не иродиане, не штатные царедворцы, а почитаемые народом праведные ессеи?

Посмотрим, что нам говорит о рабби Менахеме Талмуд.

Талмуд тоже знает такую фигуру. Он называет его современником рабби Гиллеля. Более того, он считает, что Менахем был «парой» Гиллеля до того, как парой Гиллеля стал Шеммай^[153].

«Менахем вышел, а Шеммай вошел»^[154].

«Куда он пошел?» — добавляет Мишна и отвечает:

«Одни говорят, что он стал вести себя не так, а иначе, а другие говорят, что он повернулся и ушел, он и восемьдесят пар ученых рабби в золотой броне, лица которых стали черными, как горшки, потому что они сказали им: „Напишите на бычьих рогах, что у вас нет доли в Боге Израиля“»^[155].

Перед нами — совсем другая, чем у Иосифа Флавия, история Менахема. Он был влиятельный рабби и пара Гиллеля, но когда дело дошло до гражданской войны, парой Гиллелю стал Шеммай, советовавший сдать Ироду Иерусалим.

А Менахем в сопровождении ста шестидесяти учеников в золотой броне покинул город, сопровождаемый проклятиями лоялистов.

Мы можем резонно предположить, что эти воинственные рабби в золотой броне имели прямое отношение к тем галилеянам, которые немилосердно трепали во время этой осады войска Ирода.

«Менахем пошел путем зла», — утверждает Талмуд^[156].

Однако как совместить утверждения Талмуда и эпическую картину исхода ста шестидесяти учеников в золотой броне с предсказанием Менахема Ироду?

Приглядимся к этому предсказанию, которое, как и всякие себя уважающие предсказания, дано задним числом, повнимательней.

О чем оно говорит?

О том, что Менахем, призванный *свидетельствовать*, ударил Ирода. О том, что он предсказал ему великую силу и долгое царствование. Но не только. Он заявил, что Ирод забудет о *праведности*. Из-за этого в судьбе его случится гибельный переворот, катастрофа (καταστροφή), и Бог покарает Ирода за все эти преступления в конце жизни.

Но это ровно то, что вся еврейская апокалиптическая литература потом говорила о Сыне Беззакония, Антихристе!

Он будет велик. Он будет могуч. Он будет счастлив. Но он забудет о богопочитании и праведности, и поэтому его постигнет катастрофа. Бог и Мессия покарают его.

Перед нами — немного подретушированное, но ровно то самое пророчество о катастрофе, которая постигнет Сына Беззакония!

Иосиф Флавий, который в юности целых три года провел на стажировке в ессеях и который из кожи вон лезет, чтобы отделать их от страшных «зилотов», использует уже знакомый нам по истории Бабы бен Буты прием. Он берет чрезвычайно агрессивное и, несомненно, хорошо известное его аудитории пророчество и, немного подретушировав, превращает его в похвалу Ироду.

Иосиф совершенно не случайно употребляет относительно ессея Менахема тот же глагол «свидетельствовать» (μαρτυρέω), который христиане употребляли в отношении Христа и мучеников (ср: Он был послан, чтобы *свидетельствовать* о свете — в: Ин. 1:8). Менахем был послан, чтобы стать тем, кто на греческом у ранних христиан назывался *мартос*, на сирийском арамейском — *шахдо*, а сейчас на арабском называется *шахид*.

Война Сынов Света против Сынов Тьмы

Что еще мы можем сказать о рабби Менахеме, который пошел путем зла делать дело Господа Царя со ста шестьюдесятью учениками в золотой броне, — и о тех таинственных «галилейских разбойниках», которые в 37 году до н. э., волна за волной, с самоубийственной храбростью атаковали римлян и Ирода, и вновь скрывались «в болотах и неприступных местностях, предавая всё на пути своем разграблению»?^[157]

Есть ли у нас еще какие-нибудь сведения о них? Чем они руководствовались? Кто был их глава? Каковы были их планы?

Знаем ли мы о них что-то, кроме пристрастного и явно неполного рассказа Иосифа Флавия?

Среди кумранских рукописей есть текст, который называется «Свиток войны Сынов Света против Сынов Тьмы». Мы потом поговорим о Кумране подробнее, а пока скажем, что этот текст был одним из первых опубликованных свитков Мертвого Моря. Он был приобретен в 1947 г. профессором Иерусалимского Еврейского Университета Элеазаром Сукеником и опубликован, со всей возможной поспешностью, в 1954 г.

«Свиток войны» — это апокалипсис, но такой, которого вы еще не видели.

Это целый оперативно-тактический план Последней Битвы, с подразделениями архангелов, используемыми в качестве стратегического оружия массового поражения, и дивизионами духов вместо баллистических ракет.

В этом апокалипсисе ангелы режут головы, святые наслаждаются грабежом, Мессия в самый трудный момент приходит с войском ангелов на облаках, как стратегический бомбардировщик, а побеждающая сторона не несет никаких рисков, потому что все праведники, участвующие в бою, немедленно воскресают после его окончания, как в компьютерной стрелялке. И, разумеется, результатом этой всеобщей резни становится мир, любовь и Царство Божие на земле.

«Власть *киттим* придет к концу и *неправедность* будет побеждена, не оставив и следа. [Для сынов тьмы] не будет избавления, [сыны *праведности*] просияют во всех концах земли... Община богов и войско людей сойдутся в битве, учинив большую резню; в дни несчастья сыны света сойдутся в битве с силами тьмы...» (1QM, 1) [\[158\]](#).

Направление ударов и характер боевых действий предсказаны в этом плане оперативного развертывания ангелов в мельчайших деталях.

Предвоенная мобилизация займет шесть лет. Сама кампания продлится сорок лет; в войске праведных и святых будет 28 тыс. пеших и 6 тыс. конных.

«В первый год они будут сражаться против Арам-Нахараим; во второй против сынов Луда, в третий против остатков сыновей Арама, против Уца и Хула и Тогара и Меша за Евфратом» (1QM, 2).

Непонятные названия не должны нас пугать. Как мы уже говорили, *киттим* — это римляне. Арам-Нахараим — это римская Сирия, опора римского владычества на Востоке, против которой был направлен еще первый удар атамана Езекии. Сыны Луда — это вся Анатолия за Сирией или, по крайней мере, территории между римской Сирией и парфянами, т. е. — Адиабена и Осроена. Уц — это ненавистные идумеяне. Тогар и Меша расположены за Евфратом, то есть на территории Месопотамии.

Перед нами — стратегическая диспозиция, и вооружения, порядок построения и тактика боя изложены в ней в мельчайших деталях.

«Строй будет состоять из тысячи человек, построенных в семь рядов в глубину, каждый человек будет стоять за другим. Все они будут держать бронзовые щиты, отполированные, как зеркало. Каждый щит будет окаймлен витой каймой и выложен узором искуснейшей работы из чистого золота и серебра, и бронзы, и драгоценных камней, многоцветный узор, созданный искусным мастером... Длина щита — два с половиной локтя, и ширина — полтора локтя».

Битва начинается с артподготовки. Первыми из разомкнувшего щиты войска выходят пращники. Они мечут из пращи семь раз; за ними выходят метатели дротиков. Дротики тоже мечут семь раз.

«На конечнике дротика пусть напишут: „Молния копья для могущества Божия“. А на древке второго напишут: „Искры кровавые,

чтобы валить сраженных во гневе Божиим“. И на дротике третьем напишут: „Пламя брони пожирает сраженных грешников на суде Божиим“. Все эти кинут семь раз и вернуться на свое место» (1QM, 6).

Шеренги, выстроенные наподобие легиона, прикрыты конницей, общим числом 6 тыс. конников, по 500 с каждого колена Израилева. Все кони, идущие в битву, будут жеребцы, их всадники должны быть возрастом от тридцати до сорока пяти лет. Тяжеловооруженным всадникам будет от сорока до пятидесяти. Они и их кони будут в доспехах, шлемах и поножах.

У читателя этого оперативно-тактического апокалипсиса может возникнуть вопрос: в состоянии ли небольшой еврейский народ справиться со всеми этими противниками, от Уца до Меша? И откуда они возьмут щиты из чистого золота и копья, окаймленные золотыми кольцами со вделанными в них драгоценными камнями?

Ответ заключается в том, что им будут помогать ангелы.

Самая главная особенность битвы Сынов Света против Сынов Тьмы заключается в том, что в ней, наряду со смертными, будут принимать участие подразделения ангелов и Мессия, пришедший с Войском Духов на облаках.

«Храбрые [воины] из войска духов в наших рядах, и Герой Войны — с нашей общиной, и войско его Духов с нашими пешими и конными. Они как облака, как облака росы, покрывающие землю, как ливень дождя, орошающий судом всё, что растёт на земле» (1QM, 12).

Это Войско Духов удивительно напоминает то самое Небесное Воинство, которое видел пророк Елисей и которое потом было строжайше запрещено монотеистами.

А Мессия, грядущий с этим войском на облаках, неотличим от «великого облака и клубящегося огня» (Иез. 1:4), на котором приходит сам Яхве или, если угодно, «наездник облаков» Баал.

Яхве и Мессия, грядущий на облаках, похожи до степени смешения. Мессия и есть инкарнация Яхве. Нелишне, кстати, напомнить, что эти штормовые теофании Бога Израиля, «который по небесам принесся на помощь тебе и во славе своей на облаках» (Втор. 33:26), возникли на засушливом Ближнем Востоке, где дожди идут только зимой — в виде ужасающей, разрывающей небо грозы.

Понятно, что наличие батальонов ангелов и дивизий небесных духов в составе самого обыкновенного войска придает ему

необоримую силу.

Однако эта небесная составляющая предъявляет к войску требования повышенной ритуальной чистоты, т. е. *праведности*. Для обеспечения этой праведности люди, испытавшие ночное истечение семени, не должны идти в битву; в войске не должно быть ни слепых, ни хромых. Даже мародеры, грабящие на поле боя, должны удовлетворять строгим правилам ритуальной чистоты.

«Те, кто раздевает убитых, грабит на поле боя, чистит землю, надзирает за обозом и поставляет провиант, должны быть от двадцати пяти до тридцати лет. Ни мальчик, ни женщина пусть не войдут в их лагерь... И пусть никто хромой, или слепой, или калека, или пораженный пороком плоти, или нечистый телом не идет на войну с ними... И пусть ни один человек, испытавший ночное истечение семени, не идет в битву, ибо святые ангелы будут вместе с войском» (1QM, 7).

Битва, в которую вступают Сыны Света и Духи, и есть день Страшного суда. Мессия, он же Глава Общины, он же Господь, сражается в этом тексте не просто с плохими людьми, а с самим Велиалом.

«Ибо этот день есть [время битвы] Господа с войском Велиала, и [суда] над всей плотью... Войско богов-воинов препоясалось для битвы, и шеренги Святых [готовы] для Дня [Возмездия]. Ибо Бог Израиля воззвал к мечу против всех народов, и он совершит могучие дела через Святых его народа» (1QM, 15–16).

«Грабь, Герой! Положи твою руку на выю твоих врагов и твоей ногой попри кучу убитых! Рази народы твоих врагов и пожирай плоть твоим мечом!» (1QM, 19) — гласит один из гимнов, которые должны петь победители.

Эта битва принесет с собой не только политический, но и космический переворот: на земле воцарится Царство Божие. И «земля произведет для вас плоды радости. И вы будете есть и наращивать жир. И не будет в земле ни выкидыша, ни болезни, напасти или гнили у плода... Ибо Бог с вами и его святые ангелы стоят с общиной» (4Q285, fr.8 и 11Q14).

Разумеется, этот мир и процветание не будут иметь никакого отношения к *киттим*, ибо они «будут раздавлены без остатка, и ни один человек из них не спасется» (1QM, 18).

Книга войны — это не что иное, как гигантский массовый апокалипсис, в котором, однако, происходит одно поразительное изменение — Войско Духов в составе повстанческих подразделений сражается прямо на земле. Акт резни и есть акт искупления. Вполне земную битву ведут ангелы. Грабеж и резня, чинимые воинами, при том условии, что на их оружии написано «От Бога рука войны со всякой греховной плотью» — это и есть акт Страшного суда. Страшный суд вершит Бог руками вполне земных воинов, при условии, что в битву их зовет рог священника. Перерезание горл — это и есть акт единения с богом. Мародерство — это священнодействие. Главная обязанность праведника — это резня и убийство.

Военный Свиток — один из самых страшных текстов в истории человечества. Он уравнивает святость с мародерством и праведность с геноцидом. Он не просто разрешает грабить, убивать и резать неверных. Он утверждает, что именно этот акт резни и является актом космической метаморфозы, которая преобразит землю. Именно после этого начнутся «мир и благословение с приходом Господа» (1QM, 17).

За две тысячи лет до Оруэлла «Свиток войны» утверждает, что война является миром, а ненависть — любовью.

И кто руководит этой войной?

Мессия из рода Давидова.

Мы уже говорили о том, что все миллениаристские восстания на свете совершались под руководством вполне очевидных и живых Мессий, которым паства, однако, приписывала сверхъестественные способности. Чем фанатичней устроена секта, тем жестче ее иерархия, чем жестче ее иерархия — тем больше она нуждается в безусловном, беспрекословном, обожаемом подчиненными лидере.

Ни в одном из многочисленных фрагментов «Свитка войны» Мессия из рода Давидова не описан как некто, кто придет в будущем. Он имеет божественные атрибуты; он — Помазанник, который прозрел свидетельства Божии и открыл своей пастве время битвы с Велиалом; он приходит с ангелами на облаках; возможно, это именно он называется вождем войска Божия Михаилом (т. е. «Кто подобен Богу») — но это живой действующий Глава Общины. Так он и называется во многих фрагментах свитка.

«Они представят его [царя Киттим?] перед Главой Общины... и Глава Общины, Ветвь Давидова... убьет его ударами и ранами»

(4Q285, fr.4 и fr.7).

Когда был написан «Свиток войны»?

В «Свитке войны» есть две важные детали, которые позволяют предположить его датировку.

Всадники в нем носят поножи. Поножи — это важная деталь, тактическое построение армии явно списано с римского легиона, а у римлян всадники начали носить поножи только после времени Цезаря, то есть в 40-х гг. до н. э. [\[159\]](#).

Вместе с тем римляне, т. е. *киттим*, представлены в «Свитке войны» как хозяева одной только Сирии. В «Свитке войны» Египет не входит во владения *киттим*. Египет был аннексирован Октавианом Августом в 30 г. до н. э. Эти две детали позволяют с известной уверенностью датировать «Свиток войны» 30–40 гг. до н. э., то есть временем того самого восстания против Ирода, участники которого предпочитали зарезать своих жен и детей, нежели сдаться воплощению Велиала, идумейскому псу.

Перед нами — текст, который мог сложить рабби Менахем, пошедший «путем зла» делать дело Господа-царя. И более того, только после находки «Свитка войны», с его захватывающими описаниями золотых щитов повстанцев и рукоятей их мечей, выложенных драгоценными камнями (а как же еще сражаться бок о бок с ангелами?), мы можем оценить тонкую иронию Талмуда, сообщающего нам, что сто шестьдесят учеников Менахема отправились «путем зла» в *золотой броне*.

И этот текст утверждает, что общиной, воюющей против Ирода-Велиала, руководит живой, настоящий, всамделишный Глава Общины, ветвь Давидова.

Ирод и Мариамна

Две могучие силы — стремление Ирода к абсолютной власти и ненависть иудейского истеблишмента к идумейскому Сыну Беззакония — превратили личную жизнь Ирода в ад и разорвали его семью на части, как Юпитер и Солнце разорвали в свое время на части планету Фаэтон.

Для легитимизации собственной династии Ирод женился на последней принцессе из династии Маккавеев, Мариамне, которую он любил до безумия.

Условием их брака было помазание ее младшего брата Аристобула в первосвященники. Аристобул стал первосвященником в 17 лет, и когда народ увидел его в священническом облачении, иудеев охватил экстаз при виде последнего представителя законной династии^[160].

Эта радость оказалась для Аристобула роковой. Он был убит, не достигнув совершеннолетия. Потом Ирод убил свою жену, которую он не перестал исступленно любить и после смерти, а потом — обеих ее сыновей, которые не скрывали ненависти к убийце матери и как потомки Хасмонеев были в глазах народа легитимней его самого.

Сыновья Мариамны, и особенно старший из них, Александр, были два спесивых бездельника, слишком высокомерных, чтобы скрывать от окружающих свои планы, и слишком глупых, чтобы успешно претворить их в жизнь. Александр обещал трем молоденьким евнухам, которых он развратил, горы золота после свержения своего отца, которого он именовал «старым повесой, красящим себе волосы»^[161], а брат его, ненавидевший свою жену, не переставал с упоением ей рассказывать, как, придя к власти, он посадит своих мачех за ткацкий станок^[162].

Сыновья Мариамны были осуждены на смерть римским судом во главе с проконсулом Сатурнином и прокуратором Волумнием. Против них нашлись многочисленные свидетели: спартанец Эврикл, нанятый ими для убийства царя, и даже цирюльник Ирода Трифон, которого подговаривал к убийству Ирода отец очередного из Александровых возлюбленных.

Однако иудейская элита, ненавидевшая Ирода — а за ней и наш главный источник, Иосиф Флавий, — объявили этих вздорных, болтливых и, вероятно, стремившихся к смерти отца юнцов невинными жертвами, оболганными жестоким тираном. Так же, как и в случае рабби Бабы бен Бута, приговор римского суда был объявлен следствием всеобщего заговора, а признания цирюльника — «каким-то умопомрачением»^[163].

Сразу после смерти сыновей Мариамны фарисеи организовали против Ирода новый заговор с участием его младшего брата Ферора. В числе прочего они вовлекли в заговор дворцового евнуха Багою, пообещав ему вернуть мужское естество с помощью своих магических способностей. Ирод распорядился казнить и фарисеев, и Багою, и тех «всех своих близких, которые поверили предсказаниям и речам фарисеев»^[164].

После этого в стране воцарился террор.

«Сходки были запрещены гражданам... везде был установлен строжайший надзор. Многие люди были открыто и тайно уводимы в крепость Гирканию и там предаваемы казни. Как в городах, так и по большим дорогам имелись смотревшие за этим шпионы»^[165].

Еще более неприятной, чем заговоры и восстания, была для Ирода упорная теологическая оппозиция. Из невнимательного чтения «Иудейской войны» может сложиться впечатление, что иудейская элита смирилась с владычеством римлян, а недовольство было делом рук санкюлотов из «четвертой секты» — разбойников, нищих, обездоленных и маргиналов.

Ничто не может быть дальше от истины. Революции, в отличие от бунтов и погромов, никогда не бывают делом люмпенов. Точно так же как Французская революция 1789 года или Октябрьский переворот 1917-го, Иудейская война имела свои истоки в мировоззрении интеллектуалов и элиты: в тотальном, глобальном неприятии фарисеями власти чужаков: идумеян и *киттим*.

Люди, защищавшие Храм от Помпея в 63 г. до н. э., были фанатики, но не маргиналы. Члены Синедриона, потребовавшие в 48 году казни Ирода, были фанатики, но не маргиналы. Тем более не маргиналами были члены Синедриона, отказавшиеся признать его Мессией, и рабби Менахем, покинувший Иерусалим ради дела Бога-Царя со своими ста шестьюдесятью учениками в золотой броне.

Именно в это время, еще при Ироде и вовсе не в маргинальной среде, а среди образованных и ненавидящих его знатоков закона, продолжают эволюционировать главные идеи иудейского миллениаризма, появившиеся впервые при восстании Маккавеев, и прежде всего идея о том, что мученик, павший за свободу Израиля, *обретает физическое воскресение и жизнь вечную*.

Наше восприятие фарисеев сформировано по умолчанию двумя тысячелетиями пропаганды. Талмуд представлял их невинными жертвами проклятого Ирода. Христиане клеймили их, как Ленин — меньшевиков. Иосиф Флавий, как и Талмуд, обелял иудейскую элиту и сваливал ответственность за войну на «разбойников» и «зилотов».

По удивительному стечению обстоятельств все эти совершенно разные источники — раввинистический иудаизм, ортодоксальное христианство и даже римский перебежчик Флавий — были жизненно заинтересованы в одном: в том, чтобы представить фарисеев верными слугами истеблишмента.

Но простая историческая правда заключается в том, что именно фарисеи — официальная национал-теократическая элита, частично перебитая еще в самом начале правления Ирода, были главной оппозицией ему, точно так же как спустя 20 веков именно официальное мусульманское духовенство служило главной оппозицией шаху Ирана; что именно они создали и развили практику мученичества с целью получения вечной жизни. И более того, сама идея вечной жизни и воскресения была разработана исключительно в военно-прикладных целях, для успокоения и ободрения свидетелей/шахидов.

Несмотря на свою оппозицию римлянам и идумейской династии, фарисеи — служивая теократическая бюрократия — являлись костяком иудейского общества: именно они вели книги, разбирали споры и выносили судебные решения. Римское государство, особенно в колониях, было совершенно рудиментарным и охотно отдавало управление завоеванными провинциями в лизинг местному административному аппарату.

В результате Иудеей от имени римлян и Ирода управлял административный аппарат, чья идеология строилась на ожидании настоящего Мессии и восхвалении мучеников, стяжавших вечную жизнь в борьбе против неверных.

Римское владычество стояло на пороховой бочке.

Восстание Иуды и Маттафии

Несмотря на все прогнозы о страшном конце Сына Беззакония, *катастрофы*, обещанной Ироду, всё никак не происходило.

Он перепробовал девять жен и переменял четырех патронов (Цезаря, Кассия, Антония и Октавиана), родил семерых детей и казнил троих; он сооружал храмы Августу и насыпал искусственные горы. Он был уже стар, а *катастрофы* всё не было.

Наконец мстительный и параноидальный старик заболел.

«Его мучили внутренние нарывы, особенно же страшные боли в желудке; ноги его были наполнены водянистой прозрачной жидкостью. Такая же болезнь постигла и низ его живота; на гниющих частях появлялись черви; когда он хотел подняться, дыхание причиняло ему страшные страдания как вследствие зловония, так и вследствие затруднительности своей; всего его охватывали судороги, причем царь обнаруживал неестественную силу»^[166].

Болезнь его и была объявлена долгожданною *катастрофой*. «Богобоязненные люди, которые по своим знаниям умели объяснять такие явления, говорили, что теперь Предвечный наказывает царя за его великие беззакония»^[167].

Именно во время смертельной болезни Ирода двое из этих богобоязненных людей, два фарисея, знаменитейшие знатоки закона, Иуда и Маттафия, среди бела дня в окружении толпы сорвали с ворот Храма водруженного туда Иродом золотого орла.

«Что может быть почетнее и славнее, как умереть за заветы отцов; кто так кончает, *душа того остается бессмертной* и вкушает вечное блаженство», — говорили Иуда и Маттафия своим приверженцам^[168].

Если Флавий прав и не допускает здесь анахронизма, то перед нами такая деталь, которую трудно переоценить. Ведь еще во II в. до н. э. тексты фарисеев нигде не говорили о *бессмертии души*. Книги Даниила и 2-я Маккавеев обещали мученикам *физическое воскресение*. И вот Иуда и Маттафия, в 4 г. до н. э., обещают тем, кто сделается мучеником, именно что бессмертие души.

Фактически Иуда и Маттафия подняли восстание и попытались захватить Храм (во всяком случае, чтобы сорвать с ворот Храма

золотого орла, толпа должна была собраться именно у этих ворот), но Иосиф Флавий, как всегда, когда он говорит о соотечественниках, всячески пытается преуменьшить насильственность их действий. По его словам, это военачальник Ирода напал на толпу, и, более того, приверженцы Маттафии даже не стали сопротивляться, в надежде на мученический венец^[169]. Если верить Иосифу Флавию, они, как и христианские мученики впоследствии, только и хотели, чтобы их распяли.

Это стремление к мученичеству было охотно удовлетворено. После казней умирающий Ирод, которому были прекрасно известны настроения народа, повелел запереть членов знатнейших еврейских семейств на ипподроме и перебить их в момент его смерти, ибо, мрачно пошутил умирающий Антихрист, «только в таком случае народ почтит его искренним горем»^[170].

Глава 6

«Четвертая секта»

Пока Ирод был жив, он сдерживал недовольство железной рукой, но сразу же после его смерти по всей Палестине гроыхнуло: огромные толпы, стекавшие на Пасху в Иерусалим, захватили Храм. В Галилее Иуда, сын «могущественного атамана разбойников Езекии, которого Ирод с большими трудностями одолел»^[171], «собрал около города Сепфориса огромную толпу отчаянных людей, сделал набег на царский дворец, захватил всё находившееся там оружие, вооружил им всех своих приверженцев и похитил все находившиеся там деньги»^[172].

Другой повстанец, Симон, «разграбил и сжег царский дворец в Иерихоне»^[173], дворец Ирода в Амафе был «сожжен толпой бродяг»^[174] и даже некий Афронг, «всего-навсего простой пастух»^[175], вознамерился стать царем.

«Где только ни собиралась толпа недовольных, она тотчас выбирала себе царя, на общую гибель. Цари эти наносили римлянам незначительный вред, зато свирепствовали среди своих собственных единоплеменников»^[176].

Сыновьям Ирода было не до подавления мятежей: они спешно отправились в Рим торговаться за престол. Император Октавиан Август сначала разделил страну между тремя из них: Архелаем, Филиппом и Антипой, а в 6 году н. э., взбешенный жестокостью Архелая и его неумением контролировать ситуацию, переподчинил ее южную часть, Иудею, непосредственно легату Сирии Квирину, после чего Квирин, в налоговых целях, объявил о всеобщей переписи населения. Ведь оно теперь подчинялось непосредственно римлянам, и для налогообложения его надо было учесть.

Перепись, затеянная Квирином, немедленно привела к новому восстанию, которое возглавили Иуда из Галилеи и фарисей, имя или прозвище которого было Цадок, т. е. Праведник.

Этот Иуда и этот Праведник играют значительную роль в нашем повествовании, потому что наш главный источник по истории Израиля

того времени, Иосиф Флавий, называет их основателями «четвертой секты»^[177].

«Четвертая секта»

В восемнадцатой книге «Иудейских древностей» — в абзаце неточном, пристрастном и зацитированном до дыр — Иосиф Флавий сообщает, что иудеи его времени делились на четыре «эйресиса». Слово это — *αἵρεσις* — впоследствии в христианском новоязе стало значить «ересь», но во времена Флавия оно еще ничего такого не значило, а значило просто «школа», «направление», «выбор».

Три из этих школ, по словам Иосифа Флавия, были очень древние. Это были саддукеи, фарисеи и ессеи. Они существовали «не со вчерашнего дня, а издревле»^[178].

А вот «четвертая школа», она же сикарии и зилоты, появилась только что. Она была основана Иудою и Цадоком. С точки зрения тогдашнего читателя уже это обстоятельство лишало эту «четвертую школу» какой-либо легитимности. Ведь религия — это не какой-нибудь вам iPhone, который обязательно должен быть последней модели. Религия, особенно в Античности, была чем древней, тем истинней.

Именно поэтому монотеистические реформаторы VII в. до н. э. никогда не претендовали на новизну своего учения. Они всегда утверждали, что их учение было самым правильным потому, что оно было самым древним. Они всегда могли предъявить в подтверждение этого тезиса «древние книги», кстати найденные в Храме.

Иосиф Флавий описывает ессеев и «четвертую секту» как во всём противоположные друг другу.

Ессеи — это исключительно мирная секта. Они «больше, чем другие, связаны между собой любовью»^[179] и «стараятся распространять мир»^[180]. Тот, кто вступает в их общину, должен поклясться, что «никогда ни по собственному побуждению, ни по приказанию не причинит зла». Он будет удерживаться от разбоя и «хранить верность правительству, ибо всякая власть от Бога»^[181].

Напротив, приверженцев «четвертого эйресиса» отличает «ничем не сдерживаемая любовь к свободе». «Идти на смерть они считают за ничто, равно как презирают смерть друзей и родственников, лишь бы не признавать над собою главенства человека»^[182]. Именно

«четвертый эйресис», мятежники и разбойники, и несут ответственность за Иудейскую войну.

Отличительными чертами ессеев, согласно Иосифу, являются следующие. Они являются *гемеробаптистами* — то есть крестятся каждый день, смывая с себя грехи, и верят в *бессмертие души*. Секс они отвергают и размножаются исключительно внеполовым путем, то есть за счет прозелитизма. Они также «преследуют особую *святость*» и отличаются фанатическим соблюдением закона, до такой степени, что даже не какают в субботу, что при их скудной диете нетрудно, а в остальное время они зарывают экскременты особой лопаточкой, которую всегда носят с собой. Имущество у них общее.

О ритуалах и обычаях «четвертой секты» Иосиф Флавий не говорит ничего.

Нетрудно заметить, что Флавий приписывает ессеям все те характеристики — любовь к ближнему, миролюбие и покорность властям, — которые впоследствии будут приписывать себе христиане. Как и в случае с талмудической притчей о жестоком царе Ироде и рав Бабе бен Буте, который даже после жесточайших мук отказывается его проклинать, мы снова встречаемся с хорошо разработанным мемом, настаивающим на кротости и миролюбии, свойственной носителям этого мема.

Однако утверждение Иосифа Флавия о мирном характере ессеев странно контрастирует с его же описанием несчастий, постигших ессеев в период восстания.

«Их завинчивали и растягивали — пишет Иосиф, — члены у них были спалены и раздроблены; над ними пробовали все орудия пытки, чтобы заставить их хулить законодателя или отведать запретную пищу, но их ничем нельзя было склонить ни к тому, ни к другому. Они стойко выдерживали мучения... улыбаясь под пытками, посмеиваясь над теми, которые их пытали, они весело отдавали свои души в полной уверенности, что снова получат их в будущем»^[183].

Если верить этому абзацу, то получается, что во время Иудейской войны римляне только и делали, что зачем-то пытали мирную секту, исполненную любви к окружающим, зарывающую какашки лопаточкой и проповедующую, что всякая власть от бога. Непонятно, с какой стати ярость римлян обратилась на этих мирных людей, которых они были должны на руках носить как образцовых подданных.

Несмотря на все эти практические вопросы, легенда про миролюбивых ессеев, которые тысячелетиями «не знают денег» и живут на берегу Мертвого моря «среди пальм»^[184], была удивительно популярна среди интеллектуалов всех времен и народов.

Немудрено поэтому, что когда в 1946 году в кумранских пещерах были обнаружены первые свитки Мертвого моря, их авторы сразу и безоговорочно были отождествлены с краткими и миролюбивыми ессеями.

Тождество это, увы, оказалось несколько преждевременным: свитки Мертвого моря больше всего напоминают литературу, которая может обнаружиться в тренировочном лагере «Аль-Каиды»^[185].

Книга Еноха

Мы уже подробно разбирали здесь «Свиток войны Сынов Света против Сынов Тьмы» и предположили, что перед нами — религиозно-тактическая диспозиция, которая могла вдохновлять галилейских разбойников, воевавших в 37 г. до н. э. против Ирода.

Посмотрим теперь на другой важнейший кумранский текст. Он называется «Книга Стражей», и он написан от лица праведника Еноха.

В Св. Писании было много книг, написанных от лица пророков. Некоторые из этих пророков — например, Иезекииль — даже видели Бога. Некоторые — например, Иеремия — только слышали его.

Енох, от имени которого написана «Книга Стражей», превосходил их всех. Он не просто говорил с Богом — он был взят на небо и сделан бессмертным.

Автор «Книги Стражей», бессмертный Енох, был седьмым по счету потомком Адама и, таким образом, живым свидетелем эпохи творения мира — обстоятельство, которым не мог похвастаться даже сам Моисей. Поэтому его рассказ начинается не с каких-нибудь хананеев или египтян. Его рассказ начинается с причины появления в мире зла.

Согласно Еноху, зло на земле произошло оттого, что ангелы, Сыны Неба, совокупились с дочерьми человеческими. Они-то и научили людей всем грехам цивилизации, как-то: заклинаниям, ворожбе, металлургии, письменности, румянам, а также употреблению в пищу мяса. Енох сообщает своим слушателям имена этих нечестивых сынов Неба:

«И вот имена их начальников: Шемьяза их начальник, Аратакоф, второй за ним, Рамтаэль, третий за ним, Кокабэль, четвертый за ним, ... эль, пятый за ним, Рамаэль, шестой за ним, Даниэль, седьмой за ним, Зикиэль, восьмой за ним, Баракэль, девятый за ним, Азаэль, десятый за ним, Эромони, одиннадцатый за ним, Матаризель, двенадцатый за ним, Ананэль, тринадцатый за ним, Ставэль, четырнадцатый за ним, Шамшиэль, пятнадцатый за ним, Шахриэль, шестнадцатый за ним, Туммиэль, семнадцатый за ним, Туриэль, восемнадцатый за ним,

Йомиэль, девятнадцатый за ним, Йеддаиэль, двадцатый за ним. Это начальники начальников десятков». (4Q201 1/1 Енох. 2:7)^[186].

Эти имена падших ангелов вряд ли заинтересуют современного читателя. Вряд ли он увидит в них глубокий смысл. Однако мы хотели бы напомнить этому читателю одну вещь, а именно: в Жреческом Кодексе вообще не было ангелов. Никаких: ни падших, ни действующих.

Ангелы — очень редко, и то по технологической надобности — появлялись только у Девтерономиста. При этом никаких имен у них не было; первый известный по имени ангел — Гавриил — появляется только в Книге пророка Даниила.

Важность имен ангелов заключается в данном случае в том, что это священные имена. А с точки зрения волхва тот, кто знает священное имя — тот имеет власть над носителем этого имени. Учитывая, что Рамаэль, Туммиэль и пр. обучили человечество ремеслам и заклинаниям, знание имен этих ангелов давало исчерпывающее знание всех этих, несомненно, греховных, но всё-таки очень полезных областей человеческой деятельности.

После того, как ангелы развратили землю, седьмой сын Адама Енох по просьбе Господа обратился к ним с гневным укором. Падшие ангелы испугались и попросили Еноха заступиться за них перед Господом.

«И они просили меня написать за них просьбу, чтобы чрез это они обрели прощение, и вознести их просьбу на небо к Богу» (1 Енох. 3:8).

Ангелы, как мы видим, в этом тексте *не могли подняться на небо*. Но Енох, несмотря на то, что он был человек, не испытывал подобных препятствий. Он накатал за падших ангелов просьбу и отправился к Господу на небо, чтобы ее вручить.

На небе Енох попал в большой дом, сотканный из льда и пламени: «И я вошел в огненное пламя, и приблизился к великому дому, который был устроен из града [льда]; стены этого дома были подобны мозаике из града, и почвою его был кристалл града. Его крыша была подобна пути звезд и молний с огненными херувимами между нею и водным небом. Пылающий огонь окружал стены дома, и дверь его горела огнем» (1 Енох. 3:24–26).

В чередѣ этих дворцов из льда и пламени находился великий престол.

«И из-под великого престола выходили реки пылающего огня, так что нельзя было смотреть на него. И Тот, Кто велик во славе, сидел на нем; одежда Его была блестящее, чем само солнце, и белее чистого снега. Ни ангел не мог вступить сюда, ни смертный созерцать вид лица самого Славного и Величественного» (1 Енох. 3:33–35).

После того, как Енох предстал перед престолом Всевышнего, он, как и Моисей, был вынужден носить покрывало на своем челе. При этом самого Господа, как и Моисей, он не видел. Он слышал только глас его, повелевший ему предстать не перед Господом, а перед его Святым Словом.

Слово Господа отказывает падшим ангелам в их просьбе, смиренно поданной через Еноха. Он сообщает им, что нет прощения для тех, кто, будучи духовными и святыми, осквернился с женами и кровью плотской родил детей.

«Скажи им: „Для вас нет мира“,» — говорит Слово Господа (1 Енох. 3:55).

После этого ангелы устраивают Еноху краткую экскурсию по небу, в ходе которой он постигает всё устройство мироздания.

В ходе этой обзорной экскурсии Енох видит устья всех рек и место, куда впадает вода бездны. Он видит Хранилища Ветров и Краеугольный Камень Земли. Он видит Врата Ветров и Врата Звезд, и не только видит, но и рассчитывает их движения в книге, записанной для него ангелом Уриилом. Если говорить в современных реалиях, то ангелы преподали Еноху краткий курс классической и квантовой физики вкупе с теорией струн, космологией и единой теорией поля.

По нынешним временам такая экскурсия не кажется за большое дело: кого же из святых ангелы не водили по небу?

Но следует напомнить, что ортодоксальный иудаизм не знал таких экскурсий. Господь вручил Моисею Тору — но он никогда не озаботился объяснить ему устройство неба и земли. Пророк Даниил видел будущее: но он опять-таки не видел ни Звездных Врат, ни Хранилищ Ветров. Енох был первый из пророков, который получил от ангелов Знание об Устройстве Мироздания. Говоря по-гречески, он получил от них *гнозис*.

Более того, физической составляющей мироздания *гнозис* Еноха не ограничился. Во время своего познавательного путешествия Енох своими глазами увидел некий горный хребет и рядом — некое

«прекрасное место». Его спутник ангел Руфаил объяснил ему, что эти места предназначены для пребывания душ праведников.

«Эти прекрасные места назначены для того, чтобы на них собирались духи — души умерших» (1 Енох. 5:3).

И снова эта информация не покажется современному читателю важной. Кто же не знает, что души праведников попадают на небо?

Но, во-первых, в «Книге Стражей» речь не идет о небе. Енох видит «горный хребет» и «твердые скалы». Речь идет о каком-то вполне физическом месте на земле, где, тем не менее, находятся души праведников.

А во-вторых, это — наряду с приведенными выше высказываниями фарисеев Иуды и Маттафии — один из первых иудейских текстов, в котором мы видим ясное, несомненное, очевидное обещание *бессмертия души*.

2-я книга Маккавеев и 12-я глава Даниила содержали совсем другое обещание. Они обещали праведникам *физическое воскресение тела*. «Псалмы Соломона», написанные в 50–40-е гг. до н. э., тоже не обещали спасения души. Они обещали праведникам неуязвимость, «ибо печать Бога на праведниках, чтобы они спаслись» (Пс. Сол. 15:6). Даже «Свиток войны», написанный в 40–30-х гг. до н. э., ничего не говорит о бессмертии души. Он обещает физическое преобразование природы и воскресение.

Енох тоже обещает праведникам физическое воскресение. Но, помимо этого, он — как и Иуда с Маттафией — утверждает, что души праведных в ожидании этого физического воскресения обитают в неких *прекрасных местах*. Он даже видит эти места собственными глазами. Он — свидетель наличия этих мест.

Откуда взялась эта теологическая новация? Мы можем предположить, что она явилась результатом целой череды провальных восстаний. В самом деле — милленаристы обещали физическое воскресение мертвых еще со времени восстания Маккавеев, и каждый раз обещанное почему-то срывалось.

Это обстоятельство, несомненно, могло дать пищу скептикам, особенно после страшного разгрома 37 г. до н. э. и долгого триумфального царствования Ирода. Община нуждалась в каком-то новом дополнительном стимуле для верующих, и именно его предлагает книга Еноха.

От имени одного из самых первых людей, смертного, вознесшегося на небо и ставшего бессмертным, она заверяет паству: физического воскресения не обязательно ждать. Душа умершего праведника тут же будет обслужена в некоем прекрасном месте по пятизвездочному разряду. Конечно, Мессия обязательно придет и спасет мир. Но еще до того, как это произойдет, праведник спасется от мира.

Как мы уже сказали, физическое воскресение и Страшный суд тоже значатся у Еноха в программе. В своем странствии по небу Енох видит великую Гору, которая есть «престол, где воссядет Святой и Великий, Господь Славы, вечный Царь, когда Он сойдет, чтобы посетить землю с милостью» (1 Енох. 5:28).

Приходу Вечного Царя и Господа Славы будет предшествовать грандиозная космическая катастрофа.

«Поколеблются возвышенные горы, и высокие холмы опустятся, и растают, как сотовый мед от пламени» (1 Енох. 1:6).

За катастрофой последует Страшный суд. Святой и Великий явится со своим воинством с неба на гору Синай.

«Всё, что на земле, погибнет, и совершится суд над всем и над всеми праведными» (1 Енох. 1:7).

Во время Страшного суда Господь Славы отделит праведников от грешников. Праведники, т. е. *цадиким, сыны Цадока* — это сами члены общины, а грешники — это все те, кто ей не принадлежит. Судьбы их переменятся — грешники, которым сейчас принадлежит власть на земле, будут низвержены в геенну огненную, а праведники будут сиять.

«Для избранных же настанет свет, и радость, и мир, и они наследят землю; а для вас, нечестивые, наступит проклятие» (1 Енох. 1:20).

За Страшным судом последует радикальная перемена. Земля будет очищена от всякого насилия, неправды и греха, и все смертные сделаются *праведными*, то есть разделят верования членов общины.

«И все сыны человеческие должны сделаться *праведными*, и все народы будут оказывать Мне почеть и прославлять Меня» (1 Енох. 2:51).

Эта радикальная перемена в устройстве общества будет сопровождаться столь же радикальной переменой в устройстве

природы. Явится новое небо, а земля, очищенная от всякого насилия, будет рожать стократ.

«Деревья веселия насалятся на ней... и от всякого семени, которое будет на ней посеяно, одна мера принесет десять тысяч, и мера маслин даст десять прессов елея» (1 Енох. 2:49).

Разумеется, всё это счастье на земле будет уделом только *цадиким*/ праведников, но не грешников. Грешники будут уничтожены и ввергнуты во тьму. Праведники же получают в свое распоряжение Древо Жизни, то есть сделаются бессмертными.

«Когда всё будет искуплено и окончено для вечности, оно будет отдано праведным и смиренным. От его плода будет дана жизнь избранным; оно будет пересажено на север к святому месту — к храму Господа, Великого Царя» (1 Енох. 5:29–30).

Как мы уже говорили, Книга Стражей во многом напоминает 7-ю главу Даниила. Снова перед нами Апокалипсис, Страшный суд, воскресение мертвых и возвеличение мучеников. Даже члены общины, которой книга адресована, точно так же называются «святыми», *кедошим*, хотя не менее часто они называются «праведниками», *цадиким*.

Однако ее отличия — и от Даниила, и от остальной библейской традиции — феноменальны.

Тора объясняла существование зла на земле *первородным грехом*, то есть преступлением самого человека. Это он, ничтожный смертный, вопреки воле Господа поел с Древа Познания, и его экстрадировали из Рая, как нашкодившего мигранта.

Книга Еноха представляет нам радикально другую версию событий: главной причиной существования зла является не человек, а падшие ангелы! Заметим, что в Торе, в том эпизоде из Книги Бытия, в котором говорится о совокуплении Сынов Божиих с дочерьми человеческими, нельзя сыскать ни грана осуждения: Книга Бытия (а точнее, Яхвист) просто сообщает факт, но не больше, и даже говорит, что от этого союза родились «сильные» и «славные» люди (Быт. 6:4). «Падшими» этих ангелов называет только книга Еноха, и более того — у нее эти падшие ангелы обращаются за заступничеством к человеку, они просят замолвить словечко за них!

Согласно Торе, человек был выселен из Рая из опасения, что он станет бессмертным. «И сказал Господь Бог: вот, Адам стал как один

из Нас, зная добро и зло; и теперь как бы не простер он руки своей, и не взял также от дерева жизни, и не вкусил, и не стал жить вечно» (Быт. 3:22).

Согласно Книге Стражей, Господь, наоборот, сделает *праведных и святых* бессмертными. Он отдаст им Древо Жизни: «От его плода будет дана жизнь избранным; оно будет пересажено на север к святому месту — к храму Господа, Великого Царя» (1 Енох. 5:29–30).

Согласно Торе, Бог поселил человека в земном раю, а потом он изгнал его из этого рая. Согласно Книге Стражей, Господь только *создаст этот рай*, причем создаст он его для избранных.

Перед нами книга, которая переворачивает все представления традиционного иудаизма. Зло в ней — результат деятельности не человека, а ангелов. Древо Жизни — не запретное, а, наоборот, обетованное. Человек не изгнан из Рая, а, наоборот, вернется в него в будущем.

Тора подчеркивает ничтожество смертного перед лицом Господа. Жрец и Девтерономист запрещают смертному лицезреть Бога. Тем менее он может разгуливать по небу, как по полю, топча босыми ногами звездную пыль и инспектируя жилищные условия звезд и луны. Однако именно это делает в Книге Стражей Енох. Он выше Моисея — если Моисею Господь вручил законы, касающиеся обустройства земли, то Еноху ангелы читают краткий курс основ мироздания. Взятый живым на небо, он совершает экскурсию к ледяным дворцам, окруженным рекою пламени, и видит Ворота ветров. Он становится обладателем *гнозиса*. Он постигает устройство мироздания подобно ангелу, и лицо его начинает сиять.

И, наконец, отметим еще два важных теологических момента.

Во-первых, Енох — впервые в истории иудейских апокалипсисов — видит места, где блаженствуют *души праведников*. И, во-вторых, «Книга Стражей» исповедует в чистом виде то, что в иудаизме потом называлось ересью Двух Властей в Небе^[187].

Одна из этих властей — сам Господь. Он невидим и непостижим: «Ни ангел не мог вступить сюда, ни смертный созерцать вид лица самого Славного и Величественного» (1 Енох. 3:35).

Вторая власть — Это Господне Слово. Он видим и постижим. Это Слово, очевидно, и есть Святой и Великий, Вечный Царь, который сойдет, чтобы посетить землю с милостью. Именно тогда он воссядет

на Горе-Престоле, к подножию которой будет пересажено Древо Жизни.

Из «Книги Стражей» получается, что в мире существует два бога. Один — трансцендентный и внемирный, которого нельзя видеть. И другой — его Слово, Мемра, Логос, исполнительный директор Всевышнего, доверенное лицо, которому поручено голосовать от имени Яхве на акционерном собрании мироздания. Этот-то исполнительный директор и сойдет в мир по доверенности от бога и будет править обновленной землей.

Дальнейшие приключения Еноха

У саддукеев и фарисеев Енох не был особенно популярен. Он даже отсутствует в списке *ревнителей* за веру в Первой книге Маккавеев. Однако у кумранских сектантов фигура Еноха вдруг начинает пользоваться бешеным спросом.

Енох является главным действующим лицом целых пяти кумранских текстов. Кроме «Книги Стражей», это «Книга Великанов», «Видения Еноха», «Послание Еноха» и «Астрономический Енох». Перед нами — целое настоящее Пятикнижие Еноха, аналог и дополнение к Пятикнижию Моисея!

Самым важным из этих текстов для нас является «Астрономический Енох» — текст, в котором от имени Еноха объясняется устройство неба и врат, в которые заходят солнце и луна (4Q209).

Важность «Астрономического Еноха» трудно переоценить. Ведь кумраниты фанатично соблюдали иудейский закон. Однако соблюдение закона было теснейшим образом связано с календарем. Совершение того или иного обряда в неправильный срок, разумеется, лишало этот обряд всякого смысла и превращало человека из праведника в грешника с той же неизбежностью, что и поедание свинины.

Так вот: сакральный календарь всех остальных евреев был *лунный*. А сакральный календарь кумранитов был *солярный* (так же, как впоследствии у христиан). И, по утверждению кумранитов, этот-то календарь и был настоящим. Его составил на основе дарованного ему *знания* седьмой сын Адама, бессмертный Енох, а продиктовал его лично архангел Уриил. «И он записал всё... небо и пути его воинства и месяцы... чтобы праведные не отклонялись с пути» (4Q227, fr. 2).

Енох был также необыкновенно популярен в раннем христианстве. Кумранское Пятикнижие Еноха цитировалось в «Послании Варнавы», и книги из него считались каноническими многими из отцов церкви, в том числе Афинагором, Климентом Александрийским, Иринеем Лионским и Тертуллианом. Впоследствии оно было утеряно на семнадцать веков, до тех пор, пока не

обнаружилось прямо в составе канона Эфиопской ортодоксальной церкви.

К этому времени они немного изменились: из него по довольно запутанным причинам выпала «Книга Великанов» (обсуждением этих причин мы займемся в следующей книге), и ее место занял текст, который называется «Притчи Еноха».

На примере этого текста легко проследить стремительную теологическую эволюцию образа Еноха.

В Книге Стражей, как мы видели, Енох не может видеть Всевышнего, а Мессией, сходящим на землю, является сам Господь. Что же касается душ умерших, которых видит Енох, то они находятся на земле, в каком-то шикарном спа-комплексе с благовонными деревьями и тенистыми хребтами.

В Притчах Еноха (1 Енох. 6–12) действие приобретает куда более драматический характер.

В этом тексте Енох, поднявшись на небо, тут же видит там *жилища праведных под крыльями Господа Духов* (1 Енох. 7:13).

Иначе говоря, если в «Книге Стражей» эти души святых отдыхали в земном раю, то теперь они пребывали прямо на небе. Они стали божествами и членами Совета Богов. Их лица сияли, как у ангелов (1 Енох. 7:13).

Кроме этого, Енох видит на небе Всевышнего и его Мессию.

В «Книге Стражей» Всевышний и его Мессия называются Господом и Словом Господа. В «Притчах Еноха» они называются Глава Дней (Предвечный) и Сын Человеческий — точно так же, как в книге Даниила.

Выглядят они тоже в точности так же: глава Предвечного бела, как руно, а лицо Сына Человеческого подобно лику ангела. Ангел, сопровождающий Еноха, сообщает, что Сын Человеческий, который сокрушит зубы грешников и сядет на престол славы судить царей, был избран предвечно: «И прежде чем Солнце и знамения были сотворены, прежде чем звезды небесные были созданы, Его имя было названо пред Господом Духов» (1 Енох. 8:20–21).

После этого следует уже известная нам экскурсия: ангелы показывают Еноху весь мир с высоты, он видит Ворота ветров и хрустальные сферы. Енох оказывается обладателем сокровенного знания, т. е. гнозиса.

И, наконец, следует кульминация.

Енох видит Господа *лицом к лицу* и Преображается. Он узнает, что он и есть Сын Человеческий, тот самый, который сядет на престол славы судить царей:

«И я упал на свое лицо, и все мое тело сплавилось, и мой дух изменился... И тот ангел пришел ко мне, и приветствовал меня своим гласом, и сказал: „Ты — Сын Человеческий, рожденный для правды“» (1 Енох. 12:14–17).

«Енох, который доселе только возвещал приход Мессии, обнаруживает, что он сам — Мессия»^[188].

Это, собственно, и разгадка, почему Мессия называется Сыном Человеческим. Он был рожден, как человек, но лицезрение Господа превратило его в ангела, и миссия этого ангела заключается в том, чтобы быть Мессией Израиля, разгромить царей, преобразовать природу и обеспечить вечную жизнь для праведных. Если в Жреческом Кодексе человек не может видеть лица Господа и остаться в живых, то в верованиях поклонников Еноха Енох увидел лицо Господа и стал Вторым Богом, тем самым, для которого на небесах был поставлен Второй Престол.

Аналогичная трансформация происходит во 2-й Книге Еноха, оригинал которой, сохранившийся только в славянском переводе XIV века, был написан, вероятно, по-гречески в I в.н. э. в Александрии. В ней смертный Енох тоже предстает перед Господом, и лицезрение Господа тоже превращает его в ангела.

«И Господь устами своими воззвал ко мне: „Дерзай, Енох, не бойся! Встань и стань перед лицом моим во веки“. И поднял меня Михаил, великий архангел Господень, и привел меня пред лицо Господа. И испытал Господь слуг своих, сказав им: „Да вступит Енох, чтобы стоять перед лицом моим во веки“. Славные же поклонились (Господу) и сказали: „Да вступит“» (2 Енох. 22:5–7)^[189].

С Еноха совлекают «земные одежды», то есть его тленное тело, и облачают в ризы Славы Господней.

А как же запрет на лицезрение лика божественного существа, который действовал еще в Книге Стражей? Он сохраняется, но теперь он относится *уже к Еноху*. Когда Господь посылает ангела Еноха обратно на землю, он инструктирует одного из ангелов остудить лицо Еноха, чтобы смертные могли на него взглянуть (2 Енох. 37:2)^[190].

Цель нисхождения Еноха остается при этом всё та же: он приносит на землю записанные им книги о звездах, Небесном Воинстве, солнце, луне, сокровищницах снега и опочивальне ветров. Обладатели этих книг являются обладателями сокровенного знания об устройстве мироздания.

Они знают его лучше ангелов.

Имя Еноха было чрезвычайно популярно во многих иудейско-христианских апокрифах. «Апокалипсис Илии» утверждал, что сначала придет Сын Беззакония, который будет преследовать *святых*, а за ним — Енох и Илия. Они будут сражаться с Сыном Беззакония семь дней на рыночной площади большого города. Потом они три дня будут лежать мертвые на площади, и все будут смотреть на них. На четвертый день они воскреснут, и именно Енох и Илия победят Сына Беззакония. После этой победы и пришествия Мессии праведники оденутся в белые одежды и отведают плод Древа Жизни.

Енох и Илия разоблачают Антихриста, а иногда даже побеждают его, в целом ряде христианских текстов — в «Апокалипсисе Петра», у Ипполита Римского, у Тертуллиана, у Ефрема Сирина, Псевдо-Ефрема, Псевдо-Ипполита, Псевдо-Мефодия, Псевдо-Шенута, в *Visio Danielis* и пр. [\[191\]](#).

Что не менее важно, Енох был популярен и в иудаизме, особенно в мистической его разновидности, из которой впоследствии развилась литература Хекалот, Меркава и в конце концов — каббала.

Типичным примером ранней литературы Хекалот является 3-я книга Еноха, написанная по-арамейски в III веке н. э. В ней Енох, будучи взят на небо, превращается в высшего ангела — Метатрона и даже именуется «малым Яхве». Его плоть превращается в пламя, кости — в горящие угли, и Господь, воздвигнув его трон, поручает ему править всеми ангелами небесными.

Автор 3-й книги Еноха снова опасно близко подходит к красной черте, за которой начинается ересь Двух Властей в Небе, — только этой второй властью, исполнительным директором Господа, он считает не Мессию, а самого Еноха/Метатрона, небесного писца, который сидит на троне, записывая устройство мироздания и человеческие судьбы.

Одним из ярких представителей этой ереси был рабби Элиша бен Абуйя, который, попав на небо и увидев там сидящего на троне

Метатрона, простодушно воскликнул: «Ага! Так вас всё-таки двое!» После этого Метатрона стащили с трона и выпороли огненными плетьюми за то, что он ввел в заблуждение рабби Элишу^[192].

Хорошо известен Енох и в исламе. Под именем Идрис он считается вторым мусульманским пророком после Адама, и Коран сохранил утверждение о том, что Енох/Идрис был вознесен живым на небо^[193]. Там-то, на четвертом небе, и повстречал его пророк Мухаммед во время своего визита, согласно хадису, переданному Малик ибн Анасом^[194].

Совершающаяся в I–III вв. н. э. стремительная эволюция образа Еноха удивительно напоминает совершающуюся в это же время такую же эволюцию Иисуса Христа.

В одних разновидностях веры в Еноха он — вознесенный на небо смертный, в других — *второй бог*, и, наконец, в иудейском мистицизме он занимает возвышенное место ангела Великого Совета и исполнительной власти при Яхве, но не в коем случае ни самого Яхве, — и горе тем, кто, как рабби Элиша бен Абуйя, не разберется в этой теологической тонкости.

С чем же связана такая вдруг развившаяся в I в.н. э. бешеная популярность Еноха, о котором мы ничего не слышим ни у первых реформаторов-монотеистов (которые, наоборот, строжайше воспрещают людям видеть бога и возноситься на небо), ни у саддукеев, ни у фарисеев?

Я хочу выдвинуть простое предположение.

Я хочу предположить, что кумранская Книга Стражей написана вовсе не во II в. до н. э., как ее датировал первый из ее исследователей отец Милик^[195].

Она написана на рубеже нашей эры вскоре после кончины царя Ирода. Я хочу предположить, что Енох — это не кто иной, как пророк Цадок, т. е. Праведник, которого Иосиф Флавий называет сооснователем «четвертой секты». Это Учитель Праведности, который утверждал, что он — не кто иной, как вернувшийся на землю перед концом дней Енох.

Именно этим объясняется тот факт, что в Кумране, в общине, которая считала своим основателем пророка по имени Цадок, не нашлось ни одного текста, написанного от лица Цадока, и нашлось

целых пять — целое Пятикнижие! — текстов, написанных от лица Еноха.

Если это так, то «Книга Стражей», написанная от лица Еноха, — это аналог Корана. Это сборник наставлений пророка, пропагандировавшего революционную идею спасения души вместо физического воскресения тела.

А необыкновенная теологическая дисперсия литературы про Еноха свидетельствует, что фарисей Цадок, умевший ходить на небо, оказал гигантское влияние не только на революционное отребье, каким Иосиф Флавий пытается представить «четвертую секту», но и на самый что ни на есть иудейский мейнстрим.

Вознесение на небо

Кумранская секта, которая оставила свои свитки в пещерах Мертвого моря, действительно во многом походит на ессеев, как их описывает Иосиф.

К примеру, Иосиф Флавий сообщает, что ессеи имеют общность имущества. То же самое — обитатели Кумрана. Согласно «Уставу общины», все вступившие в Новый Завет должны передать «все свои знания, силы и имущество в яхад, т. е. в общину» (IQS, 1:11).

Иосиф Флавий сообщает, что ессеи придерживаются строжайшей иерархии. «Все действия совершаются ими не иначе, как по указаниям лиц, стоящих во главе их»^[196]. И действительно, кумранский яхад/община демонстрирует жесточайшую иерархию.

Эта иерархия устроена так жестко, что кумранитам приходится даже выдумать для своих начальников новый термин — *мебаккер*, смотрящий. Этот термин происходит от древнееврейского корня МБКР, но сам он является и неологизмом, точно так же, как и соответствующий ему греческий термин — *епископ*.

Мебаккер — это тот человек, который распоряжается хозяйственной жизнью яхада, или, по-гречески — *эклесии*. Это именно ему сдают с рук на руки имущество. Кстати, вовсе не обязательно, что это имущество физически обобществляется — *мебаккер* имеет право передать его в управление членам обратно. Но вот что делает *мебаккер* — он продолжает иметь первоочередное право на распоряжение этим имуществом. Это он собирает взносы с богатых членов общины, и это он оделяет милостыней бедных.

Появление *мебаккеров* — совершенно закономерное следствие царящего в общине коммунизма. Как только вы вводите где-нибудь общность имущества, так сразу главным вместо богача становится завхоз. Как только вы отменяете собственность — вы усиливаете иерархию.

Иосиф Флавий сообщает о ессеях, что они строжайшим образом соблюдают закон. То же и кумраниты — как мы видели, они требовали ритуальной чистоты, т. е. *праведности*, даже на поле битвы. В их военных лагерях не было место хромым, слепым и страдающим

ночным истечением семени. Это ведь могло отпугнуть стратегическое оружие массового поражения — ангелов.

Иосиф Флавий сообщает о ессеях, что им запрещено выдавать тайное учение своей общины. От них требуется «ничего не открывать» посторонним, «даже если бы пришлось умереть за это под пыткой»^[197]. То же самое — кумраниты. Община исповедует то, что в исламе потом будет названо принципом «такийи», т. е. вранья неверным. «Не следует спорить или ссориться с людьми бездны, ибо совет закона должен быть скрыт среди людей обмана», — гласит книга, которая называется в оригинале «Серех а-яхад» (IQS 9,16). «Серех а-яхад» обыкновенно переводят как «устав общины», но точно так же его можно перевести как «церковный устав».

Итак, у нас набирается достаточно крайне специфических черт, чтобы и в самом деле отождествить кумранскую общину с флавиевскими ессеями.

Однако кроме этих общих черт, у кумранитов есть и радикальные отличия от ессеев — или, точнее, от ессеев в описании Флавия.

Во-первых, Иосиф категорически настаивает на миролюбии ессеев. Однако секта, обитавшая на берегу Мертвого моря — это секта воинствующих фанатиков. Геноцид они считают своей священной обязанностью. Резню и грабеж — мистической войной против самого Велиала.

Во-вторых, главы общины на берегу Мертвого моря претендовали на то, чтобы происходить из дома Давидова. Однако Иосиф Флавий, говоря о строгой иерархии ессеев, умалчивает о том, кто стоит во ее главе.

Это умолчание скорее показательно, чем удивительно. Ведь Иосиф Флавий умудряется в «Иудейской войне» не упомянуть о роде Давида вообще, более того, он умудряется даже не упомянуть в греческом тексте слова «Мессия»!

Но еще поразительней этих — политических — разночтений теологические компоненты Кумрана, о которых Иосиф Флавий не говорит или говорит очень косвенно и скороговоркой.

Ортодоксальный иудаизм проводил четкую границу между смертным и богом. Смертный — ничтожен. Бог — всемогущ.

В ортодоксальном иудаизме человек не мог видеть лица бога, не мог подниматься живым на небо (исключение, подтверждающее

правило — пробравшийся контрабандой прямо на страницы Библии из северных легенд пророк Илия) и тем более не мог сам становиться богом.

У обитателей Кумрана дело обстояло ровно наоборот. Если охарактеризовать теологию кумранитов одной фразой — то это *теология, которая учила людей ходить на небо*. Она учила их, как стать частью Небесного Воинства и Совета Богов.

Эту теологию мы уже видели в Свитке войны: в нем Глава Общины, ветвь рода Давидова, возглавлял войско, пришедшее на облаках, а рядовые смертные сражались плечом к плечу с ангелами.

Эту теологию мы видели и в Книге Стражей: в ней Енох, простой смертный, оказывается выше ангелов. Он восходит на небо и дискутирует о судьбе ангелов со Всевышним.

Но Енох — не исключение. Ровно наоборот — он проводник, который указал путь. Всё то, что реформаторы-монотеисты объявили запретным: путешествия смертных на небо, нисхождение бога в смертного, плод Древа Жизни — в Кумране является самой целью культа и распространяется не только на Еноха, *но и на других членов секты*.

В одном из кумранских гимнов говорится, что Бог «поднимает бедного до [вечных высот], он поднимает его в облака, разделить совет с богами» (4Q427). «Я создан встать с богами» (4Q427), — говорит гимн^[198]. «Ты выбрал человека для вечного предназначения с духами знания, — говорится в десятом гимне Благодарения, — с тем, чтобы он мог стоять с войском святых и вступать в общение с собранием сынов неба» (IQH, 10).

«Он сделал вас Святая Святых»^[199], — говорится в другом гимне, который тем самым совершает невероятное, немислимое для ортодоксов кощунство. Гимн этот ни больше ни меньше как отождествляет Смертного, Человека — то есть кровотокающий кусок мяса, переплетенный жилами мышц — с Иерусалимским храмом, более того, с его самой сокровенной частью, со Святая Святых, где обитает сам Яхве и куда даже первосвященник имеет право заходить раз в год!

Само самоназвание кумранитов, *святые*, «кедошим», именно что и использовалось в раннем яхвизме для описания членов Совета Богов (Пс. 89:8^[200]; Зах. 14:5), равно как и Небесного Войска:

«Господь пришел от Синая, открылся им от Сеира, воссиял от горы Фарана и шел *со тьмами святых*» (Втор. 33:2).

Откуда взялась эта, удивительная по иудейским меркам, особенность кумранитов — утверждение, что смертные могут взойти на небо, что они могут «светить, как светила небесные» (1 Енох.19:137), и, возможно, даже стать «богами, подобными пылающим углям» (4Q403 I, ii, 6), и властями, стоящими у престола «царства святых Царя святости» (4Q405 23 ii)?

Мы уже предположили, что она явилась естественным результатом эволюции той идеи, которая была высказана в Книге Даниила: идеи о физическом воскресении мертвых.

Физическое воскресение было обещано еще в 167 г. до н. э. С тех пор и до времени Ирода минул добрый десяток миллениаристских восстаний, а мертвые всё не спешили воскресать.

Они не воскресли ни в 63-м, когда фанатики обороняли Храм от римлян, ни в 48-м, когда Ирод казнил Езекию, ни в 37-м, когда он разбил галилейских разбойников, ни даже после того, как после смерти Ирода потомок Езекии Иуда захватил Сепфорис и объявил себя царем. Физическое воскресение оставалось, конечно, в повестке дня — мертвые должны были воскреснуть с началом Царствия Божия, — но всё-таки оно было, что называется, староватым. Кое-какие скептики могли усомниться в его реальности.

Секте для выживания срочно требовалась какая-то другая идея, которую не так легко было опровергнуть опытным путем. Эту идею и предоставил Цадок/Енох. Во время своего путешествия на небо он увидел «прекрасные места, назначенные для того, чтобы на них собирались души умерших» (Енох. 5:3).

В «Книге Стражей» эти прекрасные места находились еще где-то на земле, но уже в «Притчах Еноха» они переместились «под крылья Господа Духов» (Енох. 7:13). Более того, небесные обитатели этих жилищ стали «украшены огненным сиянием», иначе говоря, они сияли так же, как и Моисей и сам Енох, когда они увидели лицо бога. Они совлекли с себя земные тела и облеклись в эфирные тела ангелов.

Сейчас, спустя две тысячи лет после Цадока/Еноха, когда вознесение праведников на небо является банальной истиной, известной каждому ученику воскресной школы; когда даже капитан Стормфилд у Марка Твена на своем опыте убедился, что праведники

после смерти немедленно обзаводятся венцами и арфами — это сияние, это небо и эти венцы не кажутся большой историей: ну да, сияют, ну да, на небе. А где же?

Но мы должны помнить, что даже еще в книге Даниила никаких душ святых на небе не было. Даниил видел на небе только два престола: один для Предвечного, другой для Сына Человеческого — и никаких сияющих праведников, преобразенных лицезрением бога в ангелов. Ему было обещано другое: физическое воскресение мертвых. Вознесение душ на небо было колоссальным ноу-хау, метафизической революцией, теологической новацией, предложенной Цадоком/Енохом.

Эта черта секты — возможность путешествовать на небо и входить там в *совет богов* — была так разительна, что «Вознесение Исайи», один из иудео-христианских апокрифов I в.н. э., написанный в Палестине, специально описывает сообщество пророков, которые одеваются во власяницы и живут в пустыне, как сообщество пророков, которые «верят в вознесение на небо»^[201].

Сатана

Причина, по которой кумраниты умеют ходить на небо и сражаться в одном строю с ангелами, очень проста. Дело в том, что они сражаются не просто со смертными противниками. Они сражаются с самим Велиалом, т. е. Сатаной. Их мистицизм носит вполне прикладной военно-полевой характер.

В саддукейском иудаизме Сатана никакой роли не играет. Творцом мира, его единственным распорядителем и причиной всех вещей является Яхве. Космического противника у этого Яхве нет.

Напротив, в теологии кумранитов Сатана играет огромную роль. Космический противник Яхве у них не просто имеет место быть. Он властвует над всем материальным миром, отчего тот, собственно, и находится в таком прискорбном состоянии. Весь мир за пределами кумранской общины есть «владение Велиала» (1QS, 1). Велиал ловит Израиль в три сети: «Первая есть прелюбодеяние, вторая — нечестие и третья — осквернение Храма. Тот, которой избег этой, будет уловлен той, и тот, который избег той, будет уловлен этой»^[202].

Сражаться с Велиалом в обычной броне, даже золотой, как у учеников рабби Менахема, как вы сами понимаете, так же глупо, как пулять из рогатки по танку. Бог дал возможность кумранитам «стоять вместе с Войском Святых» именно потому, что противником их является Велиал.

Гегемон

Итак, рядовые сектанты у кумранитов умеют подниматься на небо. Пророк, основавший их секту — не кто иной, как вечный Енох.

Но кто же тогда их руководитель, ветвь рода Давидова?

Он — поднимай еще выше — сам Господь. «Святой и Великий, Господь славы, вечный Царь», который «сойдёт, чтобы посетить землю с милостью» (Енох. 5:28).

Было бы странно, согласитесь, что люди, которые сами умеют быть членами Совета Богов, подчинялись кому-либо, кроме как президенту этого самого Совета.

Иосиф Флавий сообщает о «четвертой секте» следующее: «Вождем (ἡγεμών) четвертой философской школы стал галилеянин Иуда. Приверженцы этой секты во всём прочем вполне примыкают к учению фарисеев. Зато у них замечается ничем не сдерживаемая любовь к свободе. Единственным вождем (ἡγεμών) и владыкою своим они считают Господа Бога»^[203].

Нетрудно заметить, что текст Иосифа Флавия содержит очевиднейшее противоречие: Иуда Галилеянин был гегемоном «четвертой секты», признававшей своим гегемоном одного лишь Господа.

То же противоречие встречаем мы и в дальнейшем: «четвертая секта» не признавала над собою царя, кроме бога, и немедленно после начала восстания признала царем Менахема, потомка Иуды Галилеянина.

Какой же Иуда гегемон, если гегемон один лишь Господь? Какой же Менахем царь, если царь один лишь Господь?

Но противоречие это разрешить легко, если представить себе, что царь из рода Давидова был не просто царь. Он был Господь и Сын Бога.

В текстах кумранитов мы видим то же теологическое противоречие, что и в утверждении Иосифа относительно гегемонов «четвертой секты».

С одной стороны, они утверждают, что правителем является один лишь Господь: «власть будет принадлежать Господу, и владычество

вечное — Израилю» (IQM XIX, 2–8). С другой стороны, они утверждают, что этим правителем будет Мессия из рода Давидова, «который восстанет в конце дней... Господь поддержит [его духом силы, и даст ему] престол славы и венец [святости] и разноцветные одеяния... [Он вручит ему скипетр] в его руку, и он будет править [народами]» (4Q 11 611-5 fr. 8–10).

Господь и Мессия у кумранитов похожи до степени смешения. Мессия является его аватаром и образом. Мессия является божественным существом и его сыном.

«Ты очистил его для... в вечном свете и Ты породил его для себя как перворожденного Сына... как его, как владыки и правителя над всеми областями Твоей земли... в [енцом] неба и славой облаков ты увенчал [его]... и ангел мира твоего в его Общине...» (4Q369 fr. 1, II).

В последующем раввинистическом иудаизме Мессия из дома Давидова всегда был человеком.

Всё остальное было ересь Двух Властей в Небе: утверждение о том, что богов на небе два: один — непознаваемый и трансцендентный, которого нельзя видеть, и другой — его помощник, перворожденный сын, Логос, Мемра, Слава, Ангел Великого Совета, *девторос теос*, посредник между богом и его творением, исполнительный директор Всевышнего.

Именно эту ересь и демонстрируют, в чистейшем виде, кумранские тексты. Их Мессия — это совершенно конкретный человек. Один из кумранских текстов даже описывает его приметы. «[И на его голове] на волосах — родимое пятно рыжеватого цвета. И в форме боба [родинка на лице?], и маленькие родимые пятна на бедре» (4Q534). Но одновременно этот Мессия, со своими родинками и родимыми пятнами, есть Сын Бога и «Дух его Дыхания» (4Q534). «Сыном Бога он будет называться, и Сыном Всевышнего назовут его» (4Q246). Это о нем говорится: «Бог встал в совете богов» (11Q13). Он, как Господь, приходит с воинством ангелов на облаках. Он сидит на престоле одесную Господа, увенчанный венцом святости и славою облаков.

Это мистическое представление кумранитов о Мессии из рода Давидова, который больше, чем смертный, который есть Великий Ангел, *девторос теос*, Логос и Мемра, для которого на небе стоит второй престол, противоречит всем традициям монотеистического

иудаизма эпохи изгнания, но оно является возвращением к дореформенному иудаизму, к тому времени, когда цари из рода Давидова были земной инкарнацией Яхве.

Мистицизм кумранитов — это новое издание всех самых важных для дореформенного иудаизма и, казалось, совершенно подавленных в ходе монотеистических реформ концепций: концепций шаманских путешествий на небо, Господа Царя, Совета Богов, Войска Духов и Убийства Чудовища.

Это тот яхвизм, который проглядывает сквозь историю Моисея и легенду о пророке Илии. Это яхвизм, который позволяет людям совершать чудеса и участвовать на пиру в Совете Богов. «Они видели бога и ели и пили» (Исх. 27:11).

Это тот самый яхвизм, против которого направлена притча Жреца о родственнике Моисея Корея, который осмелился сказать: «Всё общество, все святые, и среди них Господь» (Чис. 16:3) — и был поражен за это огнем с неба.

Акт сотворения мира, который в истоках иудаизма был совершен в прошлом, теперь, для кумранитов, был опрокинут в будущее. Настоящий мир еще только должен был быть сотворен. Велиал еще только должен был быть уничтожен. И кумраниты — члены Войска Духов/Небесного Воинства, соратники ангелов и члены Совета Богов — должны были помочь своему Мессии победить Велиала/Ямма. Так же, как и ассасины, они умели видеть Рай наяву и под влиянием этих видений охотно жертвовать жизнью в терактах.

Имя Мессии

Как звали Главу Общины Кумрана?

Дать на этот вопрос один-единственный ответ невозможно, по той простой причине, что Глава этот был не один.

Кумранская община существовала больше столетия, и руководство ее менялось не раз. Борьба с Велиалом была делом хлопотным и не всегда кончалась так, как планировалось. Если в Апокалипсисах Мессия всегда побеждал Велиала, то в реальности почему-то часто побеждал Велиал. Это обстоятельство — как и невоскресение мертвых — тоже нуждалось в разъяснении.

Уже упоминавшийся «Свиток войны», написанный в 30–40-е гг. до н. э., говорил о Мессии из рода Давидова как о действующем Главе Общины.

Однако в какой-то момент, по крайней мере если верить одному из кумранских гимнов, известному как Гимн Самопрославления, ситуация резко изменилась.

С кем-то из Мессий случилась беда.

Гимн не конкретизирует, в чем была беда, но он не оставляет сомнения в том, что Мессия подвергся прилюдному оскорблению и насмешкам.

«Кто... был презираем, как я? И кого люди отвергли так, как меня? И кто может сравниться со мной в испытании злом?» (4Q471b), — жалуется от первого лица этот Мессия.

Однако затем у Мессии из рода Давидова всё наладилось, как и следовало ожидать от инкарнации Господа. Он вознесся на небо и воссел там в Совете Богов. Более того, он стал выше всех прочих его членов.

«Я буду считаться среди богов (элим), мое обиталище — священный совет, — говорит Мессия. — Никакое учение не сравнится с моим учением. Ибо я сижу [...] в небесах. Кто среди ангелов подобен мне?.. Кто может сравниться со Мной и кто может быть как я в Суде моем? Я — возлюбленный Царя, спутник святых и никто не может сопровождать меня. И с моей Славой никто не может сравниться»^[204].

Перед нами — поразительный документ, и не только потому, что он приписывает презренному и отверженному людьми Мессии тот же статус в совете богов, который приписывает Господу Войск древнейшая в Библии песнь пророчицы Мариам: «Кто, как ты, Господи, между Богами?» (Исх. 15:11).

Он поразителен прежде всего потому, что написан от первого лица. Псалмы Библии все написаны во втором или третьем лице: их лирический герой обращается к богу. Но автор Гимна Самопрославления *говорит от лица Господа Мессии*. Этот автор поднялся на небеса и увидел там своего отверженного людьми Мессию, и он спешит сообщить — через свои уста, но от Его имени, — что тот находится выше ангелов и скоро будет творить Суд.

И если ранние кумранские тексты, такие, как «Свиток войны», говорят о действующем и здравствующем главе общины, то более поздние тексты делают неожиданные заявления: Мессия — вернется.

Он будет «ветвь рода Давидова, который *восстанет* в конце дней» (3Q4, fr 8–10).

Что, в общем-то, только логично. Если у вас есть действующая миллениаристская организация, которая регулярно поднимает против римских легионов восстания под руководством Мессий из рода Давидова, то рано или поздно кого-нибудь из Мессий ждут колоссальные неприятности.

Рано или поздно какой-то Мессия крепко навернется на копьё Велиала, и осиротевшей общине придется объяснить своим членам этот теологический парадокс.

Зилоты и Ессеи

Итак, перед нами парадокс. Идеология, которую отражают кумранские тексты — это идеология тех, кого Иосиф Флавий называет *зилотами*, учением-новоделом, «четвертой школой», сектой ассасинов, основанной фарисеем Цадоком около 6 г. н. э. и постоянно поднимавшей восстания против римлян.

А организация, которую они описывают, — это организация тех, кого Иосиф Флавий называет *ессеями* — мирной сектой, существовавшей с незапамятных времен и клявшейся любить начальство.

Единственный способ разрешить этот парадокс — предположить, что *зилоты* и были *ессеи*.

Никаких двух сект, «мирной» и «воинственной», обосновавшихся одновременно на берегу Мертвого моря, в природе не было. Существовало лишь два способа описания одной и той же секты или, если угодно, две стадии ее развития.

Иосиф Флавий совершенно не случайно приводит только греческие названия секты: *ессеи* и *зилоты*. Тем самым он, по определению, не приводит ее самоназвания.

Каково было это самоназвание?

Одно из самых ее распространенных самоназваний — это *святые*, то же самое название, которое употребляет 7-я глава Даниила. Кумранская община, или, по-арамейски, *яхад* — это община *святых* (1QS V:20; 1QSa. 1). Члены *яхада* именуется *святыми* в Книге Стражей, Дамасском документе и гимнах общины. Они — «святые» (1QM X), их лагерь — это лагерь святых (1QM III:2–3), и именно «Святые Бога» выполняют месть суда Божия над Велиалом и его присными (11Q13). Именно от греческого слова «святой», «оссеос», выводил название ессеев Филон Александрийский, и Иосиф Флавий описывает ессеев как людей, которые «преследуют особую святость»^[205].

Не менее часто, чем *святые*, кумранские тексты употребляют слово «праведники», *цадиким*, сыны Цадока, основателя секты и Учителя Праведности.

Еще одно знаковое для общины слово — это *канаим*, т. е. ревнители, зилоты. Слово это имело безусловно положительный смысл для всех иудеев, и всё время в одной и той же коннотации: *ревнители* истребляли язычников. *Ревнителем* являлся сам Бог Израиля (Исх. 21:14), Финеес, (Чис. 25:6–13), пророк Илия и Маттафия Маккавей. (1 Мак. 2:24). *Ревнителями* были и члены общины. Они должны были иметь «ревность к законам праведности» (1QS, IV:4), «ревность против слуг нечестия» (1QH, VI:20–22) и «ревность против стремящихся к гладким вещам» (1QH X: 28–29).

Еще одно самоназвание секты — это *эбионим*, «бедные, нищие», и *совершенные*, или *совершенные в пути*. Кумранская община — это «нищие, которых ты искупил» (1QM, XI). В некоторых вариантах свитка Войны кумраниты именуется не просто нищими, а «нищими духом» (1QM XIV:7). Бог «искупает *нищих* от руки угнетателей и спасает совершенных от руки злых» (4Q448 col A).

Еще одно важное самоназвание — это «хранители завета», или, на древнееврейском — *ноцрей ха-Брит*, то есть *ноцрим*, *назорей*^[206].

Такое изобилие названий не должно нас удивлять. Оно является типичным для революционной секты, часто меняющей прозвища и путающей следы. К примеру, участники революции 1917 года в России назывались «коммунисты», «большевики», «красные», «революционеры», «марксисты», «социалисты», «ленинцы», «Красная Армия», не говоря уже об идеологически окрашенных «строителях светлого будущего» или «революционной сволочи».

С эссеями — как с коммунистами. Если, спустя много столетий, невнимательный читатель будет читать, с одной стороны, восторженные отзывы Лиона Фейхтвангера и Бертольда Брехта о строительстве коммунизма в России, а с другой — «Архипелаг ГУЛАГ», то он сможет заключить, что в это время в России существовало два идеологических толка. Один был мечтатели-коммунисты, стремившиеся к миру и любви, но притесняемые западными капиталистами. Другой был злобные большевики, нацеленные на завоевание всего мира и устроившие в своей собственной стране геноцид. На самом деле речь шла об одних и тех же людях, описанных с разных точек зрения.

Иосиф Флавий применяет простой и эффективный прием. Он разделяет «ессеев» и «зилотов» по времени. Он утверждает, что

«мирные ессеи» существуют издревле, а «кровавые зилоты» возникли всего-то без году неделя, в 6 г. н. э.

На самом деле фанатики, сопротивлявшиеся римскому владычеству под руководством Мессии из дома Давидова, возникли, вероятно, гораздо раньше.

Мы можем быть почти уверены, что галилейские «разбойники», воевавшие в 37 г. до н. э. против Ирода, участвовали в войне Сынов Света против Сынов Тьмы. У нас есть хорошие основания подозревать, что Мессией был еще атаман Езекия, убитый в 48 г. до н. э., и что весь пересказ этого эпизода, который он не может скрыть, Иосифом Флавием, есть верх исторического фальшивомонетничества. А ревнителю, убивавшему себя, вместо того чтобы сдаться в плен, впервые встретились римлянам еще в 63 г. до н. э., при взятии Помпеем Храма.

Таким образом, утверждение Флавия, что *ревнителю* появились только в 6 г. н. э., есть злонамеренная попытка запутать дело. *Ревнителями* были еще Маккавеи.

Точно так же ошибочным является утверждение Флавия о том, что ессеи — секта, существовавшая издревле.

Кумраниты, несомненно, утверждали это о себе. Как мы видели, их основателем был сам Енох, седьмой сын Адама! По сравнению с такой древностью даже Моисей и Аарон были теологическими молокососами. Точно так же несомненно, что теология кумранитов действительно сохраняла черты древнейшего яхвизма.

Но одно дело — теология, а другое дело — организация.

Существует множество логических и исторических причин, по которым секта ессеев не могла существовать слишком долго.

Для начала — она практиковала общность имущества. Коммунизм, за исключением первобытного, — довольно кратковременное состояние. У него короткий период полураспада. Даже СССР не протянул 70 лет, а израильские кибуцы переродились еще быстрее. Конечно, коммунизм кумранитов был в основе своей военный коммунизм — это был коммунизм разбойничьей шайки, которая делит добычу на всех. Но всё-таки община с таким устройством вряд ли могла протянуть хотя бы сотню лет — и действительно, уже к середине I в.н. э. Кумран был не просто зажиточной, а лопающейся от богатства общиной.

Археологи нашли в Кумране непривычно большое количество стеклянных изделий и драгоценностей; римской *terra sigillata*, римских литых ламп. Кумран в какой-то мере был тем же, что потом Ватикан — не просто богатая, а очень богатая столица секты, проповедовавшей полную бедность. И, собственно, именно эта проповедь бедности и позволяла его верхушке сосредоточить в своих руках такие ресурсы. Нам трудно себе представить, чтобы секта, перерождавшаяся с такой скоростью, существовала сотни лет.

Во-вторых, Иосиф Флавий сообщает нам важную деталь. Он говорит, что ессеи не приносили жертвы в Иерусалимском храме. Им запрещен «доступ в общий храм, и они совершают богослужения отдельно»^[207].

Но весь экономический смысл монотеизма, в том виде, как он оформился окончательно среди потомков Садока, заключался в монополии Иерусалимского храма на жертвы Яхве. Все, кто не признавал эту монополию, жестоко преследовались. Ездра и Неемия умудрились провозгласить *самаритянами* евреев, которые говорили с ними на одном языке и читали ту же Тору — и только жертвы приносили не в Иерусалиме, а на горе Геризим.

Несложно понять, что если бы *ессеи*, не приносящие жертвы в храме, существовали во времена Ездры, то они были бы заклеяны язычниками, хананеями, отступниками — кем угодно, но не евреями.

То же самое — Хасмонеи. Это была единственная иудейская династия, практиковавшая наступательный *херем*. Иоанн Гиркан разрушил на территории Палестины десятки греческих городов, истребив или изгнав их обитателей. Стратонову Башню он превратил в руины. Он уничтожил храм на горе Геризим. При нем были обращены в иудаизм Галилея и Идумея. Смешно представить, что Хасмонеи оставили в 20 км от Иерусалима в живых секту, которая называла их «детьми Велиала» и вдобавок возглавлялась конкурентом из дома Давидова, отрицавшего право Хасмонеев на власть.

Наконец, у нас есть самое простое свидетельство — археология. Кумран пережил два пика обитания. Один приходился на 103–76 гг. до н. э., то есть на время правления Александра Янная. 145 медных монет, найденных в Кумране, датируются временем правления Александра Янная. Его предшественнику Иоанну Гиркану принадлежит лишь

четырнадцать монет, а вдове Янная Саломее Александре — ни одной^[208].

Из этого легко предположить, кто именно жил в Кумране во время правления Александра Янная. Это были не кто иные, как восставшие против него фарисеи. После разгрома восстания они бежали из Иудеи, и мы легко можем предположить, что одной из точек их пребывания был Кумран.

После смерти Александра Янная фарисеи вернулись в Иерусалим, и Кумран снова опустел. У нас просто нет никакой другой группы, которая бы пришла в Кумран во время царствования Янная и покинула бы его сразу после. И если этими фарисеями действительно руководил шурин царицы Симеон бен Шетах, то мы можем быть уверены, что он не ждал пришествия царя из дома Давидова.

В 60–40-е гг. до н. э. Кумран ведет скромное существование; потом, в 37 г. до н. э., его дотла сжигает Ирод, и только после смерти этого Сына Беззакония Кумран оживает вновь: со времени создания «четвертой секты» и правления Пилата количество монет в нем растет и растет, пока не достигает пика незадолго до начала Иудейской войны.

Из этого разумно заключить, что *ессеи*, обитавшие в Кумране, откололись от основного ствола фарисеев не раньше 60-х гг. до н. э. — то есть не раньше позорного падения Хасмонеев, или, в крайнем случае — не раньше времени Симеона бен Шетаха, обладавшего бесконечной способностью ссориться с конкурентами и не располагавшего серьезными военными ресурсами для их подавления.

Нет сомнения, что при этом они считали себя преемниками настоящих *святых*, а своих противников упрекали в том, что те заделались лицемерами и любителями «гладких вещей» — точно так же, как троцкисты продолжали только себя видеть настоящими ленинцами, а Сталина обвиняли в измене делу революции.

Ко времени Ирода секта уже пережила по крайней мере два неудачных восстания — 48 и 37 гг. до н. э. Очень возможно, что по воцарении Ирод сумел купить ту часть ее руководства, которую он не сумел истребить. Во всяком случае, она продолжала сохранять влияние. Если потомок атамана Езекии, убитого в 48 г. до н. э., провозгласил себя царем спустя 44 года после этой смерти и стал

основателем «четвертой секты» спустя еще десять лет, это значит, что даже в правление Ирода основной костяк секты оставался не тронут.

Иудейская пропаганда очень рано начала изображать те или иные иудейские течения — будь то фарисеи или ессеи — в качестве исключительно мирных. Как мы видим, Талмуд также изображает рабби бен Бабу исключительно мирным учителем, отказывающимся проклясть Ирода, несмотря на все его ужасные преступления против рабби.

На самом деле, как ни парадоксально, именно это настойчивое подчеркивание мирности учения более, чем что-либо другое, свидетельствует о его насильственном характере. По-настоящему мирным религиям никогда не приходит в голову подчеркивать свою мирность.

Мы ничего не слышим о «мирных последователях Афродиты, которые даже не убивают последователей Афины, хотя те их преследуют». Зато мы настойчиво слышим о мирных рабби, которые отказывались проклинать Ирода, и мирных ессеях, которые отличались особой святостью. И то, и другое было, попросту говоря, враньем.

Фарисеи, по состоянию на начало I века, были исключительно воинственной сектой, первой в истории человечества разработавшей теологию и практику шахидов — мучеников за веру, достаивавшихся в результате своей смерти жизни вечной. (Даже слово «свидетель/мученик», «шахдо» на сирийском арамейском — это прототип хорошо знакомого нам «шахида».) Теология отколовшихся от них ессеев пошла еще дальше. Они придали святой войне против неверных мистический характер. Они сражались вместе с ангелами и возносились после смерти к престолу Господа.

Иосиф Флавий, сам в молодости три года проведенный на стажировке у пророка Бануса, имел все основания обелять ессеев и себя вместе с ними, но христианский епископ Ипполит Римский, живший в конце II века, таких оснований не имел. Он прямо указывал на тождество ессеев с теми, кто развязал Иудейскую войну.

«Приверженцы этой партии, — писал о ессеях Ипполит, — ежели услышат кого-то рассуждающим о Законе и Боге, и если этот кто-то будет не обрезан, начнут следить за ним, и, наконец, застигнув его одного в каком-либо месте, пригрозят ему убийством, если не совершит обрезания. И если этот последний не согласится, есеев не

щадит, а сразу режет. От этого-то они и получили свои названия, будучи прозваны одними зилотами, а другими — сикариями»^[209].

Глава 7

Иудейская война

Итак, фанатическое сопротивление римлянам началось прямо с момента утраты независимости Иудеи.

Оно вылилось в несколько восстаний, самые крупные из которых приходились на 48 и 37 годы до н. э. На время правления Ирода оно было подавлено железной рукой. Сразу после смерти Ирода беспорядки вспыхнули снова, а еще (если мы правы в своей нестандартной датировке «Книги Стражей») через некоторое время среди сектантов явился новый, необыкновенного влияния и силы, пророк по прозвищу Праведник, представлявшийся бессмертным Енохом.

Этот Цадок/Енох, вместе с Иудой из Гамлы, потомком атамана Езекии, поднял в 6 г. н. э. восстание против переписи Квирина. Иосиф Флавий ничего не сообщает нам о судьбе Цадока и Иуды после восстания. Более того, его дошедший до нас текст ничего не сообщает о деятельности секты в 10–30-е гг. н. э.

Это очень странно для текста, который, собственно, и написан затем, чтобы выставить «четвертую секту» единственной виновницей войны. О причинах такого странного упущения мы поговорим позднее, а пока лишь констатируем, что в «Иудейских древностях» Иосиф Флавий возобновляет свое повествование о бунтовщиках в последний год правления Понтия Пилата.

В этот год некий пророк из самарян собрал большую толпу на горе Геризим, «уверяя пришедших самарян, что покажет им зарытые здесь священные сосуды Моисея»^[210].

Вместо сосудов толпа наткнулась на римские войска, посланные префектом Иудеи Понтием Пилатом. Толпу перерезали, а Пилат после этого происшествия отправился в Рим, будучи вызван туда Тиберием. Но едва он приехал, Тиберий умер.

Преемником Тиберия в 37 г. н. э. стал Калигула, который очень скоро вообразил себя богом. Не на шутку оскорбленный тем, что евреи разбили воздвигнутый ему кирпичный алтарь, бог Калигула решил воздвигнуть в Храме огромную позолоченную статую самого себя.

Статуя, отлитая в Сидоне, отправилась в Иерусалим под охраной трех легионов во главе с легатом Сирии, Петронием.

По словам Тацита, иудеи восстали^[211]. Это замечание, слишком краткое, чтобы удовлетворить наше любопытство, заставляет нас искать подробностей в Иосифе Флавии.

Однако нас ждет разочарование. Вместо того чтобы говорить о восстании, Иосиф сообщает нам об исключительно мирном характере протеста. По его словам, «иудеи собрались с женами и детьми в Птолемаидскую долину и трогательно умоляли Петрония пощадить отечественные обычаи»^[212].

Здесь мы снова в очередной раз встречаемся с замеченным нами приемом: Иосиф Флавий снова выставляет иудеев в качестве мирных страдальцев, которые подставляют левую щеку, когда их ударили по правой, в то время как Тацит не питает иллюзий по этому поводу.

Так или иначе, делегация тоже имела место, и во главе ее стояли виднейшие граждане. Они разъяснили Петронию и словом, и взяткой, что упорство императора кончится тем, что даже эллинистическая элита будет вынуждена примкнуть к восставшим. Петроний написал императору письмо, в котором просил отсрочить грандиозную затею. Письмо привело Калигулу в такую ярость, что он приказал Петронию совершить самоубийство. По счастью для легата, известие об убийстве Калигулы достигло его раньше императорского приказа^[213].

Вскоре после своего восшествия на трон Калигула передал половину бывших владений Ирода в руки своего собутыльника Ирода Агриппы. Агриппа предпочитал править страной *in absentia*, и всё время истории со статуей он пропировал в роскошных покоях Калигулы.

Он был также приятель и Клавдию — и когда последний стал императором, Агриппа, в добавление к Галилее и Голанам, получил в свое владение также Иудею и Самарию, сосредоточив, таким образом, в своих руках почти все те территории, которые контролировал Ирод Великий.

После этого пятидесятилетний Ирод Агриппа, проведший жизнь в попойках и оргиях при Калигуле, наконец прибыл в Иерусалим. Первым делом он назначил в первосвященники Симона, сына Боэта^[214].

Боэт был тот самый богатый александриец, который был назначен на этот пост царем Иродом, к негодованию иерусалимского священства. Назначение Боэта так шокировало рабби, что они потом придумали для его последователей особый термин: «байтусим», т. е. «боэтозиане». «Байтусим» Талмуда, вероятно, было то же, что «иродиане» Евангелий, то есть религиозная партия, которая признавала в идумейских царях еврейских Мессий.

Назначение Симона на пост первосвященника было религиозно-политической декларацией нового царя. Бывший собутыльник Калигулы тоже претендовал на статус Мессии.

Такой Мессия вряд ли мог потрафить фанатикам, и действительно, вскоре некий Симон, «считавшийся особенно глубоким знатоком законов», собрал в Иерусалиме экклесию (собрание), на которой было принято решение запретить царю вход в Храм на том основании, что он не является настоящим евреем^[215].

Агриппа немедленно пригласил Симона к себе: по счастливому совпадению, встреча Агриппы и непримиримого религиозного лидера совершилась прямо на трибуне кесарийского театра. Посадив новоявленного аятоллу Хомейни рядом с собой и проникновенно глядя ему в глаза, царь «мягко спросил: „Скажи мне, что делается тут противозаконного?“»^[216] Незаконным, собственно, был весь языческий театр — с его кровью, статуями и зрелищами. Но у бедного Симона язык примерз к небу. Царь дал ему взятку и отпустил с миром.

Немного спустя Агриппа устроил на стадионе отстроенного им эллинистического Берита бои, на которых роль гладиаторов выполняли тысяча четыреста преступников — два отряда по семьсот человек в каждом. Можно заподозрить, что немало из этих тысячи четырехсот были те, которые под руководством Симона решили не пускать в Храм иродиан.

«Так он [Агриппа] избавил страну от злодеев», — удовлетворенно заключает Иосиф Флавий^[217].

В 44 г. н. э. Ирод Агриппа умер, и после его смерти Иудея снова перешла под прямой контроль римлян. Ее правителем стал прокуратор Куспий Фад. Собственно, это был первый из римских правителей, носивший звание прокуратора — до этого, строго говоря, римский чиновник, управлявший Иудеей, звался «префект».

Переход Иудеи непосредственно в руки *киттим* мгновенно вызвал восстание. Новый пророк, некто Феуда, вывел своих последователей в пустыню к реке Иордан. Он обещал своим последователям раздвинуть воды Иордана, как Иисус Навин. Вместо разошедшихся вод толпу встретила римская кавалерия. Голова Феуды была выставлена в Иерусалиме в назидание будущим бунтовщикам^[218].

Кроме этого, Куспий Фад поймал и казнил некоего атамана разбойников Толомея^[219].

Около 46 г. н. э. преемником Фада стал прокуратор Тиберий Александр, александрийский еврей из богатейшей семьи и племянник Филона Александрийского. Впоследствии, во время Иудейской войны, этот необыкновенный человек был начальником штаба Тита во время осады Иерусалима.

Став прокуратором, Тиберий Александр немедленно распял сыновей Иуды Галилеянина, Иакова и Симона. Нам неизвестно, были ли это тот Симон, который при жизни Агриппы созвал в Иерусалиме *эклесию*, запретившую вход в Храм неверным иродианам, или какой-то другой.

Через два года прокуратором Иудеи стал Вентидий Куман^[220]. Вскоре после назначения Кумана в толпе, собравшейся в Иерусалим на Пасху, начались волнения. Один из римских солдат, стоявших в оцеплении на галерее Храма, задрал плащ, показал верующим задницу и пукнул (или, по крайней мере, так сказали толпе агитаторы). Толпа взбеленилась; Куман вызвал солдат; в давке погибло десять тысяч паломников^[221].

Сразу после этого несколько *бирйоним* осуществили удачный экс, напав на кортеж императорского чиновника по имени Стефан^[222].

Куман в раздражении отправил воинов разорять близлежащую местность, и один из солдат, войдя в раж, надругался над свитком Торы. Если верить Иосифу, то давление иудеев было так велико, что прокуратор «отрубил виновному голову и тем подавил уже готовое вспыхнуть восстание»^[223].

Вскоре новое происшествие подало повод волнениям. Самаритяне убили нескольких галилеян, которых Иосиф называет мирными паломниками. Возмущенные родственники потребовали от прокуратора сурово покарать убийц, но прокуратор отказался это

делать, возможно потому, что паломники эти были не так мирны, как это хотели представить галилейские пропагандисты. Впрочем, мы можем охотно согласиться с Иосифом, что пронизательное это решение было одобрено изрядной суммой денег, полученной от самаритян.

Нежелание прокуратора карать самаритян за убийство галилейских бандитов привело патриотов в страшное негодование. Они стали уговаривать «народ иудейский взяться за оружие, перебить врагов и тем отстоять свою свободу, потому что, как говорили они, рабство само по себе уже тяжело и становится совершенно нестерпимым, если связано с глумлением»^[224].

На помощь патриотам пришел человек по имени Елеазар бен Динай, разбойничавший в горах уже двадцать лет. Этот человек, которого Талмуд называет милленаристом и кровавым убийцей^[225], начал систематическую резню самарянских сел^[226].

Резня перешла в войну, война — в восстание.

Подавлять восстание Елеазара бен Диная явился с войсками наместник Сирии Уммий Квадрат. Самого Елеазара он не сумел добыть, зато распял некоего «влиятельного иудея по имени Дорт», который уговаривал народ отложиться от римлян^[227].

Первосвященник Анания в цепях отправился в Рим. Куман был уволен с должности за профнепригодность, а прокуратором Иудеи был назначен вольноотпущенник Антоний Феликс, получивший этот пост по той уважительной причине, что он приходился братом самому знаменитому и самому коррумпированному из вольноотпущенников Нерона — Палланту.

Прибыв в Иудею, Феликс решил не размениваться на мелкие взятки и улучшил свое материальное положение одним махом, женившись на Друзилле, сестре покойного царя Агриппы. Браки между иудеями и неверными всегда были предметом особого возмущения *ревнителей*, и матримониальный успех необрезанного вольноотпущенника вызвал новое возмущение.

Проблему с Елеазаром бен Динаем Феликс решил в два счета: он пригласил его на переговоры, арестовал и отправил на суд в Рим.

По какой-то странной случайности это изумительно простое решение не принесло мира провинции. Ровно наоборот — после ареста Елеазара бен Диная его коллеги перешли к новой тактике

индивидуального террора. Иосиф называет приверженцев этой тактики «сикариями», то есть ассасинами, киллерами — латинским словом, происходившим от слова *sica*, «короткий кинжал».

Сикарии, скрывавшие под платьем кинжалы, убивали своих жертв среди бела дня. Как только те падали, «убийцы наравне с другими начинали возмущаться происходившим и благодаря такому притворству оставались скрытыми»^[228].

Первой жертвой этих еврейских моджахедов стал первосвященник Ионатан, убитый в 52 году.

Гибель Ионатана привела к целой эпидемии убийств. «Паника, воцарившаяся в городе, была еще ужаснее, чем сами несчастные случаи, ибо всякий, как в сражении, ожидал своей смерти с каждой минутой»^[229].

За сикариями появились пророки, «обманщики и прельстители, которые под видом божественного вдохновения стремились к перевороту и мятежам, туманили народ безумными представлениями, манили его за собой в пустыни, чтобы там показать ему чудесные знамения его освобождения»^[230].

В 56 г. один из таких пророков, родом из Египта, привел толпу своих последователей на Масличную гору возле Иерусалима, ту самую, на которую, согласно пророку Захарии и «Деяниям апостолов», должен был снизойти Мессия (Зах. 14:4; Деян. 1:11). Он обещал толпе обрушить стены Иерусалима, как это сделал с Иерихоном Иисус Навин. Вместо обрушенных стен толпу встретили римские легионы, посланные прокуратором Феликсом. Толпа была перебита, пророк бежал^[231].

В 58 г. корыстолюбивого прокуратора Антония Феликса сменил корыстолюбивый прокуратор Порций Фест. Очередной пророк, обещавший людям *Спасение*, повел людей в пустыню, и за ним последовала очередная порция римской кавалерии^[232].

В 62 г. еще один пророк возвестил скорый приход Мессии и был сброшен со стены Храма по приказу первосвященника Анании.

Восстания стали эндемическими. Основной их мишенью были, однако, не язычники, а те иудеи, которые отказывались восставать. Те, кто предпочитал рабство, должны были быть принуждены к свободе. Зилоты, рассеявшиеся по всей стране, «грабили дома облеченных властью лиц, а их самих убивали и сжигали целые деревни»^[233].

Еще опасней были праздники в самом Иерусалиме. Страна была мала, окружена пустынями и перенаселена. На праздники в Иерусалим стекалось до четырехсот тысяч человек, в основном мужчин. Толпа, охваченная религиозным экстазом, готова была на всё, что угодно. Уход в пустыню фактически означал уход в разбойники, ибо никаким другим способом заработать на пропитание в пустыне было нельзя. Разбойники теперь грабили не просто так, а во имя Господа, и чем больше разбойников и террористов было в стране, тем тяжелей была налоговая доля оставшихся.

В стране царило двоевластие: храмовая верхушка, оказавшись перед лицом эффективного и беспощадного террора, предпочитала просто закрывать на него глаза, что только больше увеличивало власть террористов.

Не следует пренебрегать и экономическим эффектом от общности имущества, введенной *праведниками*.

Напомню, что основным положением *четвертой секты* был запрет на уплату налога римлянам. Нетрудно заметить, что этот запрет находил отзыв в душе любого иудейского налогоплательщика даже и по не связанным с Богом причинам. А община в Кумране — можно не сомневаться — налогов римлянам не платила вовсе.

Таким образом, кумранитское обобществление имущества оборачивалось на практике масштабной операцией по уходу от римского налогообложения. Тот, кто вверил свое имущество *мебаккеру*, мог отныне не бояться сборщиков налогов. Рядовые сборщики налогов в римских провинциях вовсе не были высокопоставленными вельможами. Их социальный статус был не выше участкового милиционера. Если бы такой сборщик осмелился пристать с налогами к *мебаккеру*, он бы получил кинжал под ребра за оскорбление Бога.

Чем больше налогоплательщиков вверяли свое имущество *мебаккеру*, тем сильнее и безнаказанней становилось параллельное государство; чем сильнее и безнаказанней было параллельное государство, тем больше соблазна было в него вступить.

Низшее храмовое священство вступало в него поголовно. Прокуратор Феликс, встревоженный таким положением дел, арестовал и отправил в Рим нескольких молодых священников, питавшихся в пути одними фигами и плодами, то есть соблюдавших диету, на

которой Адам сидел в Раю. Скорее всего, именно этих священников Иосиф Флавий называет «бедными», то есть *эбионим* — одним из самоназваний, популярных в Кумране.

Иосиф Флавий, отправившийся в Рим вместе со священниками, сумел не только добиться их освобождения, но и втерся в доверие к супруге Нерона, Поппее. В итоге в 64 г. новым прокуратором Иудеи стал Гессий Флор, назначенный на это место по той веской причине, что его супруга приятельствовала с Поппеей.

Этот фантастический эпизод, в ходе которого параллельное государство сумело добиться в Риме освобождения подрывных элементов, и даже, возможно, способствовать назначению прокуратора (не оправдавшего, впрочем, надежд), был началом конца.

В 66 году Менахем, еще один потомок Иуды Галилеянина, захватил крепость Масаду, находившуюся неподалеку от Кумрана, и двинулся в Иерусалим. Одновременно Елеазар, начальник храмовой стражи и сын первосвященника Анании, запретил приносить в Храме жертвы императору.

Оба лидера восстания — Елеазар, представитель воинственных фарисеев, и Менахем, царь и Мессия еще более ревностных *цадиким* — были обречены на столкновение между собой, но у Менахема было огромное стратегическое преимущество: это были спящие ячейки зилотов, параллельное государство, сеть, пронизывавшая все города Иудеи и в том числе — Иерусалим, и служившая, собственно, главным источником тогдашних шахидов-сикариев.

Еще раньше, чем Менахем подошел к Иерусалиму, эти ячейки активизировались. Иерусалим был взят изнутри: сикарии вошли в Храм с кинжалами под платьем и устроили там резню. Затем восставшие сожгли архив, в котором хранились долговые расписки. Первосвященник Анания был вытасчен вместе с братом из водопровода, в котором они скрывались, и разрублен на куски^[234].

Еще не успев начаться, восстание разделилось на две партии. С одной стороны оказалась фарисейская элита, которая хотела свергнуть римлян, но в общем-то не собиралась менять социальный и политический строй. Другую сторону представляли *праведники* и *святые*. Они воспринимали эту войну как начало Судного дня, войну против Велиала в составе войска духов под руководством Мессии, грядущего на облаках, и они знали, что эта война окончится не

политическим, а космическим переворотом: горы будут плясать, как овцы, небо свернется, как свиток, все, кто не являются *праведниками*, будут ввергнуты в геенну огненную, а праведники получают вечную жизнь в обновленном мире без болезней и смерти.

Трудно сказать, как развивались бы события, если бы царь Менахем бен Езекия, вступивший в Иерусалим при ликовании *праведников* и черни, обрадованной сожжением долговых расписок, сумел консолидировать власть в своих руках.

Однако его правление продолжалось исключительно недолго. Второй вождь восстания, начальник храмовой стражи Елеазар, воспользовался боевой тактикой сикариев и напал «на Менахема в храме, когда он в полном блеске, наряженный в царскую мантию и окруженный толпой вооруженных приверженцев, шел к молитве»^[235].

Менахем был убит; его двоюродный брат Елеазар бежал в Масаду.

Уничтожив Менахема, Елеазар бен Анания отнюдь не повел дело к миру. Ровно наоборот: он осадил римский гарнизон, и когда тот сдался под обещание сохранить жизнь, вырезал его весь, за исключением командира, который, ввиду такой явной победы Царства Света, проникся его идеями и принял иудейство. Правитель Сирии Цестий Галл повел против Иерусалима Двенадцатый Легион, но был разбит.

Отступление превратилось в кошмар. Партизанские отряды устраивали римлянам засады и осыпали их стрелами с высот. Римляне бежали, побросав «осадные и метательные машины, которые достались иудеям и впоследствии употреблялись против их первоначальных обладателей»^[236]. Царство Божие показало себя на высоте: пророчества Даниила и Еноха явно сбывались.

Только после унижительного поражения Галла римляне осознали масштаб бедствия. Подавление восстания было поручено полководцу Веспасиану, получившему в свое распоряжение в общей сложности четыре легиона и еще 55 тыс. союзных войск, выделенных царями Набатеи, Коммагены и Эмессы.

В течение нескольких месяцев Иудея и Галилея были зачищены. Их защитники устремились в Иерусалим, который превратился в единственное убежище и одновременно — ловушку для радикалов. Там-то, по мере того как римская армия не спеша продвигалась к городу, и выяснилась небольшая подробность. Хотя в Свитке войны

Сынов Света против Сынов Тьмы и сообщалось, что предводителем войском света будет Мессия, пришедший на облаках, в нем не говорилось, что делать, если Мессию убьют в начале восстания.

С началом осады на руководство зилотами претендовали целых трое: некий Елеазар сын Симона контролировал территорию Храма, Иоанн из Гисхалы — часть Нижнего города, и, наконец, Симон сын Гиоры — весь Верхний город и большую часть Нижнего. Из этих троих, по-видимому, только Симон претендовал на титул царя^[237].

После гибели Мессии Менахема он некоторое время отсиживался в Масаде, потом вел *херем* в Идумее, а потом осадил Иерусалим и был впущен в него фракцией, ненавидевшей Иоанна из Гисхалы. Все три фракции резались между собой, что, впрочем, не мешало им убивать всех, кто был за мир с римлянами, а заодно всех, кого можно было под этим предлогом ограбить. «Знатных убивали из зависти, храбрых — из боязни»^[238].

Римская армия осадил Иерусалим весной 70 года. В городе в это время царил совершеннейший бардак.

Праведники, избранные для света вечной жизни, обвертывались дорогими женскими тряпками и обвешивались драгоценностями, в полном, впрочем, согласии с обещаниями Свитка Войны, обещавшего Сынам Света золотые копья с богатыми украшениями, и из-под этих украшений «они вынимали кинжалы и пронизывали каждого, становившегося на их пути»^[239]. Бежать из города можно было только за деньги, уплаченные воинам света. «Кто давал деньги, того пропускали, только тот, кто ничего не давал, был изменник»^[240].

Впрочем, бежавших было не так много. По Иерусалиму ходили пророки, «которые вещали о помощи божьей», и чем более отчаянным становилось положение города, распри, голод и мор, тем больше иступленное население свято веровало в то, что Господь Мессия вот-вот явится на облаках с ангелами и прочей небесной тяжелой техникой.

На Пасху один из праведников, Иоанн, воспользовался жертвоприношением в храме, чтобы избавиться от другого праведника, Елеазара. Сикарии с кинжалами под одеждами проникли с толпой в храм и принялись резать, а так как резать проще безоружных, чем вооруженных, то богачей в храме было перебито гораздо больше,

чем елеазаристов. Тем не менее в результате этой резни партий стало две, и когда началась осада, они объединились перед лицом римлян.

Любого, кто был заподозрен в попытке бегства к римлянам, теперь казнили, (разве не предрекал Енох, что «в те дни нельзя будет спастись ни золотом, ни серебром?»), а заподозривали прежде всего тех, у кого было хоть какое-то состояние. «Их обвиняли в желании бежать к неприятелю для того, чтобы их казнить и овладеть имуществом»^[241].

Среди казненных праведником Симоном оказался даже первосвященник Матфия, который его же и призвал в город, чтобы противопоставить его другому праведнику Иоанну. Перед этим на глазах Матфии казнили его троих сыновей.

Тех, кто при виде казней не радовался, убивали тоже. «Тех, которые своими стонами выражали сочувствие казненным, без суда и следствия предавали смерти»^[242].

К сожалению, если не считать одежд праведников, обвешанных драгоценностями, и крови грешников, которая текла, как вода, никакие другие обещания Еноха не спешили сбываться. Виноградники не рожали стократ, и мера маслин не приносила десять прессов елея. Напротив, запасы зерна, хранившиеся в городе, были сожжены. Иосиф Флавий утверждает, что это произошло в ходе взаимной резни, Талмуд — что *бирйоним* сожгли запасы нарочно, чтобы принудить людей воевать^[243]. Одна богатая женщина по имени Мария была разорена дотла. Когда подступил голод, она изжарила и съела своего сына^[244].

Бежавшие из города проглатывали золотые монеты и потом подбирали их из собственных испражнений. Римские солдаты, прослышав об этом, вспарывали беженцам животы. Когда после тотальных грабежей золото у частных лиц кончилось, Сыны Света ограбили сам храм, резонно заявив, что «предметы, посвященные Богу, можно без всякого стеснения употребить на служение Богу»^[245].

Наконец в августе храм был взят и сожжен. Римская солдатня, дорвавшаяся до золота и серебра, грабила направо и налево. Жертвы среди мирного населения были чудовищны, потому что один из пророков, ходивших по городу, заявил, «Бог велит вам идти к храму, где вы узрите знамение вашего *Спасения*»^[246]. Там они и погибли.

Главное, что побудило евреев к войне, пишет Иосиф Флавий, было «двусмысленное пророческое изречение, находящееся также в их

священном писании и гласящее, что к тому времени один человек из их родного края достигнет всемирного господства»^[247].

По мнению Иосифа Флавия, иудеи ошибались в том, что относили это пророчество к своему роду, в то время как оно «касалось воцарения Веспасиана, избранного императором в иудейской земле»^[248].

Хаос или организация?

Из рассказа Иосифа Флавия, в том виде, в котором он существует сейчас, складывается чрезвычайно живое ощущение революционного броуновского движения, охватившего Иудею. Ни порядка, ни иерархии в этом описании нет. Из описанной выше картины вытекает, что пророки и разбойники самозарождались в Иудее I в.н. э. точно так же, как террористы в конце XIX в. самозарождались в России.

Два, однако, обстоятельства противоречат этому описанию. Во-первых, это таинственная лакуна во всём, что касается истории «четвертой секты» до 36 г. н. э.

Несмотря на то, что Иосиф именно «четвертую секту» обвиняет в развязывании «Иудейской войны», все сведения о развитии этой секты до 36 года — то есть в ключевые годы ее формирования — в его текстах отсутствуют.

И не просто отсутствуют — на их месте, как мы увидим, находятся зияющие смысловые лакуны.

Второе обстоятельство — это имя пророка, сброшенного со стены Храма в 62 году по приказу первосвященника Анании. Иосиф Флавий сообщает, что это был «Иаков, брат Иисуса, прозванного Христом»^[249].

Позднейшее христианство вообще отрицало, что у Иисуса Христа был брат. Оно утверждало, что Иисус родился от девственницы. В «Деяниях Апостолов» — единственной канонической книге, описывающей историю общины после казни Иисуса — не упоминается ни о каком брате Христа.

Но Иосиф Флавий утверждает, что такой брат был, что он был верующим иудеем (а иначе с какой бы стати его судил суд Синедриона?) и что после его казни началась активизация страшных сикариев, укравших сына первосвященника, осудившего Иакова на смерть.

Более того. Как мы уже говорили, согласно первоначальному тексту Иосифа Флавия, именно смерть Иакова, брата Иисуса, и была причиной Иудейской войны. Война произошла в возмездие (или из мести) за это убийство.

Но для того, чтобы сикарии начали войну из мести за убийство Иакова, он должен был быть их вождем.

Получается очень странная, загадочная картина.

Иисус был пророк мира, любви и добра. Он был неизвестен, и его казнь прошла бесследно. Современники ничего о его жизни не знали.

Но его брат после его смерти в течение почти тридцати лет заведовал кровожадной, тоталитарной и могущественной иудейской сектой, ждавшей возвращения Господа Мессии из рода Давидова, который был унижен и оскорблен, но сейчас находится на небесах выше ангелов. И при этом после разгрома этой секты в Иудейской войне римляне начали преследовать род Давидов, а фарисеи в Явне запретили его представителям считаться Второй Властью в Небе.

Или мы что-то напутали, или картина никак не сходится.

Может быть, никаких двух сект — воинственной и мирной — в Иудее в это время не было? Или, в превосходной формулировке Роберта Эйзенмана, «в Палестине в конце I — начале II столетия существовал только один вид мессианизма, а не два»?^[250]

Глава 8

Иисус и источники

Из Нового Завета нам известно, что в то самое время, которое описывает Иосиф Флавий, по Иудее ходил еще один пророк. Этот пророк был полной противоположностью лжепророков «четвертой секты».

Они выводили людей в пустыню, и он выводил людей в пустыню. Но они делали это, чтобы проповедовать людям ненависть, а он — чтобы проповедовать в пустыне любовь. Они творили чудеса, и он творил чудеса. Но они делали это силой дьявола, а он — силой бога.

Они обещали своим приверженцам вечную жизнь и лгали, а он обещал своим приверженцам вечную жизнь и говорил правду. Все эти пророки соблазняли и прельщали народ, называя себя Мессиями, а Иисус был Мессией и Сыном Бога на самом деле. Он существовал до начала времен, был рожден девственницей, дал себя распять за грехи человечества и воскрес на третий день.

К сожалению, все эти важные биографические сведения известны нам исключительно со слов сторонников Иисуса. Проблема, возникающая при этом, вполне понятна.

Представьте себе, что вы — журналист, делающий репортаж о человеке, который претендует на то, чтобы быть Сыном Бога, лечит наложением рук и воскрешать мертвых. Если вы приведете в этом репортаже свидетельства только его поклонников, ваш репортаж вряд ли можно будет считать объективным. Очень возможно, что скептически настроенные наблюдатели, а также полиция, спецслужбы и налоговая инспекция могут добавить к вашему репортажу детали, оставшиеся не замеченными для поклонников.

Кроме того, оригинал Нового Завета написан на греческом языке. Вообще та разновидность христианства, которая развивалась в Римской империи, была в первую очередь восточной *грекоговорящей* религией. Даже сколько-нибудь приличный перевод Библии на латынь — Вульгата — появился только в начале V в.н. э.

Если подумать, этот греческий оригинал — очень странная вещь.

Не то чтобы евреи в это время вовсе не знали греческого. Во все наоборот.

Для огромного количества евреев греческий в это время был родным языком, точно так же, как сейчас для многих евреев родной — английский или русский. Греческий язык был *lingua franca* для всех территорий, завоеванных эллинистическими монархиями — Египта, Малой Азии и Пентаполиса (так назывались греческие города в провинции Африка, нынешняя Ливия). Евреи, жившие в Александрии, Антиохии, Эфесе, Смирне, говорили, писали и думали по-гречески.

Что же касается евреев, живших в Палестине и Вавилоне, то они тоже к этому времени в значительной степени утратили древнееврейский язык. Однако перешли они не на греческий, а на арамейский — другой *lingua franca* античной Азии, на котором говорили народы, завоеванные Вавилонской империей.

Для палестинских евреев греческий был наречием языческих захватчиков. Это был язык, на котором говорили в ненавистной Кесарии — эллинском гнезде, разрушенном дотла Хасмонеями, но восстановленном Сыном Беззакония Иродом и превращенном в столицу ненавистных *киттим*. Это был язык, на котором говорили в еще более ненавистной Самарии — столице *самаритянина* Санваллата, стертой с лица земли Иоанном Гирканом в 108 г. до н. э., и возрожденной и включенной в состав римской Сирии после падения Хасмонеев.

Это был язык, на котором говорили в Гиппосе, Скифополисе, Пелле, Дие, Мариссе, Азоте, Ямнии, Арефусе — городах, которые при Хасмонеях были в ходе *херема* уничтожены дотла или заселены евреями и которые теперь были отданы обратно грекам и включены в состав римской Сирии.

Все эти города — равно как и сам греческий язык — были в Палестине символом национального позора и унижения, и именно поэтому Иисус прямо запрещал своим ученикам их посещать.

«На путь к язычникам не ходите, и в город Самарянский не входите, а идите наипаче к погибшим овцам дома Израилева» (Мф. 10:5).

Когда *эллинка*, *сирофиникиянка* родом (Мк. 7:26), просит Иисуса, чтобы он изгнал беса из ее дочери, она тут же нарывается на неполиткорректный ответ: «нехорошо взять хлеб у детей и бросить

псам» (Мк. 7:27). Заметим, что эта женщина — не гречанка. Она *сирофиникиянка*, т. е. представительница родственного западносемитского народа, говорящая на том же, что Иисус, арамейском языке. Слово «эллинка» в данном случае — и вообще во всем Новом Завете — значит не «гречанка», а «язычница».

Если не считать этой сомнительной «эллинки», которая «язычница», а не «гречанка», Иисус в Евангелии не совершил ни одного чуда над греком. Но тем не менее оригиналы текстов, которые рассказывают нам об Иисусе, написаны на греческом — языке, которого Иисус не знал и который принадлежал народу, называемому им «псами».

Насколько это меняет дело, можно продемонстрировать на примере самого имени «Христос». Христос — это дословный греческий перевод древнееврейского «Машиях» (и арамейского «Машияха»), т. е. помазанник. Иисус при жизни никогда не был «Христом», а его ученики никогда не были «христианами». Исторический апостол Петр физически не мог на вопрос «за кого вы почитаете меня» ответить: «Ты — Христос, Сын Бога» (Мф. 16:16). Он мог ответить только: «Ты — Машияха, Сын Бога».

Как же получилось, что Иисус проповедовал на арамейском, а Христос — на греческом?

Но и греческий язык Нового Завета — это не последняя наша проблема! Еще одна проблема — это его датировка.

Нашими привычными источниками сведений об Иисусе являются четыре канонических Евангелия.

Однако все они написаны гораздо позже времени казни Иисуса.

Датировка Евангелий в последние годы стала весьма увлекательным видом спорта; редкий год проходит без того, чтобы в печати не появилась какая-нибудь новая книга, утверждающая, что первое из Евангелий было написано еретиком Маркионом в 130-х годах или что Евангелие от Марка является переделкою «Одиссеи».

Мы, со своей стороны, в этой книге не видим причины не доверять старым добрым традиционным датировкам великой библиистики XIX в. Согласно ей, первым было написано Евангелие от Марка. Оно было написано сразу после конца Иудейской войны.

За ним, в 80–85 гг., были написаны Матфей и Лука, и после всех, в самом конце I в.н. э., был написан Иоанн.

Однако такая датировка ставит перед нами целых две загадки.

Христианство принадлежало двум великим письменным культурам — иудейской и греческой. Для евреев статус Священной Книги немногим уступал статусу Бога. Почему же Книга про Иисуса не была написана сразу? А если она была написана — что с ней случилось и куда ее потом подевали?

Ссылка на то, что ранние христиане были неграмотными простаками, не спасает положения. Именно вследствие неграмотности населения Книга и играла огромную роль. Ее надиктовывали писцу, а потом читали вслух всей общине. Именно потому, что население было неграмотно, Книга значила для него куда больше, чем сейчас, и играла скорее ту роль, которую сейчас играет в качестве инструмента пропаганды телевидение.

Сказать, что первые христиане не нуждались в книгах, потому что они были неграмотны — это всё равно что сказать, что телезрители не нуждаются в телевизоре, поскольку сами не умеют монтировать телепередачи.

Возникает вопрос: что же было священными книгами для ранних последователей Иисуса и куда они потом делись?

Все?

Нет, не все.

Все четыре канонических Евангелия приписаны четырем авторам. Это Матфей, Марк, Лука и Иоанн. Матфей и Иоанн были апостолами. Марк, согласно традиции, был переводчиком апостола Петра. А Лука был спутником и младшим современником апостола Павла.

Это, на первый взгляд, очень хорошие новости. Мы имеем целых четыре разных рассказа об Иисусе, из которых два принадлежат людям, которые лично с ним путешествовали, а один — человеку, который был правой рукой самого апостола Петра! Из античных деятелей разве что Александр Македонский может похвастаться столь замечательными биографами.

Проблема, однако, заключается в том, что в течение почти целого века со времени появления Евангелия от Марка эти четыре Евангелия *не назывались никак*. Даже ортодоксальный апологет Юстин Мученик, писавший в 130–160-х годах, хотя и цитирует эти Евангелия, никогда не называет их «от Матфея», «от Марка», «от Луки» или «от Иоанна».

Первый раз названия «от Луки» и «от Иоанна» встречаются в тексте, который называется «фрагмент Муратори». Он написан в Риме около 170 г. н. э. и содержит список книг, которые Римская церковь считала тогда каноническими.

Вскоре после составления этого списка Ириней Лионский, назначенный римской церковью епископом в галльский город Лион, написал сочинение «Против ересей», и в этом сочинении он уже назвал Евангелия их привычными названиями: от Матфея, от Марка, от Луки и от Иоанна.

Итак, представитель римской церкви Юстин Мученик в 160-х годах еще не знает имен евангелистов, а представитель римской церкви Ириней Лионский уже в 180-х годах знает эти имена. Более того, он утверждает, что Евангелий должно быть четыре, и ровно четыре. Он плетет для этого какие-то сложные нумерологические рассуждения.

Как предположил недавно Барт Эрман, это означает, что названия «от Марка», «от Луки» и пр. появились в Риме в 170-х годах н. э. Вероятно, в это время вышло «издание» четырех Евангелий, которые были признаны Римской церковью каноническими. Именно в этом издании они получили свои нынешние имена^[251].

До этого их авторство было неясным.

Это, с одной стороны, радует, потому что снимает с авторов Евангелий подозрение, что они писали заведомые подделки, как это часто утверждают примитивные атеисты. У нас нет никаких оснований утверждать, что человек, написавший спустя полвека после казни Иисуса Евангелие от Матфея, лично выдавал этот текст за Евангелие, написанное апостолом Матфеем. Но с другой стороны, у нас есть большое основание подозревать, что он написан не Матфеем и что Матфею его приписали только в 170-х годах.

Итак, мы имеем дело с текстами, которые написаны языком, которым Иисус не владел, и этот язык принадлежал народу, который Иисус называл «псами». Эти тексты были написаны через два-три поколения после смерти Иисуса. А приписаны нынешним «авторам» еще через сто лет.

Кончились ли на этом наши проблемы?

Увы, нет.

Мы не можем быть уверены в том, что современный текст Евангелий есть именно тот, который вышел из-под стилоса их авторов.

Со времени книгопечатания мы привыкли думать о книге как о чем-то неизменном. В мире массового производства каждая книга, вышедшая из-под печатного станка, так же идентична другим книгам того же тиража, как автомобиль, сошедший с конвейера, идентичен автомобилям той же марки, серии и комплектации.

Однако в Античности процесс книгоиздания выглядел иначе. Книги переписывали от руки. Иногда это делали профессиональные издатели, и тогда чтец, сидящий на возвышении, читал рукопись, а профессиональные переписчики скрипели перьями. В таком случае в текст вкрадывались в основном фонетические ошибки. Иногда это был самиздат: книгу переписывали любители. Любитель, не являвшийся профессиональным переписчиком, мог что-то перепутать, что-то переделать, а кое-что и нарочно убрать.

В течение первых четырех веков существования христианства Евангелия переписывали в основном непрофессиональные переписчики. Они допускали ошибки. Их представления о Христе были очень разными. Если они видели в книге что-то, что, по их мнению, было неправильным, они могли внести в текст изменения.

Для этого им даже не нужно было сознательно подделывать текст: достаточно было лишь убедить себя, что неправильный текст есть результат козней еретика и правка восстанавливает его первоначальное значение.

Мы привыкли думать о тексте как о *твердом* состоянии слова — в противовес газообразному устному слову. Однако текст Нового Завета в течение первых веков его бытования был не твердым и не газообразным — он был, ежели угодно, желеобразным. Он напоминал палочку пластилина, которая, если ее не трогать, сохраняет свою форму, но при известном усилии легко деформируется.

К примеру, в Евангелии от Матфея Иисус говорит о времени наступления Царствия Божия: «О дне же том и часе никто не знает, ни Ангелы небесные, ни Сын, а только Отец Мой один» (Мф. 24:36). После принятия Никейско-Константинопольского символа веры кто-то из переписчиков нашел идею о том, что Сын чего-то не знает, плохо совместимой с идеей всеведущего Троидного Бога. Одним

мановением пера он исправил ситуацию, вычеркнув из боговдохновенного текста слова «Ни сын»^[252].

Лука рассказывает нам, что Иисус еще в двенадцатилетнем возрасте посетил Иерусалимский храм, удивляя книжников разумностью ответов. «Отец же и мать его дивились сказанному о нем» (Лк. 2:33), — сообщил евангелист.

Кто-то из бдительных переписчиков заметил, что слово «отец Иисуса» в применении к Иосифу является теологически неблагонадежным; он решил проблему, заменив «отца» на «Иосифа»^[253].

Оригинал рассказа о крещении Иисуса, вероятно, содержал в себе цитату из Псалтири. При крещении Иисуса небеса раскрывались, и Глас с Неба возвещал: «Ты сын мой, я ныне родил тебя». Именно в таком виде эту сцену и цитировали ранние христиане, начиная с автора «Послания к Евреям».

Однако в конце концов кому-то из переписчиков фраза показалась сомнительной: не пахивает ли она гностическим утверждением, что надмирный дух Христос сошел в человека по имени Иисус во время крещения? Переписчик на всякий случай откорректировал Глас Божий, и отныне он гласил: «Ты сын мой возлюбленный, в котором мое благоволение» (Мк. 1:11; Лк. 3:22; Мф. 3:17)^[254].

Все эти правки не очень, казалось бы, велики. Но, как и упомянутая раньше правка Гимна Моисея, заменившая «сынов Эля» на «сынов Израэля», они при минимальном вмешательстве в текст полностью меняют его теологию.

Знал ли Иисус о дне наступления Царства Божия или не знал? Был ему Иосиф отцом или нет? Возгласил ли при его крещении *Бат Кол* (Голос с Неба) гимн, употреблявшийся при восшествии царей из рода Давидова на царство, или Бат Кол отделился какой-то беззубой отсебятиной?

Примеры можно множить и множить, но смысл их понятен.

Достоверность свидетелей, рассказывающих нам о жизненном пути Иисуса, не очень высокая.

Во-первых, не будет преувеличением предположить, что наши свидетели несколько пристрастны. Во-вторых, они свидетельствуют спустя несколько десятков лет после событий. В-третьих, они делают это на языке, которого Иисус не знал, и язык этот принадлежит народу,

который Иисус называл «псами». В-четвертых, эти свидетели получили свои нынешние имена около 170 г. н. э. В-пятых, даже в эти, весьма сомнительные свидетельства в течение веков вносились многочисленные правки: христианство было религией с непредсказуемым прошлым.

Выяснить из текста Нового Завета, что именно происходило в Палестине в ту злосчастную Пасху при Понтии Пилате, так же трудно, как узнать у адвоката подробности уголовного дела, единственным источником сведений по которому является сам адвокат.

Римские источники

Может быть, мы можем выяснить что-нибудь об Иисусе и его учении из независимых источников — то есть от римских историков той поры? Однако римские источники той поры практически ничего не говорят об Иисусе.

Если подумать, то это очень странно.

Правление императора Тиберия — время, когда был распят Иисус — никак нельзя назвать бесписьменной древностью. Эпоха Юлиев и Флавиев описана лучшими римскими историками. Однако количество упоминаний этих историков о христианах мог бы пересчитать на пальцах рук даже однорукий адмирал Нельсон.

Светоний в своей биографии Клавдия упоминает, что тот изгнал из Рима иудеев, «волнуемых неким Хрестом (sic!)», Тацит пишет, что Нерон, спалив Рим, свалил содеянное на христиан, да Плиний Младший, столкнувшись с христианами во вверенной ему провинции Вифиния и Понт, ставит о них в известность Траяна. Кроме того, об Иисусе дважды упоминает Иосиф Флавий в «Иудейских древностях».

Это практически всё.

Начиная со времени Просвещения эта удивительная недостатка языческих письменных источников о деятельности Иисуса породила разные занимательные теории. Одна из них гласила, что Иисус никогда не существовал и что миф о Христе является разновидностью известного античного мифа об умирающем и воскресающем астральном божестве.

Теория это, выдвинутая еще Вольнеем, не стоила бы здесь упоминания, если бы одним из ее горячих приверженцев не был профессор Берлинского университета Бруно Бауэр, за что его и выперли из этого университета в 1839 г. К сожалению, у профессора Бауэра был восторженный ученик, впитавший каждое его слово как абсолютную истину. Ученика этого звали Карл Маркс, и благодаря этому теория проф. Бауэра стала краеугольным камнем, альфой и омегой советского атеизма. Именно ее объясняет на Патриарших прудах Воланду как новое Евангелие почтеннейший Берлиоз.

Очевидная проблема этой теории заключалась, например, в том, что астральные черты (например, день рождения, совпадающий с днем зимнего солнцестояния) Христос приобрел только во время императора Константина, в начале IV в.н. э. Кажется странным, что астральное божество так поздно приобрело астральный характер и что об этом характере не знал никто из античных противников христианства.

Тот факт, что о человеке рассказывают фантастические басни, вовсе не значит, что он не существовал. Это всего лишь значит, что этот человек является предметом фантастических слухов или распускает их о себе сам.

«Наш соотечественник Уэль, — писал Вольтер о „солярной теории“, — придумал себе самую фантастическую генеалогию; некий ирландец написал, что он и Жансин имели при себе *spiritus familiaris*, который всегда снабжал их тузами, когда они играли в карты. Сотни удивительных историй рассказывались о них. Но это не значит, что эти двое вовсе не существовали, и это легко могут подтвердить те, кто проиграл им кучу денег. Какой только нелепицы не говорили о герцоге Бэкингеме? Тем не менее он существовал и жил во время королей Иакова I и Карла. Аполлоний из Тианы никого никогда не воскрешал, у Пифагора не было золотой ноги; но тем не менее Аполлоний и Пифагор были реальными персонажами»^[255].

К сожалению, тот же самый Вольтер, так убедительно развенчавший астральную гипотезу происхождения Христа, выдвинул другую, не менее остроумную. Согласно Вольтеру, Иисус был слишком незначительной фигурой, чтобы смерть его была замечена кем-то, кроме самих христиан, а авторы Евангелий раздули происшествия, касающиеся Иисуса, до невероятных масштабов.

«Несомненно и точно то, что первые общины галилеян, впоследствии названных христианами, существовали в неизвестности и пресмыкались в грязи, — писал Вольтер в „Послании римлянам“. — Ни один римлянин до времени Траяна не знал о существовании Евангелий, ни один греческий или латинский автор никогда даже не цитировал слова Евангелий; Плутарх, Лукиан, Петроний и Апулей, которые говорят обо всём, совершенно ничего не знают о существовании Евангелий»^[256].

«Ни один римский или греческий автор не говорит об Иисусе, — продолжал он в „Боге и Человеке“, — все евангелисты противоречат друг другу; ни Иосиф Флавий, ни Филон не снисходят до упоминания Иисуса. Мы не видим никаких документов об Иисусе у римлян, которые, говорят нам, его распяли»^[257].

Без преувеличения можно сказать, что именно Вольтерова гипотеза и была рабочей для подавляющей части библеистики XIX и XX веков.

Согласно этой гипотезе, никакого торжественного восшествия Иисуса в Иерусалим на осле, при криках народа, постилающего на его пути пальмовые листья и одежды, не было, крики группы поддержки «Осанна! Благословен Царь Израилев!» было не слышать в десяти шагах, а погром меняльных столов в Храме был не замеченный никем мелкий перформанс. Даже и тело-то Иисуса никуда не пропадало: оно было похоронено за совершенной незначительностью в общей могиле. Иисус был «малоизвестный еврей родом из престолярства, распятый за богохульство во время императора Тиберия, мы не знаем, в каком году»^[258].

Именно в русле такой гипотезы написана «Жизнь Иисуса» Эрнеста Ренана, в наши дни ее самым выдающимся носителем является Барт Эрман. Но, пожалуй, лучшее свое выражение она нашла в литературе: в «Мастере и Маргарите» Михаила Булгакова и в прекрасной новелле Ги де Мопассана, в которой постаревший прокуратор Иудеи Понтий Пилат, нежась спустя тридцать лет после казни Иисуса на закатном солнце, произносит: «Иисус? Не помню».

Проблема, однако, заключается в том, что у нас исчезли упоминания не только о христианах — из наших античных источников таинственным образом исчезли упоминания тех событий, которые могли быть связаны с последователями Иисуса и о которых мы точно знаем, что они произошли.

К примеру, Светоний, как мы уже сказали, упоминает, что Клавдий изгнал из Рима «иудеев, волнуемых Хрестом»^[259]. Это драгоценное свидетельство — мы можем ожидать узнать подробности у Иосифа Флавия, книги которого, в конце концов, специально посвящены вопросу нелегких взаимоотношений римлян и иудеев.

Однако нас ждет разочарование — в сохранившемся тексте Флавия нет вообще никаких упоминаний о том, что Клавдий изгонял

иудеев из Рима — хоть из-за Христа, хоть из-за пряника.

Тацит упоминает, что Нерон устроил массовые казни христиан, обвинив их в поджоге Рима. Опять же мы, казалось бы, должны ожидать подробностей у Флавия, тем более что он во время пожара был в Риме сам — он приехал заступаться туда за каких-то «бедных» иудейских священников.

«Бедные» по-арамейски — *эбионим*. Так называли себя *святые и праведники* в кумранском «Свитке войны», и так назывались потом иудействующие христиане. Диета священников точь-в-точь совпадала с веганской диетой некоторых иудейских милленаристов — они питались только плодами и фигами, то есть тем же, чем Адам питался в Раю. Казалось бы, при таких вводных Иосиф Флавий должен рассказать нам куда больше о пожаре Рима, чем Корнелий Тацит, но в сохранившемся тексте Иосифа про пожар в Риме опять-таки нет не слова.

Особенно не повезло Иудейской войне и предшествовавшим ей событиям. Тут исчезло решительно всё: исчезла книга Юста Тивериадского, исчезла книга придворного историка Ирода Николая из Дамаска; исчезла специальная книга, которую Филон Александрийский посвятил преследованиям евреев при Тиберии; исчезла книга Антония Юлиана *De Judaeis*; исчез даже кусок Тацита, посвященный взятию Иерусалима.

Соответствующий кусок из «Римской истории» Диона Кассия (книги 64–65) известен только в пересказе константинопольского монаха XI в., а то единственное, что сохранилось — книги Иосифа Флавия, — выглядит довольно странно.

Возьмем, к примеру, «Иудейские древности». В нынешнем их тексте содержится упоминание о Христе. Иосиф Флавий сообщает нам, что Иисус был Христос, что он был распят при Понтии Пилате и воскрес на третий день, как и возвестили о нем и его чудесах боговдохновенные пророки. Четкости теологических формулировок придворного историка Флавия, цитирующего близко к тексту никейский символ веры за двести пятьдесят лет до его написания, мог бы позавидовать любой отец церкви.

Проблема в том, что Ориген, который читал Иосифа Флавия раньше нас с вами, сообщает, что Иосиф не признавал в Иисусе Христа. Согласимся, что для того, чтобы высказать столь

категорическое суждение, Оригену мало было просто *не прочесть* у Иосифа ничего об Иисусе. Ему мало было даже прочесть какой-то нейтральный текст.

Ему надо было прочесть у Иосифа текст, посвященный Иисусу, но оценивавший его деятельность совсем не лестно.

Иначе говоря, Ориген читал какой-то совсем другой *Testimonium Flavianum*.

То же самое касается и сведений об Иакове, брате Иисуса. Мы уже говорили о том, что Ориген, бл. Иероним и Евсевий Кесарийский с возмущением упоминают о том, что, по сообщению Иосифа Флавия, *Иудейская война случилась из-за смерти Иакова, брата Иисуса, прозванного Праведником*. Однако дошедшие до нас тексты Флавия подобного утверждения не содержат.

Мало этого.

Если внимательно посмотреть на наши — столь немногочисленные — языческие источники о Христе, то, право слово, выглядят они как-то странно.

Возьмем, к примеру, переписку Плиния Младшего и Траяна.

Около 110 г. Плиний Младший, назначенный императором Траяном легатом в провинцию Вифиния и Понт, столкнулся с неприятностью. Храмы в провинции были заброшены, службы богам почти не совершались. Как быстро выяснил Плиний, причиной такого положения дел было значительное количество имевшихся в провинции христиан.

Плиний арестовал христиан и потребовал, чтобы они отреклись от Христа. Некоторые отреклись, а иные — нет. Тех, кто отрекся, Плиний отпустил, а тех, кто не отрекся — казнил.

Однако на этом дело не кончилось. Оказалось, что христиан в провинции очень много. «Появились многочисленные виды их». Началась эпидемия доносов, и среди них был один анонимный, «составленный неизвестным и содержащий множество имен» [\[260\]](#).

Тут надо напомнить, что римская судебная процедура имела принципиально отличный от современного характер. Римское государство было минималистичным и значительную часть своих обязанностей отдавало на аутсорсинг частным лицам. В частности, в Риме не было института государственных обвинителей. Дело в суде возбуждалось по заявлению частного лица, который назывался

специальным юридическим термином, *delator* (доносчик) и доказывал перед магистратом справедливость своих обвинений. Если обвинения оказывались клеветой, *delator* подлежал суровому наказанию.

Таким образом, анонимный донос, который поступил к Плинию, нарушал основное правило римского правосудия. Доносчики в Риме бывали негодьями, но они не бывали анонимами.

Тем не менее Плиний принял донос близко к сердцу. Он вызвал лиц, названных в нем, на допрос, но они заявили, что давно перестали быть христианами. Кроме того, они настаивали, что христианство — религия любви, мира и добра и что пока они были христианами, они ничего такого страшного не делали.

«Они утверждали, что вся их вина или заблуждение состояли в том, что они, обычно по определенным дням, собирались до рассвета, воспевали, чередуясь, Христа *словно Бога (quasi Theos)* и клятвенно обязывались не преступления совершать, а воздерживаться от воровства, грабежа, прелюбодеяния, нарушения слова, отказа выдать доверенное. После этого они обыкновенно расходились и приходили опять для принятия пищи, обычной и невинной»^[261].

Плиний их уверениям не поверил и прогнал обвиняемых через тест. Он предложил им принести жертвы богам и императору и проклясть Христа, ибо «настоящих христиан нельзя принудить ни к одному из этих поступков». Обвиняемые охотно принесли жертвы.

После этого Плиний запросил у императора оценки своих действий. Он не знал, правильно ли он себя вел.

«Я никогда не присутствовал на следствиях по делу о христианах: поэтому я не знаю, чем и в какой степени их следует наказывать или как вести дознание», — писал Плиний^[262].

Кроме того, его интересовал вопрос, следует ли давать ход анонимным доносам, а также следует ли казнить раскаявшихся христиан и детей.

«Надо ли, вынося приговор, делать разницу между возрастами, — спрашивал Плиний, — прощать ли раскаявшихся или же... следует наказывать самое имя, даже при отсутствии преступления»^[263].

Траян в ответном рескрипте от вопроса о том, что делать с детьми, ушел, но в общем поведение Плиния одобрил. Он указал, что «установить здесь какое-нибудь общее определенное правило невозможно» и что христиан специально «выискивать незачем».

Если христианин утверждал, что он больше не христианин, и приносил жертвы «нашим богам» (не самому императору), то этого было достаточно, а безымянные доносы «о любом преступлении не должно приобщать во внимание. Это было бы дурным примером и не соответствует духу нашего времени»^[264].

Первое, что бросается в глаза в этой переписке — это то, что оба собеседника прекрасно осведомлены о предмете. «Судов над христианами» пруд-пруди, просто так получилось, что Плиний Младший на них никогда не присутствовал. Оба собеседника также не подвергают сомнению то базовое обстоятельство, что христиане — люди до крайности нехорошие. Плиний только не знает, следует ли казнить людей за одно только, что они являются христианами («за само имя»), или за преступления, которые с ним связаны (*flagitia cohaerentia nomini*). И если первое — то стоит ли казнить малолетних детей и тех, кто двадцать лет назад перестал быть христианами?

Если вдуматься, это совершенно поразительный момент. Вопреки позднейшим христианским представлениям, Римская империя вовсе не имела обыкновения казнить своих подданных направо и налево без суда и следствия. Ровно наоборот, если что и отличало Рим, так это хорошо устроенный государственный механизм, который запрещал произвольное насилие не только над гражданами, но и над любыми свободными людьми.

И вот два высокопоставленных сановника — один сам Август, а другой его друг и наместник — обсуждают вопросы оптового геноцида неких христиан так же непринужденно, как две светские дамы — фасон нового летнего платья. При этом тест, предложенный Плинием христианам, один в один совпадает с тестом, который римляне предлагали пройти зилотам, сбжавшим после подавления Иудейского восстания в Египет. Иосиф Флавий, сообщая об этом тесте, особенно отмечает упорство детей.

«Всевозможного рода пытки и мучения, которым их подвергали только для того, чтоб они признали императора своим повелителем, не склонили ни одного из них на эту уступку; ни от кого нельзя было добиться этого признанья, а все сохранили свое ничем несокрушимое упорство, точно их тело не было чувствительно ни к огню, ни к другим пыткам, а душа чуть ли не находила усладу в страданиях. Наибольшее

удивление зрителей *возбуждали дети*, ибо и из них никто не поддался на то, чтобы назвать императора своим властелином»^[265].

Несмотря на то, что текст Плиния имеет вид переписки, речь меньше всего идет о частных письмах. Переписка в Античности — это просто литературный и государственный жанр, и тем более это касается писем императора.

Плиний Младший пишет Траяну государственный доклад, а Траян отвечает ему рескриптом (буквально «от-пиской»), имеющим статус закона: и вместо того, чтобы деликатно предоставить императору справку на предмет христиан, которые, может быть, ему не до конца известны, Плиний совершенно избегает полного изложения их верований, а вместо этого только уточняет, что этот, понтийский, сорт христиан, почитает Христа *quasi Theos*, «как будто он бог» — то есть о том, кто такой Христос, Плиний, как и его собеседник, прекрасно знает и, в отличие от сторонников астральных теорий, не сомневается в его существовании: он только посмеивается, что этого Христа кто-то почитает как бога.

Иначе говоря, в этих письмах речь идет о всем известном явлении, настолько известном, что император бы, пожалуй, оскорбился бы, если бы Плиний принялся разъяснять ему азы: не станет же Плиний писать, упомянув имя Юпитера, что это такой бог и что ему на Капитолии стоит храм.

Кроме того, если верить Плинию, этих «христиан» очень много. Даже в отдаленной и от Рима, и от Иудеи провинции на берегу Черного моря их столько, что имеются «различные виды их». Более того: из-за них прекратились богослужения в храмах! Из-за огромного числа приверженцев суеверия упал даже спрос на жертвенных животных!^[266] Только после усердных преследований заразы храмы ожили вновь.

Из письма Плиния никак не выведешь, что речь идет о малозначительном явлении, почти неизвестном властям.

То же самое Тацит. Он посвящает изрядный кусок «Анналов» ужасным подробностям расправы над «теми, кто своими преступлениями (*flagitia*) навлек на себя всеобщую ненависть и кого толпа называла христианами».

«Христа, от имени которого происходит это название, казнил при Тиберии прокуратор Понтий Пилат; *подавленное на время*, это

смертоносное суеверие стало вновь прорываться наружу, и не только в Иудее, откуда пошла эта пагуба, но и в Риме, куда отовсюду стекается всё наиболее гнусное и постыдное и где оно находит приверженцев»^[267].

Охарактеризовав таким образом христиан, Тацит переходит к подробностям расправы над ними.

«Сначала были схвачены те, кто открыто признавал себя принадлежащими к этой секте, а затем по их указаниям и великое множество прочих, избличенных не столько в злодейском поджоге, сколько в ненависти к роду людскому. Их умерщвление сопровождалось издевательствами, ибо их облачали в шкуры диких зверей, дабы они были растерзаны насмерть собаками, распинали на крестах или, обреченных на смерть в огне, поджигали с наступлением темноты ради ночного освещения.

Для этого зрелища Нерон предоставил свои сады; тогда же он дал представление в цирке, во время которого сидел среди толпы в одежде возничего или правил упряжкой, участвуя в состязании колесниц. И хотя на христианах лежала вина и они заслуживали самой суровой кары, всё же эти жестокости пробуждали сострадание к ним, ибо казалось, что их истребляют не в видах общественной пользы, а вследствие кровожадности одного Нерона»^[268].

И снова Тацит, вместо того, чтобы объяснить, в чем, собственно, заключаются верования христиан, просто говорит о них, как о шайке, ненавидимой целым миром, причем называет их суеверие зловерным, смертоносным (*exitiabilis*), а их поступки — преступлениями (*flagitia*). Он также упоминает, что христиане *были подавлены*. Он говорит, что в Риме их было *великое множество*.

Публий Корнелий Тацит отнюдь не был кабинетным историком. Он начал свою карьеру при Веспасиане и Тите, входил в высокий интеллектуальный круг друзей Траяна, а к 112 году занимал еще более важный, чем Плиний, пост: он управлял провинцией Азия. «Анналы» были последней и незаконченной книгой Тацита, и он писал их уже после того, как стал наместником.

Даже если представить себе, что при Тиберии смерть незначительного персонажа по имени Иисус прошла незаметной для широкой публики, то о провинции Азия спустя 80 лет этого сказать невозможно: регион кишел христианами.

Опять мы встречаемся с тем же эффектом, с которым столкнулся герой рассказа Станислава Лема про сепульки. Все окружающие прекрасно знают, что такое сепулька, и только посторонний герой при попытке выяснить, что собой представляет эта загадочная и центральная часть местной культуры, натывается на череду отсылок: сепулька см. сепулькарий.

Возьмем еще одно упоминание о христианах. Оно содержится в письме императора Адриана (117–138 гг. н. э.) проконсулу Азии Минуцию Фундану.

Короткий его текст проще всего привести целиком.

«Адриан Минуцию Фундану. Я получил письмо, написанное мне твоим предшественником, знаменитейшим Сереннием Гранианом. Мне кажется неправильным, если дело будет решено без суда, дабы не притеснить невинных и не дать доносчикам возможности сделать гнусность.

Итак, если подданные провинции ясно могут поддержать эту петицию против христиан и дать ответ в суде, пусть прибегнут именно к этому способу, но не к громким крикам и ропоту. Ибо, если кто-то выдвигает обвинение, справедливо, чтобы ты имел возможность провести дознание.

Если кто их обвинит и докажет, что они поступают противно закону, выноси свое решение сообразно гнусности преступления. Но клянусь Геркулесом! Если кто-то обвиняет, клеветца, накажи такого человека соразмерно с его злодеянием» [\[269\]](#).

Текст этот дошел до нас потому, что он был присовокуплен христианским апологетом Юстином Мучеником к его «Апологии». Впоследствии к этому письму Адриана были приложены еще два фальшивых письма императоров Антонина Пия и Марка Аврелия.

В письме Марка Аврелия император сообщает, что обязан своими победами христианским молитвам и приказывает казнить всех врагов христиан. Письмо Антонина Пия и вовсе адресовано «азиатской церкви». В таком контексте письмо Адриана воспринимается или как предписание наказывать клеветников, почему-то обвиняющих христиан, или как банальная подделка.

Однако внимательное чтение письма убеждает нас в обратном. Письмо Адриана, живое и короткое, является вполне настоящим.

Адриан вовсе не требует наказывать доносчиков, клеветующих на христиан. Он требует наказывать доносчиков, *ложно обвиняющих людей в христианстве*.

Адриан и его респондент, по сути дела, обсуждают ту же проблему, что Траян и Плиний Младший. Главной проблемой Плиния не был вопрос, как поступать с христианами. Главной проблемой Плиния был вопрос, как поступать с анонимными доносами.

К абсолютно той же проблеме адресуется Адриан. Предшественнику Фундана, Граниану, поступил то ли анонимный донос, то ли петиция граждан с требованием оптовой расправы над христианами.

В ответ император приказывает рассмотреть дело в суде и — если обвиняемые действительно христиане — наказать их «сообразно гнусности преступления», а если обвинение в христианстве оказалось клеветой, то наказать доносчика.

В том, что христиан следует наказывать, император Адриан не сомневается. Он просто боится, что обвинения в христианстве приведут к эпидемии ложных доносов или, чего еще хуже, к погромам, нарушающим монополию государства на насилие. Поэтому он настаивает, чтобы дело слушалось в суде.

Кроме того, Адриан не сомневается, что быть христианином — это само по себе «гнусное преступление». Состав преступления в данном случае состоит не в том, что человек, будучи христианином, что-то сделал. *Составом преступления является сам факт, что человек является христианином*, т. е. само имя, — *poter ipsum*, как говорит Плиний Младший.

Итак, мы имеем дело с парадоксом. У нас сохранились очень немногочисленные упоминания о раннем христианстве. В этих условиях следовало бы ожидать, что римские историки и тем более римские чиновники приложат все силы к тому, чтобы рассказать своим читателям о сути этого редкого и малонаблюдаемого явления.

Вместо этого единственные дошедшие до нас источники или упоминают о христианстве вскользь как о всем известном феномене или содержат фразы, которые могут быть истолкованы в пользу христиан.

Блистательный немецкий библеист, последователь Юнга Роберт Эйслер, был первым историком, который предположил, что такое

странное положение дел объясняется вовсе не незначительностью фигуры Иисуса, а полутора тысячами лет христианской цензуры, выразившимися в тотальном истреблении антихристианских абзацев и целых утраченных в результате книг^[270].

В самом деле. Посмотрим на наши тексты повнимательней.

Письмо Плиния Младшего, в котором он спрашивает у императора, стоит ли казнить христиан-детей, содержит длинный абзац о безобидности этой веры. Письмо Адриана, затесавшееся между двумя фальшивками, в их контексте выглядит как требование наказывать обвинителей христиан.

А Тацит? Он сообщает об «зловредных суевериях» (*exitiabilis superstitio*) христиан, подвергшихся ужасным казням из-за пожара Рима. На первый взгляд, это сообщение Тацита для христиан крайне нелестно. Но вчитаемся тщательней в текст.

О чем он? Он о том, что христиане не поджигали Рим. Рим поджег сам Нерон, а потом свалил ответственность за свое чудовищное преступление на не виноватых в этом христиан. Возникает простой вопрос: если бы Тацит чуть меньше ненавидел Нерона или если бы он, не дай бог, действительно обвинил христиан в поджоге Рима — какой шанс был бы у этого отрывка уцелеть?

Или он исчез бы за полторы тысячи лет христианской цензуры, как исчезла без следа та часть пятой книги «Истории», которая посвящена взятию Иерусалима?

«Если бы Тацит изобразил Иисуса как зачинщика всех бед, которые случились в Иудее во время Тиберия, копировали ли бы христианские переписчики этот абзац и позволил ли бы христианский цензор ему сохраниться?» — иронически спрашивает Роберт Эйслер^[271].

Еретические сочинения

Конечно, можно предположить, что все эти исчезнувшие тексты — «История» Юста Тивериадского, куски из Тацита, Антоний Юлиан и даже целая книга Филона Александрийского о преследованиях иудеев при Тиберии, то есть в самое животрепещущее для нас время, когда был распят Иисус — ничего о приверженцах Иисуса не говорили, а абзацы из Иосифа Флавия как-то так сами переписались по себе.

Но вот проблема: у нас есть еще огромный класс сочинений, в которых имя Иисуса упоминалось, более того, они специально были посвящены Иисусу, мы совершенно точно знаем об их существовании, и тем не менее они тоже исчезли — навсегда или на века.

Я говорю, конечно, о текстах, признанных победившей фракцией христиан еретическими. Я сейчас не говорю об исторической ценности этих книг — представим на мгновение, что они все состоят из сплошных выдумок, глупостей и фантазий, не представляют никакой исторической ценности и не проливают никакого света на генезис христианства. Но по крайней мере одного в них нельзя отнять — что все они совершенно точно были посвящены Христу. И если эти тексты до нас не дошли, то вовсе не потому, что эбионитов, эльхасаитов, гностиков, манихеев, валентиниан, сатурнилиан, маркионитов и монтанистов не существовало вовсе.

Их нет потому, что начиная с IV в.н. э. церковь присвоила себе право истреблять эти тексты, и она пользовалась этим правом безраздельно в течение почти полутора тысяч лет.

Более того, дело обстоит еще страннее. «Пистис София», «Трехчастная Эпинойя», «Апокрифон Иоанна», «Евангелие от Филиппа» — все эти сочинения написаны не раньше середины II века и с самого начала считались римской церковью еретическими.

Однако в истории христианства есть множество других сочинений, которые играли огромную роль в его становлении, которые не часто — или никогда — не признавались еретическими, которые с одобрением цитировались отцами церкви и даже становились основой

Евангелий, а потом были вычеркнуты из истории христианства — надолго или даже навсегда.

Возьмем, к примеру, текст, известный как «Евангелие от евреев». Это евангелие считалось почти каноническим. Бл. Иероним в конце IV в. сообщал, что оно «весьма многими называется подлинным Евангелием от Матфея»^[272]. Оно успешно пережило века «страшных римских гонений». Бл. Иероним даже перевел его на латынь!

Единственное, чего не выдержал этот текст, был триумф церкви. После превращения христианства в государственную религию этот текст был уничтожен, несмотря на то — или потому, — что *он был подлинным текстом Евангелия от Матфея*.

Одним из самых ранних христианских писателей был Папий Иеропольский, которого Иринея Лионский называл учеником апостола Иоанна. На рубеже II века Папий написал бесценную для нас книгу, которая содержала дошедшие до него высказывания Иисуса.

Ортодоксальность Папия не подвергалась сомнению. Евсевий Кесарийский с охотой цитировал его сохранившиеся отрывки. Но сама книга Папия до нас не дошла — а ведь она была одним из самых ранних и совершенно точно существовавших сборников поучений Христа.

Или вот, наконец, третий пример. Современные ученые единогласно считают, что Лука и Матфей имели общий единый источник — т. н. Q (Quelle). Это был сборник изречений Иисуса, написанный по-гречески. То, что он был написан по-гречески, следовало из того, что заимствования из него у Луки и Матфея выглядят совершенно одинаково. Несложно заметить, что Q был еще более ранним и еще более ценным источником, чем Лука и Матфей. Но он до нас не дошел.

Мы совершенно точно знаем, что он существовал. Каким же образом получилось, что до нас не дошла священная книга, являющаяся источником целых двух Евангелий? А если эта книга была истреблена как еретическая, то как это согласуется с утверждением победившей церкви, что правильное христианство было сначала, а ересь — потом?

Из этих примеров мы видим, что христианская цензура в течение столетий истребляла книги, в которых про Иисуса говорилось не то и не так. Сложно представить себе, что эта цензура истребляла только

книги, которые она считала еретическими, но сделала при этом исключение для Тацита или Юста Тивериадского. Сложно представить, что христианские цензоры говорили: «Этот кусок из проклятого гностика Валентина, он клеветал на Господа Нашего Иисуса Христа, и его мы сожжем, а этот кусок из великого языческого историка Тацита, и мы его не тронем». Это было тем более сложно представить, что для победившей церкви не только гностики или маркиониты, но и пифагорейцы, стоики, киники — все они были еретиками.

В чем важность этих книг?

Возьмем только один случай. Этот случай так важен, что мы возвратимся к нему еще не раз. Сейчас же мы рассмотрим его только вкратце.

Среди многих еретических книг, не доживших до наших дней, была некая книга еретика Эльхасая.

Нам очень мало известно об этом тексте. Некоторые детали о нем сообщает неутомимый борец с ересями Ипполит Римский: книга Эльхасая была продиктована ангелом высотой в 96 миль; этот ангел был Сыном Божиим, и его сопровождала столь же высокая дама по имени Святой Дух^[273].

Согласно тому же Ипполиту, название секты происходило от имени ее основателя еретика Эльхасая, жившего во времена Траяна, то есть в 110-х гг. н. э. Учение этого позднего ересиарха, конечно, составляло злостную ересь по сравнению с учением римской церкви, которая всегда веровала в правильного Христа.

Злостные еретики эльхасайты упоминались победившей церковью много раз. В середине III в. с ними боролся Ориген. Епифаний из Саламиса в конце IV в. сетовал, что многие христианские общины на Иордане — это именно эльхасайты.

Вряд ли добрые христиане в XIX в. сильно горевали об утрате этого богомерзкого и, несомненно, внушенного Сатаной сочинения.

Кроме этого, многие добрые христиане в том же самом XIX в. наверняка что-то слышали об учении пророка Мани. Это был какой-то восточный пророк, который противопоставлял добро и зло, дух и материю. От этого противопоставления и пошло даже слово «манихейский». Более продвинутые пользователи могли знать, что Мани называл себя апостолом Господа Нашего Иисуса Христа,

Печатью Пророков и тем самым Утешителем, приход которого обещал Иисус в Евангелии от Иоанна, что было, если подумать, несколько странно. Ведь Мани проповедовал в Персии и Индии — какое ему было дело до западного Иисуса?

Пока о книге еретика Эльхасая и учении пророка Мани было известно только из трактатов воинствующих ортодоксов, большой беды не было. Беда началась тогда, когда в XX в. один за другим начали находить подлинные манихейские тексты.

Тогда выяснилось, что Мани был не основателем религии, а всего лишь ее реформатором. А секта, к которой принадлежали его родители, как раз и были эльхасайты.

Главной особенностью этой секты были постоянные, ежедневные крещения. Эльхасайты всё время омывались в воде и крестили даже овощи, которые ели. Кельнский манихейский кодекс так и называет эту секту — «баптисты». Эльхасайты/баптисты фанатически соблюдали закон Моисеев и имели жесткую, совершенно кумранскую иерархию, каравшую смертью за любое неповиновение старшим.

Кроме этого, никакого их основателя «Эльхасая» не существовало. «Эльхасай» — это испорченное арамейское «Эль Хасай», т. е. Скрытый Бог.

Эльхасайты ждали возвращения Скрытого Бога Иисуса Христа точно так же, как потом шииты будут ждать возвращения Скрытого Имама.

Мы по умолчанию полагаем, что вера в Иисуса распространилась только по территории Римской империи, где она подвергалась ужасным гонениям. Это в общем-то довольно странно: почему же люди, подвергавшиеся этим гонениям, просто не уехали туда, где Рим не мог их достать?

Ответ заключается в том, что они и уехали!

Иудея располагалась на границе Римской империи, и к востоку от нее лежали Аравия, Парфия, Осроена и Адиабена — земли, где ненавистных иудейским миллениаристам римлян не было и в помине, и где вдобавок население говорило на родном для палестинских евреев арамейском языке. Общины эльхасайтов расселились по всей Трансиордании, Персии и Аравии, и одним из мест обитания этих миллениаристов, которые практиковали ежедневные омовения и

категорически отказывались от вина, между прочим, был город Медина.

Конечно, очень жалко, что мы не знаем книги Эльхасая. Она принадлежит к числу утраченных книг. Но в данном случае сам факт наличия месседжа важнее его содержания.

Оказывается, верующие в Иисуса жили вовсе не только на территории Римской империи. Многие из них после падения Храма, наоборот, бежали туда, где не ступала нога римлян. И там они были настолько влиятельны, что просуществовали почти тысячу лет и оказались причастны к рождению не только манихейства, но и, скорее всего, ислама.

И после этого нам говорят, что Иисус был незначительный пророк, распятие которого прошло незамеченным для современников?

Талмуд и «Толедот Иешу»

Наконец, есть и еще один вид текстов, которые содержат многочисленные сведения об Иисусе. Это тексты, написанные евреями. Из них самым священным является, конечно, Талмуд, а самым занимательным — плутовской антиназорейский роман о приключениях Иисуса Лжемессии — «Толедот Иешу».

Злоключения еврейских священных текстов начались в 553 году, когда Юстиниан предписал евреям читать в синагогах Тору только на греческом и латыни; во время Крестовых походов рыцари оставляли за собой не только горы еврейских трупов, но и пепел от их книг, но настоящий террор против Талмуда начался с появлением инквизиции.

Первое официальное сожжение Талмуда состоялось в 1233 году в Париже. На костре сгорели 12 тыс. книг. В 1236 году новообращенный иудей Николя Донин предъявил Талмуду 35 формальных обвинений, главными из которых были обвинения в святотатстве по отношению к Иисусу и Деве Марии^[274].

Через три года Папа Григорий IX предписал всем христианским правителям арестовать все копии Талмуда, которые им удастся найти. Во исполнение этого повеления только в городе Париже было сожжено 17 или 18 тыс. томов, для перевозки которых потребовалось двадцать повозок.

Главными обвинителями Талмуда обыкновенно выступали обращенные в христианство иудеи. В 1263 году один из них, принявший при крещении имя брата Паоло, предложил папе Клименту IV приказать проверить все рукописные Талмуды, имевшиеся в Арагоне, с тем чтобы сжечь их или, по крайней мере, вымарать из них святотатственные абзацы. Не меньше вреда причинил евреям другой рабби, Соломон Леви, который обратился в христианство и даже достиг поста архиепископа Картахены.

В 1336 году еще один рабби, Абнер из Бургоса, обратился в христианство, чтобы стать ризничим в богатой церкви Вальядолида, и со знанием дела накатал донос на то, что одна из ежедневных молитв евреев, «биркат а-миним», обращена против христиан. Альфонсо XI запретил молитву. В 1399 году иудей, принявший при крещении имя

Петр, бдительно сообщил властям, что молитвенные книги иудеев содержат нападки на христианство.

Даже изобретение книгопечатания не принесло облегчения. В 1507 году экс-иудей Иоанн Пфедферкорн из Моравии, заделавшийся монахом-доминиканцем, выпустил трактат *Der Judenspiegel*, по итогам которого шокированный император Максимилиан приказал конфисковать и уничтожить все имеющиеся в его владениях еврейские книги; во главе уполномоченной на то комиссии поставили самого горевшего фанатическим пламенем Пфедферкорна.

В 1550 году Великий Инквизитор кардинал Караффа добился от папы очередной буллы о предании Талмуда костру и сжег в Риме все экземпляры, которые смог изловить. Сикст из Сиенны, новообращенный еврей, в это время подбивал толпу сжигать любой Талмуд, который попадет ей в руки. В 1559 г. в Кремоне другой выкрест, Витторио Элиано, дал показания против Талмуда, и на костер отправились 12 тыс. книг. В этом же году были конфискованы все экземпляры Талмуда в Праге.

Желая сохранить свою священную книгу, евреи сами принялись вычищать святотатственные куски или то, что христиане могли счесть таковыми. То, чего не достигли костры, достигла самоцензура. Книгопечатание облегчило распространение книг, но для Талмуда оно в первую очередь облегчило процедуру цензуры: издателя всегда было легче проверить, чем частного переписчика. Целые страницы, эпизоды и притчи изымались из Талмуда. Имена заменялись; из больших сюжетов изымались важнейшие детали.

Талмуд принадлежит к числу тех редких книг, которые — в отличие от Юста Тивериадского — христианам уничтожить не удалось. Несмотря на века костров, цензуры и гонений, Талмуд сохранил некоторое количество сведений об Иисусе и еще большее о *миним*, т. е. иудействующих христианах.

Тем более поразительно, что большинство книг, посвященных истории раннего христианства, обходят любые раввинистические тексты далеко стороной^[275]. Ссылаться же на «Толедот Иешу» долгое время было и вовсе неприличным. Это была возмутительная агитка, содержащая о Господе Нашем Иисусе Христе совершенно лживую пропаганду: к примеру, «Толедот Иешу» называл его

незаконнорожденным бастардом, в то время как всем было известно, что он родился от девственницы и Бога!

Одним из главных препятствий для того, чтобы принять всерьез сведения еврейских источников об Иисусе, являются их даты. И Талмуд, и «Толедот Иешу» (точнее, одна из версий «Толедот», а именно версия «Елена») ни больше ни меньше как объявляют Иисуса Назорея современником рабби Симеона бен Шетаха. Они считают, что он жил во времена царицы Александры!

Сведения эти, на первый взгляд, абсурдны. Уж если мы что и знаем об Иисусе, так это то, что он был распят при Понтии Пилате. И тем не менее «Толедот Иешу» упорно твердит, что Иисус Назорей был современником главы Синедриона, могущественного Симеона бен Шетаха, чьи реформы в конечном итоге и привели к созданию раввинистического иудаизма.

Более того, «Толедот Иешу» утверждает, что Симеон бен Шетах и Иисус были смертельными врагами.

Иисус Назорей, рассказывает «Толедот Иешу», был могущественен и влиятелен. Он считался сыном знаменитого рабби Иоханана, который происходил из рода Давидова, и сам был известным рабби и даже членом Синедриона. Но так как он был на стороне бедных и угнетенных, он поссорился с Симеоном бен Шетахом. После этого Симеон бен Шетах объявил, что на самом деле Иисус — бастард, а его настоящий отец — сосед Иоханана, бен Пандера, и что об этом ему, бен Шетаху, еще тридцать лет назад рассказал сам давно сгинувший без вести Иоханан. Это неожиданное обвинение поставило крест на карьере бастарда Иисуса, он вынужден был бежать из Иерусалима и ударился во все тяжкие.

Разумеется, нет никакой возможности, чтобы эта история относилась к историческому Иисусу.

Но, как мы пытались показать выше (и мы еще вернемся к этой истории потом), у нас есть основания полагать, что раскол на правящих фарисеев и оппозиционных ессеев действительно случился незадолго до взятия Иерусалима римлянами при Симеоне бен Шетахе. А упреки в незаконном происхождении были любимым способом очернения противника для фарисеев (Иоанна Гиркана они, к примеру, называли незаконным сыном Антиона IV Эпифана).

История, которую рассказывает «Толедот Иешу», действительно не имеет никакого отношения к христианскому Иисусу, проповеднику мира и добра, распятому в правление императора Тиберия. Но поразительным образом она может сохранять, хотя бы и в искаженном виде, сведения о настоящем происхождении общины назореев и о ссоре ее основателя с фарисеями.

Может быть, это чисто случайное совпадение?

Тогда рассмотрим другой эпизод.

Согласно одной из версий «Толедот Иешу» (это всё та же группа версий «Елена»), обманщик и колдун Иисус совершал чудеса Именем Божиим. Это Имя Божие было вырезано на камне, лежащем в основании Иерусалимского храма, и Иисус, проявляя чудеса изобретательности, его украл.

Украл Имя, Иисус провозгласил себя Господом и Мессией. В доказательство этого он оживлял глиняных птиц, воскрешал мертвых, плавал по воде на каменном жернове, etc.

Более того, он даже поднялся в воздух.

Для того чтобы разоблачить Иисуса, рабби выставили против него хорошо известного персонажа Нового Завета — Иуду Искарюота. Они тоже допустили Иуду в храм, и тот тоже узнал сокровенное имя. После этого Иуда тоже научился летать и в ходе военно-воздушного боя нанес Иисусу сокрушительное поражение.

Орудием, перед которым не смог устоять Иисус, было не что иное, как обыкновенная моча. Иуда помочился на Иисуса, после чего тот потерял состояние ритуальной чистоты и со всей дури грохнулся о землю. Так было наглядно продемонстрировано, что Иисус — не Сын Божий.

Эта похабная сказка, несомненно, возмутит многих верующих.

Для начала, они хорошо знают, что Иисус — не летал.

Исцелял прокаженных — было дело. Изгонял бесов, отверзал очи слепым, даже воскрешал мертвых — но не летал.

История об Иисусе и Иуде, состязующихся за военно-воздушное господство в небе над Иерусалимом, с этой точки зрения принадлежит к числу глупых, а главное, поздних выдумок, не имеющих никакого основания в канонических Евангелиях.

Проблема в том, что ранний Иисус летал.

В том самом Евангелии от евреев, которое не сохранилось из-за своего еретического характера и которое, по мнению «многих», представляло собой подлинное Евангелие от Матфея, была дошедшая до нас фраза. В ней Иисус говорил: «Мать моя, Святой Дух, подняла меня за волос и принесла меня на великую гору Фавор»^[276].

Мы еще вернемся позднее к вопросу, почему арамейский Иисус называет Святой Дух матерью и почему Святой Дух у него — существо женского рода. Нас сейчас интересует только маленькая конкретная деталь.

Иисус летал.

Он летал по воздуху. Он делал это с помощью Святого Духа в Евангелии от евреев — то есть в тексте, который недовольные отцы церкви называли главным Евангелием иудействующих христиан.

Почему Иисус летал?

По очень простой причине. Потому, что это и было одной из главных примет Мессии.

Ведь Господь Мессия должен был прийти *с войском ангелов на облаках*.

Это была одна из самых устойчивых формулировок, описывавших появление Мессии. Она восходила к древним домонотеистическим представлениям о штормовых теофаниях Яхве Цеваот, Господа Войск, который являлся с грозой на облаках. Ни один уважающий себя персонаж не мог бы притязать на звание Мессии, если он не умел подниматься в воздух.

Почему же, скажете вы, этой важной приметы Иисуса нет в канонических Евангелиях?

Ответ заключается в том, что она, возможно, была.

В Евангелии от евреев, как мы помним, Иисус летал на гору Фавор. Раскроем теперь Евангелие от Матфея:

«По прошествии дней шести взял Иисус Петра, Иакова и Иоанна, брата его, и возвел их на гору высокую одних, и преобразился пред ними: и просияло лице Его, как солнце, одежды же Его сделались белыми, как свет» (Мф. 17:1; Мк. 9:2; Лк. 9:28).

Но греческое ἀναφέρω, которое Синодальный перевод переводит как «возводить», значит, в том числе, «возносить».

Иисус взял Петра, Иакова и Иоанна, и вознес их на гору Фавор, точно так же, как в Евангелии от евреев Иисуса вознесла туда его мать

Святой Дух. В противном случае непонятно, что сделал Иисус с тремя своими апостолами. Если он просто совершил с ними альпинистский марш-бросок, он не *возвел* их на гору. Он *сходил* с ними на гору.

Мы, разумеется, вовсе не собираемся расследовать тут вопрос о том, летал Иисус или не летал. Нам в данном случае важно другое.

Представление о том, что Мессия умеет летать, было исконным представлением иудейского милленаризма. Мессия умел летать, например, в «Свитке войны». Он приходил с Войском Духов на облаках.

А рассказ «Толедот Иешу» о том, что летать-то он летал, но позорно сверзился на землю, будучи осквернен и лишившись ритуальной чистоты, представляет собой полемику с теми видами веры в Иисуса, которые перестали быть актуальными не только к X, но и к V веку.

Более того: он представляет собой, в какой-то мере, полемику со «Свитком войны». В нем специально подчеркивается, что войско Сынов Света должно хранить ритуальную чистоту именно для того, чтобы не вызвать военно-воздушную катастрофу среди пришедших на помощь *святых*. Вот эта-то катастрофа в «Толедот Иешу» и происходит!

Приведем, наконец, последний пример: Евангелия утверждают, что Иисус совершал чудеса Именем Бога, и «Толедот Иешу» тоже утверждает, что Иисус совершал чудеса Именем Бога.

Здесь наши оба источника совершенно согласны между собой. Просто «Толедот Иешу» считает, что Иисус это Имя украл. Он завладел им незаконно. Совершение чудес Именем Бога и есть акт *прельщения*. В этом и заключается, согласно Талмуду, грех Иисуса.

«Учитель сказал: Иисус Назорей занимался колдовством и обманывал и совратил Израиль»^[277].

Важность этого обвинения заключается в том, что это именно тот состав преступления, который Иисусу и предъявляют в Евангелии иудеи. Иисус *совращает* и *прельщает* народ.

«Вы привели ко мне человека сего, как совращающего (διαστρέφοντα) народ», — говорит Пилат (Лк. 23:14). «Неужели и вы прельщены?» — в ужасе спрашивают фарисеи служителей, которые отказались схватить Иисуса (Ин. 7:47).

«Прельщать» (πλανάω) в данном случае — это не оценочное суждение. Это технический термин, обозначающий попытку отвратить Израиль от монотеизма. Это самое страшное преступление, которое знает Тора. Пророка, который пытается это сделать, надлежит предать *херему*, то есть повесить на дереве и побить камнями. «Побей его камнями до смерти, ибо он покушался отвратить тебя от Господа, Бога твоего, Который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства» (Втор. 13:10).

Именно *прельстить* Израиль и пытается Иисус. Он пытается выдать себя за Вторую Власть в Небе, сидящую одесную престола Господа и служащую посредником между ним и людьми. Именно такой казни — повешению на дереве и побиению камнями — согласно Талмуду и «Толедот Иешу», и подвергся Иисус.

«Иисус Назорей был повешен в канун шабата накануне Пасхи. И глашатай был послан перед ним в течение 40 дней, возглашая: Иисус Назорей будет побит камнями, ибо он занимался колдовством и совращал и прельщал Израиль. Кто имеет что сказать в его защиту, может прийти и сказать. Но так как они не нашли ничего в его защиту, они повесили его накануне Пасхи»^[278].

На первый взгляд уж это-то свидетельство Талмуда не имеет исторической ценности! Если мы в чем-то вообще можем быть уверены об Иисусе Христе — так это в том, что он был распят на кресте римлянами, а не повешен на дереве иудеями! Историчность этого факта доказывается от противного: он был настолько неудобен для христиан, что они всячески потом пытались отмазать Пилата.

И тем не менее Талмуд утверждает, что Иисус бен Пандера был побит камнями и повешен на дереве, то есть — что он был предан *херему*.

Почему?

Чтобы найти ответ на этот вопрос, нам стоит обратиться к сочинению, которое мы уже упоминали, — а именно сочинению Юстина Мученика «Диалог с Иудеем Трифоном», написанному в середине II века и представляющему из себя, в сущности, первый текст, написанный с позиций того, что потом стало католической церковью.

В этом тексте иудей Трифон, сомневающийся в том, что Иисус есть Мессия, спрашивает своего собеседника: «Надлежало ли ему

быть распятым и так постыдно и бесславно умереть смертью, проклятою в законе, докажи нам, потому что мы не можем даже понять это?»^[279]

Талмуд утверждает, что Иисуса повесили сами евреи, потому что *эта смерть была позорна с точки зрения иудейского закона*.

Человек, казненный римлянами, был мученик за народ Израиля. Английский король Эдуард I приказал казнить вождя шотландцев Вильяма Уоллеса — Уоллеса повесили, сняли живым с виселицы, вырвали ему кишки и сожгли их перед ним, еще живым, и отрубили руки и ноги. Эта казнь вовсе не отвратила шотландцев от почитания Уоллеса, огромный монумент которому был в XIX в. возведен в Стерлинге. Ровно наоборот — она-то окончательно и сделала его героем, точно так же как повешение немцами Зои Космодемьянской превратило ее в советскую героиню. Казнь, совершенная врагами, всегда делает из человека героя.

Напротив, человек, преданный *херему* самими иудеями, был мерзкий преступник, прельститель и погибший позорною смертью колдун.

Но и это еще не всё.

Наша проблема заключается в том, что самые ранние тексты Нового Завета сохранили именно эту, отраженную в Талмуде, традицию!

Так, апостол Павел в «Послании Галатам» именно что утверждает, что *Иисус был повешен на древе*: «Христос искупил нас от клятвы закона, сделавшись за нас клятвою (ибо написано: проклят всяк, висящий на древе)» (Гал. 2:13). То же самое утверждает апостол Петр: «Он грехи наши Сам вознес телом Своим на древо (ξύλον)» (1 Пет. 2:24), а за ним еще один ранний автор, Варнава: «Необходимо было ему пострадать на древе» (Послание Варнавы. 5:13).

Перед нами — совершенно поразительная ситуация. Начиная с Евангелия от Марка, написанного в начале 70-х, христиане утверждают, что Иисус был распят римлянами на кресте. Но более раннее письмо Павла утверждает, что он был повешен на древе, и употребляет при этом выражение, не оставляющее сомнений, что он был предан проклятию, *херему*! И именно это утверждение содержится в таких «недостовверных» и «поздних» источниках, как Талмуд и «Толедот Иешу».

Почему библеистика так часто игнорирует еврейские тексты об Иисусе Христе?

Рискнем предположить.

Дело в том, что решительно вся эта контрпропаганда представляет Иисуса: а) евреем, соблюдающим закон Моисея, б) вождем могущественного движения.

«Толедот Иешу», к примеру, утверждает, что две тысячи воинственных сторонников Иисуса во главе с ним чуть не захватили Иерусалим. Более того, она утверждает, что после его казни в течение тридцати лет эти сторонники убивали евреев и преграждали последним доступ по праздникам в храм!

Дело вовсе не в святотатстве этих текстов. Они почти всегда исполнены своеобразного к Иисусу почтения. Дело в том, что они в корне противоречат истории о «никому не известном» и «исключительно мирном пророке».

Протоколы

Наконец, есть еще один ряд источников, которые у нас отсутствуют. Это — подлинные протоколы суда над Иисусом и донесения Понтия Пилата императору Тиберию.

На отсутствие этих протоколов первым обратил внимание Роберт Эйслер.

Тут читатель, я думаю, вконец возмутится: прошло две тысячи лет, какие протоколы?! Может, вам еще и видеозапись нужна?

Но не торопитесь выносить скоропалительное суждение.

Римская империя вовсе не имела привычки казнить людей без суда и следствия; суд над Иисусом имел место и, собственно, является ключевой сценой во всех четырех Евангелиях.

Стенограммы таких судов хранились в провинциальных архивах, и даже частные лица имели к ним доступ. Христиане очень рано нашли применение этим стенограммам: они использовались ими для написания житий мучеников. Лучшие и наиболее достоверные «Деяния мучеников» II в. как раз и являются такими стенограммами.

Христиане употребляли государственные архивы не только для написания аутентичных житий, но и для разоблачения своих врагов. К примеру, некий Аполлоний написал книгу против еретиков-монтанистов, в которой утверждал, что один из основателей монтанизма, Александр, был осужден за грабежи, а не за исповедание христианства. «Желающие получить сведения о нем имеют в своем распоряжении асийский государственный архив», — настаивал Аполлоний^[280].

Может быть, протоколы суда над Иисусом погибли при штурме Иерусалима? Это крайне сомнительно. Ведь резиденция Понтия Пилата, а равно и его архив находились в Кесарии. Протоколы суда должны были храниться в Кесарии, а Кесария от войны не пострадала.

Тогда как получилось — задался вопросом Эйслер, — что христиане никогда не озабочивались тем, чтобы раздобыть подлинные протоколы суда над Иисусом, в то время как они много раз делали это для куда более незначительных и маловажных исторических персонажей?^[281]

Как получилось, что до нас дошли подлинные протоколы суда над христианином Сператусом из маленького сицилийского городка Скилли, но не дошло аналогичных протоколов суда над самим Иисусом?

Протоколы суда были не единственным документом, который должен был остаться после казни Иисуса.

Как и всякое государство, открывшее для себя радость письменности, Рим был весьма озабочен механизмами государственной отчетности.

Каждый римский чиновник, включая наместника провинции, должен был вести дневник, в котором отчитывался о происходящем. Отчеты эти оглашались на площади: это было что-то вроде устной стенгазеты, информировавшей население города о действиях властей и обеспечивавшей какую-никакую обратную связь.

Типичным примером такого дневника, к примеру, является Парижский Папирус 69, посвященный деятельности стратега округа Омбой и Элефантина в Верхнем Египте около 232 г. н. э.

Из этого папируса мы, в частности, узнаём, что в первый день Тота стратег «вечером посетил гимнасиум вместе с Аурелием. Он пожаловал, украсив венком, Аврелия Пелайеса, сына Гарпесиса, внука Иеракса, в гимнасиархи, принес по этому случаю жертвы в Кесариуме и в Гимнасии, где он также совершил возлияние и изрек клятвы. После этого он направился во второй округ, в Обмой, где имели место обычные жертвы в честь бога... и стратег шел в процессии в честь этого бога».

За этим следуют пометки об оглашении отчета: рука другого писца помечает «прочитано», и третий писец прибавляет: «Я, официальный писец, Аврелий Артемидор, публично зачитал этот протокол и затем включил его в официальные протоколы. Год 12-й, 2-го Тота»^[282].

Аналогичный служебный дневник должен был вести префект Иудеи Понтий Пилат. Разумеется, сам этот дневник хранился бы в Кесарии, точно так же, как дневник египетского стратега хранился в Египте. Однако, кроме этих дневников, существовали еще донесения императору. Чиновники на местах были обязаны доносить ему обо всех важных событиях — каковым, в случае Пилата, являлись, без сомнения, захват и казнь человека, претендовавшего на статус Царя

Иудеи. Эти донесения Тиберию потом вошли в *acta et commentarii Tiberii*, являвшиеся, в частности, любимым чтением Домициана.

Как мы видели, Плиний Младший консультировался с Траяном даже по поводу анонимного доноса, поступившего ему на христиан.

Можно ли себе представить ситуацию, при которой префект Иудеи не поставил бы подозрительного, мелочного и параноидально настроенного императора в известие о захвате и казни Царя Иудейского? Это крайне сомнительно, хотя бы потому, что если бы он этого не сделал, императора немедленно известил бы кто-то другой, причем представив действия префекта в как нельзя более неблагоприятном свете.

И тем не менее ни подлинных протоколов суда над Иисусом, ни донесений Пилата императору у нас нет.

Может быть, у христиан просто не было соответствующего административного ресурса?

Отнюдь: дело обстояло ровно наоборот.

Если верить «Деяниям апостолов», апостол Павел беседовал в частной обстановке со всемогущим прокуратором Иудеи Феликсом и его супругой (Деян. 24:24). Он это делал в 50-х гг. н. э. в той самой Кесарии, где и должны были храниться пресловутые протоколы!

Павел имел последователей среди членов (т. е. рабов и вольноотпущенников) императорского дома (Фил. 4:22), а также членов дома всемогущего фаворита Нерона Нарцисса (Рим. 16:11) и Аристобула, внука Ирода (Рим. 16:11). В конце I века христианство приняли два члена правящей династии, Флавий Климент и его жена Домитилла. Они, по определению, имели прямой доступ к документам *tabularium principis*.

Трудно представить, чтобы люди с такими связями не могли, спустя 20–50 лет после казни Иисуса, получить судебные протоколы, которые христиане потом добывали легко через самых обычных *servus librarius*.

Казалось бы, они должны были жизненно быть заинтересованы в том, чтобы с помощью самых подлинных, самых настоящих протоколов суда над Иисусом опровергнуть зловредную иудейскую контрпропаганду!

И если христиане в таких условиях не опубликовали протоколов суда над Иисусом, то, скорее всего, потому, что эти протоколы мало

чем могли им помочь.

Вы скажете — но нам-то какое дело до этого? Да пусть хоть Тацит написал о христианах целый трактат, как он его написал о германцах, пусть Юст Тивериадский описал совсем другую «Иудейскую войну», пусть *acta et commentarii Tiberii* содержали подлинный отчет Пилата о казни Иисуса, пусть Иосиф Флавий написал об Иисусе что-то такое, от чего у отцов церкви вставали дыбом волосы — нам-то теперь что? Эти тексты безвозвратно утрачены.

Разница очень важна.

Дело в том, что мы воспринимаем Новый Завет как первоисточник. Для нас он является не просто главным, а монопольным источником сведений об Иисусе.

Но если наша гипотеза верна, то, когда Марк писал свое Евангелие, у него этой монополии не было. Он себя главным источником не считал. Он работал в огромном, плотном, насыщенном информационном поле, многие участники которого были хорошо осведомлены и насчет фактов жизни Иисуса, и насчет его высказываний. Марк не мог игнорировать эти факты и замалчивать эти высказывания.

Он мог их только *переобъяснить*.

Можем ли мы, на основании сведений Марка, восстановить некоторые детали этого информационного поля? Может ли мы, имея на руках только версию адвоката, восстановить, спустя две тысячи лет, версию обвинения?

Попытаемся — и приступим.

Глава 9

Иоанн Креститель

Рассмотрим жизнь Иисуса, как ее описывают канонические Евангелия. Это не значит, что мы не будем потом прибегать к другим, возмутительным с точки зрения ортодоксов, источникам.

Но сейчас — покамест — займемся некими базовыми параметрами, которые существуют прямо в канонических Евангелиях. Даже фанатично верующий христианин не сможет сомневаться в этих событиях. Более того — он должен считать их описание совершенно истинными и боговдохновенными.

Все четыре канонических Евангелия сообщают, что у Иисуса Христа был какой-то предшественник, которого они называют Иоанном Предтечей.

Для всех четырех евангелистов очень важно подчеркнуть, что это Иоанн крестил Иисуса. Какую-то очень важную роль Иоанн играл в движении, породившем Иисуса.

Марк описывает Иоанна как мирного пророка, чрезвычайно уважаемого царем Иродом Антипой. «Ирод боялся Иоанна, зная, что он муж праведный и святой, и берег его» (Мк. 6:20).

Смерть его, согласно Марку, была вызвана исключительно интригой супруги Ирода Антипы Иродиады, раньше бывшей замужем за его братом. Иоанн подверг такой брак резкой критике, и взбешенная Иродиада с помощью известной истории с пляской выпросила у Ирода его голову. Иначе говоря, Марк уверяет, что причиной казни Иродом почитаемого и влиятельного пророка были исключительно частные и семейные разногласия.

Однако проповеди Иоанна выглядят весьма воинственно.

«Я крещу вас в воде в покаяние, но Идущий за мною сильнее меня; Он будет крестить вас Духом Святым и огнем; лопата Его в руке Его, и Он очистит гумно Свое и соберет пшеницу Свою в житницу, а солому сожжет огнем неугасимым» (Мф. 3:12).

Они удивительно напоминают кумранские тексты.

Более того, они один в один напоминают программное обещание вернувшегося с небес пророка Еноха: «Как солома в огне, они сторят

пред лицом праведных» (1 Енох. 8:27).

Это разительное сходство заставляет усомниться в том, что единственной причиной ссоры Иоанна Крестителя с Антипой было разногласие по семейному вопросу.

К тому же одним из главных кумранских брачных запретов был запрет жениться на племяннице и на жене брата. Это были как раз те виды брака, которыми увлекалась династия Ирода, и подобный запрет был типичным для милленаристов способом политической критики под видом религиозных запретов.

Все четыре Евангелиста излагают учение Иоанна Крестителя так: «Глас вопиющего в пустыне: приготовьте путь Господу, прямыми сделайте стези Ему» (Мк. 1:3; Мф. 3:3; Лк. 3:4; Ин. 1:23).

Это — прямая цитата из Исайи (Ис. 40:3), и одновременно — одна из ключевых фраз в мировоззрении кумранитов^[283].

В «Серех а-яхад» эта фраза выглядит так: «В пустыне проложите дорогу, выровняйте в степи торный Путь нашему Богу» (1QS VIII:14). Сами кумраниты называют себя, в числе прочего, *избранниками Пути* (1QS IX:18).

Они живут согласно «совершенству Пути» (1QS I:13) и обучаются «Пути праведности» (1QS IV:2), их совет — это «совет идущих совершенным Путем» (1QS VIII:21).

Точно так же — *Совершенными в Пути* — называются в кумранском «Хабаккук Пешер» последователи Учителя Праведности. В «Дамасском документе» избранные «искали Путь» двадцать лет, пока Господь не послал им Учителя Праведности наставить их «в Пути его сердца»^[284]. Предатели — это те, кто «отклонились от Пути»^[285]. Господь «не спасет тех, кто не следует совершенству его Пути» (4Q266 fr. 5).

Это знаковое слово — *следующие Пути* — продолжает употребляться в качестве самоназвания христиан и в Новом Завете. В «Деяниях Апостолов» то, что мы называем сейчас «христианством», прямо называется «Путь». «В это время произошел немалый мятеж против Пути (περι της οδοῦ)» (Деян. 19:23). «Путем» называет христианство сам Павел (Деян. 24:14). В «Деяниях» утверждается, что до своего обращения Павел гнал «до смерти Следующих Пути (οδοῦ)» (Деян. 22:4) и выпросил у первосвященника письма к синагогам, чтобы «найти Следующих Пути» (Деян. 9:2). Даже о прокураторе

Феликсе в «Деяниях» говорится, что он был «осведомлен о Пути» (Деян. 24:22). «Путем» называется учение Иисуса в гностических «Деяниях Андрея»^[286].

Иначе говоря, фраза «приготовьте путь Господу, прямыми сделайте стези Ему», с которой начинается Евангелие от Марка, была одним из ключевых опознавательных сигналов зилотов, а «Следующие Пути» было одним из их самоназваний. Это самоназвание также являлось самоназванием ранних последователей Иисуса, которых гнал Павел^[287].

Для последующих христиан фраза «приготовьте пути Господу» утратила свой опознавательный компонент, но в 70 году для читателей Марка она имела такой же эффект, как для читателя наших дней фразы типа «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», «Аллаху акбар» или «Хайль Гитлер» — она сразу маркировала говорящего как носителя вполне определенной идеологии. «Приготовьте Пути Господу» — это был такой транспондерный сигнал «свой-чужой».

Главный месседж Иисуса

Иисус в Новом Завете постоянно проповедует Царство Божие. Главный его месседж заключается в том, что Царство Божие настанет вот-вот. «Исполнилось время, и приблизилось Царствие Божие» (Мк. 1:15; Лк. 1:15).

На первый взгляд можно решить, что словосочетание «Царство Божие» — это личное ноу-хау Иисуса Христа. И действительно, словосочетание «Царство Божие» отсутствует в Ветхом Завете. Вы можете прочесть всю Тору и всех Пророков, но ни в одной строчке вы не найдете словосочетания «Царство Божие».

Однако стоит напомнить, что Тора и пророки написаны на древнееврейском. Язык этот к I в. н. э. вышел из повседневного употребления. Как мы уже говорили, евреи к этому времени были, по сути, двуязычным народом. Евреи, проживавшие на территории бывших царств Селевкидов и Птолемеев, говорили на греческом, ставшем *lingua franca* эллинистического Ближнего Востока.

Евреи, проживавшие на территории Палестины и в Месопотамии, говорили на арамейском — официальном языке почившего в бозе Вавилонского царства и другом *lingua franca* Востока. Арамейский был близким родственником древнееврейского, однако к началу I в. н. э. это были все-таки разные языки, как русский и украинский.

Грекоговорящие евреи пользовались для богослужения и церемоний Септуагинтой — переводом Библии на греческий, выполненным еще в III в. до н. э.

Что же касается евреев в Палестине, то они пользовались т. н. таргумами. Таргум читался на богослужениях после древнееврейского текста и состоял из перевода этого текста на арамейский плюс толкования. Первоначально считалось, что таргумы должны быть исключительно устные, но в конце концов таргумы I в. н. э. тоже были записаны.

Таргумы были не просто переводом Библии. Это был теологически подкованный перевод, осуществленный людьми, которые были носителями куда более продвинутой теологии, чем авторы Торы. Поэтому авторы таргумов, чтобы не смущать паству,

вносили в перевод Библии серьезные, а иногда и радикальные изменения.

К примеру, авторы таргумов встретились с серьезной теологической проблемой. Они считали своего Бога Вышним, Трансцендентным и Непознаваемым. Этого Бога нельзя было увидеть. Его нельзя было даже постичь. Увидеть Бога для смертного означало умереть, и об этом много раз говорилось в Торе.

Однако в этой же Торе встречался и другой бог. Трансцендентным его трудно было назвать. Это бог лично гулял по Раю (Быт. 3:8), лично затворял дверцу Ноева ковчега (Быт. 7:16), лично боролся на переправе с Исааком (Быт. 32:24) и даже лично кушал шашлык под Мамврийским дубом с Авраамом (Быт. 18:7). Причем Авраам от этой совместной трапезы с богом нисколько не пострадал.

С точки зрения современной библеистики дело не стоило выведенного яйца: просто в Торе сведен воедино ряд текстов, некоторые из которых описывают Бога Израиля как трансцендентное существо, а другие сохраняют черты обычного антропоморфного божка. Но евреи в I в. н. э. не были учеными-библеистами. Для них не только каждое слово, но и каждая буква Торы была священна.

Назревал теологический скандал грандиозных размеров: получалось, что в Торе наличествует не один бог, а целых два! Авторы таргумов избегли этого скандала очень простым способом. Во всех случаях, когда Бог начинал делать что-то недопустимо антропоморфное: кушать барашка или боксировать на переправе с Исааком, они переводили оригинал словосочетанием «Сила Божья», «Слава Божья» или, что было особенно популярно, «Слово Божие».

На греческом слово «слово» звучало как Логос, на арамейском оно было Мемра. Именно Слово Божие, Мемра, согласно авторам палестинских таргумов I в. н. э., разговаривало из горящего куста с Моисеем и явилось Аврааму под Мамврийским дубом.

Точно так же с Царством Божиим. Во всех тех случаях, когда Пророки на древнееврейском говорили об установлении на земле *власти Бога*, арамейские таргумы, бдительно чуткие к вопросу о невозможности физического царствования трансцендентного Начала, говорили об установлении на земле *Царства Божия*^[288].

К примеру, пророчество Второисаии в точном переводе с древнееврейского гласит: «*Господь Войск* воцарится на горе Сион»

(Исаи. 24:23).

Арамейские таргумы переводили это так: «Царство Божие будет явлено на горе Сион» (Арам. Исайя. 24:23)^[289].

«Скажи городам Иудиным: вот Бог ваш!» (Исаи. 40:9) — читаем мы в оригинале. «Скажи городам Иудиным: Царство Божие явилось» (Арам. Исайя. 40:9), — читаем мы в арамейском таргуме. «Воцарился Бог твой!» (Исаи. 52:7) — это древнееврейский текст. «Явилось Царство Божие» — арамейский перевод.

«И придут спасители на гору Сион править Исавом, и отойдет царство Господу» (Авд. 21), — это текст книги малого пророка Авдия. «И придут спасители на гору Сион, чтобы судить гору Исаву, и будет явлено Царство Божие всем обитателям земли» (Арам. Авдий, 21)^[290].

«И Господь будет Царем над всею землею» (Зах. 14:9). «И Царство Божие будет явлено обитателям всей земли» (Арам. Зах. 14:9).

«Дошла напасть до тебя, житель земли!» (Езек. 7:7). «Царство явлено тебе, житель земли!» (Арам. Езек. 7:7). «Вот день! вот пришла, наступила напасть! Несправедливость расцвела, гордость разрослась» (Езек. 7:10). «Вот день возмездия! Вот он грядет! Царство явлено! Жезл правителя расцвел, нечестие разрослось» (Арам. Езек. 7:10)^[291].

«И Господь будет царствовать над ними на горе Сионе отныне и до века. А ты, башня стада, холм дщери Сиона! К тебе придет и возвратится прежнее владычество царство — к дщерям Иерусалима», — пророчествует Михей (Мих. 4:7–8). «И Царство Божие будет явлено им на горе Сионе отныне и до века. А ты, Мессия Израиля, который был сокрыт из-за грехов общины Сиона, царство придет к тебе и возвратится прежнее владычество царству общины Иерусалима» (Арам. Мих. 4:7–8).

Иначе говоря, «Царство Божие» было для слушателей Иисуса таким же хорошо знакомым термином, как «диктатура пролетариата» для большевиков в Советской России. Это был технический термин, обозначавший строго определенную вещь: тотальный космическо-политический переворот, в ходе которого Господь Славы — или его аватар — физически начинал властвовать над преображенным им миром. Этот переворот приносил изобилие миру, бессмертие — праведникам и геену огненную — их врагам.

«Эта высокая гора, которую ты видел, и вершина, которая подобна престолу Господа, есть Его престол, где воссядет Святый и Великий, Господь Славы, вечный Царь, когда Он сойдет, чтобы посетить землю с милостью» (Енох. 5:28).

Первый человек, который обратил внимание на этот первоначально материальный характер Царства Божия, был Герман Самуил Реймарус. Реймарус заметил, что когда Иисус посылает своих учеников в Галилею проповедовать Царство Божие, он нигде не объясняет, что такое Царство Божие. Это значит, заявил Реймарус еще в XVIII в., что его ученики и он сам понимают Царство Божие точно так, как все окружающие иудеи. А все окружающие иудеи в это время понимали под Царством Божиим то же, что ИГИЛ — под всемирным халифатом.

«Целью его должно было быть возбудить евреев к ожиданию быстрого мирского избавления, ибо он употреблял вестников, которые не знали никакого другого верования, и поэтому не могли проповедовать ничего другого», — писал Реймарус^[292]. Это замечание было тем более примечательно, что Реймарус не читал арамейских таргумов I века.

И в самом деле — ученики Иисуса не сомневались, что приход Иисуса и есть начало Царствия Божия, то есть физического прихода в мир Господа Славы, Великого Царя.

«Ибо Он был близ Иерусалима, и они думали, что скоро должно открыться Царствие Божие» (Лк. 19:11). Приход Иисуса был «возвращением Царства Израилева» (Деян. 1:6). Ученики Иисуса надеялись, что «он есть тот, который должен избавить Израиль» (Лк. 24:21).

Иисус всячески поддерживал в них эту уверенность.

«Истинно говорю вам: есть *некоторые из стоящих здесь*, которые не вкусят смерти, как уже увидят Царствие Божие, пришедшее в силе» (Мк. 9:1). «Истинно говорю вам: *не преидет род сей*, как всё это будет» (Мк. 13:30). «Истинно говорю вам: *не успеете обойти городов Израилевых*, как придет Сын Человеческий» (Мф. 10:23).

Уверенность Иисуса в том, что он является тем самым Мессией, который и должен прийти с войском ангелов на облаках для установления Царства Божия, была так велика, что, связанный,

униженный и арестованный, он повторил это утверждение в лицо первосвященнику Каиафе.

В ответ на вопрос Каиафы «Ты Мессия?» Иисус дословно процитировал «Свиток Войны Сынов Света против Сынов Тьмы»: «Я; и вы увидите Сына Человеческого, сидящего одесную силы и грядущего на облаках небесных» (Мк. 14:62).

Ответ Иисуса был замечателен тем, что он обращен не к читателям, не к потомству; он был обращен к первосвященнику Каиафе и Синедриону. Это они, еще при жизни, должны были увидеть Иисуса, грядущего, подобно Господу, на облаках: «Наклонил он небеса и сошел». Это Каиафа должен был лечь в пыли у подножия трона Мессии, брошенный туда дланью Бога.

Судя по этому ответу, Иисус в этот момент еще не знал, что Царство Божие не от мира сего, что оно находится внутри нас.

Имена учеников

Евангелисты сохранили нам прозвища учеников Иисусовых. Одного из учеников Иисуса звали Симон Зилот (Лк. 6:15; Деян. 1:13), другого — Иуда Искарот, т. е. Иуда Сикарий.

Обращаясь к Петру, Иисус называет его Симон Барiona (Βαριωνᾶ) (Мф. 16:18; Ин. 1:42), что может, конечно, значить «сын Ионы», но может значить и Симон Бирйона, т. е. Симон Экстремист или Симон Террорист^[293].

В древнейших манускриптах Евангелия от Марка вместо имени апостола Фаддея стоит имя Иуда Зилот (Мк. 3:18)^[294].

Еще два ученика, Иаков и Иоанн, сыны Зеведеевы, имели прозвище Воанергес, то есть «мстители»^[295].

Марк был хорошо осведомлен о тревожных коннотациях таких позывных. Симона Зилота он в греческом тексте называет «Симоном Кананитом», оставляя неприятную кличку без перевода, а прозвища Иакова и Иоанна спешит перевести как «Сыны Громы» (Мк. 3:17–18).

Можно, конечно, возразить, что если в окружении Иисуса имелись люди с прозвищем «зилот», это значит, что не все они были «зилоты». К сожалению, этот аргумент не действует по очень простой причине. Легко заметить, что апостолы Иисуса получали дополнительный позывной, если имели одинаковые имена. Поэтому в окружении Иисуса были Иуда Зилот и Иуда Сикарий, Симон Зилот и Симон Террорист. Апостолы Филипп и Андрей имелись в одном экземпляре и поэтому уточнению не подлежали.

Ученики Иисуса были вооружены. «Продайте одежду свою и купите мечи», — сказал им Иисус (Лк. 22:38). Они обнажили эти мечи в тот момент, когда Иисуса арестовывали, и, что еще важнее, из описания сцены ареста видно, что они носили оружие скрытым, как сикарии.

Иисус прямо говорит, что им придется пустить это оружие в ход. «От дней же Иоанна Крестителя донныне Царство Небесное силою берется (βιάζεται), и употребляющие усилие (βιάσται) хватают его» (Мф. 11:12–13), — говорит он.

«Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч, ибо Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее» (Мф. 10:34).

Все эти высказывания, однако, не значат, что ученикам Иисуса придется воевать обычными мечами. В их распоряжении, кроме мечей, будет еще и магическое оружие массового поражения.

«Огонь пришел я низвести на землю» (Лк. 12:49), — говорит Иисус у Луки. Это именно та картина, которую мы наблюдаем в кумранских текстах: при появлении Мессии горы «растаят, как сотовый мед от пламени» (1 Енох. 1:6). «В его ярком пламени все сыны нечестия будут поглощены» (1QH, XIV).

Грешники и праведники

Царство Божие, которое проповедовал Иисус, заключалось в возвеличении праведников и наказании грешников. «Праведники (т. е. *цадиким* — обратите внимание на кумранскую терминологию) воссияют, как солнце», а злые будут «ввергнуты в печь огненную; там будет плач и скрежет зубов» (Мф. 13:42).

Это ровно та картина, которую обещают «Книга Стражей», «Дамасский документ» и «Серех а-яхад». «Для избранных же настанет свет, и радость, и мир, и они наследуют землю; а для вас, нечестивые, наступит проклятие» (1 Енох. 1:20).

Вознаграждение, ждавшее праведников, было вполне материально. Иисус обещал своим последователям «ныне, во время сие, среди гонений, во сто крат более домов, и братьев, и сестер, и отцов, и матерей, и детей, и земель» (Мк. 10:29–30). Он обещал им, что «последние станут первыми».

Пассажи о материальном вознаграждении в виде «стократ земель» доставляют современным комментаторам массу проблем. В целом со времен бл. Августина, который постановил, что всё, что смущает читателя в Евангелии, должно трактоваться аллегорически, комментарии к этим местам сводятся к тому, что под материальным вознаграждением Спаситель понимал награду духовную, а под физическим уничтожением врагов — их отлученность от Царства Божия.

Это очень странно. Иисус говорил простым людям, окружавшим его, простые и понятные вещи. Он не сказал им, что «стократ земель и домов» ждет их на небе. Он сказал, что стократ земель и домов ждет их на земле, «ныне, во время сие». Очень трудно понять, как это можно истолковать как обещание духовных благ. Представьте себе, что вы заключаете договор с банком, который обещает вам проценты по вкладу, а когда подходит время проценты платить, объясняет, что он имел в виду «духовный процент». Вы справедливо сочтете такой банк мошенниками.

Самое серьезное основание считать эти высказывания подлинными, собственно, в том и заключается, что Иисус в них

проповедует вещи, которые потом христианство не проповедовало. Это не те высказывания, которые могли быть вписаны в текст через триста, сто и даже через тридцать лет после смерти Иисуса. Все последующие поколения христиан дорого бы дали, чтобы Иисус их не говорил. Как мы только что заметили, бл. Августину даже пришлось изобретать целую систему интерпретации, превращавшую их в их противоположность.

Новогвинейские туземцы, считавшие, что Бог поселил Адама и Еву в Раю, полном карго, были гораздо ближе к истине, чем бл. Августин.

Один из самых ранних наших источников о высказываниях Иисуса, помимо четырех канонических Евангелий — это Папий из Иераполя, чье «Изложение изречений Господних» было написано на рубеже II столетия.

У Папия Иисус описывает Царство Божие так: «Придут дни, когда будут расти виноградные кусты, и на каждом будет по десяти тысяч лоз, на каждой лозе по 10 тысяч веток, на каждой ветке по 10 тысяч прутьев, на каждом пруте по 10 тысяч кистей и на каждой кисти по 10 тысяч ягодинок, и каждая выжатая ягодина даст по двадцати пяти метрет вина. И когда кто-либо из *святых* возьмется за кисть, то другая (кисть) возопиет: „я лучшая кисть, возьми меня“»^[296].

Еще в конце II века Иринеи Лионский с одобрением воспроизводит историю про 10 тыс. лоз и даже изобличал по этому поводу Иуду, осмелившегося усомниться в селекционных возможностях Господа: «Иуда предатель не поверил сему и спросил, каким образом сотворится Господом такое изобилие произрастаний»^[297].

Это материальное изобилие, характеризующее Царство Божие, снова точь-в-точь напоминает нам книгу Еноха: «И от всякого семени, которое будет на ней посеяно, одна мера принесет десять тысяч, и мера маслин даст десять прессов елея» (1 Енох. 2:49).

Ту же самую картину материального процветания в Царстве Божием мы застаем в сирийском «Апокалипсисе Баруха»: «На каждой лозе будет тысяча ветвей, и на каждой ветви — тысяча гроздей, и в каждой грозди — тысяча виноградин, и из каждой виноградины выйдет *кор* вина»^[298].

Пустыня

Modus operandi Иисуса Христа в точности повторял *modus operandi* других мстительных Мессий. Все они уходили в пустыню, которая была предпочтительным местом обитания иудейских революционеров со времени Маккавеев.

Пустыня была базой операций, их убежищем и, главное, местом, которое они знали куда лучше, чем посланные по их душу войска.

Именно в пустыню вывел людей египетский «обманщик», собравший там 30 тыс. человек, чтобы идти на Иерусалим. Именно в пустыню влекли народ «обманщики и прельстители», «чтобы там показать ему чудесные знамения его освобождения»^[299]. Именно в пустыне двадцать лет вольничал неуловимый атаман Елеазар бен Динай, и, собственно, именно в пустыне был расположен Кумран — Торо-Боро иудейских бен ладенов.

Точно так же, как египтянин или Елеазар бен Динай, поступает и Иисус. Выведя в пустыню пять тысяч человек, он совершает чудо, накормив их пятью хлебами и двумя рыбами, после чего они решают провозгласить его царем (Ин. 6:15).

Следует заметить, что вопрос «откуда мог бы кто взять здесь в пустыне хлебов, чтобы накормить их» (Мк. 8:4), был ключевым вопросом, стоявшим перед всеми иудейскими революционерами со времени Маккавеев.

Иисус, как мы видим, разрешил его с помощью чуда. Более прозаический способ добычи пропитания теми, кто отправился в борьбу за свободу в пустыню, описан Иосифом, который называет этих людей «разбойниками».

В этом смысле возникает простой вопрос: а зачем Иисусу вообще понадобилось выводить пять тысяч взрослых мужчин в пустыню? Что они могли делать в пустыне, кроме как грабить во славу Господа? Если их надо было собирать, чтобы поговорить о любви друг к другу, почему это нельзя было сделать на городской площади?

Из этого очевидного соображения о неизбежных экономических последствиях пребывания группы фанатиков в бесплодной пустыне легко понять, почему в начале IV в. некий противник христиан

(вероятно, это был префект Египта Соссиан Иерокл) утверждал, что «Иисус, изгнанный иудеями, собрав шайку из 900 человек, занимался разбоем (*latrocinia*)»^[300]. Иначе говоря, он делал то же самое, что атаман Езекия или Елеазар бен Динай. Разумеется, руководство такой бандой вовсе не исключало магических способностей у ее руководителя. Наоборот, оно предполагало их.

Обоснованные религией разбои в истории человечества были характерны для самых разных культур. В Индии подобная традиция породила знаменитую секту *thuggee*, последователи которой, прикинувшись проводниками караванов, не просто убивали своих жертв, но приносили их в жертву богине Кали. В Китае приверженцы будды Майтрейи из секты Белого Лотоса, в силу своего умения творить чудеса, образовывали особо непобедимые разбойничьи шайки.

В Иудее традиция разбойничьих грабежей, перерастающих в священную войну, имела давние корни. Именно такими священными грабежами занимались и царь Давид, и Иуда Маккавей, который «внезапно нападал на города и селения, преимущественно избирая себе для таких предприятий ночи» (2 Мак. 8:6–7).

Марк допускает очень характерную оговорку, когда сообщает, что после широкого распространения известий о совершённых Иисусом чудесах он «не мог уже явно войти в город, но находился вне, в местах пустынных. И приходили к Нему отовсюду» (Мк. 1:45). Если чудеса Иисуса не имели военно-полевого характера, с чего, собственно, Иисус не мог войти в город? Целители и экзорцисты, тем более умеющие превращать воду в вино, были желанными гостями на любой античной городской площади.

Чудеса

Карьера Иисуса в Евангелии от Марка начинается с того, что он начинает совершать чудеса.

Придя в Капернауме в синагогу, он изгоняет беса (Мк. 1:26). Сразу за этим он излечивает тещу Симона (Мк. 1:31). Начинается ажиотаж: к Иисусу приносят всех больных и бесноватых (Мк. 1:32), он излечивает и их.

Он исцеляет прокаженного (Мк. 1:40), расслабленного (Мк. 2:12), человека с отсохшей рукой (Мк. 3:5), слепого (Мк. 7:23), выгоняет из бесноватого легион бесов (Мк. 5:9). Он воскрешает дочь начальника синагоги (Мк. 5:41). Он властен над стихиями (Мк. 6:51). Он может умножать еду и превращать воду в вино (Мф. 14:19–21; 15:36–38; Ин. 2:9).

Все эти чудеса прямо позиционируются Иисусом не как грядущий, а как наступивший космический переворот. Иисус не утверждает, что Царство Божие наступит скоро. *Иисус утверждает, что Царство Божие наступило уже.* «Если же Я Духом Божиим изгоняю бесов, то конечно достигло до вас Царствие Божие» (Мф. 12:28; Лк. 11:20).

Эту свою власть над стихиями и бесами Иисус передает апостолам (Мк. 6:7). Они исцеляют больных и калек (Деян. 3:8; 5:15). Они обладают способностью растворять двери темниц, что оказывается нелишним ввиду стесненного положения христианства и позволяет сэкономить на взятках тюремщикам (Деян. 5:19; 12:7). Апостол Петр воскрешает девицу Тавифу (Деян. 9:40), а Ананию и Сапфиру, решившихся утаить часть имущества при вступлении в общину, напротив, убивает одним взглядом (Деян. 5:1–11). Их магические способности так велики, что язычники даже принимают апостола Павла за Зевса (Деян. 14:12).

В апокрифических «Деяниях» эта способность творить чудеса приобретает еще более грандиозные масштабы. Апостол Иоанн исцеляет целый городской стадион^[301]. Апостол Андрей воскрешает сразу сорок человек — команду утонувшего корабля^[302]. Апостол Филипп заклинанием обрушивает в бездну целый город, отказавшийся

поклониться Христу^[303], и все апостолы обладают совершенной неуязвимостью: солдаты слепнут, когда пытаются их схватить, их руки отсыхают, мечи падают на землю, апостолов окутывает «огненное облако» и они становятся похожи на «стеклянный ковчег, полный пламени и огня», и проповедуют окружающим из кипящего с маслом котла или с креста, на который они взобрались исключительно по собственной охоте.

Это изобилие совершаемых Иисусом и апостолами чудес представляло собой большое неудобство для его прогрессивных биографов и, в частности, для Рудольфа Карла Бультмана (1884–1976), лютеранского теолога и профессора Марбургского университета, основателя т. н. *formgeschichte*, или формальной критики.

К началу XX века европейская интеллектуальная элита чувствовала себя уже совсем неудобно, когда речь заходила о воскрешении мертвых, превращении воды в вино и изгнании бесов. К этому времени воскрешение мертвых и изгнание бесов было сферой деятельности религиозных шарлатанов, и европейских интеллектуалов тревожила мысль, что Иисус Христос занимался тем же самым. А рациональные объяснения, принятые в XVIII в., типа «Иисус лечил людей, потому что обладал сокровенными медицинскими познаниями ессеев», казались слишком примитивно-материалистичными.

Рудольф Бультман, друг и единомышленник Мартина Хайдеггера, предложил прекрасную теорию. Профессор Бультман признавал, что все эти происшествия не имели места в действительности. Он охотно соглашался с тем, что всё это позднейшие наслоения и что «слепое принятие мифологии Нового Завета» устарело и не может быть терпимо в нашем просвещенном мире^[304].

С его точки зрения, следовало отличать эти неважные мифологические формы от существа вопроса, а существом вопроса являлась экзистенциальная готовность Иисуса к самопожертвованию, которая и составляет сущность христианской веры.

Теория Рудольфа Бульмана, если применить ее к другим образцам известной человечеству пропаганды, в сущности, поразительна. Представьте себе, к примеру, что мы имеем дело с известным шарлатаном Грабовым, который обещает бесланским матерям воскресить их детей. И вдруг находится человек, который говорит, что эти обещания надо демифологизировать: надо отделить ее грубые,

оскорбляющие современного ученого формы от лежащей за ней глубокой духовной реальности.

Любой человек, реально знакомый с деятельностью Грабового, возразит такому экзистенциальному критику: а имела ли, собственно, духовная реальность место? И впечатлила ли бы она несчастных матерей? Или они верили Грабовому ровно потому, что он обещал им физическое воскресение?

Точно то же самое касается чудес, совершаемых Иисусом. Евангелия рассказывают совершенно конкретную историю. Они рассказывают об Иисусе Христе, который совершал чудеса, воскрешал мертвых, лечил слепых, изгонял бесов, был распят, а потом воскрес. Они утверждают, что Иисус Христос вот-вот вернется на облаках и сядет на троне, чтобы дать вечную жизнь тем, кто в него верит, и свергнуть в вечные муки тех, кто в него не верит.

Можно с уверенностью предположить, что абсолютное большинство людей, которые веровали в Иисуса Христа, веровали в него потому, что хотели жить вечно и счастливо. Они полагали, что если Иисус воскрешал мертвых, то он воскресит и их. Они с нетерпением ждали момента, когда он вернется, и они сядут рядом с ним на золотых престолах, чтобы насладиться мучениями тех, кто не верил в Иисуса. «Вы не уверуете, — говорил Иисус, — если не увидите знамений и чудес» (Ин. 4:48).

Много ли во всём этом экзистенциальной *керигмы*? Веровали бы те люди, которые уверовали в Иисуса, если бы им не рассказывали, что он совершал чудеса? Если смыслом христианской веры была экзистенциальная готовность к самопожертвованию, то почему вместо Христа люди не веровали в Сенеку, который как раз демонстрировал такой экзистенциальный подход к миру?

Нетрудно заметить, что метод *formgeschichte* на самом деле имел мало отношения к историческому Иисусу. Это была просто очередная трансформация христианской теологии, в форме, пригодной для потребления интеллектуалами времен Хайдеггера и Жан-Поля Сартра. Это был просто новый вариант Евангелия под видом научной критики.

Для нас же самое важное в творимых Иисусом чудесах заключается в том, что именно эта способность и отличала пророков «четвертой секты», хвалившихся раздвинуть воды Иордана и обрушить стены Иерусалима. Это была настолько бросающаяся в глаза

примета, что Иосиф Флавий употребляет в отношении всех этих пророков термин γόης — волшебник, чудотворец. Именно гоэсов при Тиберии изгоняют из Рима. Иосиф также называет их *прельстителами* (πλάνοι).

«Это были обманщики (ἀπατενες) и прельстителы (πλάνοι), которые под видом божественного вдохновения стремились к переворотам и мятежам, туманили народ безумными представлениями, манили его за собой в пустыню, чтобы там показать ему чудесные знамения его освобождения»^[305].

Как мы уже говорили, πλάνοι, «прельстителы» — это не метафора, а юридический термин, переведенный с древнееврейского. «Иисус Назорей занимался колдовством и обманывал и прельстил Израиль»^[306]. Обвинения, которые Иосиф Флавий предъявляет гоэсам, и обвинения, которые Талмуд предъявляет Иисусу, совпадают дословно, и они имеют наилучшее объяснение в кумранской мистической практике *святых*, состоящих в совете богов.

Въезд в Иерусалим

Иисус рассылает апостолов вербовать новых сторонников по городам Галилеи и обещает им, что все города, где не примут учеников, с приходом Царства Божия будут уничтожены. «Отраднее будет Содому и Гоморре в день суда, нежели тому городу» (Мк. 6:11).

Ученики воспринимают это указание весьма серьезно. Проходя по пути в Иерусалим мимо самарийской деревни, в которой не оказали гостеприимства Иисусу, его ученики хотят истребить деревню: «Господи! Хочешь ли, мы скажем, чтобы огонь сошел с неба и истребил их, как и Илия сделал?» (Лк. 9:55). На это Иисус отвечает, что он пришел «не губить души человеческие, а спасать» (Лк. 9:56).

Зрелище пророка любви, который до того милосерден, что даже не хочет уничтожать деревню за то, что не оказала ему гостеприимство, производит смешанное впечатление, тем более что спустя несколько дней, при въезде в Иерусалим, когда Иисуса встречает толпа народу и сила явно оказывается на его стороне, он командует: «Врагов же моих тех, которые не хотели, чтобы я царствовал над ними, приведите сюда и избежите предо мною» (Лк. 19:27).

В Иерусалим Иисус въехал на осле, как это и было написано в книге пророка Захарии (Зах. 9:9). Перед въездом Иисус велел апостолам пройти в селение и, найдя привязанного там у изгороди молодого осла, отвязать и привести к Иисусу. Понятное дело, что жители села были не очень-то довольны, когда какие-то незнакомые личности принялись у них на глазах реквизировать их осла. Однако апостолы отвечали, что осел надобен Господу, «и те отпустили их» (Мк. 11:6).

История реквизиции этого осла весьма интересна. Забрать осла на глазах всего честного народа в то время было не проще, чем угнать на глазах владельца шикарный джип, и история эта предполагает одно из двух. Либо перед нами обширная коммунистическая сеть законспирированных ячеек: понятно, что член общины, подобной той, которая описана в «Серех а-яхад», немедленно бы предоставил любого осла в распоряжение Мессии. Либо осла обобществили в рамках

революционной сознательности, так, как это впоследствии будут делать сикарии и зилоты.

Так или иначе, въезд Иисуса в Иерусалим на реквизированном для революционной надобности осле превращается в триумфальное шествие. Люди постилают перед Иисусом свои одежды и пальмовые ветви, и восклицают: «Осанна! благословен грядущий во имя Господне» (Мк. 11:9).

Слово, транслитерированное Марком как «Осанна», может иметь несколько значений, но самое очевидное из них — это арамейское просторечное «Освободи нас»^[307]. Иными словами, народ орал Иисусу по-арамейски «свобода или смерть», что, собственно, полностью соответствует известию Иосифа Флавия о том, что «четвертая секта» «превыше всего ставила свободу» и считала, что править Израилем должен непосредственно Господь.

Откуда взялся этот народ? Одно из самых очевидных предположений заключается в том, что толпа, встречавшая Иисуса в Иерусалиме, состояла из людей, выведенных им в пустыню и распропагандированных его учениками в Галилее.

Синоптические Евангелия, написанные спустя сорок с лишним лет после казни Иисуса на языке, на котором он не говорил, пытаются сделать вид, что приход Иисуса в Иерусалим был чем-то вроде туристического вояжа одинокого проповедника.

На самом деле Иисус пришел в Иерусалим на Пасху. Пасха для римских властей была самое опасное время. В это время на праздник в Храм собирались толпы крестьян, бедняков, нищих, бандитов и зилотов со всей Палестины, население города раздувалось до миллиона человек, и заряженная религиозная атмосфера делала столкновения толпы с ненавистными ей *киттим* совершенно неизбежными.

Пасха была идеальным временем для того, чтобы несколько сот или даже тысяч сторонников Иисуса Мессии могли беспрепятственно и не возбуждая подозрения войти в Иерусалим, и легко предположить, что именно из них состояла толпа, встречавшая Иисуса — Царя Израиля.

Более того! Если верить Евангелиям, то власти были хорошо осведомлены о том, кто такой Иисус. У Луки иудеи сообщают Пилату,

что Иисус «возмущает народ, уча по всей Иудее, начиная от Галилеи до сего места» (Лк. 23:5).

Первосвященник Каиафа тоже хорошо знает Иисуса. Он уверен, что проповедь посланника любви и мира Иисуса обернется кровавой резней. «Если оставим его так, то все уверуют в него, и придут римляне и овладеют и местом нашим и народом» (Ин. 11:48).

Не меньшую осведомленность об Иисусе проявляет и Ирод. Он «давно желал видеть Его, потому что много слышал о Нем» (Лк. 23:8).

Но самое интересное место содержится у Иоанна, который сообщает, что «первосвященники и фарисеи дали приказание, что если кто узнает, где Он будет, то объявил бы, дабы взять Его» (Ин. 11:55).

Дело в том, что «приказание» (εντολή) в данном случае — это не просто выраженное вслух пожелание. У античной бюрократии, точно так же, как и у нынешней, было не в привычке выражаться неясно и в общих чертах. Это римский *ордер на арест*, совершенно четко структурированное объявление, которое включает в себя юридическую формулировку вины разыскиваемого, описание его примет и обещание награды. Этот ордер оглашался по всем площадям, и Роберт Эйслер не без основания предполагает, что именно из него Иуда Искарот мог узнать цену своего будущего вознаграждения^[308].

Всё это — кричащая «осанну» толпа, ордер на арест, сообщение о том, что Иисус возмущает народ от Галилеи до Иерусалима, отчаяние Каиафы и его приближенных, плохо согласуются с описанием мирного или незначительного проповедника.

Если представить себе эту картину в деталях: фанатичную толпу, постилающую по дороге одежды и пальмы, крики «свобода» и «да здравствует царь Израиля», команду схватывать и убивать врагов, прозвучавшую от самого Царя Израиля, то трудно отделаться от подозрения, что вступление Иисуса Мессии в город было не совсем мирным. «Эта удивительная публичная процессия, которую Иисус не только терпел, но и тщательно поощрял, не могла иметь другой цели, кроме как цели земного царства», — заметил еще в XVIII в. Реймарус^[309].

Или, если воспользоваться формулировкой Самуила Брендона, въезд Иисуса в Иерусалим был «практическое провозглашение восстания, прямой публичный вызов властям, еврейским и римским»^[310].

Глава 10

Изгнание торговцев из Храма

После торжественного въезда Иисус, согласно Марку, направляется в Храм и изгоняет из него торговцев.

«Иисус, войдя в Храм, начал выгонять продающих и покупающих в Храме; и столы меновщиков и скамьи продающих голубей опрокинул. И не позволял, чтобы кто пронес через храм какую-либо вещь. И учил их, говоря: не написано ли: дом Мой домом молитвы наречется для всех народов? а вы сделали его вертепом разбойников» (Мк. 11:15–17).

Марк, систематически преуменьшающий насильственность действий Иисуса, подает дело так, как будто речь идет о художественном хеппенинге. В его изображении изгнание менял из Храма — это что-то вроде перформанса художника Павленского, в одиночку зашивающего себе рот или поджигающего дверь ФСБ.

Но в присутствии толпы фанатиков такой перформанс называется погромом, если не мятежом.

Когда Иисус переворачивал столы, где при этом была та самая толпа, которая приветствовала его грозным криком: «Осанна»? Неужели все эти люди, прокричав «Освободи нас, Царь Израиля», разошлись по домам? Неужели среди них не было тех ветеранов, которые добывали пропитание с Иисусом в пустыне тем способом, которое Марк именует чудом, а Соссиан Иерокл — *latrocinium*?

Сколько при этой очистительной акции было пробито черепов? Сколько в суматохе потерялось монет? Какое количество отбитого у нечистых торговцев скота оказалось на праздничном столе победителей, и какое количество монет переключало в карманы последователей Иисуса? Чем эта акция отличалась от большевистского «экса»?

И что значит фраза о том, что Иисус не позволял, «чтобы кто пронес через Храм какую-нибудь вещь»? Иерусалимский храм был одним из самых грандиозных сооружений тогдашнего мира. Так же, как и римский форум, он представлял собой не одно здание или

площадь, а целый гигантский комплекс помещений, притворов, галерей и дворов.

Самый крупный из них был Двор язычников, где, собственно, и находились меняльные лавки и рынок. Двор язычников назывался так именно потому, что туда имели доступ язычники, что было неизбежно для города, являвшегося одним из самых крупных торговых центров римского мультикультурного мира.

В Храме было две гигантские стены — внешняя и внутренняя, и множество различных дворов. Только внутренняя стена имела девять ворот. Только одна южная галерея Храма имела четыре ряда колонн, деливших ее пространство на три зала. Общая площадь всего комплекса составляла 14,4 га. Для сравнения: это чуть больше половины площади Московского Кремля.

Как же один-единственный человек мог «не позволить», чтобы кто-то пронес через этот гигантский комплекс зданий «хоть какую-либо вещь»? Сколько бойцов ему было надо, чтобы перекрыть все ворота, выходы, портики, дворы и галереи? Сколько подразделений потребовалось, чтобы охранять Священнический двор, и сколько — чтобы контролировать Ворота Никанора? Сколько человек охраняло Двор Израиля, а сколько было расставлено возле Хейхала?

Любой командир спецназа вам скажет, что для контроля такого огромного и кишачего людьми комплекса меньше чем парой тысяч человек не обойтись.

И где в это время находилась охрана храма?

Храм был не просто центром всей религиозной жизни евреев — он был еще и крепостью, и банковским хранилищем. Он был защищен не хуже, чем форт Нокс.

Среди левитов было специальное наследственное подразделение, чьей единственной задачей была охрана Храма. Уже в середине V в. до н. э. оно насчитывало двадцать четыре отряда под общей командой четырех командиров (1 Пар. 26:12–19).

Внушительная храмовая стража стояла у входов во внешние и внутренние дворы; по ночам территорию Храма патрулировали дозоры. На двадцати одном посту караул несли левиты, а на трех — священники, что и следовало ожидать от учреждения, владевшего самым большим золотым запасом на Древнем Востоке — как в виде

священных подношений, так и в виде оставленных на хранение депозитов частных лиц^[311].

Только для того, чтобы закрыть на ночь все десять ворот храма, ежедневно требовались услуги двухсот человек^[312].

Начальник храмовой стражи располагал такими серьезными силами, что исполнявший эту должность Елеазар бен Анания стал одним из руководителей восстания в Иерусалиме в 66 году. Соверенными ему подразделениями он не только разбил римлян, но и сумел уничтожить своего главного соперника, зилотского Мессию Менахема.

Куда делись все эти отборные части, когда Иисус опрокидывал *столы меновщиков*, то есть, переводя на язык сегодняшних реалий — грабил банковскую кассу? Неужели они застыли в бездействии? А если нет — то сколько же приверженцев понадобилось Иисусу, чтобы нейтрализовать охрану? И чем эти приверженцы были вооружены?

Но, может быть, эта храмовая стража попросту не сочувствовала всем этим облепившим храм менялам, жучилам и торговцам? Может быть, она с восторгом наблюдала, как ученики Иисуса потрошат ненавистных барыг?

Тогда давайте сделаем небольшое отступление и поясним, какие именно менялы находились во Дворе язычников, что они меняли и почему они это делали.

Выгодная концессия

После разрушения Храма евреи не приносят мясных жертв. До разрушения Храма они были обязательны. Мясные жертвы — жертвы по обету, очистительные жертвы, жертвы за грех, жертвы повинности, были самой сердцевиной, той осью, вокруг которой вращалось колесо веры. Как честно признавался царю Иезекии первосвященник Азария, именно после этой централизации культа жрецы Иерусалимского храма стали «есть досыта» (2 Пар. 31:10).

Иначе говоря, введение монополии на принесение жертв было одной из главных и вполне шкурных причин централизации культа Яхве.

На Пасху требовалось непременно приносить в жертву агнца; по другим случаям иудеи, особенно те, кто победней, могли довольствоваться иной жертвой — например, мясным голубем.

Масштаб жертвоприношений был так велик, что путь в Иерусалим был усеян целыми поселениями с гигантскими искусственными пещерами-голубятнями. Эти промышленные иудейские птицефабрики работали на одного потребителя: паломника, который покупал птицу, чтобы принести ее в жертву в храме. Одних ягнят на Пасху требовалось около 250 тыс. ^[313] Счет голубям шел на миллионы.

Весь храм напоминал гигантскую скотобойню: в воздухе отвратительно пахло тухлым мясом и свернувшейся кровью (как, впрочем, и во всех других храмах Античности), и благовония, мирра и ладан, воскурявшиеся в храмах, имели цель именно что отбить вонь. Христианство, покончившее с кровавыми жертвами, разорило целые нации, зависевшие от этой отрасли античной экономики — например, набатеев, специализировавшихся на охране благовонных караванов.

Впрочем, вернемся к жертвам. Тот, кто не успел купить голубя или овцу за пределами города, мог купить их непосредственно во Дворе язычников. Но тут была завышка: Бог Израиля не признавал изображений, а римские монеты чеканились с профилем императора.

Само собой, храм не мог брать такую святотатственную монету за голубя или овцу. Жертву можно было покупать только на специальные

храмовые деньги. Обменять греховные римские деньги на деньги безгрешные можно было как раз у входа в Храм.

Если вам когда-нибудь случалось менять валюту в гостинице, на корабле или в любом другом месте, обладающем практической монополией на валютно-денежные операции, то вы легко уловите суть проблемы, которая возникала.

К гадалке не ходи, можно предположить, что храмовый обменный курс был не очень выгоден. Паломник, который где-нибудь в Галилее не озаботился приобретением мясного голубя, с раздражением обнаруживал, что в Иерусалиме голубь обойдется ему подороже, и раздражение его было тем больше, чем меньше было у него денег.

Кроме этого, каждый иудей был обязан платить налог в храмовую сокровищницу — *корбан*. Двойное налогообложение — в пользу Рима и в пользу Храма — тяжелым бременем лежало на всей Иудее и, собственно, служило надежным экономическим базисом для перманентного возмущения римлянами. *Корбан* тоже, разумеется, не принимал идолопоклонных монет, и их тоже приходилось менять.

Иначе говоря, валютные обменники на территории храма и бизнес по продаже жертвенной живности были гигантскими, приносящими безотказную прибыль предприятиями. Тот, кто владел монополией на эти предприятия или хотя бы контролировал большинство храмовых лавок, мог позволить себе всё: роскошные хоромы и лучшие ткани; он мог раздавать подачки толпе, коррумпировать виднейших знатоков закона, подкупать римских чиновников, прокуратора и даже окружение императора с целью добиться выгодных для себя решений.

Кто же был человек, который владел этой монополией?

Очень просто: это был первосвященник, *Коэн Гадол*.

Первосвященник и его бизнес

К началу I в. н. э. должность первосвященника проделала большую эволюцию. Когда-то, после реформ Ездры, он был главой коллективного саддукейского ЦК. Он был тем, кто в рамках правящей теократии пришел на смену царям из дома Давидова. «У евреев никогда нет царя, и власть над народом принадлежит... первосвященнику»^[314].

После восстания Маккавеев наследственными первосвященниками стали Хасмонеи, священники из Модина.

Ирод постарался свести политическое значение первосвященника к нулю. Убив последнего первосвященника-Хасмонея, он вскоре передал этот пост александрийскому олигарху Симону, сыну Боэта, по совместительству бывшему его новым тестем. Симон укрепил позиции Ирода среди египетских евреев, а в обмен получил неограниченный доступ к храмовым монополиям.

Римские прокураторы, судя по всему, не прочь были выручить деньги за пост первосвященника. Есть подозрения, что предшественник Пилата, Валерий Грат, устраивал новый аукцион каждый год. В аукционе обычно участвовало четыре семьи. Талмуд называет их домами Боэта, Анании, Каиафы и Фаба. Он описывает деятельность этих храмовых олигархов словами не менее яркими, чем Евангелия:

«Горе мне из-за дома Боэта, горе мне из-за их палок! Горе мне из-за дома Анана, горе мне из-за их плетей! Горе мне из-за дома Катра [Каиафы], горе мне из-за их палочек для письма! Горе мне из-за дома Ишмаэля сына Фаба, горе мне из-за их кулаков! Ибо они — первосвященники, и сыновья их — казначеи. И зятья их — надсмотрщики. И слуги их приходят и бьют нас палками»^[315].

Modus operandi всех этих четырех олигархических домов при римлянах был одинаков: каждый их представитель на посту первосвященника скапливал достаточно денег, чтобы снова купить этот пост для сына, племянника или зятя. Трое сыновей, внук и зять Боэта успели побывать в первосвященниках до Иудейской войны аж пять раз.

Однако абсолютным чемпионом по покупке этого высокодоходного бизнеса, не менее привлекательного, чем впоследствии бизнес римских пап, был дом Анана, или Анании — первосвященника, который фигурирует в Евангелиях как «Анна».

Анания был назначен первосвященником сразу после того, как Иудея стала римской провинцией, прямо в ходе восстания против переписи Квирина, что навсегда сделало его верным союзником римлян и врагом «четвертой секты». Целых пятеро его сыновей побывали в первосвященниках^[316]. Кроме того, если верить Евангелию от Иоанна, первосвященник Каиафа приходился Анании зятем (Ин. 18:13).

Иначе говоря, погром во Дворе язычников был не просто погромом рыночных торговцев. Это был экс, направленный против крупнейшего правящего олигархического дома, который основывал свое благополучие на прибылях от религиозно-финансовой монополии Храма и использовал полученную прибыль для подкупа римлян и задабривания толпы. Это был удар по тем, кто впоследствии и возглавил суд на Иисусом: по первосвященнику Каиафе и его тестю, еще более влиятельному и могущественному первосвященнику Анании.

Казалось бы, такая выходка должна была привести к весомым репрессиям, однако после этого погрома мы застаем Иисуса не только несколько дней проповедующего в Храме, но и сидящего при этом *около сокровищницы*, располагавшейся во внутренней части комплекса в Женском Дворе (Мк. 12:41).

Очень трудно себе представить, что мирного проповедника, устроившего погром в банке, допустят на следующий день сидеть в этом банке рядом с кассой. Такое может случиться только в одном случае: если вместе с проповедником в банк зашли крепкие вооруженные парни, принявшиеся устанавливать в банке свои порядки.

Такое предположение может быть подкреплено небольшим отрывком из неизвестного Евангелия, найденного в декабре 1905 г. среди мусорных куч Оксиринкса (об этих замечательных мусорных кучах у нас разговор еще впереди) на листке, исписанном с двух сторон и употреблявшемся, вероятно, как амулет. Листок был переписан около IV века, но само Евангелие было написано гораздо

раньше: оно выгодно отличается многочисленными семитизмами и сравнительной информированностью автора об иудейских обычаях.

В отрывке сообщается, что Иисус, войдя в Храм, вошел в место очищения и ходил там, пока один из жрецов не упрекнул его: «Кто разрешил тебе ходить в этом чистом месте и созерцать священные сосуды, хотя ты не омылся и даже стопы твоих учеников не омыты?»^[317]

Картина, которая возникает перед нашими глазами, вполне конкретна: это картина революционной толпы, врывающейся во внутренние дворы, во главе с предводителем, которого никто не смеет остановить. Она перекликается с сообщением Иосифа Флавия о том, что во время Иудейской войны зилоты «с оскверненными ногами вторглись в Святая Святых» и превратили храм Божий в укрепление^[318].

Согласно этому фрагменту, действия Иисуса в храме не ограничивались *переворачиванием столов и сидением у сокровищницы*. Они включали в себя проникновение — неомытым — во внутренние дворы. За подобное осквернение Храма рядовому иудею угрожала смерть.

Представить себе мирного пилигрима, случайно вместе со своими учениками зашедшего туда, где нельзя появляться без ритуального очищения, так же трудно, как представить себе санкюлота, случайно забредшего в покои короля до падения Бастилии.

Торговцы или Хананеи?

В рассказе Марка есть и еще одна любопытная деталь: кто был всё-таки изгнан из храма?

Как кто? — удивитесь вы.

Торговцы.

Вопрос: какой эти торговцы были национальности?

Для современного читателя это вряд ли имеет значение. Он не очень (если только, конечно, он не завзятый ксенофоб) обращает внимания на национальность торговца на рынке.

Но для верующего иудея I в. н. э. эта национальность имела огромное значение, и, как мы видим, внешний двор храма как раз и назывался Двором Язычников — именно потому, что во время римлян туда имели доступ неевреи.

Такой доступ был неизбежен. Двор Язычников был попросту главным рынком города: банком/биржей/базаром в одном лице. Но нетрудно понять, что именно это-то и воспринималось зилотами как то самое «осквернение» храма, о котором они постоянно твердили. Именно это осквернение должен был уничтожить Мессия. А история о праведном царе, который начинал свой приход к власти с очищения храма, являлась одним из самых важных тропов иудейской литературы^[319].

Храм очистил царь Иосия (4 Цар. 23:4–24). Храм очистил Иуда Маккавей (1 Мак. 4:36–59). Все эти очищения были связаны с изрядной долей насилия. Иуде Маккавею, например, чтобы очистить храм, пришлось для начала уничтожить шестидесятитысячное войско севкидского военачальника Лисия.

Так кого же изгонял Иисус из Храма — торговцев или гоев? И в чем состояло, по его мнению, осквернение храма — в извлечении первосвященниками выгоды из своей монополии или в пребывании на его территории неевреев?

Для ответа на этот вопрос мы должны обратиться к очень интересному тексту пророка Захарии.

Мы уже упоминали о книге пророка Захарии, когда говорили о взятии храма Помпеем.

Захария, сын Варахиин, был тот самый пророк, который вернулся в Иерусалим во второй год царя Дария с Зоровавелем, потомком царя Давида. Неумеренное прославление им своего патрона, вероятно, сыграло немалую роль в низложении и гибели последнего. Захария много пророчествовал о триумфе дома Давидова, и эти пророчества сделали его необыкновенно популярным у сторонников дома Давидова. Эти пророчества сделали его настолько влиятельным, что к существующим пророчествам настоящего Захарии они дописали еще два: так называемых Второго и Третьего Захария.

Последняя строка Третьего Захарии, живописующая победу по всей земле Царства Божия, гласит, «и не будет более ни одного хананея в доме Господа Войск в тот день» (Зах. 14:21).

Как перевести слово «хананей»?

Это зависит, собственно, от контекста. Изначально в Торе «хананей» был хананеянин, язычник, чужак, незаконно занимающий жилплощадь, выделенную Господом евреям под Землю Обетованную и потому подлежащий тотальному истреблению в рамках *херема*. Но потом слово *хананей* стало толковаться расширительно и стало значить в том числе «торгаш». Именно как «торговец» переводят это слово арамейские таргумы I в.н. э. Тот же «торговец» стоит в комментарии бл. Иеронима и большинстве современных переводов^[320].

Сличая Захария 14:21 и Марка 11:15, мы легко можем предположить, что именно произошло в храме после вступления в город Иисуса.

В нем произошло *очищение* храма. Иисус и его сторонники, во исполнение пророчества Захарии, выгнали из храма всех *хананеев*, т. е. не только зятьев, сватьев и прочих родственников Анании, но и всех чужаков. Это и было обещанное наступление Царства Божия.

У Марка, который постоянно (и в свою пользу) ошибается при переводе с арамейского на греческий, «хананей» превратились в «торговцев». А милленаристское очищение храма от всех разновидностей мерзости — от приказчиков Анании до язычников — превратилось в мирный протест в духе Occupy Wall Street.

Иерусалимский храм

Если Иерусалим был ключевым городом Иудеи, то Храм был ключевым местом Иерусалима. Ключевым во всех отношениях — стратегическом, тактическом, религиозном и финансовом.

«Храм представлял собой своеобразную крепость; его окружала особая стена, сооруженная с еще большим искусством, чем остальные, постройка которой стоила еще большего труда; даже портики, шедшие вокруг всего храма, могли быть использованы при обороне как опорные пункты»^[321].

Гора Сион — это естественное и впечатляющее укрепление, которое, собственно, и привлекло к себе своими оборонительными достоинствами царя Давида. Бывший разбойник, провозгласивший себя царем Иудеи, выбрал в качестве столицы естественную крепость, и этот выбор, признаться, и заставляет усомниться, что государство его было структурировано и крепко.

При Селевкидах главной крепостью в городе была Акра. Она была расположена на склоне горы чуть ниже храма, но доминировала над ним из-за высоты постройки. Крепость эта долго составляла главный предмет раздражения милленаристов. После освобождения храма Иудой Маккавеем Акра простояла, невзятая, еще двадцать лет. Двадцать лет гарнизон ее год за годом отбивал атаки, и состоял этот гарнизон, между прочим, большею частью из всяческих «отступников» — то есть эленизированных евреев, которых не увлекала перспектива строительства Царства Божия. Акру с превеликой резней взял только первосвященник Симон и, по утверждению Флавия, срыл ее до основания^[322].

Следующую колоссальную реконструкцию Храмовой горы провел Ирод. Он обвел пространство размером в двадцать футбольных полей тридцатиметровой стеной, построенной из гладко пригнанных десятитонных глыб, и заполнил внутреннюю часть стены камнем и почвой.

Вертикальная эта стена доминирует над окружающим ландшафтом даже сейчас, а две тысячи лет назад дело обстояло еще капитальней: до 70 г. площадь между будущей Стеной Плача и

городскими кварталами была глубоким провалом, заполненным после штурма камнями разрушенного храма.

Храм было очень трудно захватить римлянам, но в силу необычайной централизации иудейского культа его было достаточно легко захватить фанатикам, проникнувшим в него под предлогом жертвоприношений.

Первый такой захват произошел на праздник Пятидесятницы перед воцарением Ирода в 38 г. до н. э.^[323] Второй — сразу после смерти Ирода, в 6 г. до н. э. Тогда толпа, возмущенная казнью фарисеев Иуды и Маттафии, захватила храм на Пасху, и именно по описываемому сценарию: паломники зашли в храм во время жертвоприношения и там и укрепились. Будучи людьми очень благочестивыми и праведными, эти паломники, обратив в бегство римских солдат, сразу после резни, «как ни в чем не бывало, вслед за этим приступили к жертвоприношениям»^[324].

Иудейская война тоже сопровождалась захватами Храма — не один и даже не два, а по крайней мере три раза. Первый захват произошел в самом начале восстания, когда глава сикариев Менахем бен Иуда послал вперед себя в Иерусалим группу террористического спецназа, которая — вероятно, вместе с членами спящих ячеек — захватила Храм, войдя туда в праздник Несения Дров с кинжалами под платьем^[325].

Сразу после триумфального въезда Менахема в Иерусалим (мы не знаем, въезжал он в него на осле или другим способом) эта стратагема была применена уже против него: храмовая стража Елеазара, сына убитого первосвященника, напала на Менахема как раз в тот момент, когда он, «наряженный в царскую мантию и окруженный толпой вооруженных приверженцев, шел к молитве»^[326]. На этот раз знание всех закоулков и тупиков сослужило стражникам хорошую службу.

И, наконец, уже в ходе осады Иерусалима храм перешел из рук в руки третий раз, и случилось это происшествие как раз на Пасху. Зилоты Елеазара, сына Симона, вынуждены были открыть храмовые ворота, чтобы пустить народ, собравшийся для принесения жертв, и с этой толпой внутрь вошел галилейский спецназ Иоанна из Гисхалы.

«Проникнув внутрь, они сбросили с себя верхнее платье и вдруг предстали перед всеми в полном вооружении. В храме поднялась неимоверная сумятица; непричастный к партийной борьбе народ

думал, что нападение готовится на всех без различия; но зилоты поняли, что оно направлено только против них... Много спокойных граждан пало от рук своих личных врагов как сторонники противной партии; кто только был узнан кем-нибудь из мятежников, которого он раньше оскорбил, был теперь им убит как зилот»^[327].

Из этих описаний заметно, что захват Храма паломниками во время Пасхи был для фанатиков обыденной стратагемой, естественно вытекавшей из необходимости пускать в него в этот день неконтролируемые толпы народа.

Иисус триумфально вошел в Иерусалим, захватил храм и, как и полагалось священному царю, очистил его от *хананеев*, как это и обещал Третий Захария. Это очищение и означало наступление Царства Божия. Марк, писавший после разгрома Иудейского восстания, не мог отрицать факта захвата храма, но он постарался представить дело как можно невинней: хананеи у него из чужаков превратились в торговцев, а погром — в мелкий перформанс.

Кесарю — кесарево

Во время своего пребывания в Иерусалиме Иисус каждый день учил в Храме, как, собственно, и подобало Господу Мессии, очистившему это место от осквернивших его язычников.

Что проповедовал Иисус?

Евангелия, написанные после разрушения Храма, сообщают нам, что проповедь эта была исключительно мирной, и даже, в числе прочего, приводят знаменитый пример: Иисус сказал «кесарю — кесарево, а Богу — Богово», что, по мнению бесчисленных поколений христианских комментаторов, говорило о его подчинении властям и в корне противоречило позиции зилотов, краеугольным камнем учения которых являлся запрет платить подати язычникам.

Эпизод этот стоит для начала того, чтобы привести его полностью. Книжники и фарисеи, желая погубить Иисуса, задают ему вопрос: «Дозволительно ли платить подать кесарю? Давать ли нам или не давать? Но он, зная их лицемерие, сказал им: что искушаете Меня? принесите Мне денарий, чтобы Мне видеть его. Они принесли. Тогда говорит им: чье это изображение и надпись? Они сказали Ему: кесаревы. Иисус сказал им в ответ: отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу» (Мк. 12:15–16).

Три вещи обращают на себя внимание в этой сцене.

Во-первых, Иисус просит *принести* ему денарий. С собой у него денария нет. Во всех четырех Евангелиях нет ни одной сцены, когда Иисус что-то покупает за деньги, или имеет деньги, или нуждается в деньгах.

Когда Иисус нуждается в осле для въезда в Иерусалим, он не посылает *купить* осла. Он сообщает ученикам: «Пойдите в селение, которое прямо перед вами; входя в него, тотчас найдете привязанного молодого осла, на которого никто из людей не садился; отвязав его, приведите. И если кто скажет вам: что вы это делаете? — отвечайте, что он надобен Господу» (Мк. 11:2–3).

Когда Иисус нуждается в месте, где он может поесть Пасху с учениками, он не снимает гостиницу и не заказывает банкетный зал. Он «посылает двух из учеников Своих и говорит им: пойдите в город;

и встретится вам человек, несущий кувшин воды; последуйте за ним. И куда он войдет, скажите хозяину дома того: Учитель говорит: где комната, в которой бы Мне есть пасху с учениками Моими? И он покажет вам горницу большую, устланную, готовую: там приготовьте нам» (Мк. 14:13–15).

Эти слова Иисуса предполагают существование большой подпольной организации — например, ячейки кумранитов, существовавшей почти в каждом городе. Имущество *цадиким* было общим для всех других *цадиким*, и любой праведник по определению должен был отдать осла или приготовить трапезу для другого члена общины, мебаккера или тем более Мессии. При таких условиях Мессия мог путешествовать и без денег.

Многие из чудес Иисуса, собственно, в том и состоят, что они чудесным образом сотворяют то, что самый обычный человек может купить за деньги. Нет никакой проблемы закупить продовольствие для пикника на 5 тыс. человек — чудо с раздачей хлебов заключается в том, что продовольствие явилось без денег. Нет никакой проблемы закупить вино для свадьбы — чудо в Кане Галилейской заключается в том, что вино появилось без денег.

За всё время земной жизни Иисуса надобность в деньгах возникает у него ровно дважды. Один раз к нему приходят храмовые сборщики, которые собирают положенные с каждого иудея деньги для храма. Денег у Иисуса опять нет, но он легко выпутывается из положения, приказав Петру поймать рыбу и, найдя у нее во рту статир, отдать за себя и Иисуса (Мф. 17:27). Другой раз — собственно, тот, который мы обсуждаем. Иисус нуждается в денарии для поучительной лекции.

При этом оба раза он не берет денег в руки: даже рыбу со статиром вылавливает Петр.

Такое поведение вряд ли случайно. На Иисусе Назорее, скорее всего, лежит обет. Практика принесения таких обетов существовала в самых разных культурах разных стран мира. Существовала она и у назореев, посвятивших себя богу. Самыми распространенными вариантами обетов был обет не стричь волосы, не пить вина и не есть мясного.

От еды и вина Иисус не отказывался, по крайней мере по уверению Марка, но денег, вероятно, дал обет в руки не брать. Из этого

заметно, что будущее Царство Божие, по Иисусу, не предусматривало существования денежного обращения.

Вторая проблема заключается в том, что ответ Иисуса в дошедшем до нас виде не просто двусмыслен. Он является идеальным образцом двусмысленности, ибо он означает принципиально разные вещи в зависимости от исходного мировоззрения слушателя.

Для язычника он само собой означает необходимость платить подать. Не то, однако, для зилота. Народ Израиля принадлежал Господу, и иудейским царством должен был править непосредственно Господь. Именно это был ключевой пункт учения зилотов. Именно поэтому основатель «четвертой секты» Иуда «объявил позором то, что иудеи мирятся со своим положением римских данников и признают своими владыками, кроме Бога, еще и смертных людей»^[328]. Именно поэтому сикарии, бежавшие в Египет после конца восстания, подвергались жутким пыткам, но даже из детей, возбуждая всеобщее удивление, «никто не поддался на то, чтобы признать императора своим властелином»^[329].

Иначе говоря, для зилотов и сикариев ответ Иисуса значил ровно противоположное тому, что он значил для язычника. Иудеи были народ Господа, и их земля была землей Господа. «Богу — Богово»^[330].

Но самое интересное, что этот мирный ответ имеет важную параллель в вавилонском Талмуде. В трактате Авода Зара рассказывается о том, как рабби Елиезер бен Гиркан — вообще изображающийся симпатизантом *миним* и однажды даже представший за это перед римским судом — встретил ученика Иисуса Иакова. Этот ученик и задал ему риторический вопрос: если денег, заработанных грехом, нельзя вносить в Храм, то можно ли сделать на эти деньги сортир для первосвященника?

«Он [Иаков] сказал мне: „В вашей Торе написано: ‘Не вноси денег блудницы и цены пса в дом Господа Бога твоего ни по какому обету’ (Втор. 23, 19). Можно ли использовать эти деньги для того, чтобы сделать отхожее место для первосвященника?“ На это я не ответил.

Он [Иаков] сказал мне: „Так меня учил Иисус Назорей: ‘Из любодейных даров она устраивала их, на любодейные дары они и будут обращены’ (Мих. 1:7). Оно пришло из места мерзости, и должно вернуться в место мерзости“. Эти слова мне понравились, и за это я был арестован римскими властями»^[331].

Что это за странное изречение Иисуса, согласно которому за деньги блудницы и цену пса (т. е. содомита) надо построить сортир для первосвященника? На первый взгляд, Иисус ничего такого не говорил.

Но если приглядеться, то мы разглядим в этом высказывании всё то же знаменитое «кесарю — кесарево». Денарии с изображением кесаря — это плата блудницы и цена мальчика для любви, они пришли из мерзости и должны вернуться в мерзость. Вносить их в храм нельзя. Если перевести смысл сказанного Иисусом на русский матерный, то получится примерно так: «лучшее употребление деньгам римских п@расов — построить на них нужник для саддукейских бл@й».

Кесарю, знаете ли, кесарево.

Понтий Пилат

А что же римляне?

Римский гарнизон в Иерусалиме размещался в Антониевой башне, с которой открывался прекрасный вид на паперть Храма. Антониева башня играла роль крепости, доминирующей не только над непокорным иудейским городом, но и над его самой важной стратегической точкой, и прокурор Иудеи Понтий Пилат, если он был в это время в Иерусалиме, мог наблюдать за хепенингом с опрокидыванием столов и всеми последующими событиями, не вставая со своего кресла на широкой мраморной террасе.

Если Иисус со своими людьми захватил Храм и в городе фактически воцарилось двоевластие, то почему Пилат немедленно не вмешался?

Но кто сказал, что Пилат в этот момент был в городе?

Мы ничего не знаем о карьере римского чиновника по имени Понтий Пилат до того, как он стал пятым префектом Иудеи. Мы не знаем, где он родился и как делал карьеру. (Как-то во время поездки по Шотландии мы не поленились заехать в деревушку Фортингалл, в Пертшире, где растет 3-тысячелетнее ясеновое дерево, под которым, по местному преданию, родился Понтий Пилат, но это не совсем то.)

Зато о поведении Понтия Пилата на посту префекта Иудеи мы знаем неожиданно много. Без преувеличения можно сказать, что мы знаем о руководстве Понтия Пилата Иудеей больше, чем о руководстве любым другим чиновником любой другой провинции.

Знанием этим мы прежде всего обязаны Иосифу Флавию, который отводит Понтию Пилату в «Иудейской войне» огромное место. Он не отводит столько места ни предшественнику Пилата Валерию Грату, ни его преемнику Марцеллу, ни Куспию Фаду, ни даже Тиберию Александру.

Но вот Пилату Иосиф Флавий отводит много места: что-то очень важное, с точки зрения автора «Иудейской войны», произошло во время правления Пилата в Иудее.

Иосиф Флавий начинает свой рассказ о префекте Понтии Пилате во второй книге «Иудейской войны», сразу после главы, посвященной

описанию иудейских «философских школ»: саддукеев, фарисеев и мирных ессеев, а также появлению «четвертой секты».

Иосиф рассказывает о двух столкновениях, которые случились у Пилата с иудейским народом.

Первое из них имело место вскоре после назначения префекта, когда Пилат отправил часть войск на зимовку в Иерусалим. Отличительной приметой любого римского войска были орлы на значках и под ними, а при наличии у легиона боевых заслуг еще и изображения императора. *Signa* были предметом отдельного культа: им поклонялись, и в кумранском «Свитке войны» отдельно, как особая мерзость, отмечается обычай *киттим* совершать жертвоприношения перед своими знаменами.

Увидев в Иерусалиме идольские значки, толпа взбеленилась.

«Когда узнали об этом, население толпами отправилось в Кесарию и в течение нескольких дней умоляло претора убрать изображения. Пилат не соглашался, говоря, что это будет оскорблением императора»^[332].

В конце концов, рассказывает нам Флавий, толпу собрали на арене громадного кесарийского ипподрома. Пилат сел на возвышении и приказал евреям разойтись, а воины, размещенные в проходах, окружили толпу, чтобы перебить тех, кто осмелится оказать сопротивление. В ответ иудеи стали падать на землю и подставлять под мечи шеи. Пилат был вынужден отступить, и *signa* были убраны из Иерусалима.

Иосиф Флавий рисует нам впечатляющую картину бессилия римского префекта перед поистине христианским смирением возмущенной толпы.

Проблема заключается в том, что эта картина заведомо неправдоподобна.

Конечно, иудейская религия запрещала изображения. Но римские значки, мягко говоря, не первый раз гостевали в Иерусалиме. К примеру, после смерти Ирода наместник Сирии Вар двинулся к Иерусалиму, где в это время восставшие иудеи осаждали в крепости римлян. Надо думать, Вар не снимал в это время орлов из уважения к религиозным чувствам противника.

Однако вид значков Вара отнюдь не сподвиг их на сопротивление. Напротив, повстанцы, завидев значки, разбежались^[333]. За сорок лет

до Вара, в 37 г. до н. э., римские войска во главе с царем Иродом осадили, взяли и разграбили Иерусалим, а в 63 г. до н. э. это сделал Помпей. Надо думать, что ни Помпей, ни Ирод не приказывали снять со значков орлов, пока резали и насиловали.

Мы не имеем никаких сведений о том, что до инцидента при Пилате хоть кто-нибудь из римских префектов проявлял деликатность по отношению к религиозным запретам иудеев, да это было и невозможно. Значки легионов были предметом религиозного культа для войск. Потеря его была абсолютным позором, и Рим не пожалел ничего, чтобы вернуть *signa*, потерянные в Тевтобургском лесу. Требование убрать значки было так же оскорбительно для римских воинов, как вид изображений — для иудеев.

Конечно, можно предположить, что иудеев особенно рассердили значки над Антониевой башней, которая считалась частью храмового комплекса. Но опять-таки это вряд ли были первые значки в Храме. Над воротами самого Храма гордо реял золотой орел, попытка снять который стоила жизни фарисеям Иуде и Маттафии. В Иудее имели хождение римские монеты, сплошь украшенные изображениями.

С 29 г. н. э. Пилат начал чеканить такие монеты на территории самой Иудеи. Этот поступок Пилата почему-то не вызвал волнений — а ведь деньги с профилем Цезаря ходили на территории Храма, как это видно из притчи об Иисусе, которому принесли денарий. Наконец, начиная с некоторого неизвестного нам времени, но не позже 44 года, на галереях Храма во время Пасхи начали всегда размещать римских солдат — и трудно себе представить, чтобы они стояли вовсе без значков.

Поведение оскорбленных иудеев выглядит в этой истории не менее загадочно, чем самое оскорбление. Чернь, спонтанно взбеленившаяся при виде значков, могла броситься на римлян, попытаться захватить Храм, устроить драку. Вместо этого, согласно Флавию, спонтанно возмущившийся народ стройными рядами отправился в Кесарию, находившуюся за 130 км от Иерусалима, и там, в Кесарии, проявил необычайное благонравие и поистине христианское смирение.

Поведение толпы — нерегулируемая цепная реакция. Каким образом вместо атомного взрыва толпа явилась на разрешенный протестный митинг?

Разгадку этого казуса мы можем найти у Филона Александрийского, который пишет на двадцать лет раньше Флавия и излагает всю историю несколько по-другому. Согласно Филону, причиной волнений были не императорские изображения на значках, а позолоченные щиты, повешенные во дворце Ирода в Иерусалиме, без изображений, но с вотивными (т. е. посвящениями императору) надписями. А толпу, отправившуюся в Кесарию, возглавили четверо сыновей тетрарха Галилеи, Ирода Антипы^[334].

Помимо того что Филон, в отличие от Иосифа Флавия, стоит гораздо ближе к времени событий и знает эту историю из первых уст, его рассказ выглядит существенно правдоподобней. Рассказ этот, к примеру, дает ответ на вопрос: как так получилось, что единодушно возмущившийся народ, вместо того чтобы устроить на месте спонтанный погром, отправился стройными рядами на протестный марш аж за 130 км, из Иерусалима в Кесарию, и почему римский префект не перебил этот народ? Ответ: народа Пилату было не жалко, но ему было бы затруднительно объяснить в Риме гибель четырех сыновей царя.

Иначе говоря, История со Значками вовсе не была спонтанным народным возмущением. Это был ловкий политический маневр иудейской элиты, использовавшей фанатизм иерусалимской толпы для воспитания новоназначенного префекта. Предлог при этом был выбран исключительно надуманный: нетрудно заметить, что позолоченные щиты, вывешенные во дворце Ирода, толпа заметить не могла. Об этих щитах ее могли осведомить только обитатели дворца.

Рассказ Филона куда менее драматичнее рассказа Иосифа Флавия, но куда более правдоподобен.

Речь вовсе не шла о героическом противостоянии безоружного народа, готового умереть за свои религиозные идеалы. Речь шла об административной войне за полномочия между римлянином Пилатом, с одной стороны, и Иродом Антипой и первосвященником Каиафой, с другой. В войне этой иудейская элита сознательно манипулировала фанатичной толпой.

Нового префекта пробовали на прочность: под предлогом оскорбления религиозных чувств иудеев Ирод и Каиафа добились удаления из Иерусалима вовсе не одних только значков, а самих оккупационных войск, что, собственно, и было главной целью всего

мероприятия. Более того: Ирод добился того, что новому префекту было очень непросто навестить Иерусалим, ибо трудно представить себе, что римский чиновник согласится открыто продемонстрировать свою капитуляцию перед иудеями и войти в город без солдат и значков.

История со Значками де-факто обрекала префекта Иудеи Понтия Пилата на пребывание в административном центре Иудеи, приморской Кесарии и штаб-квартире Десятого легиона, находившейся в добрых ста тридцати километрах от Иерусалима, то есть в трех днях форсированного марша.

Вторая история, о которой нам известно только из Иосифа Флавия, развивалась по схожему сценарию. У нас есть некоторые основания полагать, что она произошла уже после казни Иисуса. Об этих основаниях мы поговорим позднее, а сейчас просто скажем, что конфликт начался тогда, когда Пилат приказал соорудить в Иерусалиме водопровод и употребил на него уже упоминавшийся *корбан* — священную храмовую казну. Это вызвало новое возмущение.

«Много десятков тысяч иудеев собралось около рабочих, занятых сооружением водопровода, и стало громко требовать, чтобы наместник оставил свой план»^[335].

На этот раз сыновей царя в толпе не было, и Пилат не церемонился. Он передел солдат в гражданское, и, когда толпа отказалась разойтись, солдаты принялись избивать ее дубинками, «поражая как шумевших мятежников, так и совершенно невинных людей»^[336].

И снова мы встречаемся с историей, в которой что-то явно недоговорено.

С точки зрения иудейского закона Пилат был совершенно в своем праве. Оплата городских акведуков, стен и башен именно что производилась за счет храмовой казны^[337]. Неужели такая стройка могла вызвать спонтанный протест?

Скорее этот протест был тоже организован. Мы не знаем, кто стоял за ним — храмовая верхушка, шокированная попыткой римлян запустить лапу в *корбан*, или какая-то другая организация. Но мы видим, что, в отличие от истории со Значками, в случае истории с Водопроводом Пилат не посчитал нужным щадить толпу.

Кроме того, мы видим, что в промежутке между двумя историями — со Значками и с Водопроводом — римские солдаты вернулись в

Иерусалим. В промежутке между этими историями случилось какое-то событие, которое развязало руки Пилату.

В дальнейшем римские войска неизменно пресекали любые начинающиеся в Иудее беспорядки. В 36 г. н. э. войска Пилата изрубили в капусту собравшихся к горе Геризим самарян. В 46-м Куспий Фад уничтожил толпу, вышедшую к пророку Феуде. В 56-м войска прокуратора Антония Феликса перебили толпу, собравшуюся на «египтянина».

Вопрос: почему войска Пилата не вмешались еще тогда, когда Иисус входил в Иерусалим под крики «благословен царь Израиля»?

Самый простой ответ на этот вопрос заключается в том, что префекта Иудеи Понтия Пилата попросту не было в ту Пасху в Иерусалиме.

С помощью ловкого политического маневра он был вытеснен своими противниками в Кесарию и при известии о событиях в Иерусалиме испытал, вероятно, весьма смешанные чувства. Его конкуренты подорвались на собственной петарде. Те, кто надеялся погреть руки, раздувая против Пилата пламя религиозного фанатизма, теперь сами стали топливом для костра.

Захват Храма предоставлял римскому префекту безграничные возможности как для политического торга, так и для вымогательства самой обыкновенной взятки.

Евангелия никак не объясняют факт присутствия Понтия Пилата на эту Пасху в Иерусалиме. Согласно Евангелиям, Иисус вошел в Иерусалим под крики «осанна», устроил погром в храме и сидел там несколько дней у сокровищницы — и всё это при полном попустительстве оккупантов, а потом был ни с того ни с сего был арестован храмовой стражей и препровожден к Пилату, который отдал его на распятие *римским воинам*. Евангелия сообщают о пребывании Пилата *и римских войск* в Иерусалиме как о чем-то само собой разумеющемся. Но, как мы видели, это было попросту не так.

Пилат вместе с римскими войсками был вышиблен из Иерусалима в самом начале своего правления в результате ловкого политического хода. Должно было случиться что-то очень серьезное, чтобы Пилат с войсками появился в Иерусалиме и чтобы его противники позабыли свои благочестивые возражения насчет войсковых значков.

А что могло быть серьезней известия о мятеже и захвате Храма царем Израиля?

Почему Иисуса арестовали за городом?

Рассказ Марка о пребывании Иисуса в Иерусалиме содержит множество логических противоречий. Он представляет Иисуса как мирного пророка, но толпа, которая приветствует Царя и Мессию из дома Давидова, по определению не может быть мирной.

Он представляет погром в Храме как одиночный перформанс — однако затем оказывается, что человек, устроивший этот погром, в течение следующих нескольких дней вместе со своим окружением продолжает находиться в Храме.

Однако самая большая логическая неувязка у Марка заключается в следующем.

В течение нескольких дней Марк изображает Иисуса как триумфатора. Толпа встречает его осанной и пальмовыми ветвями. Он невозбранно проповедует в Храме, и «книжники и фарисеи», которые ищут его погубить, не могут сделать это из-за окружающих его толп.

Однако в ночь накануне ареста Иисуса картина резко меняется. Мы видим Иисуса не в Храме, а вне Иерусалима, за чертой городских стен. Он в отчаянии. Им владеют мрачные предчувствия. Он предсказывает предательство учеников. «Все вы соблазнитесь обо мне в эту ночь» (Мк. 14:27). Он приказывает ученикам ждать его в Галилее (Мк. 14:28). Он тоскует, предчувствуя арест, казнь и смерть. Он молится. На лбу его выступает кровавый пот, душа его скорбит смертельно. «Авва Отче! всё возможно Тебе; пронеси чашу сию мимо Меня; но не чего Я хочу, а чего Ты» (Мк. 14:36).

Именно в это время Иисус требует, чтобы ученики его, если не имеют оружия, приобрели бы его: «Продай одежду свою и купи меч» (Лк. 22:36).

Контраст этой ночи с прежней картиной всемогущего Иисуса, который сидит в храме напротив сокровищницы и под ноги которого люди постилают одежды и пальмовые ветви, разителен.

Что случилось? Почему такое отчаяние? Почему Иисус покинул Храм? Почему арест Иисуса, сидевшего несколько дней около сокровищницы, происходит за городом?

Марк объясняет такое странное место ареста удивительным образом: оказывается, Иисус и его ученики покидали город на ночь, чтобы фарисеи и книжники не схватили их.

Это объяснение не выдерживает критики. Лучшей защитой Иисуса была толпа, и ночью еще более чем днем, а лучшим местом для защиты — сам Храм. Трудно, практически невозможно представить себе эту нелепую картину: царь Израиля торжественно вступает в город и с ликующей толпой захватывает Храм — а потом каждый вечер тихонько ускользает из города, чтобы поутру, как мелкий совслужащий, явиться проповедовать Царство Божие, как на работу, пройдя без всякого шума через городские ворота, где первая же стража сможет его без шума арестовать.

Это так же маловероятно, как если бы Иосиф Флавий сообщил нам, что толпа, захватившая Храм после смерти Ирода, разбрелась ночью по постоянным дворам и возвращалась с рассветом. Кто контролировал Храм, тот контролировал народ Израиля.

Всё встает на свои места, если предположить, что Иисуса и его последователей из Храма вышибли.

Между триумфальными проповедями Иисуса в Храме и его ночным отчаянием за стенами Иерусалима лежит один эпизод, который Марк намеренно опустил: а именно, в город вошли войска Пилата и, смешавшись с праздничной толпой (не такое уж невероятное предположение, если учесть, что бóльшая часть легионеров были местные сирийцы), выперли захватчиков из Храма.

В таком случае становится понятно всё: и отчаяние Иисуса, и предчувствие смерти, и обвинения в предательстве, и небольшое количество скрывшихся с ним сторонников, и истерический приказ «продать одежду и купить мечи», и предательство Иуды.

В современном изложении смысл этого предательства непонятен: какой смысл указывать месторасположение человека, который каждый день учит в Храме? Другое дело, если речь идет о лидере неудавшегося путча, скрывающегося в предместьях в попытке оценить размах и глубину поражения.

Именно в этой ситуации информация о местонахождении Иисуса, сообщенная Каиафе Иудой — или двойным агентом, или искренним членом движения, спасающим свою шкуру, — была бесценна.

Тайная Вечеря

Рассказ Марка о событиях, имевших место в канун ареста Иисуса, включает в себя и еще один эпизод, который, на первый взгляд, кажется совершенно невероятным, но при ближайшем рассмотрении дает нам ключ ко всему произошедшему.

Этот эпизод — Тайная Вечеря.

Нам сейчас трудно представить себе ту роль, которую Тайная Вечеря, последний ужин Иисуса, играл последующие века для христиан.

В течение первых двух веков богослужение многих разновидностей христиан именно что и состояло в том, что они «сходились вместе в частном здании и воспевали Христа, словно Бога, а потом собирались вместе для трапезы, обычной и мирной», которая повторяла Тайную Вечерю.

Тайное совместное вкушение хлеба и вина — плоти и крови Христовой — было главным обрядом, связывавшим христиан, и это тайное собрание было так подозрительно, что ненавидящая «зловредное суеверие» толпа подозревала христиан в том, что они на этих трапезах едят младенцев и предаются кровосмесительным оргиям.

Согласно всем трем авторам синоптических Евангелий, Тайная Вечеря, последний ужин Иисуса, происходила «в первый день опресноков, когда заклали пасхального агнца» (Мк. 14:12), то есть тогда, когда каждый пришедший в Храм иудей, совершив жертвоприношение в Храме и получив обратно на руки зарезанного по всем правилам пасхального агнца, садился вкушать его в кругу семьи, друзей и товарищей.

Пасхальное жертвоприношение для евреев было центральным, главным ритуалом иудаизма по крайней мере со времени царя Езекии, а может быть, и раньше.

Пасхальное жертвоприношение было объявлено памятью об исходе евреев из Египта: тогда еврейские семьи заклали агнца и отметили его кровью ворота своих домов, с тем чтобы Господь,

который поразил в эту ночь египетских первенцев, миновал дома своих верных приверженцев.

Животное, приносившееся в жертву в этот день, было непременно агнец или козленок, годовалый самец, и без единого изъяна. Во времена Езекии царь и богатейшие люди Иерусалима сами предоставили животных для жертвоприношения с целью сплотить вокруг себя пришедших из Израиля беженцев. Ко времени Второго Храма дело обстояло, конечно, по-другому, и агнца уже приходилось добывать самостоятельно.

Каждая семья или товарищество приносили одно животное; жертвователи должны были быть обрезаны и ритуально чисты, и им запрещалось иметь с собой дрожжевой хлеб.

Закалывали агнца накануне Пасхи, днем 14-го Нисана, около трех часов дня, или — если канун Пасхи приходился на пятницу — в два часа. Жертвоприношение происходило во дворе Храма. Резать мог и мирянин, однако пролитая кровь должна была быть собрана в чашу непосредственно жрецом, и в этот день от места жертвоприношения и до алтаря выстраивалась длинная цепочка жрецов с золотыми и серебряными чашами. Чаша с кровью передавалась по этой цепочке, пока не достигала алтаря. Низ чаши был закруглен, чтобы ее нельзя было поставить на землю.

Кровью агнца окропляли алтарь. Само животное освежевывали тут же, подвесив на специальных крюках: если канун Пасхи совпадал с кануном субботы, шкуру сдирали только до груди. Из вспоротого брюха вынимали внутренности, жир, предназначенный богу, клали в особый сосуд, посыпали солью и возжигали на алтаре.

В Храме в это время творилось столпотворение. Когда царь Езекия централизовал и реформировал Пасху, население Иерусалима составляло 120 тыс. человек.

Теперь оно было в пять раз больше. Только число паломников, в дополнение к обычному городскому населению, составляло 300–400 тысяч — и все эти люди должны были принести своего агнца в жертву в одно время и в одном месте.

Логическая задача, стоявшая перед жрецами, была практически неразрешима. Они разрешали ее так же, как это обыкновенно делают с толпой в местах массовых скоплений сейчас, запуская людей во двор Храма партиями. Всего таких партий было три: пока первая,

запущенная во двор Храма, приносила в жертву своих агнцев, остальные две ждали за закрытыми воротами.

После жертвоприношения агнца уносили домой и жарили его на вертеле из гранатового дерева. Агнец должен был быть съеден полностью в ту же ночь, ничто не должно было оставаться до следующего утра. Ни один из присутствующих не имел право покинуть места трапезы; каждый должен был причаститься хотя бы кусочком мяса размером с оливку. Кости агнца ломать было запрещено.

Перед трапезой произносилось благословение, свидетельствовавшее о единении Бога Израиля и его народа; живым символом этого единения и была сама церемония совместного поедания агнца и совместного — всем народом — приношения его в жертву в одном месте и в одно время.

И вот именно в этот священный вечер, когда Царь Израиля, поучавший народ, сидя возле сокровищницы, казалось бы, должен был вкушать пасхального агнца во дворе Храма вместе с тысячами ликующих сторонников — он оказывается один.

Он вкушает Пасху в каком-то странном месте, в укромном доме, который он послал разыскать ученика. «Пойдите в город; и встретится вам человек, несущий кувшин воды; последуйте за ним, и куда он войдет, скажите хозяину дома того: Учитель говорит: где комната, в которой бы Мне есть Пасху с учениками Моими?» (Мк. 14:13–14).

Но самое главное — никакого пасхального агнца на этой трапезе не наблюдается. Вместо агнца Иисус разламывает хлеб и говорит: «се плоть моя», он наливает вино и говорит: «се кровь моя», а после этого он спешно покидает город и просит, ночуя в Гефсиманском саду, своих апостолов выставить посты — но апостолы, усталые и измученные, засыпают.

Что случилось? Где агнец? Конечно, Иисус и его подручные навели шорох среди торговцев жертвенными животными, но ведь не до такой же степени? Почему Иисусу и его ученикам в первый день опресноков приходится довольствоваться хлебом?

Почему ему приходится заменить традиционное пасхальное благословение, произносимое над агнцем, «Благословен будь, Вечный, Господь, Царь мира, ты, который освятил нас своими заповедями и

приказал нам вкушать Пасху», другим, очень похожим, но произносимым над вином и хлебом?

Одно из напрашивающихся объяснений состоит в том, что агнца не было, потому что из-за бойни, приключившейся в Храме, Иисусу и его людям было не до агнца. Тайная Вечеря была не что иное, как ужин провалившихся путчистов, на котором заговорщики принесли клятву, что они не будут вкушать пасхального агнца до того, пока собственноручно не принесут его в жертву в освобожденном Храме.

Это была типичная клятва *назореев*, обычная среди иудейских революционеров. Многие группы сектантов впоследствии, как мы увидим, обязывались не вкушать мяса и не пить вина до восстановления Храма.

Это была естественная клятва для людей, которых вышибли из Храма накануне Пасхи, и единственное разумное объяснение того, почему в пасхальную вечерю у Иисуса и его людей, еще недавно контролировавших Храм, не оказалось на столе пасхального агнца.

Дата этого происшествия также позволяет предположить, как именно был отбит Храм.

Именно в День Опресноков во время Иудейской войны приверженцы Иоанна из Гисхалы отбили Храм у приверженцев Елеазара, сына Симона. Это был один из немногих дней в году, когда большая группа людей могла проникнуть в Храм, не вызывая подозрения, и более того, эти люди могли иметь с собой ножи, ибо многие приносили в жертву агнца сами. Та же самая особенность Храма, которая делала его легкой мишенью для захвата террористами, делала его не менее удобной мишенью для антитеррористической операции.

Арест

У Марка, писавшего сразу после Иудейского восстания и заинтересованного в том, чтобы минимизировать роль римлян в его казни, Иисуса арестовывают не римляне, а слуги первосвященника.

Иисус при аресте не оказывает никакого сопротивления, а его люди разбегаются. Только какой-то человек отсек ухо рабу первосвященника (Мк. 14:47), да некий юноша, завернувшись в покрывало, следовал за Иисусом. Воины схватили его, «но он, оставив покрывало, нагой убежал от них» (Мк. 14:52).

У Иоанна, в Евангелии, написанном гораздо позднее и имеющим доступ к другой, не синоптической традиции, арестовавший Иисуса отряд назван «когортой» (Ин. 18:3). Когорта — это крупное военное соединение числом 400–600 человек.

Во внеевангельских источниках, к которым мы обратимся потом, дело обстоит еще серьезней. Так, «славянский Иосиф» утверждает, что Пилат при аресте Иисуса «перебил много народа», а «Толедот Иешу» — что Иисус явился в Иерусалим с двумя тысячами вооруженных боевиков.

Не будем, однако, спешить — и вернемся к Евангелиям.

Глава 11

Суд над Иисусом

Сразу после ареста Иисуса привели к первосвященнику, куда, несмотря на ночь, спешно собрался Синедрион (Мк. 14:53).

Описание Марка не оставляет сомнений, что речь идет именно о частной резиденции первосвященника: во дворе ее, у костра, в это время греется с челядью Петр. Он тайно проник в резиденцию после ареста учителя. Его узнаёт служанка первосвященника, но Петр ловко отпирается от порочащей связи.

«Когда Петр был на дворе внизу, пришла одна из служанок первосвященника и, увидев Петра греющегося и всмотревшись в него, сказала: и ты был с Иисусом Назарянином. Но он отрекся, сказав: не знаю и не понимаю, что ты говоришь. И вышел вон на передний двор; и запел петух.

Служанка, увидев его опять, начала говорить стоявшим тут: этот из них. Он опять отрекся. Спустя немного стоявшие тут опять стали говорить Петру: точно ты из них; ибо ты Галилеянин, и наречие твое сходно. Он же начал клясться и божиться: не знаю Человека Сего, о Котором говорите.

Тогда петух запел во второй раз. И вспомнил Петр слово, сказанное ему Иисусом: прежде нежели петух пропоет дважды, трижды отречешься от Меня; и начал плакать» (Мк. 14:66–72).

Стоп. Сделаем паузу, переведем дух и представим картинку, которую описывает Марк.

Как мы уже говорили, административный аппарат римлян был весьма рудиментарен, и процесс управления завоеванной территорией везде, где можно, отдавался на аутсорсинг.

Эллинистическими городами правили выборные городские советы, а иудейскими — синедрионы, то есть те же городские советы, только пополнявшиеся не столько путем выборов, сколько путем назначений.

Даже само слово «синедрион» было чисто греческим, оставшимся еще с тех времен, когда Иудея была провинцией Селевкидов.

Синедрион был тот самый, учрежденный Антиохом Эпифаном городской совет, который мутировал в условиях иудейской теократии.

Иерусалимский Синедрион был высшим законодательным, налоговым и судебным органом Иудеи. Это был Сенат, Конгресс, Верховный Суд и аппарат Белого дома в одном лице. Его главой неизменно был действующий первосвященник, а членами — знатнейшие граждане и знатоки закона.

И вот, согласно Марку, все эти первые в Иудее люди, семьдесят один человек (если речь идет о Большом Синедрионе) или двадцать три (если речь идет о Малом), бросив дом, очаг, жену и уютную перину, поспешили ночью во дворец первосвященника, только чтобы судить какого-то незначительного персонажа.

Более того: дело происходило не в любую ночь, а в *ночь Пасхи*. Это была та самая ночь, в которую все евреи, собравшись в кругу семей, праздновали исход из Египта. Та самая ночь, в ходе которой Господь, обходя дома, поражал те, на воротах которых не было кровавого знака. Та самая ночь, в которую каждый член Синедриона, человек почтенный, если не жрец, патриарх, глава клана, глава семьи, произносил во главе стола благословение над агнцем, зажаренным на вертеле из гранатового дерева, и та самая ночь, в которую *ни один из присутствующих не имел права покинуть места трапезы до утра*.

И вот, согласно Марку, 23 (или 71) самых влиятельных лица в Иудее, задрав одежды, в ночь на Пасху бросили всё — семью, детей, жен, гранатовый вертел, опресноки, агнца — и покинули дом вопреки прямому запрету Торы!

Это всё равно, как если бы сейчас кто-то написал, что в ночь на Рождество президент США, Сенат, Конгресс и Верховный Суд собрались в полном составе на частной квартире главы Верховного суда в Арлингтоне, чтобы спешно решить судьбу какого-то мелкого блогера.

Более того. То, что рассказывает Марк, невероятно не только с точки зрения психологии, но и с точки зрения иудейского закона.

Марк утверждает, что первосвященник председательствовал на суде и, стало быть, был в это время в своем дворце. Но этого не могло быть!

Мишна дает нам совершенно категорическое указание на сей счет: за семь дней до Пасхи действующий первосвященник оставлял свою

частную резиденцию в Иерусалиме и перемещался на территорию храма для ритуального очищения^[338].

Кроме этого, Синедрион не мог собираться в *частном доме* первосвященника по той же причине, по которой Верховный Суд США не собирается на дому у его председателя, даже если этот дом очень велик и хорош. Синедрион собирался *только в Храме, во дворе Тесаного Камня*, рядом с Ксистосом. Это утверждают и Мишна, и Иосиф Флавий^[339].

Кроме этого, Синедрион не мог собираться ночью: и не только потому, что ночью двери храма были закрыты. Ночные суды *были запрещены Торой*. Все суды происходили только днем, «перед солнцем» (Чис. 25:4). Это предписание было даже не частью устной Торы, а письменно зафиксированным требованием Пятикнижия Моисея^[340].

Может быть, Марк просто выдумывает всю сцену? Может быть, он просто невежда? Он не знает иудейских законов, не знает, что Каиафы перед Пасхой не могло быть в его личном дворце, не знает, что ночные суды были запрещены самой Торой, — и высасывает из пальца?

Возразим: не надо быть ученым рабби, чтобы сообразить, что в ночь на Пасху ни одна из иудейских шишек не покинет семью, агнца и гранатовый вертел ради того, чтобы осудить какого-то никому не известного бродягу.

Другое дело, если речь шла о событиях чрезвычайной важности. В таком случае можно было игнорировать всё. Симеон бен Шетах повесил в один день восемьдесят ведьм из Ашкелона, прямо нарушая закон: и эта ситуация прямо фигурирует в Талмуде как чрезвычайная ситуация, которая требовала чрезвычайных мер.

Если суд над Иисусом действительно состоялся в доме Каиафы, то причина этому могла быть только одна: предыдущие семь дней первосвященнику было не до очищения. Он вынужден был спешно свалить с территории храма, где в это время зилоты громили меняльные лавки, принадлежащие его семье.

Марк не высасывает, а проговаривается. То, что описывает Марк — это не регулярный Синедрион, а военный трибунал, спешно созванный для суда над захваченным бунтовщиком.

Суд Синедриона

Суд над Иисусом всегда притягивал к себе, как магнит, сочинителей. В Евангелии от Никодима, написанном в конце IV в.н. э., этот процесс превращался в длинный ряд свидетельств божественности Христа. Римские знамена в этом сочинении склоняются сами по себе перед Христом, когда его вводят к Пилату, и долгая череда свидетелей прямо в зале суда рассказывает, что он исцелил их, вернул зрение, воскресил из мертвых. Всё это подтверждает, что Иисус — Господь и сын Бога; и только злобные иудеи требуют предать Иисуса смерти за то, что все эти чудеса он совершил в субботу.

В «Мастере и Маргарите» Булгакова именно сцена суда является ключевой; в недавней занятой книге Хелен Дейл «Империя грешников» — то же самое. У Хелен Дейл действие происходит в альтернативной реальности: Римская империя отказалась от рабства и вошла в век железных дорог и биотехнологий. В ней зилоты взрывают под римскими танками СВУ, Понтий Пилат заполняет бумагу с просьбой предать Иисуса waterboarding (пытке водой), а защищать Иисуса является лучший римский правозащитник с хорошо подвешенным языком. И, разумеется, суд над Иисусом и тут является впечатляющим действием, в ходе которого множество свидетелей опять-таки свидетельствует о совершённых им чудесах.

По сравнению с этими будущими эпическими полотнами суд в описании Марка выглядит удивительно. Так, Марк сообщает, что на суде выступали свидетели. Но он ничего не говорит нам об их показаниях. Он лишь утверждает, что все они были фальшивые. «Многие лжесвидетельствовали на Него, но свидетельства сии не были достаточны» (Мк. 14:56).

Это типичный прием, хорошо знакомый любому уголовному адвокату: если можешь где возразить, возражай. Но если возразить нечего, надо делать вид, что обвинения так глупы и фальшивы, что их не стоит даже повторять.

Среди всех «лжесвидетельств» Марк решает привести только одно. Это утверждение, что Иисус обещал разрушить Храм,

построенный Иродом, и создать другой, нерукотворный, в три дня.

«Мы слышали, как Он говорил: Я разрушу храм сей рукотворенный и через три дня воздвигну другой, нерукотворенный» (Мк. 14:58).

Марк приводит его затем, чтобы истолковать в метафорическом смысле. Под воссозданным через три дня храмом Иисус имеет в виду свое воскресение, а глупые евреи не понимают его. Марк вообще постоянно пишет, что Иисуса никто не понимал, и в первую очередь его ученики, и мы еще вернемся к этой особенности Марка.

Сейчас же мы предположим, что никакого символизма в этой фразе Иисуса попросту нет. Как мы уже говорили, Иисус обещал своим ученикам простым и понятным языком простые и понятные вещи. Он обещал во сто крат более домов, и жен, и детей. Он обещал вечную жизнь и десять тысяч кистей винограда. Он обещал двенадцать престолов. Он обещал, что последние станут первыми.

Роскошный Храм, построенный Иродом, будил в душе каждого ревностного еврея противоречивые чувства. С одной стороны, это было восьмое чудо света, центр религиозной жизни, Великий Чертог, а с другой стороны — он был возведен нечестивым идумейским псом.

Иисус пообещал, что он уничтожит этот нечестивый храм и в три дня построит новый. Это обещание один-в-один напоминает нам обещания гоэсов «четвертой секты». Один из них, в 46 году, обещал разделить воды реки Иордан, другой, в 52-м, обещал обрушить стены Иерусалима. Обещание «уничтожить храм и в три дня создать новый» — ровно из той же семантической категории. Текст Марка, скорее всего, доносит нам совершенно подлинное обещание Иисуса — и это обещание неотвратимо помещает его в ряды «четвертой секты».

В чем Иисуса обвинял Синедрион?

Итак, согласно Марку, сначала Иисуса привели не к римлянам. Сначала он предстал перед иудейским религиозным судом, собранным спешно, ночью, с нарушением всех мыслимых и немыслимых правил: в частном доме, в запретное время, с участием людей, которые в эту ночь не могли покидать своих жилищ, и под председательством человека, который в этот момент должен был в храме проходить строгий обряд ритуального очищения.

В чем же именно обвинил его этот экстраординарный суд? И почему это обвинение не спешит озвучивать Марк?

Может быть, его обвинили в восстании против римлян? Но тут имеется одна загвоздка: с точки зрения иудейского закона восстание против римлян не было преступлением. Суд Синедриона не мог осудить Иисуса за восстание против римлян по той же причине, по которой суд шариата не может осудить мусульманина за джихад.

«Еврейский закон не считал подобные поступки уголовными преступлениями, и никакой еврейский суд никогда не наказал бы никого за то, что, с точки зрения евреев, было поступком безобидным или даже похвальным»^[341].

Восстание было вещью, безусловно наказуемой с точки зрения римлян — но не с точки зрения Торы.

Может быть, Иисусу и вправду предъявили обвинение в нарушении субботы, как это столь красочно утверждает Евангелие от Никодима? В конце концов, разве он ее не нарушал? Разве он не исцелил в субботу страдающего водянкой (Лк. 14:4), а другой раз — сухорукого (Мф. 12:10)?

Увы — это обвинение тоже не могло быть предъявлено Иисусу по той простой причине, что Талмуд и Тосефта *разрешают лечить в субботу*^[342].

То же самое касается другого эпизода: «Случилось Ему проходить засеянными полями, и ученики Его срывали колосья и ели, растирая руками» (Лк. 6:1; Мф. 12:1; Мк. 2:23).

Согласно Марку, это происшествие, случившееся в субботу, вызвало негодование фарисеев (Мк. 2:24).

И снова это очень для нас сомнительно.

Дело в том, что действия учеников Иисуса строго соответствовали иудейскому закону, который разрешал срывать колосья в субботу с целью немедленного потребления на месте; запрещен был лишь систематический труд по сбору урожая, с серпом или иным инструментом^[343].

Таким образом, вопреки утверждениям христиан, обвинения в нарушении субботы не могли быть предъявлены Иисусу по той простой причине, что даже в эпизодах, описанных в Евангелиях, он ее не нарушал.

Какие же обвинения свидетели на самом деле могли предъявить Иисусу? Можем ли мы восстановить их суть, или нам навсегда придется удовольствоваться утверждением Марка, что они были «ложны»?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, давайте заглянем в многочисленные «Деяния» различных апостолов и посмотрим, какие обвинения предъявляют им.

Обратимся, к примеру, к тексту под названием «Деяния Андрея»^[344].

В них рассказывается, как македонский проконсул Вариан приказал арестовать апостола Андрея и от этого сразу ослеп. Андрей, которому Иисус велел платить добром за зло, вернул проконсулу зрение. Однако вместо того, чтобы отблагодарить Андрея за этот благородный поступок, проконсул тут же воскликнул: «Совершенно ясно, что ты гоэс и смутьян»^[345].

Из Македонии Андрей направил стопы в Ахею. Тамошний проконсул, услышав, что в город прибыл человек, воскрешающий мертвых, тоже нимало не усомнился в истинности совершаемых Андреем чудес. Но оценил он их невысоко. «Он гоэс и обманщик!» — воскликнул проконсул^[346].

А когда ученик Андрея одним заклинанием потушил пожар, родители этого ученика пришли в ужас. Вместо того, чтобы обрадоваться несомненно полезным в хозяйстве умениям сына, они прокляли его и лишила наследства. «Он стал гоэсом!» — заявили они^[347].

Очень похожая история произошла с апостолом Филиппом^[348]. Его попытался арестовать первосвященник Анания и, разумеется, тут

же ослеп. Добрый Филипп возвратил первосвященнику зрение и предложил покориться Христу. Однако первосвященник категорически отказался. «Ты — колдун», — заявил он^[349].

Чтобы спасти душу Анании и доказать ему неправоту его мыслей, Филипп произнес заклинание «Забартан, сабатабат, браманух!» Земля раскрылась и поглотила первосвященника по колени. Филипп снова обратился к Анании с мольбой спасти свою душу и признать Христа, но Анания так же непреклонно ответил на это: «Иисус — гоэс!»

По приказу Филиппа земля проглотила первосвященника до пупка. «Покайся и спаси свою душу», — умолял Филипп. «Я не буду побежден колдовством!» — ответил первосвященник. Даже когда Филипп пообещал первосвященнику оживить на его глазах мертвого, это не произвело на упрямого иудея ни малейшего впечатления. «Нет, не уверую! — заявил погребаемый заживо Анания, — ты оживишь его колдовством»^[350].

Аналогичная история вышла с апостолом Фомой^[351]. Царь Миздей поймал апостола и приказал предать его пытке. Фому поставили ногами на раскаленные пластины, но из-под пластин забили ключи холодной воды^[352]. Апостол, разумеется, остался невредим. Однако вместо того, чтобы впечатлиться произошедшими чудесами, царь приказал казнить гоэса и воскликнул: «Твое колдовство умрет вместе с тобой»^[353].

Апостолы Иаков и Петр вернули зрение слепому. Казалось бы, это радостное событие должно было обрадовать городские власти. Вместо этого те немедленно заявили: «Они колдуны»^[354].

Как мы видим, во всех этих случаях события развиваются совершенно идентичным образом. Апостолы, исполненные Святого Духа, совершают чудеса. Они воскрешают мертвых, возвращают зрение слепым, тушат огонь, распахивают двери темниц, светятся небесным светом и пр. Их противники не сомневаются, что они совершают чудеса. Однако именно это-то их и пугает. «Вы — гоэсы», — утверждают они.

Ровно то же самое обвинение предъявляет Иосиф Флавий пророкам «четвертой секты». Точно так же, как проконсулы, первосвященники и цари в «Деяниях» Андрея, Филиппа и Фомы, он называет этих пророков гоэсами^[355]. «Гоэсы и разбойники

соединились на общее дело», — сетует Иосиф Флавий^[356]. Умение творить чудеса есть главная примета пророков «четвертой секты», и этим-то они и опасны.

Резонно предположить, что одно из обвинений, которое было выдвинуто на суде Синедриона против Иисуса Христа, заключалось в том, что он — гоэс. Реальный первосвященник Анания, как и его литературный тезка, не сомневался в том, что Иисус и вправду творит чудеса. Это-то и было его виной.

Запрет на колдовство составлял самую суть саддукейского монотеизма в том виде, в каком он сформировался в эпоху Второго Храма. Чародеи, даже во имя Яхве, нарушали монополию Иерусалимского храма на посредничество перед Господом и потому были строжайше запрещены.

«Не должен находиться у тебя ворожея, чародей, обаятель, вызывающий духов, волшебник и вопрошающий мертвых, ибо мерзок перед Господом всякий, делающий это» (Втор. 18:10–12).

В этом смысле, с точки зрения традиционного иудаизма, Кумран был просто рассадником колдунов. Обитатели его умели ходить на небо. Они имели власть над Велиалом, ангелами-разрушителями и Лилит! (11Q11; 4Q510; 4Q511; 4Q560). Конечно, не все гоэсы происходили из Кумрана, но все обитатели Кумрана были гоэсы.

Прельщение народа

Было ли обвинение в колдовстве единственным, которое было предъявлено Синедрионом Иисусу?

Нет.

Марк, как уже было сказано, обходит суть стороной, но Лука проговаривается. У него евреи обвиняют Иисуса в том, что он «*сворачивает* народ» (Лк. 23:2). А у Иоанна употребляется и другой страшный термин, *прельщение*. «Неужели и вы прельщены?» (Ин. 7:47) — в ужасе спрашивают фарисеи у стражников, которые отказались схватить Иисуса.

Как и колдовство, *сворачивание* и *прельщение* избранного Богом народа было одним из тяжелейших преступлений, которые только можно вообразить. *Сворачивание* совершалось через пророка, демонстрирующего чудеса. Этим чудесам, ниспосланным для испытания народа, верить не следовало.

«Если восстанет среди тебя пророк или сновидец и представит тебе знамение или чудо... то не слушай слов пророка сего или сновидца сего; ибо чрез сие искушает вас Господь, Бог ваш, чтобы узнать, любите ли вы Господа, Бога вашего, от всего сердца вашего и от всей души вашей... а пророка того или сновидца того должно предать смерти за то, что он уговаривал вас отступить от Господа, Бога вашего» (Втор. 13:1–5).

Именно «прельстителями» (πλάνοι) и называет Иосиф Флавий пророков «четвертой секты»^[357]. Это стандартная у Иосифа формулировка. Пророк «четвертой секты» — это *гоэс* и *планой*.

Как мы уже говорили, *прельщение* было юридическим термином, обозначавшим попытку отвлечь Израиль от монотеизма, и самым страшным преступлением с точки зрения Торы. Пророка, который пытается это сделать, надлежит предать *херему*, то есть повесить на дереве и побить камнями^[358].

«Побей его камнями до смерти, ибо он покушался отвлечь тебя от Господа, Бога твоего, Который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства» (Втор. 13:10).

Но в чем заключается *прельщение* Израиля Иисусом? Разве Иисус не требовал поклонения Яхве? Разве не был он, как и кумраниты, строжайшим, ревностным монотеистом? Разве не из *ревности* учинил он погром в Храме: «...ревность по доме Твоем снедает меня» (Ин. 2:17)?

Каким образом можно было пришить обвинение в *прельщении* человеку, который прямо говорил: «Слушай, Израиль, Господь Бог наш есть Господь единый; и возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим, и всею крепостию твоею, — вот первая заповедь!» (Мк. 12:29–30).

Обратимся — чтобы ответить на этот вопрос — к событиям, случившимся уже после Иудейской войны. В 70 году н. э., после падения Иерусалима, перед фарисеями, собранными римлянами в Явну, стояла задача как можно более недвусмысленно отречься от своих *ревностных* собратий: сикариев, зилотов, *бирйоним*.

Казалось бы, проще всего было бы заклеить их как мятежников, но с религиозной точки зрения, как мы уже говорили, мятеж против римлян преступлением не был.

Фарисеи нашли другой выход: они заклеили повстанцев как *миним*, т. е. еретиков. В Талмуде под *миним* чаще всего понимаются иудействующие христиане, но точнее всего было бы определить *миним* как сторонников ереси Двух Властей в Небе, то есть еретиков, полагавших, что в еврейском св. Писании наличествует два бога: один, трансцендентный Творец, непознаваемый и невидимый, и другой — его исполнительный директор, полномочный представитель Монады на земле.

Начиная с конца XVIII в. поколения христианских богословов вслед за Вольтером (но не ссылаясь обыкновенно на него) стали утверждать, что Иисус при жизни никогда не провозглашал себя Господом и Сыном Бога. Всё это-де были позднейшие вставки. Иудеи считали Мессию человеком, утверждали они, представление о Мессии как о боге было чуждо еврейскому религиозному сознанию. Оно было результатом эллинистических влияний; оно возникло, когда Иисуса перевели с арамейского на греческий.

Теория эта была и остроумна, и хороша, и полностью избавляла Иисуса от подозрений в мегаломании, но — как теперь мы знаем после

кумранских свитков — она имела тот маленький недостаток, что попросту не соответствовала фактам.

Позднейший раввинистический иудаизм действительно считал Мессию человеком, но именно потому, что он развился в полемике с ересью Двух Властей в Небе.

Типичным примером такой ереси были кумраниты. Они именно что считали своего Мессию, потомка дома Давидова, сыном Бога, сыном Всевышнего и даже воплощением Господа, который придет с войском ангелов на облаках.

Сцена в суде Синедриона прямо отсылает нас к будущему постановлению Явны.

«Ты ли Мессия, сын Благословенного?» (Мк. 14:61) — спрашивает в этом суде Каиафа. И получает ответ, который дословно цитирует «Книгу Войны Сынов Света против Сынов Тьмы»: «Я; и вы увидите Сына Человеческого, сидящего одесную силы и грядущего на облаках небесных» (Мк. 14:62).

Этот ответ является кратчайшей формулировкой ереси Двух Властей в Небе, так, как ее представляли себе кумраниты. Первосвященник раздирает на груди одежды и кричит: «Богохульство!» Сразу после этого Синедрион собирается на новое короткое совещание (Мк. 15:1).

Как мы видим, иудейские источники в данном случае достоверней христианских. «Иисус Назорей... занимался колдовством и совращал и прельщал Израиль»^[359].

Это совершенно юридически точная — в отличие от недомолвок Марка — формулировка того, что было предъявлено в суде Синедриона Иисусу.

Почему Иисуса не пубили камнями?

Итак, ответ Иисуса перед Синедрионом «я Мессия, и я буду сидеть одесную Господа» представлял из себя богохульство и *прельщение* Израиля, и в качестве такового был достаточным основанием для казни по иудейским законам: то есть побития камнями с повешением на дереве.

Тогда почему же Синедрион не казнил Иисуса — честь, которую Талмуд ему потом приписывал?

Марк, Лука и Матфей никак не объясняют этого парадокса. Иоанн утверждает, что Синедрион не мог казнить Иисуса, хотя и очень хотел, потому что смертная казнь в это время была прерогативой римлян (Ин. 18:31).

Это, мягко говоря, фантастическое утверждение.

Нигде в Мишне не говорится, что римляне хоть как-то ограничивали права не только иерусалимского, но даже и местных Синедрионов выносить смертные приговоры. Ровно наоборот — в ней множество страниц посвящено ритуальным тонкостям, связанным с вынесением этих приговоров, включая познавательные дискуссии о том, кто в случае повешения оплачивает веревку. Если верить Иосифу Флавию, автономия Синедриона доходила до того, что он имел право приговаривать к смерти даже римского гражданина, преступившего барьер, преграждавший язычникам вход во внутренние дворы Иерусалимского храма^[360].

Многочисленные примеры того, что Иерусалимский Синедрион имел право выносить смертный приговор, мы встречаем и в Евангелиях.

Так, перед Синедрионом по обвинению в *прельщении* народа, которое влекло за собой смертную казнь, предстают Петр и Иоанн (Деян. 4:5). Судят их, как и полагается, днем и в храме. А сам Иисус спасает от смерти женщину, приговоренную Иерусалимским Синедрионом к побиванию камнями (Ин. 8:7). Во всех этих случаях авторам Евангелий — даже Иоанну — совершенно неизвестно о запрете выносить смертные приговоры.

Почему же первосвященники Анания и Каиафа, имея все процессуальные основания казнить Иисуса сами, передали его на казнь римским властям?

Ответ заключается в том, что у них не было выбора.

Закона, который запрещал Синедриону выносить смертные приговоры вообще, не было. Но закон, который запрещал Синедриону казнить Иисуса именно накануне Пасхи — был.

Дело в том, что по иудейскому закону смертный приговор за преступления, влекущие за собой смертную казнь, должен был выноситься только на следующий день после самого суда. В связи с этим было *запрещено слушать подобные дела накануне Пасхи*. «Дела, влекущие за собой смертную казнь, не должны быть начаты накануне Шабата или праздника» — гласит трактат Санхедрин^[361].

Иначе говоря, самая вероятная причина, по которой Синедрион принял решение передать Иисуса Пилату, заключалась в том, что Синедрион не осмелился ждать.

И это снова подчеркивает экстраординарный характер происходящих событий. Иисус не был обыкновенный преступник, которого можно было судить установленным по закону порядком несколько дней. Он был лидер только что провалившегося мятежа, и никто в Синедрионе, ни Анания, ни Каиафа, не мог сказать, насколько сильны повстанцы и, более того, — сколько членов Синедриона втайне сочувствуют Иисусу.

Простейший способ решения проблемы был — передать Иисуса римлянам. Такое решение было, во многих смыслах, серьезным проигрышем.

Оно выставляло первосвященника марионеткою римлян. Оно пускало под откос всю тщательно выстроенную Ананией и Каиафой систему шантажа Пилата. Распятие оккупационными войсками превращало Иисуса из лузера в мученика и было проигрышем в административной войне.

Но зато это решение позволяло Синедриону покончить с Иисусом как можно скорее. Оно несколько уменьшало риск получить от его последователей *сикой* в бок, и оно обходило протесты тех членов Синедриона, которые втайне — или даже явно, как Никодим или Иосиф Аримафейский — сочувствовали Иисусу Мессии. Очень возможно, что второе, утреннее заседание Синедриона, о котором

упоминает Марк, как раз и было посвящено вопросу о том, как обойти запрет о казни накануне Пасхи.

Тот факт, что Иисус был казнен не евреями за прельщение — как впоследствии уверял Талмуд, — а римлянами за мятеж, был весомым свидетельством той лихорадочной поспешности, с которой иерусалимские власти спешили избавиться от лидера вспыхнувшего в городе на Пасху восстания.

Суд Пилата

Итак, после ночного экстренного заседания Синедриона и второго — утреннего — Иисуса ведут к Пилату.

Допрос Иисуса Пилатом ничем не напоминает суд Синедриона. Пилат первым делом спрашивает его в лоб: «Ты Царь Иудейский?» Иисус на это отвечает уклончиво: «Ты говоришь» (Мк. 15:2).

Вопрос Пилата — именно тот вопрос, который задается лидеру неудавшегося мятежа. Римского префекта не интересует ни воскресение мертвых, ни тонкие теологические подробности Двух Властей в Небе. «Ты Царь Иудейский?»

Тут надо сказать, что объявление себя правителем Иудеи без согласия римлян уже было заведомым восстанием, вне зависимости от степени успеха операции, и де-юре, и де-факто.

«Это было, согласно *Lex Julia maiestatis*, принятому первоначально Цезарем в 46 г. до н. э. и повторно Августом в 8 г. до н. э., тягчайшее преступление, известное как *crimen laesae maiestatis*, т. е. преступление, наносящее ущерб величию императора»^[362].

Иисуса начинают обвинять «во многом» (Мк. 15:3). Мы опять дорого бы дали, чтобы услышать эти обвинения. Но Марк опять не приводит из них ни слова. Он только сообщает, что Иисус молчит.

«Пилат же опять спросил Его: Ты ничего не отвечаешь? видишь, как много против Тебя обвинений. Но Иисус и на это ничего не отвечал, так что Пилат дивился» (Мк. 15:4–5).

Доселе Марк служил нам довольно верным, хотя и пристрастным источником.

Как ушлый адвокат, он не приводит слов тех, кто ложно обвиняет Иисуса «во многом», но он упоминает об их существовании: верный признак того, что Марк следует какому-то авторитетному источнику. Мы даже можем предположить, что этот источник был письменный и не очень благоприятный для Иисуса, ибо в устной передаче эти «многие» обвинения просто бы потерялись.

Он также сообщает нам поразительно верные детали: поспешный ночной суд и Синедрион, собравшийся на Пасху в доме первосвященника. Эти детали должны быть признаны верными

потому, что они очень невыгодны для Марка: если бы он выдумывал, ничто не мешало бы Марку сказать, что Иисуса судили днем и в Храме.

Но на этот раз Марк подбирается к ключевой сцене. Он имеет дело с неоспоримым фактом: Иисус был распят, распятие было чисто римской казнью, и на эту казнь его осудил римский прокуратор Понтий Пилат.

И теперь Марк, которому очень хочется обелить римские власти, делает невероятный сюжетный поворот: он сообщает, что, несмотря на то, что Иисус был обвинен в *crimen laesae maiestatis* и не мог возразить ни на одно из обвинений, всемогущий римский прокуратор захотел отпустить Иисуса! Из торжественного въезда Мессии в Иерусалим и устроенного им погрома в храме Пилат каким-то образом вывел, что Иисус совершенно невиновен и что «первосвященники предали его из зависти» (Мк. 15:10).

У Матфея, писавшего спустя поколение, дело заходит еще дальше: Пилат просит у народа иудейского отпустить Иисуса и, получив отказ, умывает руки со словами «невиновен я в крови Праведника Сего». Иудеи в ответ кричат: «Кровь его на нас и на детях наших» (Мф. 27:24–25).

У Луки Пилат уже трижды говорит: «Я не нахожу никакой вины в этом человеке» (Лк. 23:4).

А в Евангелии от Иоанна, написанном в 90-х годах, с Пилатом случается и вовсе чудесная метаморфоза: он изо всей силы защищает Иисуса перед злобными евреями. Римский префект даже заявляет, что Иисус является их царем, на что евреи, более чем удивившись такой постановке вопроса в устах официального должностного лица, отвечают: «нет у нас царя, кроме кесаря» (Ин. 19:15).

Но и Иоанн не предел! В дальнейшем образ Пилата претерпит еще более головокружительную метаморфозу: во множестве апокрифов Пилат вместе с женой будут обращаться в христианство, встречаться с воскресшим Иисусом и докладывать императору о своих встречах с Авраамом и Исааком, воскресшими в момент смерти Иисуса.

Долгую череду этих фантастических трансформаций увенчает душераздирающая по силе апокрифическая переписка Пилата, Тиберия и царя Ирода, которые все наперебой пересказывают

христианские догмы и требуют предать смерти гонителей Христа. «И Царство перейдет к язычникам, ибо мы, народ Избранный, надругались над Праведником», — будет свидетельствовать лично Ирод в письме Понтию Пилату. Против личных писем, знаете ли, не попрешь: сам признался!

Иисус бар-Авва

Скажем прямо — сцена суда над Иисусом, в том виде, в котором ее описывает Марк, не говоря уже о Луке или Иоанне — невероятна.

Марк утверждает, что евреи из *фтоноса*, т. е. зависти — обратите внимание, как это близко к понятию ревности, — добивались казни Иисуса (Мк. 15:10). А римский прокуратор пытался его помиловать.

Это утверждение Марка стоит в шорт-листе номинаций на Самую Большую Ложь в истории человечества.

Даже если бы Иисус не захватывал Храма, даже если бы он не вступал при народном ликовании в Иерусалим, даже если бы он не был схвачен, разбитый и растерянный, скрывающийся в Гефсиманском саду после поражения, даже если бы его восстание, как это предполагает Реймарус, не удалось просто потому, что Иисус переоценил свои силы, и вместо громкого взрыва вышел пшик — даже и при всех этих условиях римский префект, спешно прибывший во главе своих войск в Иерусалим для подавления этого восстания, ни при какой погоде не мог отпустить его главаря.

Признание себя Мессией и Царем Иудеи уже по определению являлось актом мятежа, и даже если этот мятеж имел ничтожные результаты, то ничтожество результатов не извиняло противоправности намерений. Римский префект во времена Тиберия мог не больше отпустить человека, претендовавшего на статус царя Иудеи, чем следователь НКВД в 1937 году мог отпустить человека, объявившего себя «царем России» и не признававшего власть незаконных большевиков.

Но Марк не довольствуется тем, что рассказывает нам эту невероятную историю. Он прибавляет к ней еще и другую.

Согласно Марку, у римлян был обычай отпускать накануне Пасхи на свободу одного из заключенных. Понтий Пилат решает воспользоваться этой лазейкой, чтобы сохранить жизнь Иисусу, и выводит его к народу. Он предлагает толпе отпустить или его, или Варраву, разбойника, который «во время мятежа сделал убийство» (Мк. 15:7).

«Хотите отпущу вам Царя Иудейского?» — спрашивает Пилат. Народ, однако, начинает орать: «Распни его». «Какое же зло сделал он?» — спрашивает Пилат. В ответ несется оглушающий рев: «Распни».

«Тогда Пилат, желая сделать угодное народу, отпустил им Варавву, а Иисуса, бив, предал на распятие» (Мк. 15:15).

Обычай отпускать по приговору иудейской толпы узника, приговоренного к смертной казни, не известен никому, кроме евангелистов, нуждающихся в нем для обеления римских властей. Он противоречит логике, здравому смыслу и основным правилам римской государственности. Трудно себе представить, какая муха могла укусить римлян, чтобы в кишачей фанатиками и ненавидящей их провинции они отказались от права применять насилие там, где оно было нужней всего.

Пилат не раз имел дело с иудейской толпой: сначала в истории со значками, а потом в истории с водопроводом. И вот этот-то римский префект, который повелел избить мирную (по словам Флавия) толпу, протестовавшую против водопровода, неожиданно покорился ей, когда она кричала отпустить узника.

И кто был этот узник?

Мятежник.

Об этом свидетельствует сам Марк. Этого человека звали Варавва, и он «со своими сообщниками во время мятежа сделал убийство» (Мк. 15:7). И мятеж, и убийство имели место недавно: люди, приговоренные к высшей мере наказания, в Риме не ждали исполнения приговора на скамье смертников по двадцать лет.

Итак, согласно Марку, Пилат в одно и то же время осудил двух человек. Один из этих двоих был мятежник и террорист, который *во время мятежа сделал убийство*. Пилат, по просьбе иудейской толпы, его отпустил. Другой был мирный проповедник добра и любви, Иисус Христос. Пилат, по просьбе иудейской толпы, его распял.

Самуэль Брендон, которого мы тут часто цитируем, полагает, что восстание Вараввы не случайно совпало по времени с пребыванием в городе Иисуса. Он полагает, что Варавва был зилот, который пытался захватить Верхний город в то время, когда Иисус и его ученики пытались захватить храм. «Вовсе не удивительно, что Иисус мог

скооперироваться с зилотами для подобной операции», — замечает Брендон^[363].

Однако дело может обстоять куда проще.

Варавва — это не имя, а прозвище. Варавва — это бар-Авва, «Сын Отца».

Как же звали человека по имени Сын Отца, который поднял восстание в Иерусалиме в тот момент, когда там проповедовал мирный Сын Бога?

Некоторые древнейшие списки содержат имя Вараввы. Его звали Иисус^[364].

Таким образом, в ту роковую для мира Пасху в Иерусалиме было два Иисуса: один Иисус Сын Отца был злобный мятежник, который со своими сообщниками «во время мятежа сделал убийство», а другой был мирный Иисус Сын Бога, и он-то никакого восстания не поднимал, а к смерти был приговорен по злобному навету иудеев.

Оставляя в стороне такое удивительное, почти мистическое совпадение мятежа Иисуса Сына Отца с мирной проповедью Иисуса Сына Бога, заметим только одно — всякий мятеж в Иерусалиме начинался и заканчивался в одной, центральной во всех отношениях точке — в Храме. А в Храме в это время, как мы знаем из Марка, у сокровищницы сидел Иисус.

Таким образом, мы имеем еще более невероятную и поражающую воображение картину: в то время как мирный Иисус Сын Бога командовал при входе в Иерусалим схватывать и избивать тех, «кто не хочет, чтобы я царствовал», мирно переворачивал столы храмовых менял и мирно заходил с немытыми ногами в запретные помещения — в это же самое время в том же самом Храме орудовал какой-то другой Иисус, Сын Отца, который во время мятежа учинил убийство; но оба Иисуса не имели отношения друг к другу, и — удивительным образом — первый во время своих проповедей даже не заметил деятельности второго.

Любому, кто работал с устными источниками информации, хорошо известна невероятная путаница, возникающая при попытке разобраться, кто, что и когда сделал, особенно если эта информация распространяется в среде умственно недалеких людей.

Именно этого эффекта испорченного телефона и добивается сознательно Марк.

Он пишет для аудитории, которая прекрасно знает, что персонаж по имени Иисус был распят при Понтии Пилате. Она знает, что этот Иисус «во время мятежа сделал убийство». Она знает, что толпа евреев, собравшаяся у места суда, требовала отпустить этого человека.

И Марк идет на невероятный пропагандистский ход: да, это правда! Просто Иисусов в этот день у Понтия Пилата было целых два. Один был мятежник Иисус Сын Отца, которого проклятые евреи требовали отпустить. Другой был пророк любви и мира Иисус Сын Бога, которого замечательный римский чиновник Пилат вынужден был казнить только под давлением проклятых иудеев.

Силоамская башня

Загадочный эпизод с Иисусом Сыном Отца — не последнее указание на восстание, случившееся в это время в Иерусалиме.

Другое такое указание приводит Лука. Он рассказывает, как некоторые люди, придя к Иисусу, «рассказали Ему о галилеянах, которых кровь Пилат смешал с жертвами их» (Лк. 13:1). Ответ Иисуса на это известие был однозначен: «Если не покаетесь, погибнете так же».

«Думаете ли вы, что эти галилеяне были грешнее всех Галилеян, что так пострадали? Нет, говорю вам, но если не покаетесь, все так же погибнете» (Лк. 13:2–3), — говорит Иисус.

Этот эпизод размещен Лукой в самом начале текста и как будто не имеет отношения к вступлению Иисуса в Иерусалим. Это не имеет решающего значения: Лука и Матфей часто расставляют известные им изречения Иисуса в произвольном порядке, особенно когда речь идет о ключевых высказываниях, которые надо вырвать из контекста вызвавших их компрометирующих событий.

Проблема заключается в том, что смешать «кровь галилеян с жертвами их» Пилат мог только в одном месте: в Храме. Ни в каком другом месте иудеи просто не имели права приносить мясных жертв. И произойти это могло только в одно время: на Пасху. Ни в какое другое время галилеяне в большом количестве просто не могли собраться в Храме.

Иными словами, войска Пилата ворвались в Храм на Пасху и устроили резню. Дело это, как вы понимаете, нешуточное. Аналогичная резня, устроенная за сорок лет до того сыном Ирода Архелаем, рассматривалась как тяжелый проступок и была одним из пунктов обвинений, выдвинутых против него непосредственно перед лицом императора Октавиана Августа^[365].

Трудно себе представить, что Иосиф Флавий, который очень подробно рассказывает о правлении нелюбимого им Пилата, умолчал бы о подобной выходке. К тому же речь идет не просто о паломниках, а о галилеянах.

Слово «галилеяне» употреблялось в это время в Иудее в двояком смысле. Одно значило не только уроженцев Галилеи, но и приверженцев определенной религиозной секты, той самой, которую Иосиф называет «четвертой сектой» и к которой принадлежали и Иуда, и Иисус Галилеянин. О секте галилеян сообщает нам Гегесипп.

Галилеянами называл христиан император Юлиан Отступник.

Трудно себе представить, что войска Пилата в разгар резни спрашивали у паломников паспорта со штампом прописки. Под истреблением галилеян в Храме во время пасхального жертвоприношения, очевидно, имеется в виду истребление захвативших Храм сектантов. Однако мы, опять-таки, ничего не знаем о таком захвате Храма — если не предположить, что из наших источников исчезли сведения о таковом, осуществленном Иисусом Галилеянином.

Иисус не останавливается на том, что объясняет смерть убитых в храме галилеян недостаточной верой покойников. Он продолжает: «Или думаете ли, что те восемнадцать человек, на которых упала башня Силоамская и побила их, виновнее были всех, живущих в Иерусалиме? Нет, говорю вам, но если не покаетесь, все так же погибнете» (Лк. 13:4–5).

Силоамская башня находилась на юг от Храма и господствовала над силоамским водоводом, по которому проникли в Иерусалим войска Давида (2 Цар. 5:7). Вместе с Антониевой Силоамская башня была частью системы доминирующих над городом укреплений.

Если кто-то и мог погибнуть при падении Силоамской башни, так это размещенная в ней правительственная стража. Для *ревностных* иудеев такое событие могло быть только поводом для радости. Падение башни с храмовой стражей или *киттим* было для них такое же духоподъемное событие, как падение Башен-Близнецов для арабского мира.

Наша проблема заключается в том, что падение Силоамской башни — так же, как и резня галилеян в храме на алтарях — было явно не рядовым событием. Хорошо охраняемые инженерные сооружения, служащие укреплениями для римского гарнизона во враждебном городе, сами собой не падают. Они могут упасть либо во время землетрясения, либо во время штурма.

Иначе говоря, Силоамская башня могла рухнуть на галилеян по одной причине: если вышеназванные галилеяне захватили ее, как Масаду, и укрепились в ней, а римляне подвели к башне подкоп или разворотили ее во время штурма. В то самое время, когда другие римляне смешивали в Храме «кровь галилеян с жертвами их».

Итак, высказывание Иисуса о Силоамской башне и избииении Пилатом галилеян в храме заставляет нас предполагать, что в правление Понтия Пилата в Иерусалиме произошли серьезные беспорядки, связанные с попыткой захвата по крайней мере двух ключевых укреплений: храма и Силоамской башни. По какой-то причине эти два важнейших для истории Понтия Пилата события не вошли в «Иудейскую войну» Иосифа Флавия — или были вычеркнуты из нее.

Однако еще показательнее, чем кровавая неудача этих беспорядков, реакция Иисуса на них. Иисус утверждает, что те, что погибли, *недостаточно веровали*.

Этот ответ имел глубокие корни в еврейской культуре. Именно недостаточной верой в Господа объясняли падение Первого Храма Иеремия и Иезекииль: «Господь Бог наш определил нас на погибель и дает нам пить воду с желчью за то, что мы грешили пред Господом» (Иер. 8:14).

Именно недостаточной верой в Господа объясняет 2-я книга Маккавеев гибель сторонников Иуды Маккавея в бою. Им было обещано бессмертие и воскресение, но они проиграли бой и погибли, а когда их товарищи в недоумении обыскали их тела, то выяснилось, что те, что погибли, имели на себе языческие амулеты! (2 Мак. 12:40).

И, наконец, именно прегрешениями перед Господом объясняет автор «Псалмов Соломона» взятие Иерусалима войсками Помпея.

Ответ Иисуса — это типичный ответ иудейского фанатика, обещавшего верующим неуязвимость в бою. Они погибли? Значит, они недостаточно веровали.

Приговор и казнь

После смертного приговора римские воины издеваются над Иисусом. Они напяливают на него багряницу, то есть царское одеяние, и надевают терновый венец; они падают перед ним на колени и приветствуют его как царя. «И били Его по голове тростью, и плевали на Него, и, становясь на колени, кланялись Ему» (Мк. 15:16–19).

Его распинают вместе с двумя разбойниками. Собравшаяся толпа насмеяется и тычет пальцами: «Христос, Царь Израилев, пусть сойдет теперь с креста, чтобы мы видели, и уверуем», — кричит довольная публика. Даже «распятые с Ним поносили Его» (Мк. 15:32).

Несмотря на все старания Марка, из его рассказа следует несколько важных вещей.

Одна из них — это скорость, с которой казнь Иисуса последовала за арестом. Иисус был арестован ночью; ночью же он был допрошен специально собранным в экстраординарном месте и в неположенное время Синедрионом, к утру приведен к Пилату и к третьему часу распят. От ареста до казни прошло меньше двенадцати часов. Римское правосудие было скоростным, но не до такой же степени!

Единственное разумное объяснение такой спешки заключается в том, что власти: а) боялись, что его отобьют его сторонники, б) спешили продемонстрировать народонаселению, что Иисус — не Мессия. Казнь Иисуса больше всего напоминала спешный расстрел лидера неудавшегося мятежа.

Бюрократия не имеет обыкновения собираться на ночные заседания в праздничный день, особенно когда они запрещены законом. Единственное, что могло побудить в эту ночь членов Синедриона оторваться от гранатового вертела, агнца и семьи — это понимание того, что в данной ситуации дорогá каждая минута, а каждая минута дорогá только в сражениях и восстаниях.

Вторая вещь, которая бросается в глаза — это *издевательства римских солдат над Иисусом*.

Марк рисует нам выразительную картину торжествующей солдатни, отыгрывающейся на беззащитном узнике. Эта солдатня проявляет чудеса злобности и изобретательности: откуда-то

притаскивает пурпурное одеяние, которое представляло собой в это время огромную ценность, не ленится сплести терновый венец. Эти люди бьют Иисуса и становятся перед ним на колени, кричат «спаси нас, царь Иудейский», и плюют ему в лицо.

Но за что? Что Иисус сделал *римским солдатам*? Какое им дело до мирного проповедника, оклеветанного презираемыми войсками евреями? И зачем вообще распинать человека, который призывает евреев к любви и миру в тот самый момент, когда в Иудее орудует призывающая к восстанию «четвертая секта»? Не правильней ли было бы распять разбойников из «четвертой секты», а проповеднику любви и мира, напротив, дать зеленый свет?

Сцена, описанная Марком, говорит сама за себя: это сцена издевательств победителей над лидером разгромленного мятежа.

Этот человек обещал своим сторонникам престолы в небе. Этот человек обещал, что те, кто не принял его, будут завидовать Содому (Лк. 10:12). Он обещал низвести огонь на землю (Лк. 12: 49). Его сторонники умели затворять небо и поражать врага огнем из своих уст! (Откр. 11: 5–6).

При попытке их арестовать люди слепли^[366]. Они падали замертво и валялись наземь в корчах с пеной у рта^[367]. Их разбивал паралич^[368]. Поднявших на них руку разрывали львы^[369]. Один из его учеников, Андрей, окружил отвергнувший Христа народ стеною огня и внутри этой стены затопил его водой^[370]. Другой, Филипп, одним заклинанием низверг целый город в геенну^[371].

Можно только себе представить, как боялись подобного оборота дела легионеры! Они были простые, самые обычные люди и нимало не сомневались, что арестованный гоэс был способен на все эти чудеса. Никому из них не хотелось быть низверженными в геенну, захлебнуться водой или быть пожранными огнем. И вот теперь, после победы, они вымещали на нем всё — трехдневный форсированный марш, страх, предчувствия, схватку, резню, гибель товарищей.

Мы не знаем — благодаря необыкновенной стеснительности Марка, — в чем на самом деле обвиняли Иисуса и перед Синедрионом, и перед Пилатом, — обвиняли так, что он молчал, не зная, что сказать. Но мы знаем, что он не то что признал на суде, он провозгласил себя Мессией.

«Ты ли Христос, Сын Благословенного?» «Я; и вы увидите Сына Человеческого, сидящего одесную силы и грядущего на облаках небесных» (Мк. 14:61–62).

Пришествие Мессии и Сына Человеческого в этот момент означало для иудеев совершенно конкретную вещь: падение власти римлян и замену ее на всемирное Царство Божие во главе с Сыном Давидовым, сидящим одесную Господа.

Провозглашение себя Господом Мессией и было, с точки зрения иудейского закона, «прельщение Израиля», а провозглашение себя Царем Иудейским и было, с точки зрения римлян, актом мятежа. И то и другое каралось смертью, и над крестом, на котором распяли Иисуса, была прибита табличка «Иисус Мессия, Царь Иудейский» (Мк. 15:26; Ин. 19:19).

Важность этой таблички заключается прежде всего в том, что христиане никогда не считали Иисуса иудейским царем. Наоборот — вся последующая христианская традиция, чем дальше, тем больше, отделяла Иисуса от предавших его евреев, и «Царь Иудейский» — это такая деталь, которая никак не могла быть выдумана последующими поколениями христиан. Она осталась в отчетах о суде над Иисусом, потому что это и было одним из обвинений и потому что Марк писал для аудитории, которой обстоятельства суда над Иисусом были хорошо известны.

Роберт Эйслер не без основания называет надпись «Иисус Христос, Царь Иудейский», прибитую над распятием, «самым ранним из всех не-христианских и анти-христианских документов»^[372]. «Иисус был казнен как лидер восстания, которое случилось в Иерусалиме в эту историческую Пасху 30 г.»^[373], — замечает Самуэль Брендон.

Предположение о предшествовавшем аресту разгроме может объяснить и еще одну загадочную деталь Евангелий — а именно, кажущееся иначе необъяснимым поведение учеников Иисуса.

Ученики его, о вооружении которых только что позаботился Иисус, вместо того, чтобы вытащить мечи, разбежались; Петр отрекся три раза, и та же самая толпа, которая кричала осанну царю Израиля, окружила крест с распятым перед городскими воротами Иисусом и кричала: «Сойди с креста, и уверуем!» (Мк. 15:32).

Всё это можно легко объяснить, если предположить, что и с точки зрения учеников, и с точки зрения толпы Иисус был действительно Царь из рода Давидова и Мессия, одно появление которого разметает в прах римские легионы. Было общеизвестно, что при попытке арестовать Мессию к нему на помощь явятся легионы ангелов. Отсутствие этих легионов вызвало в рядах его сторонников культурный шок.

Можно смело предполагать, что в момент казни Иисуса ученики его еще не знали, что он пришел в Иерусалим специально, чтобы быть распятым. Они предполагали, что он пришел в Иерусалим, чтобы установить Царство Божие и что он способен разметать войска Пилата одним огнем из своих уст.

«Кульминационным моментом для всех четырех Евангелий является зрелище Иисуса, страдающего на кресте — и мы не видим при том ни следа его учеников, — замечает известный американский антрополог Марвин Харрис. — Эти ученики не верят, что Мессия мог позволить себя распять. Они не имеют ни малейшего представления, что культ Иисуса будет культом мирного, а не мстительного спасителя»^[374].

Иисус и разбойники

От Иисуса не осталось никакого порицания проповедей «четвертой секты». Умолчание это красноречиво само по себе. В тот момент, когда по Палестине проповедовали воинствующие пророки, обещавшие своим ученикам разделить воды Иордана и обрушить стены Иерусалима, по той же самой территории ходил Мессия, который не опроверг их ни единым словом. Вместо этого Иисус обличал тех же, кого обличала «четвертая секта», то есть иродиан, саддукеев и фарисеев, и нередко использовал для этого те же самые выражения.

Но мало того! Этот Мессия, как и начальники кумранитов, претендовал на происхождение из рода Давидова, и по какой-то причине кумранские фанатики не обращали на этого самозванца ни малейшего внимания.

Наоборот, некий могущественный пророк, который обещал то же, что кумранский Енох, и которого Евангелия называют Иоанном Крестителем, и провозгласил этого Иисуса Мессией, и объявил, что воочию видел Святого Духа, спускающегося в (εις) него (Мк. 1:10). Это была внушительная церемония: не хуже той, в ходе которой пророк Самуил помазал на царство царя Давида.

Таким образом, поведение римских властей было достаточно адекватно обстановке.

После некоторого промедления, вызванного как необходимостью концентрации сил, так и, возможно, яростным закулисным торгом, Понтий Пилат вышиб приверженцев Мессии из храма. В случившейся суматохе Мессия сумел скрыться и бежать из города, но вскоре был схвачен и передан Каиафе, который, в отличие от Пилата, войск не имел, но имел в своем распоряжении широкую сеть осведомителей и шпионов.

Пилат осудил Иисуса как «Иисуса Мессию, царя Израиля», и именно это обвинение было написано на прибитой к кресту доске.

По обе стороны от него были распяты его соучастники из числа тех самых галилеян, «которых кровь Пилат смешал с жертвами их». Лука неосторожно упоминает, что эти разбойники распяты «по тому

же приговору» (κρίματι) (Лк. 23:40). Да, собственно, и слово «разбойник» (ληστής), которым Марк называет распятых рядом с ним людей (Мк.15:27), — то же самое слово, которое Иосиф употребляет постоянно в отношении бунтовщиков из «четвертой секты».

Примечательно, что Евангелия сохранили нам многочисленные — и различные — сведения о поведении этих разбойников.

У Марка и Матфея распятые с Иисусом «поносили его» (Мк. 15:32; Мф. 27:44). Это странное предсмертное занятие для придорожных разбойников, распятых бок о бок с проповедником мира и любви, но вполне естественная реакция для *бирйоним*, готовившихся сидеть на золотых тронах и резать римлян рука об руку с ангелами — и вдруг получивших такой эпик-фейл.

У Луки, наоборот, реакция распятых рядом с Иисусом *лестай* дифференцирована. Один из них злословит Иисуса и говорит: «Если ты Мессия, спаси себя и нас» (Лк. 23:39). Другой сохраняет веру и просит: «Помяни меня, Господи, когда приидешь в Царствие Твое» (Лк. 23:42), на что получает заверение: «Ныне же будешь со мною в раю» (Лк. 23:43).

Если не принимать во внимание то, что Иисус говорит со сторонником, то весь этот эпизод выглядит несколько аморально. Получается, что человек может убивать, грабить и разбойничать, но при этом ему достаточно перед заслуженной казнью признать, что Иисус есть Христос — и он тут же попадет в рай.

Другое дело, если речь идет о мятежных фанатиках, распятых рядом со своим вождем. Один из этих мятежников поносит вождя и предъявляет ему справедливое требование: сию же секунду сойти с креста, разметать римские войска огнем из уст и установить на земле Свое Царство. Для другого фанатика его собственный опыт менее важен, чем его вера. Он готов верить, что Иисус есть Мессия, несмотря даже на кровь, текущую из пробитых гвоздями лодыжек, и раскаленное палестинское солнце над установленным у городских ворот крестом. Именно последнее поведение, с точки зрения Луки, и характеризует настоящего *праведника*. Оно-то и приводит в рай.

Еще раз. В Евангелиях у нас имеются два рода свидетельств.

С одной стороны, Иисус описывается как могущественный лидер могущественного течения. Он выводит в пустыню пять тысяч человек, которые провозглашают его царем, он въезжает в Иерусалим под крики

толпы, постилающей ему под ноги пальмовые ветви и кричащей «Осанна», он устраивает в Храме погром и после этого проповедует там у сокровищницы. Во время его пребывания в Иерусалиме раздаётся *Бат Кол* (Голос с Неба), прославляющий его (Ин. 12:28). Уже после его смерти его последователи в Иерусалиме составляют три тысячи человек и настолько могущественны, что когда вызвавшая недовольство их лидеров супружеская пара внезапно умирает, власти не осмеливаются вмешаться.

Это связное и внятное описание могущественной секты, которая имеет статус параллельного государства, прерывается только в одном месте: во всём, что касается ареста и казни Иисуса.

Тут оказывается, что Иисус был схвачен ночью, за городом, в окружении немногочисленных вооруженных сторонников. Что во время молниеносного суда не нашлось никого, кто бы мог дать свидетельство в его пользу; что апостол Петр, явившийся в ту ночь во двор первосвященника Каиафы, отрекся от Иисуса, что толпа кричала «распни его», что его ученики не присутствовали на казни, бежав из города, и что даже после его казни забирать тело Иисуса пришли женщины.

Очевидно, что два этих ряда свидетельств несовместимы между собой.

Со времени деиста Вольтера, которому было важно представить Иисуса проповедником мира, добра и любви в противовес основанной им церкви, библеистика по умолчанию признала недостоверным первый ряд свидетельств: о могуществе возглавляемого Иисусом движения. У нее получалось, что ни в какую пустыню Иисус толпы не выводил; царем его никто не провозглашал, в Иерусалим он въезжал никем не замеченный, а погром в Храме ограничился переворачиванием парочки прилавков.

Получалось, что Иисус проповедовал учение мира, прощения и любви — то есть именно то учение, в котором отчаянно нуждались оккупационные римские власти в ксенофобском, готовом вспыхнуть как порох, Иерусалиме. И при этом был незаслуженно оклеветан и распят, но потом его учение, как крошечный ручеек, как огонек свечи, заботливо сохраненный немногими оставшимися верными ему учениками, постепенно набирало силу, разливалось, пока не превратилось в огромную реку, питающую собой весь мир.

При этом все свидетельства евангелистов о могуществе движения, возглавляемого Иисусом, по умолчанию признавались поэтическим преувеличением или, проще говоря, враньем.

Однако нетрудно видеть, что оба ряда свидетельств — и о могуществе секты, и об одиночестве Иисуса в момент ареста, суда и казни — превосходно согласуются друг с другом, если предположить, что евангелисты пропустили всего лишь одну деталь, а именно — рассказ о поражении Мессии.

Если Иисус вступил, как царь, в Иерусалим и захватил Храм, а потом был разбит и бежал, то в утверждении о том, что в Иерусалим он вступал при криках «Осанна», и его последующем одиночестве при суде и казни нет никакого противоречия. Одиночество потерпевшего поражение мятежника — это самое обычное дело в мировой истории. В момент суда над Иисусом его сторонники или лежали убитые, или драпали со всех ног в Галилею.

Нетрудно заметить, что такая интерпретация событий ставит под сомнение самый главный, системообразующий миф современного христианства. Главное положение христианства заключается в том, что Иисус был невинен и принес себя в жертву за наши грехи. Своей смертью он искупил первородный грех человечества.

Но воинственный характер проповедей Иисуса — и тем более попытка восстания, в чем бы она ни заключалась — не оставляет от этого мифа камня на камне. За последние два века было написано немало литературных произведений, исследующих сложные мотивы глубокого и комплексного персонажа по имени Понтий Пилат, который принял заведомо неправосудное решение, приговорив к смерти невинного человека.

Ну, в общем-то, мотивы были просты.

Пилат приговорил к смерти Иисуса примерно по тем же причинам, по которым США ликвидировали бен Ладена.

Глава 12

За что преследовали христиан

Итак, версия Марка, с большой вероятностью, — это версия адвоката, который отмазывает своего подзащитного от обвинения в попытке мятежа.

Да, утверждает Марк, Иисус выводил народ в пустыню, но он учил его там добру. Да, он вошел в Иерусалим под крики «Осанна Царю Израиля», но это была инициатива народа, а Иисус к этому отношения не имел. Да, он выгнал менял из Храма, но это было так, хепенинг и перформанс; да, его застигли ночью, среди вооруженных мечами учеников, в Гефсиманском саду, но это было не после разгрома восстания, а просто Иисус каждую ночь имел обыкновение отлучаться из Храма; да, толпа во время суда Иисуса кричала: «отпусти», но это был какой-то другой Иисус, Иисус Сын Отца, который действительно в это время поднял мятеж, но этот мятеж, случившийся в то же самое время и том же самом месте и поднятый человеком по имени Иисус Сын Отца, не имел никакого отношения к мирным проповедям Иисуса Сына Бога.

Это просто благодаря трагическому недоразумению римляне теперь путают одного Иисуса с другим Иисусом.

Нетрудно заметить, что всё это утверждение покоится на одном-единственном допущении. Оно предполагает, что римляне уже в 70 году, сразу после разрушения Храма, прекрасно знали, кто такой Иисус. Наличие версии адвоката предполагает наличие версии обвинения.

Вопрос: что римляне знали об Иисусе Христе?

У христианина, жившего во II–III вв. н. э., ответ на этот вопрос не вызвал бы никакого затруднения.

Он очень хорошо знал, что элита империи — от императоров до философов — прекрасно была осведомлена о том, кто такой Иисус. У него было множество текстов, документально подтверждающих такую точку зрения.

К примеру, в его распоряжении имелось прекрасное письмо императора Марка Аврелия, который докладывал Сенату, что своей

победой над германцами он был обязан богу христиан, и приказывал предавать всех обвинителей христиан смерти^[375]. На письмо это ссылаются, как на совершенно подлинное, Тертуллиан и Евсевий^[376].

Имелось в его распоряжении и аналогичное письмо императора Антонина Пия^[377], а также совершенно подлинная переписка апостола Павла и философа Сенеки^[378]. В этой переписке Сенека восторгался Христом и Павлом и охотно признавал их превосходство над собой, ничтожным язычником.

Среди христиан ходил превосходный доклад некоего Публия Лентула, предшественника Понтия Пилата на посту префекта Иудеи, с превосходной же рекомендацией Христа. «Народ называет его пророком истины; его ученики — Сыном Бога. Он воскрешает мертвых, излечивает больных», — докладывал сенату Лентул.

Письмо Лентула содержало и словесный портрет Христа, который, если верить римскому префекту, затмевал своей красотой Марлона Брандо.

«Волосы его, — докладывал Сенату префект, — цвета спелого фундука, прямые до ушей, а ниже ушей они вьются и кудрявятся, с синеватым ярким отливом, ниспадающие на плечи. Посередине они разделены пробором надвое, по обычаю назореев. Чело гладкое, выражает радость, лицо без морщин и пятен, розоватый оттенок придает ему привлекательный вид. Его нос и рот безупречны. Его борода густа и того же цвета, что волосы, недлинная, разделена у подбородка... Он самый прекрасный из Детей Человеческих»^[379].

Такое поразительное описание, подобающее скорее влюбленному, возжелавшему мужской красоты, нежели римскому префекту, наглядно доказывало христианам, что не только должностные римские лица, но и Сенат был полностью осведомлен об учении, судьбе и даже внешнем виде Христа.

Однако наибольшее количество текстов, имевших хождение среди христиан, было, разумеется, связано с центральным событием: с распятием Христа и перепиской по этому поводу между прокуратором Понтием Пилатом, императором Тиберием и царем Иродом.

Ранние христиане — в отличие от ученых библеистов XIX в. — хорошо знали, что Понтий Пилат должен был после казни Христа составить донесение императору, и такое донесение у них было.

В этом донесении прокуратор Иудеи Понтий Пилат честно признавался императору, что нечаянно распял Бога по наущению иудеев. Он докладывал Тиберию, что Иисус Христос родился от Девы, сотворил чудеса и «на третий день воскрес из гроба».

Кроме письма Пилата императору Тиберию, существует аналогичное по духу письмо Пилата императору Клавдию^[380]. Видимо, добрый прокуратор запомнил, кто у него император. Что еще совсем изумительней, кроме этих двух писем существует и третье, от императора — Пилату, относительно Христа. Правда, этого императора зовут Теодор. Саллюстий и Тацит такого императора не знают. Но, как мы видим, ранние христиане куда лучше были информированы о римских императорах, чем язычник Тацит.

Кроме переписки Пилата и Тиберия, ранние христиане с удовольствием читали переписку Пилата и Ирода^[381].

В письме, адресованном Пилату, царь Ирод сообщает об ужасных карах, постигших его из-за убийства Иоанна Крестителя. Его дочь Иродиада играла на пруду, покрытом льдом, поскользнулась и упала в воду так, что лед отсек ей голову, как Иоанну. Его супруга ослепла на один глаз, а сам Ирод умирает и из тела его ползут черви. Ирод не сомневается, что всё это произошло из-за осуждения евреями Христа, и просит Пилата с супругой молиться Христу день и ночь. Он предсказывает, что «Царство перейдет к язычникам, ибо мы, народ Избранный, надругались над Праведником».

Если бы обо всём этом сообщил кто-то другой, мы бы, может, могли еще и усомниться, вправду ли лед отсек голову дочери царя Ирода, но так как об этом пишет сам Ирод Пилату, какие тут могут быть сомнения!

В заключение Ирод пишет, что посылает Пилату серьги дочери и его собственное кольцо. Эта мелкая приписка придает особую правдоподобность повествованию.

Пилат в ответном письме Ироду сообщает не менее потрясающие новости. Он, Пилат, тоже узнал от стражников и палачей совершенно достоверную новость о воскресении Христа, которого потом видели в Галилее в том же самом облике «проповедующим воскресение и Царство Вечное».

Более того, Прокла, супруга Пилата, взяла с собой сотника Лонгина и дюжину солдат и отправилась слушать эти проповеди. При

виде Христа она убедилась, что он, точно, воскрес, и уверовала.

За Проклой к Христу отправился сам Пилат. Его визит не остался незамеченным. При приближении Пилата к Христу сотряслась земля и раздался *Голос с Неба*, а Пилат упал на колени перед Господом Нашим и просил его смилостивиться над ним. «Я знаю, что ты Бог и Сын Бога!» — воскликнул Пилат. Если бы это о Пилате рассказывал какой-то другой человек, мы бы еще могли усомниться, что он привирает. Но собственноручное письмо Пилата, конечно, совершенно меняет дело^[382].

В донесениях Пилата Тиберию также содержится подробный перечень чудес, которые совершал Иисус. Римский прокуратор докладывает императору, что Иисус исцелял слепых, больных и хромых и поднял Лазаря из могилы. После того, как Иисус был распят, на мир опустилась тьма и ужас. Восстали мертвые — Авраам, Исаак и Иаков, все двенадцать патриархов, Моисей и Иов. Пилат видел их воскресение собственными глазами. После этого на глазах Пилата разверзшаяся земля поглотила все иерусалимские синагоги и евреев, свидетельствовавших против Иисуса, а из трещины появились Господни ангелы^[383].

Всё это Пилат, как собственноручный свидетель, докладывал Кесарю.

Христиане также знали, что рапорт Пилата не оставил Тиберия равнодушным. Ведь тьма и землетрясение сошли на весь мир, и только после рапорта Пилата император понял их причину^[384].

Взбешенный император повелел доставить Пилата на суд и потребовал от него ответа: по какой причине тот погубил Иисуса, который своими чудесами доказал, что он Христос, Царь Иудейский. Едва Тиберий произнес имя Христа, все статуи богов в римском Сенате рассыпались в прах.

Пораженный этим Тиберий приказал Пилата казнить. Когда префект отрубил ему голову, послышался *Голос с Неба*, свидетельствующий, что Пилат прощен за свои грехи и будет свидетелем на Страшном суде, когда Христос будет судить двенадцать колен Израилевых за отречение от него. Голову Пилата принял в свои руки появившийся с неба ангел, а супруга Пилата, Прокла, при виде этого ангела тут же отдала Богу душу.

Что же касается евреев, то они не отделались так легко, как Пилат. Еще до всякого Страшного суда Тиберий приказал уничтожить их землю и обратить тех, кто уцелеет, в рабство. Всё это постигло евреев по личному приказу императора Тиберия, который был возмущен тем, что они распяли Христа.

Настоящие рескрипты императоров

Вся эта переписка совершенно удовлетворяла ранних христиан, даже тех, которые считались вполне образованными. К примеру, Тертуллиан не только ссылался на переписку Тиберия и Пилата в своем «Апологетике», но даже и настоятельно рекомендовал ознакомиться с ней императору Септимию Северу.

Сейчас, конечно, она никак не может быть признана хоть сколько-нибудь достоверной.

Кроме того, ее возникновение трудно назвать случайным. Переписку Ирода и Пилата невозможно объяснить неверной атрибуцией, путаницей или даже божественным откровением. Если автор письма пишет, что его дочь Иродиада играла на льду и льдина отсекла ей голову, как Иоанну Крестителю, трудно себе представить, что это случайно написал какой-то другой Ирод.

Это именно что фальшивка, совершенно намеренно сострепанная, и ее наличие порождает самые черные подозрения. В самом деле, если христиане, не стесняясь, подделывали письма известных исторических персонажей, то как далеко заходила их фантазия, когда речь шла о Петре или Павле, жизненный путь которых был не так известен, как путь императора Тиберия, и которым можно было приписать вообще всё, что угодно?

Так или иначе, если отцы церкви признавали подлинными письма Тиберия и Марка Аврелия, приказывавшие казнить врагов христиан, то, начиная со времени Просвещения, историки ударились в другую крайность: римлянам-де ничего не было известно об Иисусе Христе.

Вольтер первым заявил, что христианские Евангелия, начиненные абсурдными чудесами, были написаны спустя много лет после описанных в них событий и людьми, жившими не в Палестине, а в греческих городах. «Ни один римский или греческий автор не говорит об Иисусе, — писал он в „Боге и Человеке“, — ни Иосиф Флавий, ни Филон не снисходят до упоминания Иисуса. Мы не видим никаких документов об Иисусе у римлян, которые, говорят нам, его распяли»^[385].

Такая позиция фернейского патриарха оказала грандиозное влияние на библеистику. В течение последних двух веков это стало в библеистике почти аксиомой: римляне ничего не знали о Христе. Частые о нем упоминания в *Scriptores Historiae Augusta* являются поздними вставками, а преследования христиан — факт хотя и преувеличенный, но неоспоримый — осуществлялись по городам вздорной языческой толпой, без малейшего руководства и даже осведомленности центральной власти.

Так это или не так?

Когда впервые появилось слово «христианин»?

Кто ввел его в употребление?

И по какому закону преследовали христиан?

Когда впервые появилось слово «христианин»

Когда впервые появилось слово «христианин»?

Если верить Тертуллиану, оно появилось еще при императоре Августе^[386]. Это довольно-таки поразительное утверждение, потому что при Августе (в 6 г. н. э.) появилась «четвертая секта». Иисус в это время, согласно Луке, только-только принимал в яслях поздравления небесного воинства.

Если же верить «Деяниям апостолов», это название верующие впервые услышали в Антиохии, куда часть последователей Иисуса бежала после беспорядков в Иерусалиме.

Соответствующий текст в Синодальном переводе гласит: «И ученики в Антиохии в первый раз стали называться (χρηματίσαι) христианами» (Деян. 11:26). Синодальный перевод тут не совсем точен. Точнее было бы: «Ученики были провозглашены христианами». Они не сами так называли себя: их кто-то официально так назвал или провозгласил.

Кто?

На этот вопрос Новый Завет тоже может дать ответ. Слово «христианин» в качестве названия последователей Иисуса Назорея употребляется в нем всего три раза. Один раз — про Антиохию — мы только что упоминали. Два других раза оно вложено в уста противников христианства.

В «Деяниях апостолов» Павел беседует с царем Агриппой, и по итогам этой беседы царь в сердцах говорит: «Ты немного не убеждаешь меня сделаться христианином» (Деян. 26:28).

В своем 1-м Послании Петр наставляет: «Только бы не пострадал кто из вас, как убийца, или вор, или злодей, или как посягающий на чужое; а если как Христианин, то не стыдись, но прославляй Бога за такую участь» (1 Пет. 4:14–16). Словоупотребление Петра, как мы увидим, дословно соответствует римской судебной практике.

Верующие в Иисуса поначалу не называли себя «христиане». В Новом Завете это слово ни разу не фигурирует в качестве самоназвания. Оно фигурирует только в качестве ярлыка, который на них навешивают их противники. В качестве самоназвания в Новом

Завете чаще всего используются слова *праведники* и *святые*. Даже апостолические отцы ни разу не употребляют термина «христианин».

Напротив, все известные нам римские протоколы допросов последователей Иисуса начинаются с вопроса: «Ты христианин?», а Плиний в 110 году пишет о «процессах против христиан».

Более того, насчет происхождения термина «христианин» есть еще более любопытное соображение. Греческое «Христос» (Χριστός), Помазанник, является переводом слова «Мессия».

Однако на греческом есть очень похожее слово, «Хрестос» (χρηστός), т. е. «добрый». Христос и Хрестос отличаются друг от друга всего на одну гласную. Впоследствии христиане очень любили возникающую при этом игру смыслов. Иисуса постоянно называли «Добрый Пастырем», и еще в IV в.н. э. надписи на церквях посвящали их «Иисусу Хресту».

Иначе говоря, христиане охотно называли себя хрестианами, а Христа охотно называли Хрестом. Однако римляне, за исключением одного-единственного случая, такой ошибки не делали. Они постоянно называли христиан именно христианами.

Несложно предположить, что «христианин» был римский юридический термин, и что впервые он был употреблен именно в законе против христиан.

Когда был издан этот закон и что в нем было написано?

Императорские рескрипты

До нас дошло очень небольшое количество официальных римских текстов, направленных против христиан.

Самый известный из них — это уже упоминавшаяся переписка Плиния и Траяна, которая, в силу особенностей римского права, имела силу закона.

Наместник Вифинии и Понта в этой переписке сообщает, между прочим, императору, что представители последней, арестованной и отпущенной им группы бывших христиан были замечательные люди. Они «воспевали, чередуясь, Христа как Бога и клятвенно обязывались не преступления совершать, а воздерживаться от воровства, грабежа, прелюбодеяния, нарушения слова»^[387].

Этот удивительный панегирик Плиния Младшего в течение семнадцати веков являлся цитируемым *ad nauseam* местом письма и, без сомнения, главной причиной, по которой эта переписка вообще сохранилась.

Однако, как мы уже говорили, если читать текст Плиния и Траяна целиком, а не только выбранные места, то он производит совсем другое впечатление.

Из него следует, что Траян и Плиний Младший прекрасно знают, кто такие «христиане». Оба они не сомневаются, что христиане заслуживают казни. Более того, они не сомневаются, что христиане заслуживают казни ровно потому, что они христиане. Само имя «христианин» является для императора и его респондента фактом преступления.

Проблема Плиния только в том, что он не знает, а) надо ли казнить христиан-детей, б) надо ли казнить даже тех, кто раскаялся, и в) «следует ли наказывать само имя, даже при отсутствии преступления (*flagitia*), или же преступления, связанные с именем»^[388].

Эта проблема нам кажется тем более поразительной, что Римская империя отличалась абсолютной веротерпимостью. За всё время существования Рима в нем преследованию подвергались только два культа. В 186 г. до н. э. Сенат издал сенатусконсульт, которым

запрещался культ Диониса, а при Тиберии он издал аналогичный закон, которым запрещалась друидическая религия.

В обоих случаях причиной запрета были не религиозные обычаи, а человеческие жертвоприношения. Кроме того, в 136 г. н. э. император Адриан запретил иудаизм, однако опять же не из-за религиозных разногласий, а из-за восстания Бар-Кохбы.

И вот получается, что в этой веротерпимой империи, которая никогда не преследовала никого за религию, которую он исповедовал — как бы она ни была чужда Риму, — просвещенный император Траян и его друг и наместник Плиний даже не подвергают сомнению вопрос, что христиан, если где встретишь, надо срочно казнить! — непонятно только, стоит ли казнить при этом детей, и нужно ли казнить тех, кто больше не христианин!

Что же за стих нашел на веротерпимых римлян? Неужели ими и вправду овладел Сатана, как предполагали впоследствии благочестивые христианские историки?

Еще один рескрипт, дошедший до нас — это письмо императора Адриана (117–138 гг. н. э) проконсулу Азии Минуцию Фундану, сохранившееся в приложении к «Апологии» Юстина. Мы уже говорили о нем раньше.

Напомним: в этом письме Адриан требует наказывать *авторов ложных доносов*, то есть тех, кто обвиняет людей в том, что они христиане, в то время как они христианами не являются. Кроме того, Адриан озабочен тем, чтобы обвинение в христианстве доказывалось в суде.

«Если подданные провинции, — пишет Адриан, — ясно могут поддержать эту петицию против христиан, так чтобы дать ответ в суде, пусть прибегнут только к этому способу, но не к громким крикам и ропоту... Если кто их обвинит и докажет, что они поступают противно закону, выноси свое решение сообразно гнусности преступления. Но клянусь Геркулесом! Если кто-то обвиняет, клеветца, накажи такого человека соразмерно с его злодеянием» [\[389\]](#).

Иначе говоря, Адриан, как и Траян, не сомневается, что христиан надо наказывать и что преступлением является уже сам тот факт, что человек является христианином. Это преступление настолько распространено, что оно стало поводом для ложных доносов по обвинению в христианстве, и так как ложные доносы всегда были

бичом римского правосудия, Адриан, как и Траян, спешит положить им заслон.

Это два единственных подлинных документа о преследовании христиан, которые до нас дошли. Эти документы относятся к категории рескриптов — то есть, буквально, «от-писок», императорских писем, отвечающих на чей-то вопрос. Однако мы знаем, что таких документов было больше.

Так, эдикт или даже эдикты (то есть публичные документы, провозглашающие официальную политику) против христиан выпустил Марк Аврелий. Об этих эдиктах упоминает Мелитон Сардский, когда пишет в своей «Апологии», что «сейчас в Азии по *новым эдиктам* гонят и преследуют людей благочестивых»^[390].

Мелитон выражает сомнение — подлинно ли эдикты выпущены самим государем? Может быть, это подделка провинциальных властей — хотя, как мы могли заметить, подделкой императорских писем занимались именно что христиане.

Даже если не отвергнуть подозрения Мелитона как явно вздорные, мы точно можем быть уверены, что *новые эдикты* Марка Аврелия были подлинными. Мы можем быть в этом уверены из письма лионских христиан, рассказывавших о преследованиях 177 г.: когда лионский легат написал императору запрос о том, что делать с теми христианами, которых их рабы обвиняют в детождении, то ответный императорский рескрипт приказал не заниматься глупостями и всех принесших жертву христиан отпустить, а тех, кто не раскаялся, предать смерти^[391].

Таким образом, Марк Аврелий издал против христиан по крайней мере два документа. Один был общегосударственный эдикт, другой был рескрипт лионскому легату.

Кроме этого, Мелитон упоминает, что рескрипт Адриана Минуцию Фундану был не единственный и что аналогичные рескрипты, запрещающие уничтожать христиан без суда, выпускал Антонин Пий^[392].

Еще одно упоминание об очередной серии антихристианских эдиктов случайно сохранилось у Ипполита Римского в его комментариях на книгу Даниила. Скорее всего, речь идет об эдиктах Септимия Севера (193–211 гг. н. э.). Жалуясь на печальное положение церкви, Ипполит сообщает, что доносчики «сговариваются уничтожить

святых, они ждут до нужного часа и входят в Дом Господень тогда, когда все молятся и восхваляют Господа, и схватывают их... и тащат их в суд и обвиняют их в том, что они поступают вопреки эдиктам Цезаря, и приговаривают их к смерти»^[393].

Однако самое интересное свидетельство принадлежит христианскому историку II в.н. э. Гегесиппу: он пишет, что император Домициан распорядился истребить всех, кто происходит из рода Давидова. В результате к нему привели потомков одного из братьев Иисуса, Иуды, но они сумели убедить императора, что являются всего лишь бедными земледельцами и что царствие Иисуса, которое они ждут, будет не от мира сего.

«Домициан, — сообщает Гегесипп, — не найдя в них вины, презрительно посчитал их глупцами и отпустил на свободу, а гонение на церковь прекратил указом»^[394]. После этого потомки Иуды стали во главе церквей как мученики и как происходящие из рода Господня. «Времена настали мирные, и они дожили до воцарения Траяна»^[395].

Из этого короткого, но ошеломительного сообщения следует, что: а) Домициан прекрасно знал о христианах, б) прекратил гонения, которые, стало быть, были учреждены по крайней мере его предшественниками.

И в самом деле, Гегесипп также сообщает, что в гонениях на христиан отличился Веспасиан, который «после взятия Иерусалима велел разыскать всех потомков Давида, чтобы не осталось иудеям никого из царского рода»^[396]. Вслед за ним при Траяне был казнен второй епископ Иерусалимской церкви и двоюродный брат Иисуса Симеон сын Клеопы^[397].

Из всего вышеупомянутого можно сделать три вывода.

Первое: христиане намеренно занимались уничтожением направленных против них текстов.

До нас дошли тексты самых невероятных фальшивок: докладов Понтия Пилата императорам Тиберию, Клавдию и Теодору (!), переписка Павла с Сенекой, рескрипты Тиберия и Марка Антония об уничтожении врагов христиан. До нас дошел даже фантастический текст об апостоле Петре, который крестил Нерона, его сына и весь императорский двор^[398].

Однако из подлинных документов о преследованиях до нас дошло только два, один — содержащий хвалу христианам, а другой —

затерявшийся среди фальшивок. Известия обо всех остальных дошли до нас благодаря случайным обмолвкам.

Иначе говоря, когда Вольтер заявил, что «в течение двух веков римляне ничего не знали о христианской религии и о Евангелиях», он был неправ.

Он принял за отсутствие сведений то, что было результатом полутора тысячелетий христианской цензуры.

Второй вывод заключается в том, что и Веспасиан, и Домициан, и Траян, и Адриан, и Антонин Пий, и Марк Аврелий, и Септимий Север прекрасно были осведомлены о том, кто такие христиане. Они издавали против них многочисленные рескрипты. Более того, все эти «нечестивые рескрипты» против христиан были собраны, согласно Лактанцию, в начале III в. в «Дигестах» знаменитого римского юриста Ульпиана, в седьмой книге, касающейся обязанностей проконсула^[399]. Сами собой из «Дигест» они пропасть не могли.

Христианство вовсе не было «тоненьким ручейком», который тек незаметно для окружающих.

И Траян, и Плиний Младший уже в 110 г. прекрасно знали, кто такие «христиане», и не сомневались, что они заслуживают казни. Плиний просто не был уверен, следует ли казнить детей. Кроме того, он, как и Тацит, утверждал, что христиане совершают *flagitia*, т. е. преступления.

И, наконец, третье — и переписка Траяна с Плинием, и переписка Адриана с Минуцием Фунданом предполагают, по определению, существование некоего закона, согласно которому преследуют христиан.

О существовании этого закона свидетельствует множество косвенных обстоятельств. Во-первых, христиан преследовали по всей империи, с I в.н. э. по IV в.н. э. Государства не имеют обыкновения на протяжении столетий преследовать своих граждан без какого-либо закона. Этот закон может быть вздорным, несправедливым — но он есть. Даже в сталинском Советском Союзе людей расстреливали на основании 58-й статьи. Их не расстреливали вообще просто так.

Тем более это касалось римского права, один из основополагающих принципов которого гласил: *nullum crimen sine lege* (нет преступления, если нет закона).

Во-вторых, обстоятельства этих преследований были совершенно одинаковы. При самых разных императорах, в самых разных концах империи — от Вифинии до Африки, от Египта до Рима — христианам задавали один и тот же вопрос: «Ты христианин?» Если он говорил «да», ему давалось время раскаяться и передумать. Если он говорил «нет», его тут же с облегчением отпускали — но не раньше, чем он принесет жертву императору или богам.

Иначе говоря, закон считал преступлением, как и пишет Плиний, сам факт того, что человек признает себя христианином. Этот закон наказывал *за имя*. Ровно так и описывается этот закон в послании Петра: «Только бы не пострадал кто из вас, как убийца, или вор, или злодей, или как посягающий на чужое; *а если как Христианин*, то не стыдись, но прославляй Бога за такую участь» (1 Пет. 4:14–16).

Если бы такого закона не было и преследования христиан были бы инициативой снизу, то эти преследования каждый раз принимали бы разный характер.

Кроме послания Петра, этот закон постоянно упоминается во всех христианских апологиях. Так, главы с 4-й по 6-ю «Апологетика» Тертуллиана, написанного в конце II в.н. э., специально посвящены оспариванию *закона*, направленного против христиан. «Какое жестокое постановление вы делаете, говоря: „вам не позволено быть“»^[400], — пишет Тертуллиан. Это совершенно точная формулировка того, что предъявлялось как обвинение христианам.

Ваш закон, формулирует Тертуллиан, «наказывает *за одно только имя*»^[401]. То же утверждают и другие апологеты. «*Наше имя* ставится нам в вину», — пишет Юстин Мученик^[402]. «Почему уже *одно имя* ненавистно вам?» — возмущается Афинагор^[403].

Бл. Иероним сообщает о «старинном *законе*, согласно которому христиане, представшие перед судом, не могли быть отпущены, ежели они не раскаялись»^[404]. Проконсул Вариан приговаривает апостола Андрея за презрение, которое тот проявляет «к законам кесаря»^[405]. «Или ты незнаком с законом, изданным Сенатом?» — спрашивает римский префект христианина Аполлония^[406].

Итак, в какое-то время в империи был принят фантастически жестокий закон. Этот закон наказывал не за поступки, не за какие-либо действия, а просто за самую принадлежность к секте. Он объявлял

некоторую группу людей *христианами* (сами себя они еще так долго не называли) и за одно это приказывал их казнить. Этим людям предавали казни *за имя*. И этот закон был принят в тотально веротерпимом государстве, во всех концах которого можно было верить во всё, что угодно — хоть в горшок, хоть в пряник.

Когда же был принят такой страшный закон и что в нем было написано?

Тертуллиан и Порфирий

Марта Сорди и Илларио Рамелли, профессора католического университета в Милане, считают, что этот закон был принят еще при жизни Тиберия^[407].

Пытаясь реконструировать время его принятия, проф. Рамелли обращается для начала к «Апологетику» Тертуллиана, три главы которого, как мы только что упоминали, специально посвящены полемике против несправедливого закона против христиан.

Тертуллиан говорит о его принятии следующее:

«Тиберий, во время которого имя христианское появилось в мир, донес сенату то, что было сообщено ему из Сирийской Палестины, именно, что там открыли истинного бога, с выражением своего мнения. Но сенат не принял его мнения, так как сам предварительно не расследовал дела. Император же остался при своем мнении и грозил обвинителям христиан наказанием»^[408].

В этом абзаце Тертуллиан ссылается на уже упомянутую нами фальшивую переписку Тиберия и Пилата. Однако Тертуллиан сообщает, что Сенат «не принял мнения» Тиберия. Иначе говоря, Сенат что-то опубликовал о Христе. Он сделал это еще при жизни Тиберия. И постановление Сената говорило не совсем то, что хотелось авторам переписки.

Что оно говорило?

Ответ на этот вопрос проф. Рамелли находит у идейного противника христиан, неоплатониста Порфирия, жившего в III в.н. э. Сочинений Порфирия против христиан не сохранилось, однако они были так влиятельны, что в конце IV в. епископ Магнесии Макарий написал опровержение Порфирия в пяти томах. Он назвал свой труд «Апокритикос». «Апокритикос» содержал в себе слишком много подлинных цитат из Порфирия и поэтому вскоре тоже был запрещен. Однако в 1867 г. текст «Апокритикоса» случайно был найден в Афинах. В одном из отрывков, приводимых Макарием, Порфирий спрашивал:

«Почему Иисус, после распятия и воскресения, согласно вашим же, христиане, рассказам — не появился Пилату, который приговорил

его... или Ироду, царю иудеев, или первосвященнику иудеев и другим достойным доверия современникам, и, в особенности, *сенату и народу Рима*? Ведь тогда бы они были поражены его чудесами и не издали бы *единогласный сенатусконсульт* [δούρατι κοινῶ], приговаривавший к смерти его последователей по причине нечестия»^[409].

Несмотря на то, что этот текст дошел до нас только в пересказе христианского епископа, смысл его ясен. Порфирий утверждает, что закон, по которому последователей Иисуса предавали смерти за нечестие, *был принят Сенатом*.

Тем самым Сенатом, который, согласно Тертуллиану, «не согласился» с мнением Тиберия о Христе.

Из этих двух фрагментов можно предположить, что закон, по которому последователей Иисуса предавали смерти за нечестие, был принят Сенатом еще при жизни Тиберия.

Именно в этом законе верующие в Иисуса были официально названы «христианами». Именно в этом законе было предписано предавать казни христиан «за одно имя». Если же человек отрицал, что он христианин, его было предписано испытать: предложить ему поклониться императору или богам, ибо, как писал Плиний, «настоящих христиан нельзя принудить ни к одному из этих поступков»^[410].

Это превосходно согласуется с общей политикой империи, оставившей религиозные вопросы в ведении Сената. Именно *сенатусконсульт* запретил друидов и Диониса.

Это превосходно согласуется с политикой Тиберия, предпочитавшего манипулировать Сенатом. Это превосходно согласуется с суеверием императора, который еще до этого изгонял из Рима астрологов и гоэсов, под которыми, опять-таки, могли иметься в виду именно христиане.

Это превосходно согласуется с текстом Нового Завета, из которого следует, что слово «христианин» первоначально употреблялось противниками религии и что впервые оно начало употребляться тогда, когда последователи Иисуса сбежали в Антиохию, то есть в конце 30-х годов.

Это также превосходно согласуется с еще одним немаловажным обстоятельством. А именно — с тем, что в империи очень быстро появилось великое множество «христианств». О «различных видах»

христиан, существующих в одной только провинции Вифиния и Понт, сообщает Траяну Плиний Младший. А преемник Траяна Адриан, побывав в 130 году в Египте, со смехом писал приятелю: «Здесь те, кто почитает Сераписа, оказываются христианами, а поклонниками Сераписа оказываются те, кто называет себя епископами Христа»^[411].

Не имело смысла принимать закон против христиан во время, когда часть христиан уже не знала, почитает она Христа или Сераписа. Такой закон мог быть принят только в тот момент, когда «христиане» были достаточно гомогенной группой.

Апокалипсисы

Итак, закон против христиан был принят Сенатом еще при жизни Тиберия, умершего в марте 37 года, иными словами, в 35–36 годах.

Нетрудно понять, какой удар это утверждение наносит по теории «маленького ручейка». Теория «маленького ручейка» утверждает, что распятие Иисуса было ничтожным событием, не замеченным его современниками. Но если Сенат — не провинциальный служака Пилат, не Синедрион, не сирийский наместник, даже не лично Тиберий, а целый сенат, двести почтенных римских аристократов с родословными, восходящими ко временам Ромула и Рема, — принял постановление, запрещающее христианство и позволяющее предавать христиан казни за одно только имя, то о «тоненьком ручейке» и «ничтожном лузере» и речи быть не может.

Христиане удостоились от Сената документа, которого не удостоился от Сената ни один последующий иудейский бунтовщик, включая даже лидеров Иудейской войны!

Но как это возможно? — спросите вы. Конец тридцатых годов было временем, когда римскому владычеству угрожала кровожадная «четвертая секта». Как получилось, что Римский сенат, вместо того чтобы бороться с террористами-зилотами, принял постановление против мирных христиан? И как получилось, что тест, впоследствии применяемый им к сикариям и зилотам, был тот же самый, что и тест, применявшийся к христианам?

Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к другим христианским текстам.

Мы только что подробно разбирали Евангелие от Марка, которое мы назвали первой биографией Христа. Это правда — никаких текстов, подробно рассказывающих о земной жизни Христа и написанных раньше Марка, до нас не дошло.

Однако до нас дошли другие тексты, в которых о земной жизни Христа ничего не говорится, но сам Христос описывается яркими, даже незабываемыми красками. Один из этих текстов входит прямо в состав Нового Завета и называется «Откровение Иоанна Богослова».

С него и начнем.

Откровение Иоанна Богослова

«Откровение Иоанна Богослова» представляет собой описание чудовищной череды катастроф, обрушивающихся на мир. Если кумранская «Война сынов тьмы против сынов света» — это римейк Книги Иисуса Навина, то Откровение Иоанна — это римейк Исхода, точнее, десяти казней египетских, которые Моисей обрушивает на египтян.

В Торе Моисей превращает реку в кровь (Исх. 7:17), и в «Откровении» третья часть моря делается кровью (Откр. 8:8); в Торе Моисей насылет жаб, мошек, моровую язву, град, саранчу и тьму, и в «Откровении» ангелы трубят и насылают на мир моровую язву, град, саранчу и тьму.

«Откровение» отличается от исходного текста, как голливудский блокбастер со спецэффектами — от скромной классической пьесы.

У Моисея была просто саранча, а у Агнца — саранча с золотыми венцами, человеческими лицами и скорпионьими жалами. У Моисея людей жалят «песьи мухи», а у Агнца — конские хвосты, кончающиеся змеиными головами, и на конях этих сидят всадники, «которые имели на себе брони огненные, гиацинтовые и серные; головы у коней — как головы у львов... а хвосты их были подобны змеям, и имели головы, и ими они вредили» (Откр. 9:17–19).

Невнимательный читатель может подумать, что все эти тотальные бедствия — моря, превратившиеся в кровь, звезду Полынь, всадника по имени «смерть», мор, голод, язвы и саранчу — насылет на мир Сатана.

Но на самом деле их насылет Христос. Это по велению Христа поражается третья часть солнца и третья часть звезд, и умирает третья часть тварей, живущих в море, и жалит саранча с броней и золотыми венцами, и гибнут все язычники и все грешники.

Гибели избегают только сто сорок четыре тысячи избранных, по двенадцати тысяч из двенадцати колен Израилевых, запечатанные печатью Христовой. Печать Христова — это крещение, и это выражение, «печать», автор «Откровения» заимствует прямым из «Дамасского документа», где сообщается, что в день Последнего Суда

избранные будут отмечены «метой на лбу», а все остальные «будут преданы мечу»^[412].

Автор «Откровения» ничего не знает о том, что Христос пришел проповедовать язычникам. Наоборот: он считает, что последователями Иисуса могут быть только евреи.

Христос в «Откровении» ничего не знает о всепрощении и любви. Точно так же, как и кумранский Мессия, он — сверхъестественное существо, задача которого — поражать грешников.

«Глава Его и волосы белы, как белая волна, как снег; и очи Его, как пламень огненный; и ноги Его подобны халколивану, как раскаленные в печи, и голос Его, как шум вод многих. Он держал в деснице Своей семь звезд, и из уст Его выходил острый с обеих сторон меч; и лице Его, как солнце, сияющее в силе своей» (Откр. 1:14–16).

Слова «христианин» Иоанн не знает. Он не употребляет его никогда. Как и обитатели Кумрана, он называет последователей Мессии «святыми». Он называет их «царями и первосвященниками» (Откр. 1:6) (ср. в «Дамасском документе»: «Бог назвал их князьями, ибо они искали его»). Более того, он называет глав семи малоазиатских церквей «ангелами».

Именно эти главы семи церквей, ангелы и святые, трубят в трубы и выплескивают чаши гнева Божия на землю. Мы здесь видим точно такое, как у кумранитов, мистическое представление о людях-ангелах и людях-святых, которые сражаются плечо о плечо с Мессией.

Иоанну свойственно очень высокое представление о роли этих *святых*.

«Побеждающему дам сесть со Мною на престоле Моем» (Откр. 3:21), — говорит Иисус. Это то самое представление, которое жестоко высмеет Марк, изобразив Сынов Громовых, Иакова и Иоанна, жестоко препирающимися по поводу будущих небесных чинов: «Дай нам сесть у Тебя, одному по правую сторону, а другому по левую в славе Твоей» (Мк. 10:37). В «Откровении» то же самое обещание: смертный сядет на Престоле рядом с Господом — звучит совершенно всерьез.

Но даже и троны еще не предел! В «Откровении» содержится удивительный по силе рассказ о двух мучениках Иисуса, «двух светильниках», «двух маслинах» Божиих.

Эти две маслины наделены необыкновенной силой. Они умеют извергать из своих уст огонь, наводить мор, язву и засуху.

«Они имеют власть затворить небо, чтобы не шел дождь на землю во дни пророчествования их, и имеют власть над водами, превращать их в кровь, и поражать землю всякою язвою, когда только захотят» (Откр. 11:6). «И если кто захочет их обидеть, то огонь выйдет из уст их и пожрет врагов их» (Откр. 11:5).

Огонь, который выходит из уст «двух маслин», сразу напоминает нам о знаменитой сцене в Евангелии от Луки. В этой сцене два ученика Иисуса, Иаков и Иоанн, хотят поразить огнем самарийскую деревню: «Видя то, ученики Его, Иаков и Иоанн, сказали: Господи, хочешь ли, мы скажем, чтобы огонь сошел с неба и истребил их, как и Илия сделал?» (Лк. 9:54). На это Иисус отвечает, что Сын человеческий пришел спасать живые души, а не губить.

Сцена в Евангелии от Луки не только является прямой полемикой со сценой из «Откровения Иоанна Богослова». Она непонятна без него. В самом деле, ведь что просят в Евангелии от Луки Иаков и Иоанн? Они не хотят истребить деревню мечом — это было бы несложно. Они даже не просят, чтобы Иисус дохнул на деревню огнем из своих уст. Они просят Христа дать им силу *уничтожить деревню огнем из их уст*. Немудрено, что Иисус, к которому они пристали с такой просьбой, уходит от темы.

Их просьба совершенно непонятна без бэкграунда в виде идеологии, которую демонстрируют кумранские тексты и «Откровение»: ученики Мессии сами являются магическими существами. Они сами суть ангелы и святые. Они сами являются частью *царства святых Царя святости*. Они сами могут совершать чудеса. И эти чудеса выражаются в истреблении их противников. «Если кто захочет их обидеть, тому надлежит быть убиту» (Откр. 11:5).

Дальше — больше.

Иоанн, пророчествуя задним числом, описывает дальнейшую необыкновенную биографию «двух светильников».

Они будут убиты Антихристом — зверем, вышедшим из бездны. Трупы их будут оставлены посреди Иерусалима, и народ будет глазеть на них три дня. Через три дня они оживут на глазах своих врагов, раздастся *Бат Кол* (Небесный Голос), и «два светильника» вознесутся на небо на облаке, а город содрогнется от землетрясения.

«Откровение», так же, как и кумранские тексты, ничего не говорит о земной биографии Мессии. Его Христос — это сверхъестественное существо, из его уст выходит острый меч, а его глаза — это семь звезд, семь ангелов, семь начальников церквей. Странно было бы такому существу умереть, хотя бы и для того, чтобы воскреснуть.

Зато умирают и воскресают в «Откровении» верующие в Иисуса! И эти верующие, как и в Кумране, обладают гигантскими, невероятными, мистическими способностями: они выдувают огонь из уст, они превращают воды в кровь, они наводят на людей саранчу с золотыми венцами, они возносятся на небо, и — наконец, отметим этот момент и вернемся потом к нему — они сидят на небе на престолах в белых одеждах и золотых венцах (Откр. 4:4).

Когда было написано «Откровение»? Традиционная датировка церкви, следующей в данном случае за Юстином Мучеником, писавшим в 160-х годах, гласит, что оно было написано во времена императора Домициана (81–96 гг. н. э).

Однако эта дата не выдерживает никакой критики. Это легко видеть из трех обстоятельств. Во-первых, Иерусалимский храм упоминается в нем как еще стоящий. Во-вторых, Антихриста, который описывается в нем, легко идентифицировать с императором Нероном.

В греческом и древнееврейском буквы использовались также в качестве чисел, и греческое «Нерон Кесарь», транслитерированное на иврит, давало в сумме именно число шестьсот шестьдесят шесть. Для целевой аудитории «Откровения», знавшей в большинстве своем оба языка, особого шифра в числе «шестьсот шестьдесят шесть» не было. Соответствующий текст после минимальной расшифровки гласил: «Здесь мудрость. Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо это число человеческое. Число его НЕРОН КЕСАРЬ» (Откр. 13:18).

Кроме того, «Откровение» содержит два важных положения, с которыми полемизируют Марк и Лука. В «Откровении» ученики Иисуса сидят на небе на золотых престолах. Марк жестоко высмеивает это их желание (Мк. 10:37). В «Откровении» ученики Иисуса убивают огнем из уст. Лука опять-таки жестоко одергивает их за подобную выходку (Лк. 9:54). Вероятно предположить, что текст, который является объектом полемики со стороны Марка и Луки, написан до Марка и Луки.

Иначе говоря, у нас есть все основания полагать, что «Откровение» написано еще до разрушения Храма. Оно написано во время Нерона. Это автоматически делает весь описанный в нем сценарий — град и мор, нисходящие на неверных, Иисуса с острым мечом в устах, всадников на бледных конях, саранчу с золотыми венцами, гиацинтовые брони и, главное, золотые престолы — сценарием Иудейской войны, так, как она должна была развиваться по мнению иудейских последователей Иисуса.

Как мы уже сказали, позднее церковь сильно стеснялась «Откровения» Иоанна. Его много раз пытались объявить еретическим, как и другие Апокалипсисы, и он сохранился в составе Нового Завета по довольно удивительной причине. Большой любитель «Откровения» Афанасий Великий был завзятый борец с еретиками, и в описании Антихриста он разглядел поражаемых им еретиков.

Тем не менее церковь пыталась дистанцироваться от этого текста. Она приписала ему позднюю дату, чтобы развести время «Откровения» и Иудейской войны. Кроме того, церковь усомнилась в авторстве апостола Иоанна. Евсевий Кесарийский предположил, что текст этот написал какой-то другой Иоанн, пресвитер, сосланный при Домициане на остров Патмос.

Как ни странно, но с такой атрибуцией можно поспорить.

«Откровение Иоанна Богослова» написано на скверном греческом языке. У его автора прекрасное воображение, но язык этот ему не родной. Этот автор сочинял в 60-х, если не 50-х годах. Иначе говоря, автором «Откровения» вполне мог быть один из реальных апостолов Иисуса, если он вскоре после казни учителя бежал в Азию и прожил там тридцать-сорок лет.

По иронии судьбы, именно «Откровение Иоанна Богослова» может быть одной из немногих книг Нового Завета, которая действительно написана тем, кому она приписывается — то есть настоящим апостолом Иисуса, Иоанном, любимым учеником.

Апокалипсис Петра

«Откровение Иоанна» — не единственный апокалипсис, который был известен христианам. Мы уже упоминали «фрагмент Муратори» — самый ранний список будущего ортодоксального канона, написанный в Риме около 170 г. н. э. Кроме «Откровения Иоанна», в нем упоминается как канонический другой Апокалипсис — Апокалипсис Петра.

«Апокалипсис Петра» — это текст, который признавался ранней церковью как канонический, многократно цитировался отцами церкви, а затем по какой-то причине вылетел из списков разрешенных книг, да так основательно, что сейчас сохранился только во фрагментах.

По какой же причине «Апокалипсис Петра» был разжалован из разрешенных книг?

«Апокалипсис Петра», в отличие от Иоанна, был написан *после* Евангелия от Марка. Это мы можем сказать совершенно точно, потому что он развивает и толкует одну из сцен, описанную у синоптиков: сцену Преображения.

У Марка Иисус поднимается (или возносится) на гору Фавор в сопровождении Иоанна, Петра и Иакова и там *преображается* перед ними, как Моисей после своего восхождения на гору Синай. Во время этого преобразования Петр видит рядом с Иисусом Моисея и Илию, что и побуждает его, как человека недалекого и ограниченного, на бестактную ремарку: «Равви! Хорошо нам здесь быть; сделаем три кущи, тебе одну, и Моисею одну, и одну Илию» (Мк. 9:5). Таким образом, Петр предстает у Марка конченным дебилом, только и думающим в момент просветления, как об улучшении жилплощади.

В Апокалипсисе Петра сцена Преображения носит принципиально другой характер. В ней, собственно, объясняется, кто такие Моисей и Илия и с чего им вздумалось именно в этот момент навестить гору Фавор.

Когда Иисус поднялся на гору вместе с двенадцатью апостолами, рассказывает Апокалипсис Петра, Петр попросил его «показать нам одного из наших праведных братьев, ушедших из мира, чтобы мы увидели, каковы человеческие подобию их»^[413].

Иисус выполняет желание Петра, и рядом с ними на горе появляются два человека, на которых Петр не в силах смотреть. Ибо «их лики светились, как солнце, и одеяния их сверкали так, что глаз человеческий никогда не видел подобного»^[414].

Как мы видим, это существенная теологическая разница. *Преображению* в Апокалипсисе Петра подвергается не Иисус, а сам Петр. Он оказывается в состоянии видеть святых и ангелов. А ангелы, которых он видит — это не кто иной, как бывшие члены яхада/церкви/общины *праведников*.

Они принадлежат к числу вечных праведных душ, время от времени надевающих на себя как одежду, тела смертных. Когда-то они были Моисеем и Илией, потом они вселились в тела членов общины, потом они по каким-то причинам выбыли из списков живых, и теперь Петр любопытствует посмотреть: точно ли эти погибшие на небе? Точно ли они *святые* и *ангелы*?

Любопытство его удовлетворено вполне. Всё так, как обещал учитель: лица сияют, волосы их вьются, и облик их прекрасен, как облик небесных святых и голливудских актеров.

Петр, однако, гнет свое и продолжает допытываться: хорошо, вот это двое праведников, но покажи мне *всех*. Иисус снова идет навстречу его желаниям.

«И Господь показал мне очень большое место *вне этого мира*, чрезвычайно яркое светом, и воздух этого места был пронизан лучами солнца, и земля цвела цветами, которые не увядали, и была полна пряностей и растений, прекрасно-цветущих и нетленных, и приносящих благословенные плоды»^[415]. Обитатели этого места были облачены в *одежды сияющих ангелов*, и Господь сказал: «Это место ваших первосвященников, *праведников*».

Мы снова видим тот же мотив, что и в книгах Еноха. Верующие в Иисуса преобразуются в ангелов после смерти (ср. 1 Енох. 19:139). Они совлекают с себя земные одежды (т. е. тело), облачаются в ангельскую плоть и сияют (ср. 1 Енох. 19:137). Более того, отдельные избранные, вроде Петра, получают возможность преобразиться и видеть тот мир еще при жизни.

Однако в этом своем видении Петр видит не только праведников. Он видит и грешников, которых мучают черти.

В современный христианский ад люди попадают за грехи: за убийства, взятки, за ненависть к ближнему. Не то грешники, которых видит Петр. Абсолютное большинство персонажей этого, самого раннего в истории христианства, ада оказались в нем потому, что обидели, оскорбили или вообще как-то не так взглянули на *праведников*.

Те, кто говорил гадости о *праведниках*, подвешены за языки. Тех, кто *отвернулся от праведности*, ангелы пассеруют и тушат в огненном озере. Тех, кто преследовал *праведников*, жарят до середины огнем, а внутренности их пожирают неумолимые черви. Тем, кто злословил против *пути праведности*, выкалывают раскаленным железом глаза, и немаловажная казнь постигает *псевдомартусов*, фальшивых мучеников, то есть тех, кто, может быть, и умер за Христа, но верил в него неправильно. Эти мужчины и женщины, скрежеща, жуют свои языки, и огонь изнутри пожирает их поганые рты^[416].

Одной из важных составных частей блаженства *праведников* в Апокалипсисе Петра является наслаждение *праведников* этими страданиями. Точно такой же мотив присутствует в Книге Еноха. При этом речь идет именно о физических страданиях. Как и в Книге Еноха, в Апокалипсисе Петра *праведники* испытывают райское наслаждение от запаха паленой плоти, опорожненных сфинктеров и страшных физических пыток людей, которые или злословили Христа, или веровали в него, но неправильно.

Более того: эти грешники не только гложут свои языки, доставляя удовольствие *праведникам* — они еще и признаются при этом, что были неправы. Страшный суд в Апокалипсисе Петра напоминает один грандиозный троцкистско-бухаринский процесс 1937 года — в сочетании с застенком инквизиции.

Все грешники в нем признают свою неправоту. Все они попросят прощения. Но прощение им не будет даровано, и они день за днем, век за веком, тысячелетие за тысячелетием будут вариться в огненных озерах и пожираться огненными червями, а *праведники*, чьи тела будут тоже физически воскрешены и чья плоть будет извергнута съевшими ее зверями, будут испытывать особое блаженство при виде этих нечеловеческих мук своих гонителей, хулителей и еретиков.

Сидя на золотых тронах и в небесных венцах, *праведники* будут кайфовать, в то время как корчащиеся от невыносимых мук жертвы

будут громкими голосами признавать глубокую заслуженность своих вечных мук.

«И все, кто мучимы, возопят в один голос: смилуйся над нами, ибо ныне мы знаем Суд Божий... И ангел, Владыка Ада, придет и будет мучать их еще большею мукою, и скажет им: „Теперь-то вы раскаиваетесь, когда уже нет времени для раскаяния, и ничего не остается от жизни“. И они скажут: праведен Суд Божий... ибо нам воздалось по делам нашим»^[417].

«Вся низость, вся мстительность, весь эгоизм, вся жестокость, вся ненависть, вся мерзость, на которую способно сердце человеческое, расцвело и дало плод в одном этом слове — Ад», — как то воскликнул в одной из своих лекций американский агностик Роберт Ингерсолл^[418].

Римляне, вероятно, были бы вполне с Ингерсоллом согласны. Античная религия не предполагала ничего подобного. Поклонники Афины не грозили вечными муками поклонникам Деметры и даже тем, кто тоже верит в Афину, но не так, как правильно.

Античная культура не позиционировала себя как праведную и высокоморальную, но несмотря на это — а может быть, именно поэтому — садистское смакование блаженства при виде вечно вырываемых кишок ей было явно чуждо. Ровно наоборот — величайшие произведения этой культуры, «Илиада» и «Одиссея», были преисполнены уважения к противнику. Сами понятия *язычества*, *ереси* и *схизмы*, так же, как и понятие *канона*, то есть единственно правильного свода текстов и правил, в этой культуре отсутствовали. Всеми этими понятиями мы обязаны христианскому новоязу. Вряд ли римлян радовали тексты религиозных садистов, искренне считающих себя праведниками.

Но неужели христиан приговорили только за тексты?

Вознесение Исайи

Давайте теперь обратимся к еще одному апокалипсису. Он называется «Вознесение Исайи»^[419]. В отличие от «Откровения Иоанна Богослова», которое было написано на греческом языке, хотя и плохом, «Вознесение Исайи» — или, точнее, наиболее важная для нас его часть — было написано или на древнееврейском, или на арамейском, то есть на языке, на котором говорил сам Иисус.

Как и в случае Иоанна, перед нами — видение, в ходе которого его реципиенту открывается будущее. Причем на этот раз будущее открывается не какому-то апостолу Иоанну, который, может быть, и уважаемый человек, но всё-таки не упоминается в Торе и Пророках, а самому пророку Исайе, который встречается на седьмом небе с предвечным Христом и подробно рассказывает об этой встрече царю Езекии.

За это провозвещение Христа и по наущению *владыки этого мира Велиара* нечестивый приемник Езекии, царь Манассия, и пророк Велиара, самаритянин Белхира, т. е. «Господь Говна»^[420], распиливают Исайю на две части.

Таким образом, из «Вознесения Исайи» следует, что ветхозаветный *праведник* Исайя был убит непосредственно за рассказ о Христе, что *праведный* царь Езекия был христианин, а царь Манассия, который делал несправедное в глазах Господа, был вдохновляем на свои преступления непосредственно Главным Соперником Господа, Велиаром.

«Вознесение Исайи» в его современном виде распадается на две части. Вторая из них содержит рассказ о путешествии Исайи на небо.

Ортодоксальный иудаизм строжайше, как мы помним, запрещал такие путешествия. Однако Исайя не только возносится на небо, но и специально оговаривает, что он принадлежит к сообществу пророков, которые живут в пустыне, носят власяницы, питаются только травами, скорбят о том, что Израиль свернул с пути истинного и «верят в вознесение на небо» (Вознесение Исайи, 2:9).

По пути на небо Исайя первым делом видит ангела мира сего Саммаэля и его войско; все они сражаются друг с другом. Ангел,

сопровождающий Исайю в его вознесении, говорит, что эта вечная сатанинская борьба будет продолжаться до пришествия Христа.

Небес в «Вознесении Исайи», как и во 2-й Еноха — семь. На шести из них Исайя видит престол и ангелов, воздающих хвалу, но при этом на престоле сидит только Слава Всевышнего; сам же Всевышний находится на седьмом небе. Лицо Исайи преобразуется по мере того, как он возносится с неба на небо (Вознесение Исайи, 6:25).

Наконец ветхозаветный пророк попадает на седьмое небо. Там он видит *святого* Авеля и всех *праведников*. Он также видит Еноха «и всех, кто был с ним, избавленных от одежд плоти. И я видел их в их вышних одеждах, и они были как ангелы, стоящие в великой славе» (Вознесение Исайи, 9:7). *Вышние одежды*, т. е. нематериальные, ангельские тела, в которые облачились праведники, сняв с себя одежду плоти, являются характерной приметой теологии и «Вознесения Исайи», и «Апокалипсиса Петра», и 2-й Еноха. Они точь-в-точь напоминают нам кумранские описания «богов, подобных пылающим углям» (4Q403 I, ii, 6), и властей, стоящих у престола «царства святых Царя святости» (4Q405 23 ii).

Однако видит Исайя на небе и непорядок: несмотря на то, что эти праведники были облечены в «вышнюю одежду», т. е. тела ангелов, они не сидели на престолах и не были увенчаны венцами славы.

Удивленный Исайя спрашивает сопровождающего о причине такой недостачи и получает ответ, что праведники не получают венцов и престолов славы до тех пор, пока Христос не снизойдет в мир (Вознесение Исайи, 9:12).

Ветхозаветный пророк также видит одежды, престолы и венцы, приготовленные для тех, кто уверует в Христа и его крест. Они ждут верующих на седьмом небе (Вознесение Исайи, 9:26).

Затем Исайя слышит голос Всевышнего и видит Великого Ангела Христа, которому Всевышний приказывает сойти в мир. Христос спускается незнанным через все семь небес в мир, где царит *владыка этого мира*. Каждому из сторожей небес Христос называет пароль для прохода. Так как на каждом небе он принимает подобие, полагающееся этому небу, никто, включая князя этого мира, не узнаёт его (Вознесение Исайи, 10:29).

Исайя видит девственницу из рода Давидова по имени Мария. Христос спускается в нее, и она беременеет. Ее жених, плотник Иосиф,

который тоже происходит из рода *праведника* Давида, естественно оказывается недоволен таким развитием событий. Насилу Святой Дух объясняет Иосифу, как обстоят дела.

Однако Христос, как мы помним, только предвечный ангел, исполнительная власть бога, его Возлюбленный, спустившийся в мир. Ему было бы странно родиться, хотя бы от девственницы. В один прекрасный момент, после двух месяцев беременности, Христос просто оказывается в виде младенца рядом с Девой Марией, которая сохраняет свою девственность. Ради конспирации он сосет грудь.

Только когда после распятия он возносится на небо, ангелы небес узнают его, и по мере того, как он минует небеса, как остановки лифта, воздают ему хвалу.

Видение Исайи-христианина также содержит впечатляющую подробность, связанную с явлением Христа из гробницы. Согласно Исайе, Христос выйдет из нее на плечах ангелов Гавриила и Михаила и на глазах всех двенадцати апостолов, которых он после этого пошлет в мир:

«И они будут учить каждый народ и на каждом языке о воскресении Возлюбленного, и о том, что те, кто уверует в крест, спасутся, и о Его вознесении на седьмое небо, откуда он снизошел» (Вознесение Исайи, 3:18).

Как мы уже сказали, современное «Вознесение Исайи» распадается на две части: собственно «Вознесение» и приквел. Мы пока говорили о самом «Вознесении».

Но самое интересное в нем — это как раз написанный на арамейском или древнееврейском приквел, который обычно называется «мученичество Исайи». Как несложно догадаться, этот приквел представляет собою рассказ о мученической смерти пророка, который в тексте фигурирует под именем «Исайи». Этот пророк предсказал пришествие Христа и был предан за это смерти нечестивым иудейским царем, который в тексте фигурирует под именем «Манассия».

Мученичество Исайи совершилось так. В конце своего правления праведный царь Езекия призвал к себе своего сына Манассию и своего пророка Исайю и передал ему *написанные слова* «о суде ангелов, и относительно уничтожения этого мира, и относительно одеяний святых, и относительно их успения, и Преображения, и

преследований, и вознесения Возлюбленного» (Вознесение Исайи, 1:5).

Однако нечестивый Манассия не внял этим словам, о чем Исайе было известно заранее. Будучи пророком, Исайя с самого начала от имени Господа предсказал, что Манассия будет «последователем Велиара, а не моим» (Вознесение Исайи, 1:9).

Именно так оно и произошло. Поэтому, как только Манассия воцарился в Иерусалиме, Исайе пришлось бежать в пустыню вместе с другими пророками, «которые верили в вознесение на небо» (Вознесение Исайи, 2:10). «Все они были облечены во вретище, и все были пророки... И они ели одни только дикие травы» (Вознесение Исайи, 2:10–11). Эти пророки-веганы, облаченные во вретище и верившие в вознесение на небо, жили *в горах в пустыне*.

Однако Велиар, владыка этого мира, был очень сердит на Исайю из-за его пророчества о Христе. Поэтому через самаритянского пророка Белхиру он обвинил Исайю в нечестии — ибо он взял на себя более, чем Моисей. Под свое обвинение Белхира подвел солидную теологическую базу.

«Исайя заявил: я видел более, чем пророк Моисей. Ибо Моисей сказал: „ни один человек не может увидеть Господа и остаться в живых“. А Исайя сказал: „Я видел Господа, и смотрите, я жив“. Знай из этого, о царь, что они — лжепророки», — заявил Белхира (Вознесение Исайи, 3:7–10).

Фактически Белхира обвинил Исайю в прельщении Израиля. Из-за этого обвинения нечестивый царь Манассия, служитель Велиара, распилил пророка Исайю деревянной пилой пополам.

Однако перед мученической кончиной Исайя успел проречь о втором пришествии.

Он сообщил, что оно случится в правление Велиара.

«Велиар, великий правитель, царь этого мира... снизойдет с небес в подобии человека, незаконного царя, убийцы своей матери» (Вознесение Исайи, 4:2).

Править Велиар будет «три года, семь месяцев и двадцать семь дней», после чего Господь придет со своими ангелами и с войском святых с седьмого неба, и ввергнет Велиара и войско его в Геену (Вознесение Исайи, 4:14).

Преследование в дни Велиара будет ужасным. Он убьет нескольких апостолов. Он заставит многих учеников отречься от Христа и почитать вместо Христа Велиара; многие сбегут в пустыню, но всё кончится хорошо, потому что те святые, которые будут убиты, придут с неба вместе с Господом в одеждах, которые пока хранятся для них на седьмом небе, то есть в специально сделанных для них астральных телах.

«И будет воскресение и суд в эти дни, и Возлюбленный *испустит огонь* из уст своих, и он пожрет всех нечестивых» (Вознесение Исаяи, 4:18). За это-то пророчество царь Манассия распилил Исаяю, словно бревно.

Тут надо напомнить, что фанатические секты, умеющие восходить на небо, не писали абстрактных текстов. Их инструкции были столь же конкретны, как «Манифест коммунистической партии». Их пророчества служили конкретной цели мобилизации и организации масс. Только когда эти пророчества не оправдывались, их осуществление отодвигалось в неопределенное будущее.

Когда же должно было свершиться Второе Пришествие по версии Исаяи?

Приглядимся повнимательней.

Во-первых, наш Исаяя изображается в нем как мученик, *убитый иудейским царем*. Он казнен не римским проконсулом, не Веспасианом, не Синедрионом. Его убил царь Иудеи, который в «Мученичестве» фигурирует под прозвищем «Манассия».

Формально последним царем Иудеи был Ирод Агриппа II (тот самый, который перешучивался с апостолом Павлом), но его власть была уже совершенно виртуальной. Другое дело — его отец, Ирод Агриппа I, правивший с 41 по 44 г.

Это был последний царь Иудеи, имевший серьезные полномочия. По утверждению Иосифа Флавия, Ирод Агриппа серьезно преследовал пророков «четвертой секты». По утверждению «Деяний апостолов», он преследовал последователей Иисуса и даже «убил Иакова, брата Иоаннова, мечом» (Деян. 12:2).

Если кто-то имеется в виду под Манассией, то это, скорее всего, именно Ирод Агриппа I^[421].

Во-вторых, сообщество пророков, проповедующих Иисуса, изображается в этом Апокалипсисе как сообщество пророков,

живущих в пустыне, питающихся плодами деревьев, носящих власяницу и верящих в восшествие на небо. Практически перед нами — аутентичное описание Кумрана. Такое описание невозможно после Иудейской войны. Постпавловские христиане в I–II вв. в пустыни не бегали и травами не питались. Идентична даже причина, по которой убегают в пустыню Исая и авторы «Устава общины»: они отделяются от людей нечестия (Вознесение Исая, 2:7; 1QS V:1).

В-третьих, особый упор в нашем тексте делается на то, что Исая умеет восходить на небо и видеть там Господа. Это — главная особенность кумранской секты. Ее основатель Енох взшел на небо и видел там Слово Господне. Именно за это и обличает Исая нечестивый пророк Белхира. Он упрекает Исая, что тот претендует на большее, чем Моисей.

Тут, надо сказать, Белхира промахивается — и очень серьезно. Дело в том, что ветхозаветный Исая действительно видел Господа. «Я видел Господа, сидящего на престоле, и края риз его наполняли весь храм», — гласят знаменитые строки настоящего Исая (Исаи. 6:1). Поэтому-то, собственно, наш автор и выбрал свой псевдоним: «Любой мог прочесть, что Исая действительно видел Бога. Это лишало аргументы его оппонента силы», — замечает Роберт Халл^[422].

Легко заметить, что автор «Мученичества Исая» соблюдает иудейский закон и порицает *беззаконие*, царящее в Иерусалиме. Но, кроме того, он утверждает, что правителем этот мира является Велиар.

Эта примета важна потому, что ортодоксальный иудаизм не знает соперника Господу. Господство Велиара над этим миром начинается с Кумрана. Именно основоположник Кумрана пророк Енох додумался назвать врагов секты Врагами Господа и вывести семейство Ирода в виде Павших Ангелов, совокупившихся с дочерьми человеческими. «Автор „Вознесения Исая“ был членом [кумранской] секты», — утверждал еще в 1953 г. Дэвид Флассер^[423].

Когда же, согласно предсказанию, вложенному в уста кумранского пророка, казненного в начале 40-х годов, произойдет Второе Пришествие?

Оно произойдет в правление очередного воплощения Велиара, римского императора, убийцы матери.

Единственным в истории Рима императором-убийцей матери был Нерон, правивший с 54 по 68 год. Более того, наш «Исая» прорекает,

что Велиар убьет одного или нескольких апостолов: «Некоторые из двенадцати будут преданы в его руки» (Вознесение Исаяи, 4:4). Уже ко II веку это пророчество, мягко говоря, устарело: никого из двенадцати попросту не осталось в живых.

«Исайя» утверждает, что Второе Пришествие произойдет через 1335 дней после начала царствования Велиара. Это, с одной стороны, несколько ставит нас в тупик, потому что Нерон убил свою мать в 59 году, а апостола Петра казнил, скорее всего, не раньше 64 года. Но, с другой стороны, это может быть объяснено тем, что число «1335 дней» имело сакральный характер и было взято напрямиком из Даниила, 12:12.

Вероятно, что первый раз Второе Пришествие было назначено «Исайей» на Пасху 57 года, а потом подвергалось постоянным апдейтам.

Что происходило в 57 году в Иудее?

Никакого Второго Пришествия там не произошло.

Однако именно около этого времени в Иудее начинается сплошной террор со стороны сикариев^[424]. Именно начиная с этого момента они резали людей прямо на ступенях храма и «появлялись также в полном вооружении во враждебных им деревнях, грабили и сжигали их»^[425].

Тогда же — возможно, как раз на Пасху 57 г. — некий египетский пророк созвал евреев на Елеонскую гору, куда и должен был явиться Мессия^[426]. А вскоре после разгрома «египтянина» среди иудеев явился еще один пророк, который повел их в пустыню, обещая им, как пишет Иосиф Флавий, Спасение, т. е., в обратном переводе на арамейский, Иешуа^[427].

Нимало не сочувствуя коррумпированным римским прокураторам, мы всё-таки должны отметить, что перед ними стояла нелегкая задача.

В Иудее начиналось двоевластие. Страна фактически ускользала из-под контроля римлян. Террористы резали людей среди бела дня. Их пророки выводили людей на Елеонскую гору и в пустыню, чтобы явить им некое (или некоего) Иешуа.

Террористы ждали Мессию из дома Давидова. Они называли себя праведниками и святыми. Их основатель, Цадок/Енох, обещал их врагам: «Вы будете преданы в руки *праведных*; они перережут ваши шеи и умертвят вас, и не будут иметь сострадания к вам» (1 Енох. 19:69).

И вот в это время, в соответствии с *сенатусконсультом*, римским прокураторам почему-то приходилось бороться не с террористами из «четвертой секты», а с мирными христианами.

Эти христиане тоже ждали Иешуа. Этот Иешуа тоже должен был прийти на Елеонскую гору. (Деян. 9:11). Этот Иешуа тоже называл своих последователей *праведниками* и *святыми*. Этот Иешуа тоже должен был, согласно «Вознесению Исайи», «испустить огонь из уст своих, и он пожрет всех нечестивых» (Вознесение Исайи, 4:18). Всем, кто противится его ученикам, надлежало «быть убиту» (Откр. 11:5).

Но, в отличие от террористов из «четвертой секты», этот Иешуа был исключительно мирным пророком. Закон против его преследователей был принят Сенатом ни за что ни про что.

Он был почему-то принят вместо закона про террористов-сикариев.

Мы можем только представить, как сложно было прокураторам Феликсу и Фесту разобраться в разновидностях Иешуа.

Апокалипсис Или

И напоследок еще один интересный текст, первая редакция которого тоже была написана до Марка. Это Апокалипсис Или, написанный в Египте на греческом и описывающий события римской и иудейской истории с уникальной точки зрения жителя Александрии^[428].

Этот Апокалипсис, дошедший до нас только на коптском, в современном своем виде состоит из трех частей. Первая содержит изречения Иисуса Христа, вторая рассказывает о событиях, которые будут предшествовать приходу Антихриста, а третья — повествует о собственно этом приходе, битве Антихриста со *святыми* и *праведниками* и Втором Пришествии Христа.

Вторая, срединная, часть вставлена в текст гораздо позже; она описывает события времен династии Северов, и мы вернемся к ней много спустя. Сейчас нас интересуют первая и третья части^[429].

В отличие от других апокалипсисов, «Апокалипсис Или» содержит несколько важных цитат из Иисуса. Это его личные обещания верующим. Обещания эти таковы.

Иисус сказал: «Каждый, кто мне повинуется, получит престолы и венцы среди тех, кто Мои» (Апокалипсис Или, 1:8).

Иисус сказал: «Я напишу имя Мое на их челах, и я запечатаю их правую руку, и они не будут испытывать ни голода, ни жажды» (Апокалипсис Или, 1:9).

Иисус сказал: «Те, кто Мои, не будут побеждены, и они не будут знать страха в битве» (Апокалипсис Или, 2:1).

Это, без преувеличения, фантастические обещания. Разберем первое из них подробнее. Иисус у Или обещает всем, кто ему повинуется, *престолы* и венцы.

Мы можем признать эту цитату совершенно точной цитатой из Иисуса, потому что во всех апокалипсисах, о которых мы говорили, эти престолы имеют место быть в полный рост.

Так, Иоанн в Откровении видит «двадцать четыре престола», на которых восседают старцы в белых одеждах с золотыми венцами на

голове (Откр. 4:4). А Исаяя видит на небе «одеяния, престолы и венцы», приготовленные для праведников (Вознесение Исаяи, 8:26).

Это обещание Иисуса известно и каноническим Евангелиям. «Когда сядет Сын Человеческий на престоле Славы Своей, сядете и вы на двенадцати престолах судить двенадцать колен Израилевых» (Мф. 19:28; Лк. 22:30). Именно на него ссылаются Сыны Громы Иаков и Иоанн, когда просят: «Дай нам сесть у Тебя, одному по правую сторону, а другому по левую в Славе Твоей» (Мк. 10:37).

Для нас, навидавшихся всяких голливудских спецэффектов и привыкших, что на небесах бывают и престолы, и летающие тарелки, и космические корабли, обещание двенадцати престолов в небесах звучит не очень выразительно: ну престол и престол, что мы, престолов не видали, что ли?

Но трудно себе даже вообразить, какой разрыв со всей предшествующей ортодоксальной позицией представляло собой это обещание. Престол на небе был только один — это была огненная колесница Яхве, с колесами, крыльями и серафимами, которую видел Езекииль. Никаких других престолов на небе не было.

Мы помним, в какую глубокую панику вверг иудаизм Даниил, который увидел на небе два престола: один для Всевышнего, а другой для Смертного. И вдруг Иисус обещает престолов как грязи! У Матфея их двенадцать, а в «Откровении Иоанна Богослова» вообще двадцать четыре! Иисус обещает престолы своим сторонникам, как Форд обещал американцам автомобили! Иисус обещает организовать массовое производство престолов!

И — что всего поучительней — именно обещание престолов или, по крайней мере, каких-то очень привилегированных мест в вышнем амфитеатре встречается и в кумранских текстах.

«На своих святых местах перед Царем духи чистых цветов посереде подобия белизны... Это правители тех, кто чудно облачен для служения, Правители царства, царства святых Царя Святости в высях святилиц Царства Его Славы» (4Q405 23 ii).

Обещание Христа непонятно без кумранского мистицизма, который сулит *праведникам* и *святым* невероятное магическое могущество и статус *правителей царства святых Царя Святости*.

Нет, кажется, ничего столь нарушающего главный запрет ортодоксов, нежели обещание смертным престолов на небе. Однако

это обещание вновь напоминает нам о северных (израильских) традициях мистического единения смертного и бога: о пророке Илии, взятом на огненной колеснице на небо, и о запрещенном Иеремией войске духов, стоящем вокруг Господня престола:

«Я видел Господа, сидящего на престоле Своем, и всё воинство небесное стояло при Нем, по правую и по левую руку Его» (3 Цар. 22:19).

Притом уже в Евангелии от Марка эта история с престолами жестоко высмеивается. Не осмеливаясь впрямую ее отрицать, Марк жестоко издевается над Иаковом и Иоанном, которые собачатся друг с другом на предмет, кто из них на каком престоле будет сидеть.

Вторая цитата из Иисуса гласит: «Я напишу имя Мое на их челах, и я запечатаю их правую руку, и они не будут испытывать ни голода, ни жажды» (Апокалипсис Илии, 1:9).

Эту цитату тоже хорошо знает Иоанн Богослов, у которого каждый из ста сорока четырех тысяч избранных запечатан печатью Божией. Эта цитата содержится также в «Дамасском документе», который тоже утверждает, что в день Страшного суда спасутся только те, кто будет иметь мету на лбу.

Функция, которую исполняет подобная мета, хорошо известна: это магический оберег, который позволяет его носителю избегать смерти, раны, стрелы и пули.

Это — архетипическая мечта повстанцев-фанатиков. Во время восстания «красных войск» в Китае в 1351 г. члены секты Белого Лотоса обещали, что те, кто сражается в их войсках, будут неуязвимы для монгольских стрел. Участники восстания Туссен-Лувертюра на Гаити утверждали, что колдовские приемы вуду сделают их неуязвимым для ружей белых. В 1890 году в США индеец Вовока, основатель Пляски Духов, обещал, что его магическая пляска сделает его последователей неуязвимыми для пуль белых. Спустя шесть лет, во время Второй Войны Матабеле, то же самое обещал духовный вождь матабеле, живой бог Млимо. Еще через три года, в 1899 г., ту же самую неуязвимость для пуль белых обещали своим последователям восставшие в Китае ихэтуани. Во всех вышеприведенных случаях обещания духовных вождей были жестоко опровергнуты опытом. Интересно, что почти во всех апокрифических «Деяниях» эта неуязвимость апостолов является одним из ключевых сюжетных

моментов. При попытке схватить апостола их противники неизменно умирают, слепнут или валятся наземь от паралича.

Третье высказывание Иисуса гласит: «Те, кто Мои, не будут побеждены, и они не будут знать страха в битве» (Апокалипсис Илии, 2:1). По понятным причинам этого высказывания нет ни в одном из Евангелий, написанных после Иудейской войны. Однако очень близкое по смыслу обещание победы и неуязвимости есть в «Дамасском документе», который гласит, что «они победят всех сыновей земли... и они увидят Его Спасение (Иешу'ато), потому что они укрыты его Святым Именем»^[430].

Перейдем теперь к третьей части Апокалипсиса Илии. Она начинается впечатляющим описанием римского императора-Антихриста.

Само собой разумеется, что по приказанию этого Антихриста преследуют *праведников и святых*.

«Он будет преследовать всех святых. Он будет убивать их и уничтожать их... Их глаза он вынет железными шипами. Он сдерет кожу с их головы. Он один за одним будет выдергивать ногти. По его приказу в их нос будут лить уксус и негашеную известь» (Апокалипсис Илии, 4:21–23).

Однако этим проблемы святых не ограничатся. Дело в том, что этот император будет не просто преследовать их страшными пытками. Он будет уметь совершать чудеса.

«По его велению хромые пойдут. По его велению глухие услышат. По его велению немые заговорят. По его велению слепые узрят. Прокаженных он очистит, больных излечит, бесов изгонит» (Апокалипсис Илии, 3:9–10).

Это — внушительная батарея достижений. Наш египетский автор не преуменьшает значения императора-Антихриста. «Он будет делать всё, что делал Христос, кроме того что он не сможет воскресить мертвых. Так вы узнаете, что он Сын Беззакония, ибо он не может давать жизнь» (Апокалипсис Илии, 3:12–13).

Кто же этот император, который заставит слепых прозреть и хромым ходить? Кто же этот римский правитель, который умел делать то же, что и Христос, кроме как воскрешать мертвых?

Нерон? Но у Нерона слепые никогда не прозревали и хромые никогда не ходили. К тому же Нерон никогда не был в Египте.

Как ни странно, римский император, который заставил слепых прозреть и хромым пойти, действительно был. Он нам хорошо известен.

Это не кто иной, как подавивший Иудейское восстание Веспасиан.

«Когда Веспасиан вступил в Александрию, — читаем мы у Диона Кассия, — он исцелил двоих — слепого и сухорукого, которые пришли к нему из-за видения во сне. Первому он поплевал в глаза, а второму наступил на руку и таким образом сделал их здоровыми»^[431].

Исцеление слепого и хромого было неременным признаком профессиональной пригодности Мессии, описанным еще настоящим пророком Исайей: «В тот день глухие услышат, а слепые прозрят» (Исаи. 29:18).

Исцелив слепца и хромца, Веспасиан успешно прошел тест на звание Помазанника. Тест организовал и слепых подогнал Тиберий Александр, тогдашний префект Египта, племянник Филона Александрийского и выходец из богатейшей еврейской семьи, который незадолго перед этим визитом приказал римским войскам изрубить в капусту шестьдесят тысяч восставших соотечественников, чем, вероятно, и предотвратил открытие второго египетского фронта в Иудейской войне.

Мы можем понять, почему верующие в Мессию после этого холокоста несколько скептически отнеслись к провозглашению Веспасиана Мессией и тут же выдвинули к претенденту новое требование, не значившееся у Исайи: а воскресит-ка мертвого.

Наша проблема заключается в том, что Веспасиан никогда не числился в числе преследователей христиан.

Он известен другим — своей войной против «четвертой секты».

И описание последующих событий в Апокалипсисе Илии — это описание Иудейской войны.

Иосиф Флавий и Дион Кассий — два единственных дошедших до нас источника — рисуют нам вполне определенный тайм-лайн событий.

Сначала Веспасиан воевал против иудеев. Потом он был провозглашен императором и спешно отправился в Египет, где попечениями Тиберия Александра излечил слепого и хромого. Только после этого началась осада Иерусалима, и при этой осаде иудеям

«пришло на помощь множество местных жителей и единоверцев, прибывших не только из римских владений, но и из-за Евфрата»^[432].

Апокалипсис Илии добавляет нам недостающие у Иосифа и Диона Кассия черты.

Прежде всего, эта война, согласно Апокалипсису Илии, будет сопровождаться новыми воскресениями мучеников. Двумя этими мучениками будут Енох и Илия. Они снова вернутся на землю, чтобы бороться с Антихристом. Они будут сражаться с ним семь дней на рыночной площади большого города, а потом они будут лежать там мертвые три дня, а затем на глазах всех воскреснут (4:14–15). Они скинут одежды плоти, наденут одеяние духа и продолжат борьбу. Еще одной воскресшей воительницей будет девственница Тавифа. Она схватится с Антихристом. Он убьет ее и швырнет на стену Иерусалима, но она воскреснет и продолжит борьбу. Затем в Иерусалим из Египта отправятся Шестьдесят Праведников.

«Они наденут на себя доспехи Яхве, и они побегут в Иерусалим и будут сражаться с Сыном Беззакония» (Апокалипсис Илии, 4:31). Они уличат его в том, что он не Мессия. Он прикажет схватить их.

Тогда поднимется весь народ, говоря: «Ты не Христос. Христос не убивает праведников».

И тогда Христос пожалеет своих. Он пошлет с неба шестьдесят четыре тысячи ангелов, у каждого из которых шесть крыльев. Те, кто *запечатан* Христом, будут подняты на этих крыльях.

Все остальные, оставшиеся на земле, будут поражены гневом Христа. Огонь затопит землю, как воды во время потопа, на семьдесят два локтя. «Он поглотит грешников и Лжецов как солому. Придет Последний суд». В этот день праведники увидят всех, кто их преследовал, в геенне огненной, и получат всё, о чем они много раз просили.

«В этот день Христос, царь и все его святые снизойдут с неба. Он сожжет землю. Он будет править тысячу лет. Он создаст новое небо и новую землю».

Так, по мнению ее участников, должна была кончиться Иудейская война.

Иудейская война глазами ее участников

Итак, мы рассмотрели четыре текста. Все эти тексты были написаны в разных местах, в разное время и на разных языках. Три из них были написаны на греческом, один — на арамейском или древнееврейском. Откровение Иоанна было написано на острове Патмос, Апокалипсис Илии — в Египте, «Вознесение Исайи» — в Иудее, Апокалипсис Петра — вероятно, в Риме, где Петр особо почитался и считался основателем тамошней церкви. Три из них в первом своем варианте написаны до Иудейской войны, один — Апокалипсис Петра — после.

Все они имеют ряд общих черт.

Во-первых, Иисус Христос в них — бог, Вторая Власть в Небе, надмирное всемогущее существо, а никакой не смертный.

В Вознесении Исайи это выражено совершенно явно. В нем Иисус существует на Седьмом Небе и спускается, как на лифте, через Шесть Небесных Этажей. Он не только не умирал, но даже и не рождался. Он телетранспортировался прямо из тела Девы Марии, почему она и осталась девственницей. Материнскую грудь он сосал для маскировки.

В других текстах эта теология выражена менее явно, но все-таки и в них Иисус в большинстве случаев — не человек. «Он принял вид человека, чтобы прийти к нам» (1:6–7), — говорит Апокалипсис Илии.

Это важный момент. Мы привыкли полагать, что евреи считали своего Мессию человеком и что христиане поняли, что Иисус — бог, только к моменту написания Евангелия от Иоанна. Это было такое важнейшее христианское теологическое озарение.

Однако образ Иисуса Христа в этих Апокалипсисах в точности такой, как образ Мессии из дома Давидова в Кумране. В Кумране Мессия — это воплощение самого Яхве. Именно в этом смысле он является Сыном Бога и Сыном Всевышнего. В «Песни Моисея» (Втор. 32:8) есть Всевышний, Элион, а у него есть Сын, Яхве, бог народа Израиля, и то же самое мы видим относительно Мессии в Кумране. Он — сын Всевышнего, человеческая ипостась Господа и ангел Божий.

Во-вторых, эти тексты, так же как и в Кумране, выражают убеждение в фантастическом всемогуществе верующих в Иисуса, которые называются так же, как и в Кумране, *святыми, праведниками* и даже *ангелами*. Иисус в этих текстах не воскресает, потому что он не умирал.

А вот кто воскресает — так это верующие в Иисуса. Воскресают «два светильника», они же Енох и Илия. Воскресает сражающаяся с Антихристом девица Тавифа. В промежутке между мученической смертью и физическим воскресением эти *праведники* находятся на небесах, облаченные в тела ангелов.

Кроме того, эти *святые* и *ангелы* еще при жизни обладают важными военно-прикладными умениями, как-то: насылать на врагов град и огонь, саранчу и коней со змеиными хвостами, выдувать из уст огонь и вообще выступать тяжелой тактической колдовской техникой во время священной войны с неверными. Их обязанности точно такие же, как у кумранских праведников, которые созданы для того, чтобы «стоять с войском святых и вступать в общение с собранием сынов неба».

В-третьих, во всех этих текстах Иисус Христос — отнюдь не проповедник мира и добра. Ровно наоборот: если *святые* являются тактической магической боевой силой, то Христос — это оружие массового поражения. Он прилетает на землю из облаков, как термоядерная боеголовка. Его задача — прийти в самый критический момент на помощь праведникам со святыми и ангелами.

Как следствие, в этих текстах Христос говорит не много (боеголовки вообще неразговорчивы), но когда говорит, то строго и по делу. Иисус сказал: «Те, кто Мои, не будут побеждены, и они не будут знать страха в битве» (Апокалипсис Илии, 2:1). Иисус сказал: «Я напишу имя Мое на их челах и я запечатаю их правую руку, и они не будут испытывать ни голода, ни жажды» (Апокалипсис Илии, 1:9). Иисус сказал: «Каждый, кто мне повинуется, получит престолы и венцы среди тех, кто Мои» (Апокалипсис Илии, 1:8).

В-четвертых, все эти тексты, кроме Апокалипсиса Петра, описывают Иудейскую войну или даже предшествовавшие ей восстания. Все они рассказывают о том, как, по мнению их авторов, эта война будет развиваться.

Иными словами, из этих текстов вытекает, что верующие в Иисуса были по крайней мере одними из главных участников Иудейской войны. Или, точнее, что «христиане» и было римским названием иудейской «четвертой секты», которая называла себя *праведниками* и *святыми* и которая подняла войну в полной уверенности, что ее вожди способны уничтожить римлян огнем из уст и что кульминацией войны будет возвращение на землю Мессии на облаках с войском ангелов и святых.

Эпициклы и «христианские вставки»

Тут надо сказать, что проблема иудейских апокалипсисов I в.н. э. волнует христианских исследователей давно. Таких апокалипсисов очень много — куда больше, чем мы тут перечислили, и во всех Мессия или прямо описывается как Иисус Христос, или имеет черты, позволяющие их отождествить.

Исследователи давно изобрели способ бороться с этой напастью. Этот способ называется волшебным словом «христианская вставка».

В свое время, когда еще не было гелиоцентрической системы мира и считалось, что Солнце вращается вокруг Земли, астрологи, чтобы высчитывать правильно положение планет, придумали т. н. «эпициклы». С помощью эпицикла можно было рассчитать правильное движение планеты вокруг Земли, даже если придерживаться геоцентрической системы мира.

«Христианская вставка» — это такой вот эпицикл современной библеистики. Это то же, что «флогистон» или «эфир», — красивый термин, созданный для искусственного поддержания жизни в давно оскоромившейся гипотезе.

Все еврейские апокалипсисы начала нашей эры, дошедшие до нас — и «Успение Моисея», и «Откровение Авраама», и «Завещание двенадцати патриархов», и «Апокалипсис Баруха», один греческий, другой сирийский — все они имеют «христианские вставки».

Мы потом поговорим и об этих текстах, и об этом удивительном термине подробнее, а пока отметим, что мы специально выбрали четыре текста, для которых это объяснение заведомо недействительно.

«Откровение Иоанна Богослова» и Апокалипсис Петра — это просто христианские тексты. Можно, конечно, предположить, что сначала какие-то нехорошие террористы-кумраниты написали текст про ангелов, выливающих чаши гнева на землю, святых, праведников и золотую саранчу, а потом Иоанн передрал этот текст и успел при этом уложиться до конца царствования Нерона. Но при этом возникает вопрос: а какая, собственно, разница? Если аудитория Иоанна была согласна с текстом про чаши гнева, саранчу, Христа и святых, то какая разница, вставка это или не вставка?

Если аудитория христианского «Апокалипсиса Петра» предавалась тем же фантазиям, что и Джек-Потрошитель, и мечтала о том, как перед ней будут вечно физически расчленять, варить и просверливать всех, кто не является частью секты, то какая разница — заимствовала она описания этих пыток у жестоких зилотов или изобрела их сама? В любом случае они отражали ее мировоззрение.

Что же касается «Вознесения Исаяи», то если вынуть из его арамейской (довоенной) части «христианскую вставку», от него просто ничего не останется. Этот текст написан затем, чтобы от имени пророка, казненного за проповедь Христа, заявить верующим, что Второе Пришествие случится в 57 г.

То же самое касается и Апокалипсиса Илии. В нем действительно есть вставка, но не «христианская», а просто поздняя. После того, как Христос не пришел, в III в.н. э. новый редактор вставил посередине текста кусок, из которого следовало, что Мессия придет после династии Северов. Это свидетельствовало только о том, что для части египетских христиан мессианские настроения оставались актуальными и в III в.н. э.

Без этой вставки текст распадается на две части. Одна из них содержит изречения Иисуса. Они принадлежат именно Иисусу, и он изрек их, когда приходил в первый раз. Никакой другой Мессия, который еще не приходил, их изречь не мог.

Все эти высказывания посвящены искусству магической войны. Они обещают сторонникам Иисуса неуязвимость, победу и престолы.

Что же до второй части, написанной во время осады Иерусалима, то она содержит слишком много характерных подробностей, делающих ее христианским произведением. Она говорит о мученице Тавифе, которая упоминается в «Деяниях апостолов». Она говорит о двух воскресших апостолах, видимо, тех же самых «двух маслинах», о которых упоминает Иоанн Богослов.

Трудно представить себе, что христиане взяли кровожадный милленаристский текст, написанный уже во время Иудейской войны, переделали его под Иисуса и проделали всё это еще до того, как текст безнадежно устарел, то есть до падения Иерусалима. Это получится совсем какой-то эпициклистый эпицикл.

К тому же непонятно, зачем мирные христиане вставляли свои вставки в такие кровожадные и маргинальные тексты. Уж если

вставлять так сразу в Книгу Бытия.

Наконец, еще одной важной особенностью этих текстов, подтверждающих их чистокровно христианское происхождение, является то, что версии, предложенные в апокалипсисах, раз за разом оказываются более ранними, чем версии канонических Евангелий.

У Илии Христос обещает своим сторонникам золотые престолы, а Марк это высмеивает. В «Откровении Иоанна» «две маслины» убивают всех встречных и поперечных огнем из уст, а Лука запрещает это делать.

В Апокалипсисе Илии девица Тавифа воскресает после того, как ее убил Антихрист. В «Деяниях апостолов» тоже есть девица Тавифа, и она тоже воскресает. Однако никаких боевых подвигов она не совершает. Это просто ученица Господа, которую воскресил, помолившись, апостол Петр (Деян. 9:40).

Нетрудно заметить, что версия «Деяний» изложена в пику Илии. У Илии воскресению девицы Тавифы есть явный и очевидный резон. Она умерла мученической смертью. Она боролась с Антихристом и воскресла во плоти. После воскресения она продолжила борьбу. Чем заслужила девица Тавифа воскресение в «Деяниях» — совершенно непонятно.

Если оно растет, как яблоко, висит, как яблоко, хрустит, как яблоко, и вкусом, как яблоко, то проще всего предположить, что оно яблоко и есть. Если мы имеем большое количество апокалипсисов «четвертой секты», обещающих, что Иудейская война кончится Вторым Пришествием Иисуса Христа с войском ангелов на облаках, то резонно предположить, что значительная часть «четвертой секты» ждала именно что возвращения Иисуса Христа.

Или, точнее, что «христиане» были просто римским названием того, что Иосиф Флавий назвал «зилоты» и «четвертая секта».

Именно поэтому их и запретили.

Именно в этом и состояли *flagitia* христиан. Именно поэтому они и были смертоносным суеверием.

Другие разновидности христиан

Все последователи Иисуса, с точки зрения римлян, были террористами из «четвертой секты».

Были ли, однако, верно обратное? Были ли все террористы из «четвертой секты» последователями Иисуса?

Мы полагаем, что нет.

Читатель, вероятно, заметил, что мы оставили разговор об Иоанне Крестителе. Мы собираемся отложить его до следующей книги.

Мы, однако, вскользь упомянем несколько вещей.

Первое: начиная с I в.н. э. по всей Иудее начали стремительно распространяться секты, крестящие людей в воде. По-гречески они так и назывались: гемеробаптисты, т. е. *ежедневнокрестители*.

Иосиф Флавий, который пишет в I в.н. э., знает только одну такую секту: ессеев. А вот христианский историк Гегесипп, который пишет в 140-х годах, то есть спустя всего 50 лет после Флавия, знает уже несколько таких сект. Это ессеи, галилеяне, гемеробаптисты и масбофеи. «Масбута» по-арамейски — это погружение. Т. е. масбофеи тоже были баптистами.

Более того, в III–IV в.н. э. такие секты уже насчитываются буквально десятками. Епифаний из Саламиса сообщает нам о назореях, ессеях, оссеях, досифеянах, сабеях, сампсеях, эльхасаитах, и пр., и пр.

Основной особенностью этих сект является то, что они ежедневно (а не один раз в жизни) крестятся в воде и даже крестят овощи, которые едят. Кроме того, большинство этих сект соблюдает веганскую диету. Они питаются тем, что посылают деревья. Эльхасаиты, например, не ели даже хлеба, что и послужило причиной разногласий между ними и пророком Мани.

Если верить славянскому Иосифу, тому самому, которого мы уже цитировали про Ирода Мессию, то родоначальником этих сект был некий «дикий муж». Он начал свою проповедь в конце царствования Архелая, то есть около 6 г. н. э., и был казнен Иродом Антипой в 36 г. н. э. Этот «дикий муж» проповедовал то же, что пророки «четвертой

секты», умел толковать сны, крестил людей в Иордане, носил власяницу и питался тем, что посылают деревья.

Иначе говоря, славянский Иосиф идентифицирует Иоанна Крестителя со страшным Цадоком, основателем «четвертой секты». Он также утверждает, что Иоанн питался не саранчой (ακρίδες), а плодами деревьев (ακροβρια)^[433].

Этот «дикий муж», он же Иоанн, он же Цадок, проповедовал не полгода, как написано у Луки, а по меньшей мере тридцать лет, с 6 по 36 г. до н. э. Он начал проповедовать до появления на сцене Иисуса и был казнен после него.

Одна из религиозных сект, в которой почитали Иоанна Крестителя и именно его считали настоящим Мессией, дожила до сих пор. Они называются мандеи и живут в Ираке. В священных книгах мандеев говорится, что Иоанн Креститель пришел в Иерусалим в одежде из водяных облаков. Он исцелял хромых и отверзал очи слепым. Он учил в храме 42 года и вознесся на небо^[434]. Именно он крестил Лже-Мессию евреев Иисуса.

Кроме Иоанна Крестителя, мандеи почитают Еноха. Еноха и Иоанна Крестителя в их книгах связывают тесные отношения. В «Харан Гавайте» утверждается, что Иоанн Креститель сразу после рождения был перенесен Енохом в Рай и воспитан там под сению Древа Жизни^[435]. Когда Иоанну было семь лет, Енох написал для него книги. Когда Иоанну было 22 года, Енох научил его сокровенному волшебству^[436]. В «Харан Гавайте» последователи Иоанна именуются последователями Еноха^[437].

Во второй книге правой Гинзы, «Книге Великого Господа», Енох прямо отождествляется с Иоанном. В ней сообщается, что Енох вернулся в мир во время Пилата. Он исцелял больных, возвращал зрение слепым, очищал прокаженных, ставил на ноги хромых, заставлял говорить немых. Он победил смерть силой Великого царя Света. Он сделал множество евреев своими учениками^[438]. Он сошел в Иерусалим в одежде (т. е. теле) из водяных облаков, которые скрывали его сияние. «Его одеяние было не телесным»^[439]. Он имел 365 учеников. После того, как этих учеников убили евреи, Енох по приказу Всевышнего разрушил Иерусалим, приняв вид гигантского белого орла^[440].

Интересно, что славянский Иосиф тоже сохранил сведения о тождестве «дикого мужа» и Еноха. В нем «дикий муж» на вопрос Архелая отвечает: «Есмь человек, а был там, где водил меня Дух Божий». В обратном переводе на арамейский он отвечает «Енос ани», т. е. «Есмь Енох». «Я — Енох, а был там, где водил меня Дух Божий». Ответ «дикого мужа» — это краткий конспект «Книги Стражей».

Наконец, мы не можем обойти вниманием еще один текст, ярко живописующий отношения Иисуса и Иоанна. А именно — «Толедот Иешу», или, точнее, ту версию «Толедот», которая носит название группы версий «Пилат».

В ней рассказывается, как Понтий Пилат приказал арестовать колдуна Иисуса, который вершил свои чудеса с помощью древних колдовских книг, которых он называл книгами, написанными пророком Валаамом. Однако в ходе допроса Иешу выяснилось, что книги эти были на самом деле написаны Иохананом-красильщиком.

Перед нами — сатирический рассказ о происхождении кумранского Пятикнижия Еноха. Эти книги выдавались за книги древнего пророка, а на самом деле они были написаны Иохананом-красильщиком.

Как известно, впоследствии мирные и исполненные любви к ближнему христиане обладали необыкновенной способностью делиться на фракции и называть друг друга Лжецами, Сынами Дьявола и Псевдомартусами.

Ничто не заставляет нас предполагать, что эта традиция началась только во II в.н. э. Разница мнений между последователем Иисуса Лукой, который утверждает, что Иоанн Креститель был всего лишь Предтечей Иисуса, и мандеями, которые утверждают, что Иисус был Лже-Мессией евреев, а настоящим Мессией был воспитанник/аватар Еноха Иоанн, — отражает, вероятно, один из самых первых расколов внутри «четвертой секты». Когда именно случился этот раскол и что было его причиной, мы обсудим в следующей книге.

Глава 13

Второе пришествие

В 1896 г. матабеле, обитавшие на территории современного Зимбабве, взбунтовались против белых поселенцев и британской Южно-Африканской компании. Бунтовать тогда против англичан было дело нелегкое. Дело в том, что у англичан состоял на вооружении пулемет «максим», а матабеле были вооружены в основном ассегаями. За три года до восстания 700 солдат компании под командованием майора Форбса, вооруженные пятью пулеметами «максим», разбили 80 тыс. войск короля Лобенгулы. При этом у Форбса погибло 4 человека, а у матабеле — 2,5 тыс.

По счастью, в 1896 г. у матабеле появилось великолепное средство от пулемета «максим». Это был новый духовный лидер матабеле, живой бог Млимо. Млимо обещал, что его магическая пляска превратит пули белых в воду, а их снаряды — в яичные скорлупки. Он также обещал, что уничтожение белых поселенцев покончит с засухой, в которой они были виноваты, и кроме того, приведет к воскресению и Второму Пришествию доброго короля Лобенгулы.

К сожалению, восстание пошло не так, как надо. Несмотря на церемонию Большой Пляски, воины матабеле почему-то так и не стали неуязвимыми. А спустя несколько месяцев после начала восстания два англичанина, Бернам и Армстронг, узнали точное место и дату будущей пляски Млимо. Они пробрались в пещеру, где должна была совершаться демонстрация супероружия, и едва Млимо начал свою Пляску Неуязвимости, застрелили его.

После казни Иисуса возглавляемая им организация оказалась в положении столь же затруднительном, как вожди матабеле — после убийства неуязвимого Млимо.

Вся власть этой организации была построена на идее скорого космического переворота. Весь статус ее руководителей — их авторитет, их абсолютная власть над паствой — был связан со статусом Иисуса Мессии.

Праведники по всей Иудее предоставляли им стол и кров, а иногда они столовались, не спрашивая разрешения хозяев. Им выдавали для божественной надобности ослов. Их вождь творил чудеса. Он был Сыном Всевышнего и аватаром Господа.

Вот-вот они должны были сесть на двенадцать престолов, чтобы судить двенадцать колен Израилевых, вот-вот они должны были вкусить плода от древа бессмертия, вот-вот у них должно было случиться всё — и дома, и земли, и невиданная, пьянящая, необоримая власть.

Всё это рухнуло, учитель их был распят.

Мессия оказался Лжецом и Прельстителем. Он обещал смести римские легионы огнем из уст, а даже не смог защитить себя от распятия. Он обещал своим последователям престолы — а кровь их была смешана Пилатом с жертвами их.

Для организации, возглавляемой Иисусом, это был смертный приговор. Кто отныне поверил бы ее *мебаккерам*? Кто отныне стал бы отдавать им имущество? Кто поверил бы, что они в одеждах ангелов стоят у небесных престолов?

Но тут, по счастью, кому-то одному из этих лидеров, или даже нескольким, умевшим видеть небо отверстым, открылась потрясающая истина.

Бессилие Иисуса перед римской государственной машиной вовсе не означало то, что он лгал. Напротив, то, что он дал себя распять, показывало, что он властен даже над смертью. Иисус вознесся на небеса, а вовсе не умер, и вскоре вернется, чтобы исполнить все обещанное.

В Евангелии от Луки история эта описана так.

Спустя несколько дней после смерти Иисуса несколько его учеников «шли в селение, отстоящее стадий на шестьдесят от Иерусалима, называемое Эммаус». Шли они не одни: к ним пристал еще один путник, и они шли вместе с ним весь день, рассуждая о смерти Иисуса и о том, какой получился облом. Ведь они надеялись, «что он есть Тот, который должен избавить Израиля» (Лк. 24:21).

Только вечером после этих долгих и, несомненно, возбуждивших их воображение разговоров, когда они сели ужинать и преломили хлеб, а то и хлебнули винца, ученики внезапно поняли, что весь день шли

вместе с Иисусом. «Тогда открылись у них глаза, и они узнали Его. Но Он стал невидим для них» (Лк. 24:23).

Это, конечно, была совершенно замечательная новость. Все договоренности оставались в силе! Ничто не поменялось! Дворцы, престолы, венцы, дома, Древо Жизни и противники, вечно горящиеся в масле, по-прежнему значились в программе, и в самом ближайшем будущем! Это было совершенно точно! Их в этом заверил сам Иисус!

Мы можем представить себе, с каким энтузиазмом этой новости внимали другие члены секты.

Правда, оставалась единственная закавыка: почему о ней сообщил не сам Иисус?

В конце концов, он был только что казнен — самой унижительной, позорной и самой мучительной из казней. Его противники издевались над ним. Проходящие мимо тыкали пальцами и смеялись: «Эй! Разрушающий храм и в три дня созидающий! Спаси себя самого и сойди с креста» (Мф. 27:40). Даже распятые с ним поносили его.

Как были бы потрясены все эти люди, если бы они вновь увидели его живьем во плоти! Как перепугались бы иродиане, саддукеи и фарисеи! Как затрепетали бы Анания и Каиафа! Римские солдаты, которые только что увенчали его терновым венцом, попадали бы на колени уже не понарошку! Даже Пилат вынужден был бы признать в нем Мессию!

А уж об энтузиазме рядовых членов секты нечего и говорить — разбежавшиеся после унижительного разгрома, морально сломленные гибелью вождя, они бы тут же воспряли духом при виде Иисуса, снова сидящего, как ни в чем не бывало, рядом с сокровищницей в Иерусалимском храме!

Было совершенно непонятно, почему в таких условиях Иисус сообщил о своем воскресении не лично, а через апостолов.

На это тоже был найден замечательный ответ. Дело в том, что после воскресения Иисус вознесся. Он отправился живым на небо, чтобы вернуться оттуда в ближайшем времени с войском ангелов, как и обещал.

Удивительная скромность, которую проявил по воскресении Мессия, и его подозрительное нежелание появляться на широкой публике, еще в Античности стали предметом язвительных подковырок. Что же помешало вашему Мессии явиться римскому народу,

императору и Сенату? — с ехидством спрашивал христиан неоплатонист Порфирий.

Не осталась эта скромность незамеченной и в век Просвещения. «Если целью Бога, — писал Реймарус, — было сделать Воскресение ясным и достойным доверия событием, почему он не показал Иисуса после его Воскресения каким-либо другим людям, кроме как самим апостолам?.. Разве не уверовали бы люди в Воскресение совершенно естественным путем, без чуда, и разве не приняли бы его все, если бы Бог, после распятия и погребения, позволил бы Иисусу быть увиденным и осязаемым живым, в Храме, перед лицом Синедриона, и перед лицом всех обитателей города?»^[441]

Как видим, деист Реймарус в XVIII в. пользовался совершенно теми же аргументами, что неоплатонист Порфирий за пятнадцать столетий до него, причем совершенно независимо от последнего: текст Порфирия тогда еще был неизвестен.

Эта очевидная скромность Иисуса беспокоила и самих христиан. Как мы видели, во II–IV вв. они в изрядном количестве сочиняли фейковые официальные религии о воскресении Иисуса.

Но одновременно они постоянно настаивали на абсолютной уникальности совершившегося события. Иисус — утверждали они — был единственный из еврейских пророков I в.н. э., который воскрес. Это кардинально отличало его от пророков «четвертой секты». Они выводили людей в пустыню — и он выводил людей в пустыню. Они творили чудеса — и он творил чудеса. Они называли себя Сынами Божиими — и он называл себя Сыном Божиим. Но эти Сыны Божии были фальшивые. Они умирали и не воскресали. И только Иисус, настоящий Сын Божий, воскрес.

«До рождества Христова между иудеями жил Февда, который выдавал себя за что-то великое. Но после его смерти рассеялись все, которых он обманул», — писал Ориген^[442]. Иуда Галилеянин, продолжает он, увлек за собой многих иудеев, «но лишь только он был казнен, как исчезло и его учение»^[443]. «Досифей-самарянин пожелал убедить самарян, что он есть тот Христос, о котором пророчествовал Моисей»^[444].

Но были ли воскресение и вознесение Иисуса на небо уникальными событиями для Иудеи I в.н. э?

Отнюдь нет.

Это правда, что в ортодоксальном иудаизме никаких воскресений и вознесений не случалось. Ортодоксальный иудаизм строго запрещал человеку возноситься на небо, видеть Господа лицом к лицу и становиться богом.

Всё это были какие-то шаманские штучки, нарушающие монополию потомков Аарона на трансляцию воли бога. Эти строгие запреты смог нарушить один только пророк Илия, который каким-то чудом проник контрабандой на страницы Девтерономической истории и улетел с них живьем прямо на небо, причем на огненной колеснице запрещенного Иеремией Небесного Войска.

Однако не будем торопиться выносить скоропалительное суждение.

Для начала — пророк Илия вознесся на небо не абы где, а по ту сторону Иордана, в том же самом месте, где в последний раз живым видели Моисея.

Перед смертью Моисея, согласно Второзаконию, Господь вознес его на гору Нево, откуда показал ему с высоты всю Землю Обетованную. Вообще-то *вознесение на гору* во всех религиях мира ассоциируется с *вознесением на небеса*, и Моисей в данном случае не составляет исключения.

Моисей дважды в жизни всходил на гору, и каждый раз это оканчивалось для него счастливо. Один раз он взошел на гору Хорив и увидел там Господа, другой раз взошел на гору Синай и говорил там с ним *устами к устам*, а третий раз он взошел на гору Нево и с высоты ее Господь показал ему всю Землю Обетованную. Девтерономист утверждает, что после этого Моисей умер, но тут же портит впечатление от этого утверждения тем, что заявляет, что *до сих пор в Израиле никто не знает, где его могила* (Втор. 34:5–6).

Это удивительное обстоятельство, а именно то, что Моисей исчез после того, как он обозрел Землю Обетованную с высоты и после того, как его окружило облако^[445], а также тот факт, что никто из евреев не знал, где он похоронен, заставляет нас предположить, что Девтерономист специально вставил в текст рассказ о смерти Моисея «из опасения, как бы люди не вздумали утверждать, будто бы он, вследствие особенной любви к нему Господа Бога, *был взят прямо на небо*»^[446].

Именно это, в частности, утверждали египетские христиане. Они даже сообщали, что «на небе, после своего вознесения, он получил имя Мелхи»^[447].

При этом представление о Моисее, который был властен над жизнью и смертью, отнюдь не было свежей христианской выдумкой. Еще в III в. до н. э. египетский еврей с персидским именем Артапан, писавший по-гречески, рассказал нам о столкновении Моисея и фараона поистине необыкновенную историю: однажды Моисей проник во дворец фараона и назвал ему настоящее имя Бога, отчего фараон немедленно умер. После этого Моисей *воскресил* его^[448].

Как мы уже сказали, мы вынуждены отложить необыкновенную историю Моисея на другой раз, однако мы несомненно можем предположить, что Моисей в некоторых еврейских традициях тоже избегал смерти и что впечатляющая история северного пророка Илии, вознесшегося на небо в том самом месте, где последний раз видели Моисея, является просто отзвуком другой северной легенды — о вознесении самого Моисея.

На небо вознесся также седьмой потомок Адама Енох. Если мы правы в своих предположениях, то около 6 г. н. э. этот Енох спустился на землю опять и оказался не кем иным, как Цадоком, мистически настроенным реформатором «четвертой секты».

Еще одним бессмертным к I в.н. э. стал *ревностный* Финеес. Согласно Псевдо-Филону, он не умер, но был вознесен живым на гору Хорив, чтобы в конце времен вернуться на землю^[449]. Согласно таргуму Псевдо-Иоанатан, вознесшийся Финеес вернулся на землю как пророк Илия^[450].

Пример Еноха вообще вдохновил многих, и с I в.н. э. рассказы о вознесении патриархов и пророков на небо начинают появляться один за другим.

В «Откровении Авраама» на небо возносится патриарх Авраам. В «Вознесении Исаяи» на небо возносится пророк Исаяя. В сирийском Апокалипсисе Баруха живьем на небо до конца времен возносится Барух, секретарь Иеремии. В 3-й Ездры на небо живьем возносится Ездра.

В Кумране бессмертным считался Мелхиседек (т. е. Царь Праведности), священник и царь Иерусалима, приветствовавший Авраама (Быт. 14:18–20). «Царь Праведности» становится одним из

титолов кумранского Мессии, причем он называется *элохим*, т. е. бог (11Q13). Именно Мелхиседеком, Царем Праведности, называет Иисуса «Послание к евреям». Пришествие Царя Праведности предрекает Енох. Во 2-й Еноха Царь Праведности рождается из чрева матери взрослым мужем в жреческой одежде, после чего архангел Гавриил забирает его на воспитанье в Рай.

Довольно сложные отношения со смертью к I в.н. э. были у Адама, его сына Сифа, Ноя и его сына Шема. Интересно, что почти все эти персонажи, выпав из семиотического поля христианства, сохранялись в гностицизме и манихействе, а потом исламе.

Согласно Книге Бытия, Господь потребовал от праотца Авраама принести в жертву своего единственного сына, Исаака. Тот повиновался, однако в самый последний момент, когда Авраам уже занес нож, ангел Господень перехватил его руку. Однако некоторые палестинские таргумы I в.н. э. рассказывают другую историю: согласно им, Авраам принес своего единственного сына в жертву Богу, но Бог после этого воскресил его. Несложно заметить, какие важные параллели представляет этот таргум для истории христианства.

Со времени восстания Маккавеев физическое воскресение мучеников за Израиль стало главным пунктом предвыборных обещаний всех иудейских милленаристов.

Физическое воскресение мучеников за веру обещала Книга Даниила (Дан. 12:2) и Вторая книга Маккавеев (2 Мак. 7:36). Бессмертие обещали приверженцам фарисеи Иуда и Маттафия, поднявшие бунт против Ирода^[451]. Еще один примечательный персонаж, погибший как раз перед взятием Иерусалима Помпеем, Праведник Хоний Рисовальщик Кругов, усоп после гибели Первого Храма и восстал ото сна после постройки Второго.

На это верующие могут возразить, что все эти случаи Воскресения/Вознесения имели место или в далеком прошлом, или в неопределенном будущем. Что же до Воскресения и Вознесения Иисуса, то оно имело место в настоящем и представляло собой ясное и зримое доказательство превосходства Иисуса над лжепророками «четвертой секты»: ведь ни один из этих пророков, описанных у Флавия, не воскрес.

Ответ заключается в том, что именно пророки-то «четвертой секты» и воскресали. Мы можем насчитать целый ряд, кроме Иисуса,

реальных исторических персонажей, которые в I в.н. э. воскресли/вознеслись после смерти. В наш шорт-лист войдут:

— пророк Цадок, «основатель» «четвертой секты». Его возвращения ждут авторы «Дамасского документа»;

— Иоанн Креститель, предтеча Иисуса. Согласно верованиям мандеев, он проповедовал евреям сорок два года и вознесся из Иерусалима на небо. Очень возможно, что Цадок и Иоанн Креститель — это одно и то же лицо;

— пророк Досифей, который, согласно «Псевдоклиментинам», возглавил секту Иоанна Крестителя после смерти последнего. Роберт Эйзенман идентифицирует Досифея с иудеем Дортом, распятым наместником Сирии Уммием Квадратом за то, что «уговаривал народ отложиться от римлян»^[452]. Даже Ориген, который настаивает на исключительности воскресения Иисуса, вынужден признать, что еще в его время, т. е. в III в.н. э., досифеяне «имеют книги от Досифея и рассказывают о нем разные басни, как-то: *что он не познал смерти и до сих пор жив*»^[453];

— «две маслины», «два светильника» из «Откровения Иоанна Богослова», они же Енох и Илия из «Апокалипсиса Илии». Эти двое смертных не только воскресли, но и сделали это на глазах всего Иерусалима, предвосхищая тем самым возражения скептиков (Откр. 11:11–12).

Наш список невелик, но он состоит всё-таки не из одного Иисуса. И самое главное, что бросается в глаза в этом списке — это то, что все его члены являются вероятными членами «четвертой секты». Все они, почти наверняка, казнены властями. Так, «две маслины, два светильника Божиих» явно ассоциируются с двумя сыновьями Иуды Галилеянина, распятыми в правление Тиберия Александра.

Ориген утверждает, что ни один из пророков «четвертой секты» не воскрес, в отличие от Иисуса. Все они «не были ни сынами, ни Силами Божиими, и только Христос был воистину сын Божий»^[454].

Но, как мы видим, реальная ситуация как раз обратная: именно воскресение/вознесение на небо было знаком принадлежности к «четвертой секте». Это было ее фирменное ноу-хау, о котором, как и о многом другом, предпочитает не распространяться Флавий.

Таким образом, тот факт, что Иисус воскрес/вознесся, отнюдь не отличал его от представителей «четвертой секты». Напротив, он

ставил перед его именем красный флажок.

Вопрос в другом: а умирал ли он?

На первый взгляд, вопрос наш выглядит нелепо. Иисус умер и на третий день воскрес в физическом теле, и это главное положение всех четырех канонических Евангелий.

Однако не будем торопиться с выводами.

В «Вознесении Исаяи» Иисус не воскресал, потому что он не умирал. В «Вознесении Исаяи» Иисус есть предвечный бог, Вторая Власть в Небе, который обитает на седьмом небе и которому пришлось спуститься через семь небес, чтобы принять на земле обманчивый облик сына Девы Марии. *Он не только не умирал, но и не рождался.* Людям только показалось, что его распяли. Он вышел из гробницы на плечах Михаила и Гавриила.

Точно так же ничего не знает о смерти Иисуса «Апокалипсис Илии». «Он принял вид человека, чтобы прийти к нам» (Апокалипсис Илии 1:6), — говорится в нем. Если он не был человек, так он и не умирал.

В «Одах Соломона», сочиненных в Сирии где-то между I и III вв., Иисус заверяет: «Я не умер, хотя они так и думали» (42:10)^[455]. В гностическом Евангелии Василида, сочиненном в Египте, говорилось, что Иисуса не распяли. Евреям только так показалось. Иисус отвел евреям глаза, и они распяли вместо него Симона Киренеянина, а Иисус стоял рядом и смеялся^[456]. В гностических «Деяниях Иоанна» Иисус в ту самую секунду, когда его распинают, беседует с Иоанном на Масличной Горе^[457]. В гностических «Вопросах Варфоломея» апостол Варфоломей видит, как Иисус исчезает с креста^[458].

Герой кумранского «Гимна Самопрославления» тоже не умирал. Он был унижен, но теперь находится выше ангелов. Точно так же дело обстоит и в «Книге Премудрости Соломоновой», написанной в I в.н. э. в Египте. В ней говорится о некоем праведнике, который был унижен и обруган, однако теперь «причислен к Сынам Божиим, и жребий его — со святыми» (Прем. 5:5). Праведник этот тоже не умирал — грешникам просто так показалось.

Представление о том, что Иисус был бог, который не только не умирал, но и не рождался, впоследствии жестоко критиковалось победившей церковью. Оно было ужасной, страшной ересью докетизма: еретического представления о том, что Иисус был бог,

который не мог умереть. «Всякий, кто не признает, что Иисус Христос пришел во плоти, есть Антихрист»^[459], — утверждал в 150-х годах епископ Смирны Поликарп.

С этой победившей церковью была совершенно солидарна научная библеистика. С самого момента своего зарождения она утверждала, что Иисус сам никогда не претендовал на статус бога.

«Христиане потратили целых три века, вознося Иисуса, мало-помалу, к статусу бога, — писал Вольтер в своей знаменитой статье в Энциклопедии. — Поначалу на Иисуса смотрели просто как на человека, вдохновленного Богом, затем — как на создание, более совершенное, чем другие. Через некоторое время ему даровали место выше ангелов, как говорит св. Павел. Каждый день повышал его статус. Он стал эманацией самого Бога во времени. Этого не было достаточно: нет, он родился до времени. Наконец он стал Богом, единосущным Богу»^[460].

Просвещенная библеистика XIX в. охотно приняла эту гипотезу Вольтера. Она вполне отвечала идеологическому запросу либерального христианства. Ведь в XIX в. богами и чудотворцами себя провозглашали лишь фрики и шарлатаны. Прогрессивным немецким пасторам XIX века было неприятно думать, что Иисус действовал как какой-то там шарлатан.

Иисус никогда при жизни не провозглашал себя богом утверждали они, иудейская религия не считала Мессию богом. Она считала его всего лишь человеком. Провозглашение Иисуса богом было исключительно поздним развитием, возникшим при адаптации христианства к духовным запросам язычников. Иначе говоря, представление об Иисусе как боге возникло при переводе христианства с арамейского на греческий.

Эта гипотеза была остроумна, либеральна и избавляла просвещенных пасторов XIX в. от неприятных параллелей между Иисусом и религиозными шарлатанами.

Ее единственным недостатком было то, что она была неверна.

Представление о Мессии как о Сыне Бога и воплощенном Логосе просто-напросто не было поздним.

Кумраниты именно что считали Мессию из рода Давидова Сыном Бога и Господом.

Теология кумранитов являлась в чистейшем виде тем, что рабби потом называли ересью Двух Властей в Небе, или Двух Небесных Начал. То есть представлением о том, что Трансцендентный и Непознаваемый Бог действует в мире через *второго бога*, Мемру, Логос, Силу, Славу — посредника между богом и людьми, который и сотворил мир и умеет воплощаться в человеке.

Представление о том, что Христос не умирал, победившая церковь, как уже сказано, жестоко критиковала. В конце II в. епископ Антиохии Серапион посетил христианскую общину в городишке Россы, и тамошние христиане сказали ему, что они читают некое «Евангелие от Петра». Добрый епископ не читал этой книги и, рассудив, что апостол Петр не мог написать ничего плохого, одобрил чтение.

Однако, будучи добрым христианином, он, естественно, сам пожелал ознакомиться с отчетом о жизни Иисуса, написанным его ближайшим учеником. Ему достали список, и Серапион, прочтя, пришел в ужас: книга была очевидной подделкой и написана была не Петром, а еретиками-докетами!^[461]

Трудами Серапиона и его последователей еретическое Евангелие было истреблено совершенно, однако в 1886 г. кусочек его нашелся при археологических изысканиях в шестидесяти милях от Наг Хаммади. Потом нашлось еще два отрывка. Полного текста мы не имеем до сих пор, но среди тех сцен, которые у нас есть, есть и сцена воскресения Христа, или, скорее, сцена появления Христа из гробницы.

Идейно она очень напоминает ту, что конспективно изложена в «Вознесении Исаяи».

В этой сцене после распятия Иисуса из Иерусалима приходит толпа и окружает гробницу, которую сторожат римские солдаты под командованием центуриона. Ночью все слышат страшный шум: разверзаются небеса, и с них спускаются два прекрасных мужа. Камень при гробнице при их виде откатывается сам. Мужики скрываются в гробнице, а солдаты, переполошившись, будят центуриона, которому представляется незабываемое зрелище.

Из гробницы выходят двое мужей, головы которых касаются небес. Они поддерживают третьего, голова которого выше небес. За ними вырастает крест. В этот момент раздается громовый Голос с

Неба. «Проповедовал ли ты усопшим?» — спрашивает *Бат Кол.* «Да», — отвечает крест^[462].

На первый взгляд, всё с Евангелием от Петра понятно. Это еретическое творение, написанное еретиками-докетами не раньше середины II в., как полагал один из первых его издателей, Монтегю Родс Джеймс. Сначала было правильное христианство, которое потом извратили какие-то еретики.

Проблема заключается в том, что некоторые другие тексты — например, «Вознесение Исайи» — описывают эту историю с совершенно другой стороны. В «Вознесении Исайи» говорится, что Иисус — не человек, а второй бог. Он не умер и не родился.

В нем также сообщалось, что перед Вторым Пришествием в мир придет страшная ересь. В это время «ученики оставят учение двенадцати апостолов, их веру, их любовь и их чистоту» (3:21–22). Это будет время «порочных старейшин» (3:24), которые будут «любить должность и не иметь мудрости» (3:24). Это будет время торжества Лжецов (3:26). В это время вместо Святого Духа восторжествует Дух Лжи (3:28). В это время «многие обменяют славу одеяний святых (т. е. астральные тела ангелов) на одежду тех, кто любит деньги» (3:25).

При этом наш христианский «Исайя» пишет очень рано. Он пишет в правление императора-убийцы своей матери. И полагает, что Второе Пришествие случится именно тогда.

Если верить нашему «Исайе», то получается, что это не еретики-докеты исказили единственно правильное и верное учение апостолической церкви. Это восторжествовавшая впоследствии церковь исказила учение докетов!

Евангелие от Луки рисует нам чрезвычайно скромную картину воскресения. Ученики Иисуса, согласно ему, плотно откушали вечером в харчевне по дороге в Эммаус и после этого сообразили, что спутник, который шел с ними, был Иисус.

Напротив, «Вознесение Исайи» и Евангелие от Петра рисуют нам эпическую картину со спецэффектами: Мессия является из гробницы не то на огненном престоле, не то на плечах достигающих головой неба архангелов.

Какая из этих двух картин является более ранней?

Ответ — очень возможно, что вторая. Существует незабвенное правило Большой Лжи. Ложь должна быть Большой, чтобы в нее

поверили.

Представьте себя на месте апостолов Иисуса — участников разгромленного восстания, чей лидер позорно распят. Вам надо воссоздать организацию, вам надо вернуть доверие разбитых, деморализованных сторонников, вам надо восстановить собственный статус.

Что вы скажете сторонникам? Что какие-то женщины пошли обмывать тело и около гробницы увидели юношу в белой одежде? Что вы вчера шли по дороге в Эммаус и, знаете ли, беседовали с каким-то типом, а когда вы пришли в харчевню и там порядочно напились винца, заливая алкоголем горечь поражения, вы вдруг сообразили, что этот тип и был воскресший Христос?

Или вы храбро скажете своим сторонникам, что Христос, достающий своей головой до небес, вышел из гробницы на плечах Михаила и Гавриила?

Ответ — скорее второе. Большая Ложь должна быть Большой. Если вы расскажете про странника по дороге в Эммаус, вас подозрительно спросят, а много ли кувшинов вина вы вылакали.

В «Откровении Иоанна» даже два апостола Христа, два светильника, две маслины — и те оживают посередине всего Иерусалима и возносятся ввысь на глазах всего населения. Если ранняя христианская пропаганда говорила такое о каких-то апостолах, то что она говорила о самом Христе?

Боле того.

Далеко не все иудействующие христиане считали Христа богом. У нас есть несколько специфически иудейских текстов, в которых Мессия явно и специфически описывается как человек. Но, что удивительней, он тоже не умирал. Он просто был *сокрыт* Всевышним.

В 3-й книге Ездры автор специально подчеркивает, что Иисус был человек, но он не умер, а был *сокрыт* Всевышним. Он был «сохранен Всевышним к концу против них и нечестий их» (3 Езд. 12:32).

2-я книга Баруха говорит, что Мессия «вернется во Славе»^[463]. Даже арамейский Михей говорит о «Мессии Израиля, который был *сокрыт* из-за грехов общины Сиона» и царство которого *возвратится* к нему (Арам. Мих. 4:7–8).

Иначе говоря, мы сталкиваемся с парадоксом. Перед нами — по крайней мере две разновидности текстов с очень разной теологией. В

одних из них Иисус — *элохим*, в других — человек. Объединяет их только одно: категорическое утверждение, что Иисус, вне зависимости от того, был он богом, человеком или гибридом, не воскресал и не умирал. Он просто *вознесся*. Он был *сокрыт*.

Кто воскресает в этих текстах, так это шакиды, сражающиеся за Иисуса. Воскресают «два светильника» на глазах всего Иерусалима, воскресает девица Тавифа, сражающаяся с Антихристом, а в конце времен, разумеется, воскресают все верующие, и Иисус особо командует даже растерзавшим их плоть зверям, чтобы те извергли куски обратно. «Тогда встанут те, кто усоп в надежде на него»^[464].

Нетрудно заметить, какую грандиозную теологическую мину это обстоятельство подкладывает под позднейшее христианство. Ведь, согласно учению католиков, протестантов и православных, Иисус пришел на землю, чтобы принести себя в жертву и искупить первородный грех.

Но если он не умирал, то как он мог искупить первородный грех?
А если он не искупал греха, то зачем он приходил?

Глава 14

Апостол Павел и его враги

«Деяния апостолов» стоят особняком среди всех двадцати семи книг Нового Завета.

Это единственная каноническая книга, которая рассказывает нам историю христианской общины с момента казни Иисуса и до начала 60-х.

Несмотря на то, что эта книга называется «Деяния апостолов», бо́льшая ее часть посвящена именно Павлу. Более того, начиная с шестнадцатой главы автор переходит к повествованию от первого лица. Это так называемый «Документ Мы» — поистине бесценное свидетельство о самых ранних днях христианства, оставленное спутником апостола Павла, и этот спутник был тот же самый человек, который написал Евангелие от Луки.

Иначе говоря, «Евангелие от Луки» и «Деяния апостолов» представляют собой двухтомник. В первом томе ученик Павла рассказывает об Иисусе Христе, а во втором — о своем учителе Павле.

Подробности, которые не всегда благоразумно приводит этот условный Лука, не оставляют сомнений, что «Деяния» действительно написаны, или как минимум надиктованы, участником описываемых событий, иначе бы автор просто опустил эти подробности вместо того, чтобы пытаться их переобъяснить.

Иначе говоря, из того, что «Деяния апостолов» написаны/надиктованы очевидцем, еще не следует, что они являются правдивыми. Воспоминания Талейрана тоже принадлежат Талейрану, но это не значит, что тому, что в них написано, следует верить.

Согласно «Деяниям», после распятия Иисуса события развивались так: после того, как ученики поняли, что Иисус не умер, а, наоборот, воскрес, на них снизошел Дух Святой, позволивший им проповедовать на разных языках.

После первой же проповеди Петра к общине присоединилось три тысячи человек. Они жили, отвергая частную собственность. «Верующие были вместе и имели всё общее» (Деян. 2:44).

В том числе в общину вступили Анания и Сапфира, муж и жена. Так как при вступлении они передали апостолам не все деньги, а только их часть, Бог тут же поразил их смертью. Имущество их после смерти унаследовали апостолы, которые раздали его на добрые дела.

Общность имущества, равно как и воздержание от плотских связей, была естественно связана с ожиданием скорого прихода Царя из дома Давидова: зачем плодиться, если скоро всё накроется медным тазом? Неизбежность Второго Пришествия доказывалась наличием Первого. Христос Придет Снова, потому что Он Уже Приходил.

Если верить «Деяниям», христианский *яхад* в это время в Иерусалиме был очень силен. Апостолы обращали в свою веру тысячи, совершали чудеса и беспрепятственно проповедовали в Храме (Деян. 2:46). Даже «из священников очень многие покорились вере» (Деян. 6:7).

Такая активность не могла не раздражать власти, и в один прекрасный момент по приказанию Синедриона апостола Петра заперли в темницу. Но ночью Ангел Господень отворил темницу, и уже со следующего утра Петр снова был в Храме (Деян. 5:25).

Перед нами — поразительная картина революционного двоевластия. Заключение мятежника кто-то выпустил из тюрьмы, он открыто похваляется этим как доказательством своих необыкновенных магических способностей, и Синедрион, на глазах которого всё это происходит, бессилён что-нибудь предпринять.

Но продолжим наш рассказ дальше.

Чтобы не отрываться от духовной деятельности, апостолы поставили во главе церкви семерых *диаконов* (от греческого *διάκονος*, слуга), один из которых назывался Стефан, что по-гречески означает «венец». Диаконы эти были вроде завхозов.

«Деяния» утверждают, что Стефан, «исполненный веры и силы, совершал великие чудеса и знамения в народе» (Деян. 6:8).

Это важный момент.

«Деяния» утверждают, что руководство ранней церковью было коллегиальное: идеологией в ней заведовали двенадцать апостолов, а хозяйством — семь диаконов, причем диаконы были какие-то второстепенные персонажи, поставленные для распределения продовольственных пайков.

Однако тут же «Деяния» проговариваются, что именно «Стефан» — человек, нигде не значащийся среди апостолов, совершал «знамения и чудеса», и более того, лицо его было, как *лицо Ангела* (Деян. 6:15). Даже Иисус ни разу не удостоивается от Луки столь лестной характеристики.

Этот-то Стефан, согласно «Деяниям», и стал причиной резкого поворота в жизни христианской общины. В спор со Стефаном вступили некие евреи. Переспорить одаренного божественной мудростью Стефана они не смогли и тогда прибегли к обычному приему завистников, побежденных в дискуссии: донесли на Стефана властям.

Стефана привели в Синадрию и потребовали отречься от Иисуса. Вместо этого он публично заявил о близости Второго Пришествия. «Вижу небеса отверстые и Сына Человеческого, стоящего одесную Бога» (Деян. 7:56), — возвестил Стефан.

Тогда Стефана побили камнями. Пока его убивали, он, преклонив колени, молился: «Господи, не вмени им греха Сего» (Деян. 7:60). После убийства Стефана на церковь началось «великое гонение» (Деян. 8:1), и верующие разбежались из Иерусалима.

История убиения Стефана в «Деяниях апостолов» сообщает нам несколько важных деталей.

Во-первых, она утверждает, что гонения на преуспевающий христианский *яхад* начались после смерти одного из церковных начальников, которого «Деяния» называют Стефаном, т. е. Венцом. Во-вторых, она утверждает, что первопричиной этих гонений были отнюдь не официальные власти. Их причиной были раздоры внутри самих евреев.

Побиение Стефана играет в «Деяниях» важнейшую роль, ибо вводит в текст главного героя — Савла, которого «Деяния» называют римским гражданином. По крайней мере он был эллинизированный еврей, получивший неплохое греческое образование. В качестве эллинизированного еврея Савл имел еще и второе имя, Павел.

Это не было его христианское имя, полученное при крещении — это было его второе римское имя, происходившее от латинского *paulus*, маленький, скромный. У эллинизированных евреев в то время было принято обзаводиться еще одним, языческим именем, точно так же, как у китайцев в Гонконге принято сейчас иметь два личных имени,

одно китайское, другое английское. Ни при каких обстоятельствах в 30-х годах в Иерусалиме верующий в Иисуса иудей при крещении не мог получить латинское имя. Если Павел получил при крещении еще одно имя, то оно было третьим и каким-то другим.

Павел принимал участие в побиении Стефана, хотя автор «Деяний» пытается минимизировать его участие. Убийцы всего лишь сложили свои одежды у его ног (Деян. 7:58). После убийства Стефана начались преследования христиан, и Павел принимал деятельное в них участие. Он «терзал церковь, входя в дома и влача мужчин и женщин, отдавал в темницу» (Деян. 8:3), а потом выпросил у первосвященника «письма в Дамаск к синагогам, чтобы, кого найдет *следующих Пути*, и мужчин и женщин, связав, приводить в Иерусалим» (Деян. 9:2).

По пути в Дамаск Павлу явился Иисус, и Павел прозрел. И в буквальном, и в фигуральном смысле: потому что после встречи с Иисусом Павла поразила слепота, и снял ее в Дамаске только апостол Анания.

Прозрев, Павел тоже начал проповедовать Иисуса. Согласимся, что он имел на это полное право. Ведь теперь Павел был одним из немногих людей, который видел и даже лично беседовал с Иисусом после его воскресения. Это ставило его на равную доску с апостолами и, между прочим, убедительно подтверждало сам факт воскресения.

Так как Павел был эллинизированный еврей и римский гражданин, он проповедовал Иисуса не только среди иудеев, но и среди язычников. Более того, согласно «Деяниям», он был назначен апостолом среди необрезанных, в то время как Петр был назначен апостолом среди обрезанных.

Это был вполне логичный подход.

Верующие в Иисуса сами утверждали, что в Царство Божие войдут не все евреи, а только те, которые верят в Иисуса. Но тогда кто сказал, что верующие в Иисуса должны быть обязательно евреями?

Именно Павел начал проповедовать, что для того, чтобы спастись, вовсе не обязательно быть иудеем, а достаточно веры в Христа.

Иисус проповедовал еврейский закон: «Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков: не нарушить пришел Я, но исполнить» (Мф. 5:17). Павел проповедовал Иисуса.

Иисус утверждал, что он пришел, чтобы дать своим сторонникам Престола, с которых они будут судить двенадцать колен Израилевых

(Мф. 19:28; Лк. 22:30). Павел утверждал, что Иисус пришел, чтобы искупить первородный грех.

Иисус утверждал, что он пришел, чтобы дать непобедимость: «Иисус сказал: „Те, кто Мои, не будут побеждены, и они не будут знать страха в битве“» (Апокалипсис Илии, 2:1). Павел утверждал, что Христос велел быть покорным властям.

Иными словами, именно Павел сделал из еврейской миллениаристской секты религию доброты — христианство.

Немецкий теолог XIX в. Вильм Вреде называл Павла «вторым основателем христианства». «Он сохранил новую веру от ее угасания в виде еврейской секты. Он спас ее для истории, но он сделал это, изменив ее характер»^[465].

Благодаря Павлу вера в воскресшего Иисуса, зародившаяся среди миллениаристски настроенных евреев, была перенесена в принципиально новую экологическую нишу. Из веры обездоленной нации она стала верой обездоленных низов. Из веры тех, кто ненавидел империю, она стала верой тех, кто ее населял.

Иисус ходил пешком по крошечной Галилее — Павел ходил по морю из одного конца Римской империи в другой. География его странствий, изложенная в «Деяниях», читается, как тогдашний Бедекер: христианство распространялось теми же торговыми путями, что посуда из *La Graunefesque* и чума при Юстиниане.

«Одновременно, в один и тот же момент, как будто из единой божественной воли, два благословенных ростка выросли для человечества — империя римлян и учение истинного богопочитания», — сказал спустя три века после распятия Иисуса в своем панегирике на 30-летие правления императора Константина епископ Евсевий Кесарийский^[466]. Он, без сомнения, был прав.

В новой экологической нише, в разреженной религиозной атмосфере Римской империи, где низы довольствовались самыми примитивными суевериями, а верхи вместо религии утешались философией, вера в Христа, с ее обещанием вечной жизни и воскресения во плоти, не имела конкурентов, так что адепты ее плодились, как кролики в Австралии.

При этом Павел, так же как и другие апостолы, был уверен, что Второе Пришествие случится вот-вот:

«Я вам сказываю, братия: время уже коротко» (1 Кор. 7:29). «Мертвые во Христе воскреснут прежде», «потом мы, оставшиеся в живых, вместе с ними восхищены будем на облаках в сретение Господу на воздухе, и так всегда с Господом будем» (1 Фес. 4:17).

Второе Пришествие у Павла, как и у зилотов, был гвоздем всей программы, ее ключевым пунктом.

«Будет воскресение мертвых, праведных и неправедных» (Деян. 24:15), — объяснял Павел. «Христос имел пострадать и, восстав первый из мертвых, возвестить свет народу (Иудейскому) и язычникам» (Деян. 26:23). «Ныне ближе к нам спасение, нежели когда мы уверовали» (Рим. 13:12).

По состоянию на сегодня это близящееся Второе Пришествие Христа, которое должен был увидеть своими глазами еще первосвященник Каиафа, запаздывает почти на две тысячи лет.

Апостол Павел и еретики

У идиллической картины Павлова триумфа есть, однако, одна проблема.

Буквально везде, куда приходил со своей проповедью апостол Павел, он встречал еретиков, «лжебратий» (Гал. 2:4), «смущающих вас и желающих превратить благовествование Христово» (Гал. 1:7).

Какие-то негодяи и подлецы, приходящие в обращенные Павлом общины, переворачивали всё по-своему и побуждали обращенных Павлом добрых христиан соблюдать иудейский закон — то есть обрезываться, есть только кошерное и соблюдать субботу.

Это в корне противоречило главному месседжу Павла о том, что спасение обретается верой в Христа, а не соблюдением закона Моисеева. Для этих еретиков Павел не жалеет самых грозных слов. «Кто благовествует вам не то, что вы приняли, да будет анафема» (Гал. 1:9).

Но кто же эти еретики и лжеучителя, служители Сатаны, которые «принимают вид *слуг праведности*» (2 Кор. 11:15) и *ревнуют* (ζηλοῦσιν) (Гал. 1:17) учеников Павла?

«Послание к Галатам» апостола Павла не оставляет сомнений в их личностях.

Это апостол Иаков, *брат Иисуса*, и это апостол Петр. То есть те люди, которые знали Иисуса не со слов Духа Святого, но были знакомы с ним во плоти еще в Галилее и могли, худо-бедно, выяснить его взгляды на этот вопрос в ходе персонального собеседования.

Обратимся снова к «Деяниям апостолов».

Согласно автору «Деяний», сразу после своего обращения Павел отправился в Иерусалим.

Но мы совершенно точно знаем, что это ложь, и знаем мы это как раз из послания Павла к Галатам. В нем Павел честно объясняет, что нет, сразу после обращения он не пошел в Иерусалим. «Я не стал тогда же советоваться с *плотью и кровью* и не пошел в Иерусалим к предшествовавшим мне апостолам, а пошел в Аравию, и опять возвратился в Дамаск» (Гал. 1:16–17).

Согласно «Деяниям апостолов», после второго прихода Павла в Иерусалиме состоялось общее совещание, на котором обсуждался именно этот основополагающий вопрос: нужно ли язычникам, уверовавшим в Иисуса, соблюдать иудейский закон.

Но и это ложь. По собственным словам Павла, никакого совещания не было. «Потом, спустя три года, ходил я в Иерусалим видеться с Петром и пробыл у него дней пятнадцать. Другого же из апостолов я не видел *никого*, кроме Иакова, брата Господня» (Гал. 1:18–19).

Наконец, согласно «Деяниям», на вышеупомянутом совещании было решено, что язычникам закона соблюдать не должно, а достаточно не есть идоложертвенного, а инициатором этого решения был апостол Петр, уже и доселе преломлявший хлеб с неевреями.

И снова это ложь — Петр не только не благословлял Павла на нарушение иудейского закона, но, наоборот, прибыв в Антиохию к обращенным Павлом язычникам, отказался публично преломить с ними хлеб, по случаю чего между ними произошла грандиозная теологическая разборка.

«Когда же Петр пришел в Антиохию, то я лично противостоял ему, потому что он подвергался нареканию, ибо, до прибытия некоторых от Иакова, ел вместе с язычниками; а когда те пришли, стал таиться и устраниваться, опасаясь обрезанных» (Гал. 2:11–12).

Автор «Деяний апостолов» врет, и вполне намеренно. Он врет об одном из самых важных расколов в истории христианства. Эллинизированный еврей и римский гражданин Павел проповедовал не реального Иисуса Назорея, а переведенного на греческий язык Христа.

Павел считал, что для спасения достаточно веры в Христа, а тот, кто считает, что для спасения надо соблюдать иудейский закон — еретик. «Ведь если через закон *праведность* (δικαιοσύνη), то Христос напрасно умер» (Гал. 2:21).

Апостолы, которые видели Иисуса вживую, были категорически не согласны. Для них *праведность* (центральное для Кумрана понятие) именно что приходила через закон. «Ни одна иота или ни одна черта не пройдет из закона», — учил Иисус (Мф. 5:18).

Для них рекомендация Павла «всё, что продается на торгу, ешьте без всякого исследования» (1 Кор. 10:25) была сущая анафема, Три

Сети Велиала, яд драконов и яйца аспидов^[467]. Основой праведности для них, как и в «Дамасском документе», была необходимость «отделять нечистого от чистого»^[468]. Для них было ясно, как божий день, что все «презирающие заповеди и уставы подлежат возмездию как нечестивцы, когда Бог взыщет с земли»^[469].

Версия Павла, в общем и целом, победила: христиане не соблюдают субботы и едят некошерную пищу. Но в те времена это было довольно сильное утверждение: что все апостолы, видевшие Иисуса живьем, евшие с ним и пившие с ним, понимают его неправильно, а истину знает только Павел, побеседовавший с ним по дороге в Дамаск.

Но даже спор по поводу закона был только верхушкой айсберга. Между первоначальными последователями Иисуса и последователями Павла, как между меньшевиками и большевиками, как мы увидим ниже, существовали еще более фундаментальные различия.

И чтобы об этих различиях говорить, мы должны обратиться к фигуре не менее важной, чем апостол Павел, для понимания развития раннего христианства.

Эта фигура — Симон Волхв.

Апостол Павел и Симон Волхв

Симон Волхв — это вполне реальное историческое лицо, которое упоминает, между прочим, Иосиф Флавий, рассказывая о браке прокуратора Феликса с Друзиллой, богатой и влиятельной сестрой Ирода Агриппы.

Мы уже упоминали об этом скандальном матримониальном союзе. Феликс, бывший прокуратором Иудеи с 52 по 58 г., был типичным примером безумной кадровой политики императора Нерона. Его братом был фаворит Нерона, ненавидимый римской элитой вольноотпущенник Паллас, и сам Феликс был ничем не лучше брата. Как и всякий предусмотрительный временщик, Феликс желал конвертировать свой временный должностной успех во что-нибудь более перманентное. Брак со сказочно богатой иудейской принцессой в этих условиях был очень разумной стратегией.

Проблема заключалась в том, что Друзилла исповедовала иудаизм и поэтому не могла выйти замуж за необрезанного римлянина. (Она была еще и замужем, но по сравнению с Законом это были пустяки.) Поэтому Феликс, согласно Иосифу, подослал к ней некоего Симона, иудея, происходившего с острова Кипр и выдававшего себя за гоэса, и стал уговаривать ее «бросить мужа и выйти замуж за него, Феликса»^[470]. Иосиф Флавий не сообщает, какие аргументы приводил Симон, однако известно, что они возымели действие: Друзилла вышла замуж за присланного в Иудею экс-санкюлота, составив тем его счастье и состояние.

Симон Волхв упоминается и в «Деяниях апостолов». Там рассказывается, как Симон Волхв, «увидев, что через возложение рук Апостольских подается Дух Святой» (Деян. 8:18), принес евангелисту Филиппу деньги и предложил их за «власть сию, чтобы тот, на кого я возложу руки, получал Духа Святаго» (Деян. 8:19). Симон, разумеется, получил суровый отлуп. Именно из-за этого предосудительного поступка Симона продажа церковных должностей была впоследствии названа «симонией».

При этом — и это важно — в «Деяниях апостолов» Симон Волхв назван христианином. Он — не язычник, не идолопоклонник, не

мошенник. Он «крестился и не отходил от Филиппа» (Деян. 8:13). Симон верует во Христа, но не так, как надо. Он — еретик. Ириней Лионский и Евсевий Кесарийский утверждают, что ересь началась в церкви именно с Симона Волхва.

В других раннехристианских сочинениях Симону Волхву уделено куда больше места, чем в «Деяниях апостолов». Одним из таких сочинений являются «Деяния Петра». Они написаны в Малой Азии — возможно, в Антиохии — во второй половине II века. Главной их темой является магическое состязание апостола Петра и Симона Волхва.

«Деяния Петра» начинаются с небольшого, но важного, как мы увидим, эпизода.

В этом эпизоде верующие приходят домой к апостолу Петру, чтобы излечить своих больных. Как мы уже говорили, ранние христиане вообще постоянно совершали чудеса. Именно фантастическое могущество апостолов Иисуса, *праведников* и *святых*, было главным доказательством истинности их учения. Однако, придя домой к Петру, просители видят там его дочь, разбитую параличом. В связи с этим один из просителей выражает сомнение: точно ли Петр обладает заявленным всемогуществом, и если да, то почему не может исцелить свое дитя?

В ответ Петр именем Господа приказывает парализованной дочери встать и пройтись. Она встает и идет, а потом по приказу Петра снова ложится на место.

Петр объясняет, что для его дочери лучше оставаться парализованной, потому что ему было видение о том, что, если она будет здоровой, она будет вводить в соблазн своей красотой мужей.

Он рассказывает историю о том, как богатый человек по имени Птолемей хотел завладеть его дочерью. Чтобы предотвратить это, Петр помолится, и дочь разбил паралич. Птолемей, вследствие своего нечестивого желания, ослеп. Ослепший Птолемей уверовал в Господа и, умирая, завещал дочери Петра кусок земли. Эту землю Петр продал, а деньги роздал бедным^[471].

Таким образом, тот факт, что дочь апостола Петра разбил паралич, никоим образом не противоречит его необъятной магической власти. Наоборот — он ее подтверждает.

Это краткое вступление предваряет историю Симона Волхва. Петр узнаёт, что в городе Риме объявился некий Симон Волхв. Симон Волхв называет себя последователем Иисуса и творит чудеса именем Христа, но ангел Господень открывает Петру, что на самом деле Симон Волхв получает свою силу от Сатаны^[472]. В других апокрифах говорится, что Симон Волхв выдавал себя за воскресшего Христа.

Петр хорошо знает Симона. Он уже выгнал его из Иерусалима, потому что Симон Волхв только называл себя христианином, а на самом деле был мошенником, вором и конченным аферюгой. В Иерусалиме Симон даже как-то с помощью волшебства обворовал богатую вдову, которая считала его апостолом. На счастье вдовы, ангел Господень поведал Петру об этом печальном событии, и поделщиков Симона взяли с поличным. Сам Симон бежал, а вдова стала настоящей христианкой и отдала свои деньги Петру^[473].

Услышав, что кидала и аферюга Симон Волхв, выдворенный из Иудеи, не только не пропал, а принялся за старое уже в столице империи, Петр пускается в путь и прибывает в Рим. Там он первым делом приходит в синагогу.

Христиане в синагоге (это важная подробность) рассказывают Петру об аферах Симона Волхва. Они жалуются, что некий сенатор Марцелл всегда давал деньги христианам и помогал им. Теперь, однако, вместо настоящих христиан, которые веруют правильно, он тратит всё на Симона, который верит не так, как надо^[474].

Правильно верующие христиане просят Петра помочь в беде и изблечить Симона Волхва.

Апостол Петр отправляется к дому сенатора Марцелла. Заметив на цепи сторожевого пса, он наделяет его человеческим голосом и заставляет доложить о себе Симону^[475].

При виде такого наглядного доказательства способности Петра совершать чудеса сенатор Марцелл выходит из дома, садится у ног Петра и просит прощение за то, что он впал в ересь^[476].

На всякий случай Петр предъявляет сенатору новые верительные грамоты в виде чудес. Он заставляет статую императора, разбитую во дворе, собраться и стать единым целым. Затем он оживляет вяленую селедку. Он опускает ее в бассейн, и та оживает и плавает, весело помахивая хвостиком. Наконец, Петр совершает третье чудо. Вместо того чтобы самому отправиться спорить с Синомом, он посылает к

нему женщину с семимесячным младенцем, устами которого, как известно, глаголет истина.

В богословском споре младенец легко побивает еретика Симона и приказывает ему убраться из Рима «до наступления шабата»^[477].

Говорящая собака, ожившая селедка, собравшаяся статуя и проповедующий младенец, несомненно, доказывают любому слушателю «Деяний», что Петр — апостол, а Симон Волхв — обманщик и сын дьявола.

Но римская публика не такова и нуждается в иных доказательствах. Поэтому префект Рима Агриппа устраивает на форуме между Симоном Волхвом и Петром магическое состязание.

Во время состязания Симон Волхв одним своим словом убивает слугу префекта. Петр чудесным образом воскрешает слугу^[478].

В ходе второго испытания на форум приносят мертвеца. Симон Волхв с помощью волшебства заставляет его открыть глаза и кивать головой. Изумленный префект восклицает, что это настоящие чудеса, но апостол Петр тут же указывает ему на ошибку: ведь труп совсем не ожил, а всего-то вертит глазами и головой, а это же совсем не то. Затем апостол Петр воскрешает мертвеца^[479].

Благодарная мать экс-покойника дарит ему две тысячи золотых, а сам покойник — четыре тысячи^[480], и еще одна благородная матрона, уверовавшая в Христа, — десять тысяч^[481].

Симону Волхву, кидале и аферюге, эти деньги, естественно, не дают покоя, и он не успокаивается и по-прежнему совершает чудеса, отбивая у апостола Петра клиентов и подношения. Тогда наступает третий, решающий этап соревнований.

Симон Волхв обещает полететь над Римом и, действительно, в назначенный день, к восторгу римской толпы, взлетает над форумом. Апостол Петр, однако, возносит молитву Господу — Симон Волхв падает с высоты, расшибается и гибнет^[482].

Последним эпизодом «Деяний Петра» является мученическая смерть апостола. Дело в том, что после того, как апостол Петр победил Симона Волхва, огромное количество римлян, а главное, римлянок, уверовали в Христа. Уверовав, они стали отказывать своим мужьям в плотской близости, как и подобало в преддверии Конца Света.

Мужскую половину римской элиты такая позиция не устраивала, и префект Рима Агриппа, возмущенный внезапно вспыхнувшим в его

любовнице целомудрием, казнил Петра, распяв его, по его собственной просьбе, головой вниз^[483].

История о состязании апостола Петра и Симона Волхва была очень популярна вплоть до Средних веков и существует во множестве вариантов. В одном из них, например, арбитром состязания является император Нерон, который после неудачного полета Симона Волхва велит казнить апостолов Петра и Павла, вызвавших его падение.

Если представить себе, что у этой легенды есть историческая основа, то получается, что во время апостола Петра существовал какой-то страшный еретик, который проповедовал якобы от имени Иисуса и даже отождествлял себя с Христом, но на самом деле был сыном Сатаны.

Петр выгнал этого еретика из Иудеи и последовал за ним в Рим. Несмотря на то, что Петр победил в Риме этого еретика, это привело к смерти Петра.

Кто же этот страшный Сын Сатаны, архиересиарх и лжечудотворец, называвший себя Иисусом Христом Симон Волхв, и почему мы о нем ничего больше не знаем?

Фердинанд Кристиан Баур, немецкий протестантский теолог и основатель Тюбингенской школы, второй после Реймаруса основоположник библейской критики, предположил, что мы знаем Симона Волхва очень хорошо, только под другим именем.

Это апостол Павел.

Псевдоклиментины

«Деяния Петра» — не единственный текст, повествующий о Симоне Волхве. Еще одним таким корпусом текстов являются «Псевдоклиментины», написанные от имени Климента, который представляется в них ни меньше, ни больше как родственник императора и второй епископ Рима, преемник Петра.

Псевдоклиментины существуют в нескольких разновидностях. Это прежде всего длинное «Узнавание Климента», переведенное с греческого на латынь в начале V в. Руфином и дошедшее до нас на латыни и на сирийском, и более компактные «Климентины Гомилии». Разумеется, ни о какой общей подлинности *Псевдоклиментин* речь не идет — уже из одного их пересказа читатель поймет, почему, однако некоторые их детали совершенно поразительны.

Жанр «Узнаваний» определить очень сложно. Это что-то вроде греческого романа, сюжет которого тонет в бездне религиозных споров.

Повествование ведется от лица Климента, уроженца города Рима, который «с ранних лет стремился к целомудрию. Ибо мысль точила меня — откуда, не могу сказать — мысль о собственной смертности, и я постоянно задавал себе вопрос: будет ли для меня жизнь после смерти, или я уйду насовсем»^[484].

Климент совершенно пожелтел и сбледнул с лица от этой постоянной заботы и бесплодных умствований философов, пока, на его счастье, в Рим не прибыл ученик Иисуса Варнава и не объяснил, что «Сын Бога нынче находится в Иудее, обещая вечную жизнь каждому, кто услышит его»^[485]. «Если вы обратитесь и будете делать по его воле, то потом, когда придет Царствие его, и став бессмертными, вы получите неизъяснимые благословения и награды»^[486], — учил Варнава.

Прозревший от этого самоочевидного месседжа Климент направил стопы в Иудею, чтобы получить наставления в вере непосредственно у апостола Петра.

В тот самый момент, когда Климент прибыл к Петру, тот готовился к диспуту с Симоном Волхвом. Так как диспут был отложен, то Петр использовал это время для того, чтобы преподать Клименту краткий курс истории человечества длиной около тринадцати тысяч слов, который мы здесь милосердно опустим.

Важно, что кроме сведений о Всемирном Потопе, Аврааме и Лоте, Петр рассказывает Клименту и кое-что из свежей истории, а именно — о диспутах, которые глава Иерусалимской церкви, Иаков, брат Иисуса, вел на ступенях Храма с альтернативными религиозными течениями: а именно, с первосвященником Каиафой, с самаритянами, считавшими, что священная гора — это не гора Сион, а гора Геризим, а также учениками Иоанна Крестителя, считавшими, что умер и воскрес именно Иоанн, а не какой-то там Иисус.

Иаков, брат Иисуса, ясен пень, разбил все их доводы наголову. Как дважды два он доказал ученикам Иоанна Крестителя, что воскрес именно Иисус, а не Иоанн, а самаритянам разъяснил их заблуждение насчет горы Геризим.

Иаков «разъяснил с самыми исчерпывающими доказательствами, что Иисус есть Христос... и показал, что два его пришествия предсказаны. Одно в унижении, что он и исполнил, и другое в Славе, которое исполнится, когда он придет, чтобы даровать Царство тем, кто верует в него и кто соблюдает всё им заповеданное»^[487].

Короче, Иаков одержал в споре совершеннейшую победу и положил противников на обе лопатки. Но в тот момент, когда он сверх какого-либо сомнения доказал, что Иисус и есть Мессия, на сцену ворвался враг учеников Иисуса, Савл. Иаков был побит камнями, сброшен с храмовой лестницы и едва не убит.

На следующее утро Иаков с братьями, в количестве пяти тысяч человек, спешно бежали по дороге в Иерихон, и там, через три дня, их нагнал гонец от расположенного к ним рабби Гамалиэля. Гонец сообщил, что «Враг получил задание от Каиафы, первосвященника, *арестовать всех* [в сирийской версии — „убить всех“], кто верует в Иисуса и идет в Дамаск с его письмами», чтобы учинить раздор между верующими^[488].

В результате Петр побежал не в Дамаск, а в Кесарию. Там-то его и настиг Симон Волхв.

Пока Петр в Кесарии готовится к диспуту с Симоном Волхвом, в дом его являются двое бывших приверженцев Симона. Их зовут Никета и Акила.

Никета и Акила сообщают Клименту и Петру множество интересных деталей о карьере и жизненном пути Симона Волхва.

Оказывается, что Симон Волхв — родом самаритянин, «по занятию — колдун, но исключительно хорошо знающий греческую литературу, жадный до славы и хвастливый более чем кто-либо другой»^[489]. Симон Волхв считает себя выше бога, называет себя Христом, притязает на физическое бессмертие и имеет бурное религиозное прошлое.

Первоначально Симон Волхв состоял в секте еретика Досифея, который считал Христом не Иисуса, а Иоанна Крестителя. У этого Досифея было 30 апостолов, по числу дней в месяце, и при них еще женщина по имени Луна. Симон Волхв влюбился в Луну и захотел стать главой секты вместо Досифея.

Претензии свои Симон Волхв аргументировал тем, что он обладает весьма ценными для религиозного лидера качествами: он способен делаться невидимым и, наоборот, принимать любой вид. Он способен прорыть гору и пройти сквозь камень, словно это глина.

«Связанный, я могу развязать узы и наложить их на тех, кто связал меня, — сообщил Симон изумленным Акиле и Никете. — Если меня запрут в темнице, то по воле моей запоры раскочалятся; я могу оживлять статуи, так что видящие их примут их за живых людей. Я могу сделать так, чтобы деревья внезапно выросли из ничего и тут же принесли плоды. Я могу броситься в огонь и не буду сожжен. Я могу изменять облик»^[490].

Кроме этого, Симон Волхв может превратиться в козла или овцу, летать по воздуху и делать или низлагать царей — словом, делать всё, что захочет.

Никета и Акила, которым всё это было сообщено, разумеется, полюбопытствовали об источнике могущества. В ответ Симон поведал им, что он принес в жертву невинного младенца: душа-то младенца и служит ему. Дело в том, что душа человека, едва будучи освобождена от уз плоти, немедленно узнаёт Бога и становится всезнающей: это самое лучшее средство для чернокнижия.

Почему же, если души имеют такое могущество, то души убитых не причиняют зла своим убийцам? — спрашивает Симона Никета. В ответ Симон честно признаётся, что от зла души удерживает знание о Страшном суде, и, кроме того, стерегущие души ангелы: именно ангелов-то и обесточивают колдуны заклинаниями. В ужасе Никета спрашивает, не боится ли Страшного суда сам Симон Волхв^[491]. На это Симон отвечает, что ему-то бояться нечего: ведь он не человек, а бог, и его мать Рахиль зачала его, будучи девственницей, чтобы он мог «появиться среди людей как человек»^[492].

Как вы понимаете, Никета и Акила прекрасно знали, что богом, родившимся от девственницы, был вовсе не Симон Волхв, а Иисус, и поэтому они в ужасе бежали из секты Симона. Тот же волшебством убил Досифея, стал во главе секты и принялся сожительствова́ть с Луной, которую он называл св. Софией и Мудростью Божией, зачатой Богом до создання времен.

Вот с такими-то вводными Петр и вступает с Симоном в диспут, в котором он одерживает разгромную и сокрушительную победу. Несмотря на душу младенца, умение прогрызать гору, etc., Симон терпит полное поражение и убегает прочь.

Примечательно, что диспут обходится без всяких чудес: это исключительно богословские рассуждения, в ходе которых Симон предъявляет Петру все претензии, которые предъявляли церкви альтернативные христианства II–III вв. Ни малейшей исторической ценности эта часть не имеет. Одно из рассуждений Петра посвящено, между прочим, «несостоятельности теории атомов» (имеются в виду, разумеется, атомы Демокрита).

Климент меж тем делится с Петром подробностями своей жизни. Оказывается, что он не просто римский гражданин, а родственник самого императора, утративший в детстве родителей: его мать отплыла на корабле с двумя братьями-близнецами и пропала. Вскоре пропал и отправившийся на его поиски отец^[493].

Так как Климент принял истинную веру, мать, отец и братья вскорости находятся, причем братьями этими оказываются Никета и Акила, бывшие ученики Симона Волхва^[494].

Между тем Симон Волхв не дремлет. Прибыв в Антиохию, он возбуждает местную толпу против Петра, называя его «волхвом, колдуном и убийцей»^[495]. Фаустиниан, отец Климента, неосторожно

отправляется к Симону на переговоры и возвращается с них — о ужас! — с лицом Симона.

Оказывается, что в Антиохию из Рима прибыл императорский эмиссар с приказом об аресте всех волхвов, т. е. *гоэсов*, и Симон этим хитрым маневром не только надеется избежать ареста, подсунув императорскому правосудию вместо себя Фаустиниана, но и причинить горе изменившим ему Никете и Акиле^[496].

Пристрастие к колдовству, однако, не довело Симона до добра, и в этот раз Симон подрывается на собственной петарде. Пока Фаустиниан носит личину Симона, Петр посылает его в Антиохию. Там Фаустиниан в облике Симона предстает перед всем честным народом и приносит покаяние. Он заявляет, что апостол Петр не является ни колдуном, ни волшебником, ни обманщиком, а является апостолом истинного Бога. Настоящим же колдуном и обманщиком является сам он, Симон. Он, Симон, сообщает, что приносит это публичное покаяние потому, что сегодня ночью ему, Симону, явился ангел Божий, страшно покаравший его за противодействие истине^[497]. Разумеется, все эти вещи сообщает не настоящий Симон, а всего лишь поддельный.

Несмотря на множество поздних вставок, «Псевдоклиментины» — поразительный документ.

Они сообщают, что главой Иерусалимской церкви был Иаков, о котором мы из посланий Павла знаем, что он был *брат Иисуса*. Они сообщают о диспутах с самаритянами, о *горе Геризим*. Они сообщают изумительные подробности об Иоанне Крестителе: оказывается, его ученики тоже считали, что он воскрес.

Они сообщают также об еще одном косвенно упомянутом нами пророке, Дорке/Досифее, который в «Псевдоклиментинах» выступает как ученик Иоанна Крестителя, у Оригена как «самарянин», который говорил, что он Христос^[498], а у Иосифа Флавия как «влиятельный иудей по имени Дорт», который был распят с четырьмя бунтовщиками наместником Сирии Уммием Квадратом за то, что «уговаривал народ отложиться от римлян»^[499].

Но самое главное — они сообщают нам о бурном религиозном прошлом человека, который в «Псевдоклиментинах» выступает то как Савл, то как Симон Волхв, то как Враг.

Этот человек не совсем представитель истеблишмента, хотя, возможно, что когда-то он был фарисеем и учился у рабби Гамалиэля, предупреждающего Иакова о его диверсионной миссии. Он — фанатик, притворщик, невротик, выдумщик и сектант. Он состоял в секте Иоанна Крестителя. Он утверждает, что он творит чудеса. Он утверждает, что его мать — девственница. Он утверждает, что он сам — бог.

Самое удивительное, что все эти обвинения находят параллели в письмах самого Павла.

Последователи Иакова, брата Иисуса, они же *праведники* (так называются христиане в «Псевдоклиментинах»), обвиняют Симона Волхва в том, что он раньше состоял в секте Иоанна Крестителя. Но Павел действительно обладал необыкновенной властью над учениками Иоанна Крестителя. В частности, он легко обратил в свою веру эфесскую общину, созданную неким Аполлосом, который пришел из Александрии и «учил о Господе правильно, зная только крещение Иоанново» (Деян. 18:25).

Праведники обвиняют Симона Волхва в том, что он врет, что родился от девственницы. И что же? Галатам Павел пишет, что Бог избрал «меня от утробы матери моей» (Гал. 1:15).

Праведники обвиняют Симона Волхва в том, что он совершает чудеса через Духа (πνεῦμα) убитого им младенца.

Но Павел именно и совершал чудеса через Духа (πνεῦμα) — Духа Святого! Это было одно из фундаментальных положений его учения, не менее фундаментальное, чем замещение «закона» верою в Христа. А в гностическом «Апокалипсисе Павла», сохранившемся в Наг-Хаммади, этот Дух Святой именно что и имеет облик младенца, сопровождающего Павла в его странствованиях по восьмому, девятому и десятому небу.

Каждый раз, когда противники Павла ставили ему на вид, что у него нет лицензии проповедовать Иисуса (а такую лицензию выдавал только Иаков, брат Иисуса), Павел ударялся в теологическую истерику и заявлял, что эту лицензию выдал ему Дух Святой. «Нам же бог открыл через Духа (διὰ τοῦ πνεύματος), ибо Дух всё проникает, и глубины Божии» (1 Кор. 2:10).

Вся жизнь общин Павла заключалась в том, что Павел крестил людей, низводя на них тем самым Духа Святого, после чего крещенные

собирались вместе, тряслись, пророчествовали и говорили языками «ангельскими и человеческими».

Послания Павла даже содержат трогательную инструкцию о том, что пророчествовать надо по очереди, и не очень нарушая очередность: «Если кто говорит на *незнакомом* языке, *говорите* двое, или много трое, и *тб* порознь, а один изъясняй...» (1 Кор. 14:29–30). «Ревнуйте о том, чтобы пророчествовать, но не запрещайте говорить и языками, только всё должно быть благопристойно и чинно» (1 Кор. 14:39–40).

Легко понять, каким образом в недоброжелательных устах один дух превратился в другой. Павел утверждает, что совершает чудеса с помощью «Духа», и *праведники* утверждают, что он совершает чудеса с помощью «Духа». Павел называет своих противников «Сыновьями Сатаны», принявшими «вид Слуг Праведности» (2 Кор. 11:15), и Слуги Праведности возвращают ему его комплимент, утверждая, что Сын Сатаны — это Павел.

Но самое главное — *праведники* обвиняют Симона Волхва в том, что он сам называет себя богом и отождествляет себя с Христом.

Это — постоянное, главное, первостепенное обвинение. Оно заявлено не только в «Псевдоклиментинах», но и во всех других наших источниках о Симоне Волхве.

Юстин Мученик в своей «Апологии» жалуется, что Симон Волхв так удивил своими чудесами «Сенат и народ Римский, что его признали за бога и в честь него воздвигли статую»^[500].

То же самое рассказывает Ипполит Римский: архиеретик Симон считал себя Христом. Он даже потребовал от своих учеников похоронить себя живьем, обещая воскреснуть на третий день. «Так они сделали, — ехидно прибавляет Ипполит, — и в этой могиле он и находится по сей день, ибо он — не Христос»^[501].

А преемник Симона Менандр, «поднявшись, как его учитель, до вершин чародейного искусства, удивлял людей своими фокусами, говоря, что он Спаситель, посланный для спасения людей откуда-то свыше, из области незримых эонов»^[502].

Но и всем этим обвинениям в письмах Павла есть подтверждения! Он пишет Галатам: «Вы приняли меня как ангела Божия, как Иисуса Христа» (Гал. 4:14), одним махом отождествляя Иисуса с ангелом, а себя — с Христом. Колосцам Павел сообщает, что «во плоти своей

претерпевает то, что еще должно быть перетерплено Христом» (Кол. 1:24).

И это не случайные цитаты. Вот еще: «Я сораспялся Христу, и уже не я живу, но живет во мне Христос» (Гал. 2:19–20). «Крестом нашего господина Иисуса Христа для меня мир распят, а я для мира» (Гал. 6:14). «Ныне, как и всегда, возвеличится Христос в теле моем, жизнью ли то, или смертью» (Фил. 1:20).

Это новое воплощение Христа в теле Павла доходит даже до физического уподобления: «Я ношу язвы Господа Иисуса на теле моем» (Гал. 6:17).

Конечно, можно заявить, что Павел говорит всё это метафорически, но вот проблема — у нас и со стороны сторонников Павла есть сведения о его тождественности с Христом. К примеру, в «Деяниях Павла и Феклы» рассказывается, как последовательница Павла, Фекла, за свое служение Павлу была брошена на съеденье зверям. Оглянувшись вокруг в поисках поддержки, Фекла видит «Господа Иисуса Христа, сидящего рядом с ней в облике Павла»^[503].

Если Павел не просто проповедовал от имени Иисуса Христа, но и называл себя новым Христом, то колоссальные теологические последствия этого факта трудно переоценить.

К примеру, всем хорошо известна Нагорная проповедь.

«Блаженны нищие духом, — проповедует Христос, — ибо их есть Царствие Небесное. Блаженны плачущие, ибо они утешатся. Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю... Блаженны чистые сердцем, ибо они бога узрят» (Мф. 5:3–8).

Именно в Нагорной проповеди содержатся все самые главные максимы христианства. «Любите врагов ваших и благословляйте проклинающих вас» (Мф. 5:44). «Кто ударит тебя в правую щеку, подставь и другую, и кто захочет взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду» (Мф. 5:40).

Однако Нагорная проповедь есть только в одном Евангелии — у Матфея. В самом раннем Евангелии, у Марка, никакой Нагорной проповеди нет. Нету Нагорной проповеди и у Иоанна.

При этом в истории христианства есть текст — уже упоминавшиеся «Деяния Павла и Феклы», — в котором Павел позиционируется как новый Христос. Впоследствии эта книга была ненавидима церковью, однако в некоторых «Деяниях» мучеников

(например, в «Деяниях Евгении») она упоминается в качестве св. Писания^[504]. Написана она была, вероятно, не позже конца I века.

И вот в этой книге Павел, в облике которого Фекла видит Христа, проповедует: «Благословенны чистые сердцем, ибо они бога узрят. Благословенны хранящие непорочность, ибо они будут названы Храмом Господним. Благословенны те, кто укрощает свои тела и души, ибо в них говорит Бог. Благословенны те, кто презирают мир, ибо в них благоволение Бога... Благословенны те, кто имеют боязнь Бога в их сердцах, ибо они будут названы ангелами»^[505].

Естественно, возникает вопрос: так кто же всё-таки произнес Нагорную проповедь: тот Христос, которого распял прокуратор Понтий Пилат, или тот Христос, которого Фекла видела в облике Павла?

Свидетельство Иакова Серугского

Отождествление безбожного Симона Волхва с праведным мучеником апостолом Павлом может вызвать изумление и негодование верующих.

Как можно полагаться на случайные совпадения? Мало ли людей называли в это время себя Христами? Мало ли с кем Петр сошелся в магическом поединке в Антиохии?

По счастью, у нас есть удивительный текст, который прямо утверждает, что противником Петра в магическом поединке, случившемся в Антиохии, был именно что апостол Павел.

Текст этот принадлежит Иакову Серугскому (451–521 гг. н. э.) — довольно позднему богослову, который жил, однако, на территории Сирии, то есть в зоне культурного влияния Антиохии.

В одной из своих восьмисот гомилий Иаков Серугский рассказывает поистине необыкновенную историю обращения Антиохии в христианство апостолами Петром, Иоанном и Павлом.

Сначала, по словам Иакова, слово Христово в Антиохии проповедовали Петр и Иоанн. Однако главный жрец города Игнатий возбудил против них народ. Их побили и обрили им головы в знак позора. В этот-то момент Павел, присоединившийся к Петру, и предложил ему хитрую стратегию. Притворившись язычником, Павел сделался помощником антиохийского жреца Игнатия. После этого, как главный защитник языческой веры, он предложил Петру магический поединок. При всем честном народе притворившийся язычником Павел обещал принять веру Петра, если тот превзойдет его в умении совершать чудеса.

Петр, естественно, принял вызов и в первом раунде поединка исцелил слепого. Павел в ответ тоже исцелил слепого: для вида он взывал к языческим богам, но про себя, на самом деле, он втайне воззвал имя Христа. Счет оказался один-один.

Тогда Павел потребовал нового раунда и предложил Петру воскресить мертвого. Если Петр сумеет это сделать, заявил Павел, то он, Павел, обратится в христианство. После этого Петр прямо в театре, при огромном стечении народа, оживил сына богатого антиохийца

Кассиана. Павлу ничего не оставалось, как исполнить свое обещание, и вслед за ним при виде такого чуда к Христу обратилась тьма горожан.

В числе их, был, разумеется, и сам Кассиан, счастливый отец воскрешенного сына, чей дом немедленно был отдан под церковь ^[506].

Нетрудно заметить в этом чудесном рассказе Иакова Серугского просто другую версию магического поединка Петра и Симона Волхва.

«Апостол Павел был единственным ересиархом, известным во время апостолов — единственным, кто считался таковым в это время, по крайней мере с одной конкретной точки зрения», — замечает Вальтер Бауэр ^[507].

Итак, Павел/Симон Волхв, согласно «Псевдоклиментинам», — это сектант, фанатик, выдумщик и позер. Он обладает изумительной способностью врать на ходу и менять позицию (личину). Он признается публично в своих гонениях на учеников Иисуса, но это признание — ложь. Он пытается побить камнями преемника Иисуса, его брата Иакова — а вовсе не скромного завхоза Стефана, — и после этого отправляется за другими учениками Иисуса, бежавшими из города.

Но самое важное — это куда он отправляется. Как и в «Деяниях», он отправляется за учениками Иисуса в *Дамаск*.

Вопрос на засыпку: где находится Дамаск?

Местонахождение Дамаска

Когда Фердинанд Кристиан Баур, основатель Тюбингенской теологической школы, впервые обратил внимание на удивительные параллели в биографии апостола Павла и Симона Волхва, он имел доступ только к тем текстам, которые были написаны на греческом языке и прошли суровый канонический отбор.

Он мог только угадывать по ним контуры спора, как палеобиолог может угадывать по отпечаткам в меловых отложениях контуры древнего трилобита. Не было никаких оснований надеяться, что где-то трилобит сохранился — если не в живом, то по крайней мере в мумифицированном виде.

Точно так же у Баура не было никаких оснований полагать, что где-то сохранились тексты, написанные на древнееврейском или арамейском в те тридцать-сорок лет, которые прошли с момента проповеди Иисуса Мессии и до момента превращения его в Иисуса Христа и которые, собственно, так вопиюще отсутствуют в постпавловском христианстве.

Баур умер в 1860 году.

Спустя 38 лет после его смерти кембриджский профессор Соломон Шехтер, будучи в Каире, получил доступ к старинным рукописям, хранившимся в *генизе* Каирской синагоги. *Гениза* в синагогах — это нечто вроде священного мусорного бачка: место, где хранятся сакральные, но уже негодные из-за ветхости тексты. Соломону Шехтеру удалось собрать 164 коробки, в которых содержалось более ста тысяч отрывков, и вывезти их в Кембридж. Среди них обнаружилось два отрывка текста, который мы уже много раз упоминали и который Шехтер назвал «Дамасский документ». Отрывки датировались IX в.н. э., но явно были копиями более раннего текста.

Насколько текст был ранним, стало известно после находок в Кумране: среди свитков Мертвого моря нашлось не меньше десяти отрывков «Дамасского документа». «Дамасский документ» был одним из самых важных текстов для обитателей Кумрана.

Как мы уже говорили, «Дамасский документ» содержит правила, которых должны придерживаться евреи, «которые вступили в Новый Завет в земле Дамаска»^[508] и живут в ней до тех пор, пока «не встанут [т. е. вернуться, воскреснут] Спасение и Праведность (Иеша ве-Цдака)»^{[509][510]}.

Они возвратятся (будут явлены) в конце Дней, вознаградят праведников и накажут грешников. «Эти спасутся в день взыскания, а остальные будут преданы мечу, когда придет Мессия Аарона и Израиля»^[511]. Погибнут все, кроме тех, на ком будет стоять мета^[512].

Два других центральных персонажа «Дамасского документа» — это «Нечестивый священник» и «Лжец». «Нечестивый священник» — это внешний враг, преследующий общину Нового Завета, следующую Наставнику Праведности. «Лжец» — это враг внутренний. Он когда-то жил внутри общины, но потом пошел против ее установлений, был изгнан и не перестает злоумышлять против общины.

Именно Лжецами (ψευδοτης) в раннем христианстве называются те, кто потом получит название еретики (Иоан. 8:55; 1 Иоан. 2:4; 2:22; 4:20; Тим. 1:10). Другой перевод слова «лжец», а точнее «клеветник», на греческий — это διάβολος, дьявол. Именно Дьяволом (т. е. еретиком, лжецом) начинает греческое христианство называть того, кого кумраниты звали Велиаром и Мастемой.

Почему, однако, этот документ называется «Дамасским»? Потому что этот Новый Завет Бог заключил с теми, кто живет в земле Дамаска. «Завет и договор, которые установили в земле Дамаска, и это — Новый Завет»^[513].

А где эта «земля Дамаска»?

Это Кумран.

Античная география отличалась от нынешней. К примеру, «Аравия», которая постоянно упоминается в христианских текстах — это вовсе не Саудовская Аравия. Это населенная кочевыми набатейскими племенами территория, приблизительно совпадающая с территорией современной Иордании.

То же самое и Дамаск. «Дамаск», о котором говорит «Дамасский документ», — это вовсе не город в римской провинции Сирии. «Дамасский документ» называет «землей Дамаска» то, что находится за пределами «Земли Израиля», на территории всё того же царства набатеев.

Как только мы понимаем, что «Дамаск» — это Кумран, у нас само собой разрешается несколько загадочных обстоятельств.

В «Деяниях апостолов» Павел отправляется за последователями Иисуса в Дамаск, заручившись письмами первосвященника. Но Дамаск — город в провинции Сирия — находился в совершенно другом административном подчинении. Какие полномочия человек, не бывший даже официальным представителем Храма, имел в совершенно другой юрисдикции и куда бы эти письма Павлу посоветовал засунуть римский наместник провинции Сирия?

Другое дело, если Павел отправляется не в тот Дамаск, который находится в Сирии в двухстах километрах от Иерусалима, а в тот, который находится на берегу Мертвого моря в двадцати километрах.

Одна из самых загадочных черт обращения Павла, как оно описано в «Деяниях апостолов» — это психологическое неправдоподобие. Не знаю, как вас, а меня всегда поражала загадка этого обращения. Нет-нет, обращение — это святое. Ничего удивительного нет в том, что религиозный молодой человек, который был озабочен последователями Иисуса до того, что забрасывал их камнями, вдруг поменял знак с минуса на плюс.

Странно другое. В Евангелиях апостолы изображены довольно-таки незначительными личностями. По правде говоря, в них и Иисус-то выглядит не очень авантажно. Ходил по Галилее, проповедовал, получил ноль внимания, пришел в Иерусалим и тут же его распяли.

Не совсем понятно, почему преуспевающий молодой человек вдруг обратился в веру лузеров. Если уж пошла такая пьянка — почему не объявить Мессией себя?

Лжец из «Дамасского документа» и Симон Волхв из «Псевдоклиментин» позволяют ответить на этот вопрос.

Павел отправлялся вовсе не в Дамаск, а в Кумран. Он был вовсе не представитель истеблишмента, а глава крупной и влиятельной фракции внутри могущественной секты. А люди, к которым он ехал, были представителями другой фракции этой же секты. Ни в коем случае они не были маргиналы. Это была могущественная, богатая и многочисленная организация, штаб-квартира которой находилась в неприступной крепости.

Почему Павел поехал в Дамаск?

Мы отложим ответ на этот важнейший вопрос на будущее.

Но мы можем уже сказать, что именно произошло: в Кумран, в общину-крепость религиозных фанатиков, прибыл другой религиозный фанатик, человек восторженный, экзальтированный, склонный к фантазиям и двоемыслию, который только что организовал нападение на главу общины, Иакова, брата Иисуса, и чуть его не убил.

И по прибытии этот человек не стал качать права, оправдываться, доказывать превосходство. Напротив, совершенно как Симон Волхв в *Псевдоклиментинах* — он грохнулся Иакову Праведнику в ноги. Он виноват! Он преследовал! Он побивал камнями! Он врывался в дома, арестовывал Следующих Пути, «влачил в темницу». Но теперь он прозрел: он собственными глазами убедился, что ученики Иисуса правы. Он, Павел, «восхищен был до третьего неба в Рай и слышал неизреченные слова, которые человеку нельзя пересказать» (2 Кор. 12:2–4).

Он видел Иисуса! Иисуса, а не Иоанна Крестителя! Иисус действительно воскрес! Они имели долгую и продолжительную беседу в Раю!

И чем это крыть?

Загадка концовки Марка

Распря между прижизненными учениками Иисуса, которым Иисус велел соблюдать закон, и учеником Иисуса, которому Иисус уже после своего вознесения велел закона не соблюдать, может пролить нам свет на одну удивительную литературную загадку Нового Завета.

Евангелие Марка — самое раннее, самое короткое и на первый взгляд — самое незамысловатое из Евангелий. У Марка отсутствуют большинство привычных для нас возвышенных наставлений Иисуса, вроде предложений подставить щеку и любить своих врагов. Евангелие от Марка — это такой бестселлер, греческий роман, в котором земная жизнь Иисуса рассказана как череда чудес и приключений. Иисус у Марка проповедует скорый приход Царства Божия и творит чудеса, творит чудеса и проповедует скорый приход царства Божия.

И вот, если вы раскроете последнюю главу Марка и прочтете ее, то вы будете поражены удивительным стилистическим несоответствием.

Марку понадобилось 16 глав, чтобы рассказать о жизни Иисуса до воскресения. В самом конце этого рассказа и в самом начале 16-й главы Марк сообщает, что после казни Иисуса все ученики его разбежались, и только женщины — две Марии и Саломея, отправились к гробнице, чтобы приготовить его к погребению.

Придя к гробнице, они, однако, застали камень отваленным, а у пустого гроба — юношу в белой одежде. Юноша возвестил им, что Иисус воскрес и ждет своих учеников в Галилее. Он попросил их возвестить Петру и другим ученикам эту благую весть, но женщины не исполнили приказанного. «И, выйдя, побежали от гроба; их объел трепет и ужас, и никому ничего не сказали, потому что боялись» (Мк. 16:8).

Дальнейшие посмертные действия Иисуса занимают у Марка всего 12 строк, которые здесь проще привести целиком:

«Воскреснув рано в первый день недели, Иисус явился сперва Марии Магдалине, из которой изгнал семь бесов. Она пошла и возвестила бывшим с Ним, плачущим и рыдающим; но они, услышав,

что Он жив и она видела Его, — не поверили. После сего явился в ином образе двум из них на дороге, когда они шли в селение, и те, возвратившись, возвестили прочим; но и им не поверили.

Наконец, явился самим одиннадцати, возлежавшим на вечери, и упрекал их за неверие и жестокосердие, что видевшим Его воскресшего не поверили. И сказал им: идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари. Кто будет веровать и креститься, спасен будет; а кто не будет веровать, осужден будет.

Уверовавших же будут сопровождать сии знамения: именем Моим будут изгонять бесов; будут говорить новыми языками; будут брать змей; и если что смертоносное выпьют, не повредит им; возложат руки на больных, и они будут здоровы. И так Господь, после беседования с ними, вознесся на небо и воссел одесную Бога. А они пошли и проповедовали везде, при Господнем содействии и подкреплении слова последующими знамениями. Аминь» (Мк. 16:9–20).

Кусок этот производит странное впечатление. Он сообщает некоторые изумительные подробности — апостолы будут изгонять бесов, говорить новыми языками, брать в руки змей и безбоязненно пить яд: и всё это — скомканной скороговоркой. Иисус «вознесся на небо и воссел одесную Бога»! Это сказано таким тоном, словно «он вошел в трамвай и купил билет»! Неужели Марк не мог осветить эти удивительные события поподробней?

Загадка, на самом деле, разрешается просто. Все эти 12 строк — поздняя вставка. Все древнейшие известные списки Марка кончаются историей с женщинами, которые убежали от раскрытого гроба «и никому ничего не сказали». Много веков спустя какой-то благочестивый переписчик, удивляясь, дополнил текст, как умел, записав на полях благочестивый синопсис дальнейшего — а потом уже эта вставка попала в основной текст^[514].

Одна разрешенная загадка, однако, порождает вторую: неотредактированный Марк кончается тем, что женщины разбежались «и никому ничего не сказали». Как это понять?

Марк — *самое раннее* из Евангелий. Каким же образом *самое раннее* из Евангелий не содержит никаких сведений о гвозде всей христианской программы: о явлении Иисуса апостолам после воскресения?

Очень возможно, что первоначальная концовка Евангелия от Марка эти сведения содержала. И сведения эти шли настолько вразрез с позднейшим представлением об апостолах, что их беспощадно вымарали еще во II–III вв.

Почему в «Деяниях апостолов» нет мученичества апостола Павла

Концовка Марка — это не единственная литературная загадка Нового Завета.

Еще одной такой же загадкой может считаться концовка «Деяний апостолов». «Деяния», как мы уже говорили, написаны тем же самым автором, что и Евангелие от Луки. Это диптих. В первой части диптиха рассказывается об Иисусе Христе, во второй — об апостоле Павле.

Про Иисуса Христа спутник Павла — наш условный Лука — рассказывает, как тот проповедовал в Иудее, творил чудеса, был схвачен римскими властями и по требованию иудеев распят. Про апостола Павла Лука рассказывает, как тот проповедовал по всему миру, творил чудеса и был схвачен римскими властями по наущению иудеев, требовавших его смерти.

Позднейшее христианское предание считало Павла мучеником, убитым в Риме по приказу Нерона.

Казалось бы, перед Лукой были все резоны — и литературные, и теологические, и исторические, — чтобы сделать два тома абсолютно симметричными по событиям. Иисус проповедовал и был казнен, Павел проповедовал и был казнен. Как-то даже неприлично ученику не последовать по стопам учителя.

Но концовка «Деяний апостолов» выглядит совершенно иначе. Павел прибыл в Рим и «учил там о Господе Христе со всяким дерзновением невозбранно» (Деян. 27:31).

И это вовсе не случайная концовка. Мы привыкли — это как-то само собой разумеется — считать Римскую империю враждебной христианству. Но в «Деяниях апостолов» всё наоборот: в них римляне постоянно выступают защитниками апостола Павла от «иудеев»!

Когда в «Деяниях апостолов» Павел возвращается в конце своей карьеры в Иерусалим, «асийские иудеи» нападают на него, крича: «Этот человек всех повсюду учит против народа и закона и места сего; притом и Еллинов ввел в Храм и осквернил святое место сие» (Деян. 21:28).

Возникает всеобщая потасовка. В нее вмешиваются римские войска и схватывают Павла, отбив его от разъяренной толпы. Пока Павла тащат в крепость, «множество народа» следует за ним и кричит «смерть ему» (Деян. 21:36).

Нетрудно заметить, что люди, пытающиеся убить Павла — это не официальное духовенство. Это всё та же, уже знакомая нам по *Псевдоклиментинам* типичная для тех лет богословская дискуссия, происходящая между группами милленаристов прямо на ступенях Храма с применением колюще-режущих предметов. И ведут ее с Павлом/Симоном Волхвом настоящие ученики Иисуса. Они предъявляют Павлу ровно то, что ему предъявляют Иаков и Петр: он «учит против народа и закона».

Римский тысяченачальник Лисий первоначально настроен по отношению к Павлу довольно сурово. Первым делом он спрашивает: «Не ты ли тот Египтянин, который перед сими днями произвел возмущение и вывел в пустыню четыре тысячи человек разбойников?» (Деян. 21:38) Понятно, что такое начало разговора не сулит Павлу ничего хорошего.

Однако после того как Павел говорит ему, что он римский гражданин, отношение римлянина резко меняется. «Я за большие деньги приобрел это гражданство. Павел же сказал: а я и родился в нем» (Деян. 22:28).

Был ли Павел римским гражданином или прихвастывал — это еще вопрос. Но так или иначе, после того как Лисий отказался наказывать Павла, против него составляется заговор. Племянник Павла, придя к римлянам, сообщает, что сорок человек собираются напасть на него во время рассмотрения дела и «заклялись не есть и не пить, доколе не убьют его» (Деян. 23:21).

Опять-таки этими заговорщиками не могут быть лояльные власти иудеи. Мы снова узнаём в этом портрете сикариев, тем более что клятва «не есть, не пить» (т. е. не есть мяса и не пить вина до исполнения зарока) была весьма типична для иудейских джихадистов^[515].

Тысяченачальник Лисий относится к этому предупреждению серьезно, и есть отчего: ведь именно в это время в Иудее бушует эпидемия убийств, первой жертвой которых стал первосвященник Ионатан. Сикарии ходят по Иерусалиму, убивая коллаборантов,

религиозные шайки сжигают села во имя бога и убивают тех, кто не хочет вместе с ними бороться за свободу, и по всей Иудее бродят «обманщики и прельстители, которые под видом божественного вдохновения стремились к перевороту и мятежам»^[516].

Поэтому Лисий предпринимает экстраординарные меры для защиты Павла. Он отправляет его в Кесарию к прокуратуру Феликсу под защитой двухсот воинов, семидесяти конников и двухсот стрелков (Деян. 23:23). Этот беспрецедентный эскорт хорошо показывает, как далеко зашла эрозия римской власти в стране, наполнившейся «обманщиками и разбойниками».

В Кесарии прокуратор Феликс, как и тысяченачальник Лисий, проявляет к Павлу необыкновенное внимание, и «придя с Друзиллою, женою своею, иудеянкою», слушает его «о вере во Христа Иисуса» (Деян. 24:24). Это сильно похоже на историю Симона Волхва, который, по словам Иосифа Флавия, убедил иудейку Друзиллу выйти замуж за римлянина.

Более того, мы понимаем, какие доводы привел Друзилле Симон. Ведь главным препятствием между браком Друзиллы и Феликса был иудейский закон, а Павел утверждал, что закон теперь отменен.

Впрочем, для алчного и презирающего иудеев прокуратора Павел был бесценным подарком даже и без этого матримониального бонуса.

Страна рушилась вокруг Феликса. В Иерусалиме царило двоевластие, в сельских районах сжигали «целые деревни», и даже в Кесарии, столице Феликса, иудеи и греки ежедневно рубились между собой. Павел, который учил, что во Христе нет ни эллина, ни иудея, на этом фоне являлся желанным персонажем. По сути говоря, он являлся тем самым «мирным ессеем», о котором сообщают нам Плиний Старший и Иосиф Флавий.

С той только разницей, что этому «мирному ессею» не было никакой нужды скрываться от римских властей у черта на рогах на берегу Мертвого моря. Напротив, ему приходилось скрываться от обитателей Мертвого моря под крылом римских властей.

Таким образом, судьба Павла — второго Христа — в «Деяниях апостолов» оказывается удивительной параллелью судьбе первого Христа.

Кульминацией обоих текстов является появление их главного героя в Иерусалиме. В «Евангелии от Луки» евреи отворачиваются от

Иисуса Христа, и в «Деяниях апостолов» евреи нападают на апостола Павла. В «Евангелии от Луки» евреи требуют от римлян предать Христа смерти и в «Деяниях апостолов» евреи требуют от римлян предать апостола Павла смерти.

Разница в том, что прокуратор Понтий Пилат прогнулся перед нечестивыми иудеями и Христа казнил, а прокуратор Феликс перед евреями не прогнулся. Автор «Деяний» ненавязчиво сравнивает Павла с Христом.

Что происходит с Павлом дальше? Здесь наши сведения расходятся.

Автор «Деяний» рисует его страдальцем, безвинно находящимся в заточении. Феликс часто беседует с ним, надеясь, что «Павел даст ему денег, чтобы отпустил его» (Деян. 24:26), но в конце концов, «желая доставить удовольствие иудеям», оставляет под стражей (Деян. 24:27).

Через два года преемником Феликса становится Фест. Римский лоялист и фарисей Иосиф Флавий характеризует Феста как корыстолюбивого и жестокого правителя, но автор «Деяний» к Фесту относится очень хорошо. Это справедливый человек, который хотел бы освободить Павла, но не может. Дело в том, что Павел сам просил о суде императора, и Фест посылает его в Рим на суд.

Иначе говоря, согласно Луке, Павел находился в Кесарии под чем-то вроде домашнего ареста, а в Рим отправился из-за случайного юридического стечения обстоятельств.

«Псевдоклиментины» рисуют нам другую картину. Согласно им, Симон Волхв проповедовал в Кесарии совершенно свободно, пока по его душу туда не явился уполномоченный Иаковом апостол Петр по прозвищу Бирйона (Террорист). Формально Петр Террорист явился туда на предмет богословской дискуссии, но богословские дискуссии в исполнении людей с подобными погонялами часто имеют летальный исход. Да и сорока человек, «покаявшихся ни пить, ни есть», пока они не убьют Павла, никто не отменял. Возможно, они-то и сопровождали диспутанта Петра Террориста в качестве группы поддержки.

Иначе говоря, Павел мог сбежать из Кесарии в Рим от сикариев во главе с Петром.

Так или иначе, по прибытии в Рим Павел получил совершеннейшую свободу. «И жил Павел целых два года на своем иждивении и принимал всех, приходивших к нему, проповедуя

Царствие Божие и уча о Господе Иисусе Христе со всяким дерзновением невозбранно», — заканчивает Лука свое повествование (Деян. 28:30–31).

Если подумать, это удивительная концовка. Получается, что ближайший ученик Павла или не знает, что его учителя в Риме казнили, или не хочет об этом упоминать. Но преследования христиан при Нероне в Риме были, и апостол Петр — тот самый, который, как мы имеем основания предполагать, конфликтовал с Павлом и в Антиохии, и в Кесарии, и в Риме — действительно поплатился в их ходе жизнью.

Так кто ж всё-таки был казнен? Неужели один апостол Петр?
А тогда кто же вломил его? Уж не апостол ли Павел?

Пророк Валаам и синагога Сатаны

«Деяния апостолов» утверждают, что ранней церкви были свойственны не только коммунизм, но и демократия.

Согласно им, после смерти Иисуса Дух Святой сошел сразу на двенадцать апостолов, а потом они выбрали еще семь человек, которые должны были заниматься хозяйственными делами. Таким образом, у Луки получается, что церковью руководили девятнадцать человек, причем главными из них, разумеется, были духовные учителя — апостолы, а семь *диаконов* были просто завхозы.

Есть ли у нас какой-нибудь другой христианский текст, рисующий структуру ранней церкви?

Да.

И это не что иное, как «Откровение Иоанна Богослова».

Картина, которую рисует нам «Откровение», кардинально отличается от картины, нарисованной учеником Павла Лукой.

Первая часть «Откровения» представляет собой письмо семи малоазийским церквям, т. е. семи общинам/яхадам в городах Эфес, Смирна, Пергам, Тиатира, Сарды, Филадельфия и Лаодикея.

У каждой из этих общин есть единоличный глава. Этот глава стоит так высоко, что Иоанн называет его *ангелом* (Откр. 1:20). Это словоупотребление Иоанна сразу напоминает нам о Кумране, где Господь приходит на землю с войском *ангелов* и *святых*.

Более того, эти семь человек являются не просто *ангелами*. Они одновременно являются семью рогами и семью очами Иисуса-Агнца. Эти семь рогов и семь очей — «это семь Духов Божиих, посланных на землю» (Откр. 5:6). Это поистине грандиозная картина: семь глав малоазиатских церквей являются не просто начальниками, хотя бы и очень могущественными: они являются Духами Божьими и сложной составной частью гигантского космического Агнца.

Именно эти семь ангелов *выливают семь чаш Гнева Божия на землю* (Откр. 16:1).

Первый ангел выливают чашу гнева, и все неверные покрываются гнойными язвами. Второй ангел выливает чашу гнева в море, и море превращается в кровь, убивая всё живое. Третий ангел превращает в

кровь пресные воды, четвертый ангел жжет людей огнем, пятый напускает саранчу, шестой устраивает засуху, а седьмой — землетрясение, и обрушивает на всех людей, кроме ста сорока четырех тысяч избранных, град величиной с талант. При виде этого тотального холокоста, обрушивающегося на человечество, ангелы проявляют всемерное одобрение: «*Праведен, ты, Господи, который еси и был, и свят, потому что так судил. За то, что они пролили кровь святых и пророков, ты дал им пить кровь. Они достойны того*» (Откр. 16:5–6).

Из этого мы видим, что у Иоанна во главе малоазиатских еkkлесий/яxадов нет никакого коллективного руководства: ими руководят люди, которые обладают фантастическим могуществом. Они могут насыпать град, засуху, землетрясение и обращать воду в кровь. Каждый из них является Духом Божиим и рогом Иисуса, и, понятное дело, это предъявляет особые требования к его ритуальной чистоте.

Именно это обстоятельство и является главной причиной аудита, проводимого Господом через Иоанна.

Дело в том, что в семи церквях, семи светильниках, горящих в руке Божией, не всё обстоит гладко.

Так, ангел Лаодикийской церкви хвастается тем, что он «богат» (Откр. 3:17). Дела ангела Сардийской церкви «не совершенны перед Богом» (Откр. 3:2), и еще хуже дело обстоит в Пергаме.

Мало того, что это место, где Престол Сатаны (в Пергаме стоял храм Зевса). В этом городе есть «держациеся учения Валаама, который научил Валака ввести в соблазн сынов Израилевых, чтобы они ели идоложертвенное и любодействовали» (Откр. 2:14).

Валаам — лицо, хорошо известное в Ветхом Завете. Это — пророк моавитян, с легкой руки которого израильтяне начали прелюбодействовать с дочерьми Моава, после чего Господь разгневался на Израиль и наслал на него мор.

Кто же такой пророк Валаам, который во времена Иоанна учит «есть идоложертвенное»?

Да всё тот же апостол Павел.

Именно этому он и учил. «Всё, что продается на рынке, ешьте без всякого исследования» (1 Кор. 10:25), — писал Павел, а ведь на рынке продавалось именно идоложертвенное мясо, и невозможность его есть

служила главной причиной теологических препирательств между Павлом и последователями Иакова, брата Господня.

Возможно, вы удивитесь — когда это Павел учил прелюбодействовать? Но дело в том, что Иоанн говорит, что Валаам учил заниматься «порнейей»^[517]. «Порнейя» — это всё, что связано с оскверняющими половыми связями. Первым таким осквернением были браки с чужеродцами — всяческими мадианитянками, которых ревностный Финеес пронзил копьем. Павел, устроивший брак иудейской принцессы с римским прокуратором, уже одним этим полностью подпадал под «порнейю».

Дух Божий, между тем, устами Иоанна продолжает свою ревизию церковей.

В Пергаме водятся «держасьиися учения николаитов, которые я ненавижу» (Откр. 2:15), а соседней Тиатире — некая лжепророчица. Она тоже учит есть идоложертвенное и заниматься порнейей. Мы опять не знаем ее имени — Иоанн называет ее «Иезавель», — но тут надо заметить, что опять-таки именно Павел проповедовал удивительное для того времени женское равноправие. У него были женщины-пророчицы, женщины-дьякониссы и даже женщины-апостолы. Этот феминизм был главной притягательной силой учения Павла, дававшей возможность реализовать себя и скучающим матронам, и забитым рабыням.

Но самой главной заботой Иоанна является наличие в церквях Азии тех, «которые говорят о себе, что они иудеи, а они не таковы, но синагога Сатаны» (Откр. 2:9).

Кто же эти те, «кто говорят о себе, что они иудеи, но не суть таковы, а лгут» (Откр. 3:9)?

Мы снова узнаем в этом описании последователей Павла, которые не соблюдали закона, но говорили про себя, что они — Новый Израиль. Иоанн называет их словом «Лжец», тем же самым, которое в «Дамасском документе» употребляется для описания лжепророка, совратившего часть «святых».

Павел и его последователи называли себя Новым Израилем, а практикующих иудеев — сыновьями Сатаны. Иоанн возвращает комплимент. «Последователи Сатаны» — это последователи Павла.

Этот Сатана — «великий дракон, древний змий, называемый диаволом и сатаною, обольщающий всю вселенную» (Откр. 12:9) —

преследует в Откровении «жену, облеченную в солнце», дабы, когда она родит, «пожрать ее младенца» (Откр. 12:4).

Диавол в Апокалипсисе совершенно отдельный враг: это не римский император, не римский прокуратор и даже не Лже-Помазанник. Он отличается и от Вавилонской Блудницы, и от Всадников Апокалипсиса, и от Зверя с семью головами и Десятью рогами.

Это — Прельститель и Лжец. Это — пророк Валаам. Это — Симон Волхв.

Апокалипсис Иоанна — один из первых текстов, который отождествляет с Сатаной, с древним чудовищем, с Раавом, Танним, Яммом — не политического врага, не царя, императора или фараона, не Лже-Помазанника даже, а Еретика.

«Они говорят, что они иудеи, но они не иудеи, а Синагога Сатаны» (2:9) — нельзя лучше описать последователей Павла с точки зрения кумранита. «Павел рекомендует всё то, что проклинает Иоанн»^[518].

Иоанн — отнюдь не единственный автор, который упоминает о расколе в рядах верующих в Иисуса.

Автор Апокалипсиса Илии тоже жалуется на «Лжецов, которые умножатся в последние времена» (Апокалипсис Илии, 13). «Вознесение Исаяи» упоминает самаритянского пророка Белхиру/Бога Говна, стараниями которого был предан смерти Исаяя.

«Апокалипсис Петра» вместо слова «Лжец» употребляет изумительный неологизм «псевдомартос» (ψευδομαρτυς), т. е. лжешахид, лжесвидетель. Для этих псевдомартосов, которые верили в Христа не так, как надо, в будущем мире добра и любви будет приготовлено особое наказание: они будут грызть свои языки, клеветавшие на Христа, и огонь изнутри будет пожирать их рты.

Но самый интересный текст, связанный с Валаамом/Павлом, находится не в зилотских Апокалипсисах, а в Талмуде.

В вавилонском Талмуде, в трактате Гиттин, рассказывается о том, как Онкелос, племянник императора Тита, принял единственную правильную веру — иудаизм. Благодаря этому ему с помощью некромантии удалось вызвать из ада трех величайших грешников. Каждый из этих грешников рассказал Онкелосу о наказании, которому подверг его Яхве^[519].

Первый из этих грешников — это император Тит, который разрушил Второй храм, разрубил своим мечом завесу в Святой Святых и совокупился в ней с проституткой на свитке Торы. За эти ужасающие деяния его постигло страшное наказание. После смерти Тита ежедневно сжигают и прах его развеивают над семью морями, а на следующий день всё повторяется вновь.

Второй грешник — это Иисус Назорей. Его варят в кипящем дерьме.

Что же касается третьего грешника — то это пророк Валаам, которого варят в кипящем семени.

Такой набор трех величайших грешников всех времен и народов вызывает нешуточное изумление.

Представим себе, что Тит и Иисус очутились в своем незавидном положении за то, что оба они приложили руку к разрушению Второго храма, один — как римский полководец, другой — как один из Мессий «четвертой секты». Но тогда при чем тут пророк Валаам, который жил за сотни лет до них обоих?

Если автору притчи нужен был третий грешник для комплекта, то почему им оказался не царь Ахав, который оптом убивал пророков Яхве? Не Манассия, который «делал неправедное в глазах Господа»? Не Навуходоносор, наконец, разрушитель Первого храма? Чем автору талмудической притчи так не угодил именно пророк Валаам, который, в конце концов, несколько раз благословлял народ Израиля?

«Откровение» Иоанна Богослова, автор которого называет Валаамом апостола Павла, дает нам ответ на этот вопрос: Валаам — это апостол Павел, который учил «порнейе» и теперь за это варится в кипящем семени.

Тем самым притча в трактате Гиттин обретает полную логичность и завершенность. Она называет трех человек, которые виноваты в падении Второго храма — это Мессия «четвертой секты» Иисус Назорей, непосредственный разрушитель Храма Тит и Павел/Валаам, иудей, проповедовавший отказ от закона.

Глава 15

Иаков, брат Иисуса

Итак, мы вправе предположить, что за «магическими состязаниями» между Петром и Симоном Волхвом скрывается богословская дискуссия, перерастающая в теракт, и что апостол Петр не только не был единомышленником Павла, но, наоборот, совмещал свою просветительскую деятельность с руководством зондеркомандой, посланной *праведниками* и *ревнителями* с целью заставить замолчать отвратительного и мерзкого еретика. В таком случае отъезд Павла/Симона Волхва в Рим был, как и утверждается в «Псевдоклиментинах» и «Деяниях Петра», просто бегством от еврейского ИГИЛа.

Но кто возглавлял этот ИГИЛ? Кто объявил Павла своим смертельным врагом за кощунственную интерпретацию учения Иисуса?

Кто стал так влиятелен за годы, прошедшие со смерти Иисуса, что его приверженцы избили Павла до полусмерти сначала в городе Листре (Деян. 14:19), а потом в Фессалониках (Деян. 17:5)?

К кому Павел был вынужден, чтобы остаться в живых, явиться на поклон в Иерусалим и кто натравил на Павла у Храма толпу? Кто после его ареста послал по его душу сорок еврейских моджахедов, а когда Павла экстрадировали под усиленной охраной из Иерусалима в Кесарию, послал за ним Петра, который не остановился, идя по следу Павла, до той поры, пока не настиг его в Риме?

Мы уже встречали этого человека, хотя и косвенно. Теперь настала пора познакомиться с ним поближе.

Этот человек — Иаков, брат Иисуса, ставший в какой-то момент главой всех его последователей и занимавший эту должность до самой своей гибели в 62 или 63 г. н. э.

О том, что Иаков, брат Иисуса, играл в истории христианства огромную роль, почему-то опущенную в «Деяниях апостолов», писали еще Роберт Эйслер и Самуил Брендон. Однако первым человеком, собравшим и систематизировавшим все сведения об Иакове, стал наш современник Роберт Эйзенман. Две его книги «Иаков, брат Иисуса»

принадлежат к числу книг, навсегда меняющих наш взгляд на историю христианства.

Без преувеличения можно сказать, что все тексты, вошедшие в Новый Завет, начиная с Евангелия от Марка, преследуют одну, совершенно конкретную цель — вычеркнуть Иакова, брата Иисуса, из истории христианства, точно так же, как «Краткая история ВКП(б)» преследовала цель вычеркнуть Троцкого из истории революции.

Книга Эйзенмана возвращает ему его законное место.

Глава всех последователей Иисуса

Иаков, брат Иисуса, называется в «Псевдоклиментинах» главой всей *экклезии*, т. е. всей общины последователей Иисуса. Более того, в них указывается, что никто, никогда, ни при каких обстоятельствах не имеет права проповедовать Иисуса, *не имея на то письма от Иакова*.

«Не верь никакому учителю, кроме того, который предоставит свидетельство от Иакова, брата Господня, из Иерусалима, или от того, кто придет ему на смену. Ни при каких обстоятельствах не принимай никого, не считай никого достойным проповедовать слово Христово, если он не был там, не был одобрен и не имеет, как я говорю, свидетельства», — напутствует Петр Климента^[520].

Это — то самое свидетельство, которого Павел не имеет и при упоминании о котором он каждый раз в своих письмах ударяется в возвышенную теологическую риторику: мол, как вы смеее спрашивать у меня водительские права, когда меня сам Дух Святой научил водить мой «Форд-Фокус»?

Отсутствие этой верительной грамоты является для Павла совершенно роковым. *Праведники/цадиким*, как и любая террористическая организация, отличались железным единоначалием и дисциплиной. «Все действия совершаются ими не иначе, как по указаниям лиц, стоящих во главе их»^[521].

Отступники наказываются смертью. Павел, который не только не руководствуется указаниями Иакова, но и учит об Иисусе прямо противоположное тому, чему учит Иаков, переходит, с точки зрения *цадиким*, все и всяческие границы.

Именно поэтому в «Деяниях апостолов», написанных учеником Павла, о статусе Иакова ничего не говорится.

Более того, «Деяния» вообще не говорят, что после смерти Иисуса его ученики избрали кого-то руководителем общины. Вместо этого в самом начале «Деяний» описана поразительная сцена: апостолы собираются вместе на день Пятидесятницы.

«И внезапно сделался шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра, и наполнил весь дом, где они находились. И явились им разделяющиеся языки, как бы огненные, и почили по одному на

каждом из них. И исполнились все Духа Святаго, и начали говорить на иных языках, как Дух давал им провещевать» (Деян. 2:2–4).

По размаху фальсификации эта сцена имеет мало равных в истории.

Апологет Павла, наш условный Лука, не просто изымает Иакова из истории, как Сталин изъял из истории Троцкого. Он заменяет сцену избрания Иакова единоличным главой общины сценой установления коллективного руководства. Он маркирует это коллективное руководство так же, как Бог маркировал иудейских пророков, ибо «шум с неба» и «огненные языки» явились в эту сцену прямиком из «огненных рек», которые видел Енох, и «сильного шума, как бы гласа Всемогущего», который сопровождал разверзшиеся небеса перед Иезекиилем (Иез. 1:24).

И, более того, он выворачивает эту сцену наизнанку: если Иезекииль, Исайя, Енох — все, кому являлись огненные реки и кого касались раскаленные угли — проповедовали иудеям, то это коллективное собрание апостолов отныне проповедует на всех языках.

Если дать самое краткое определение протоортодоксального христианства — это христианство, из которого вычеркнут Иаков, брат Господень.

Иаков Праведник

Несмотря на то, что Иаков вычеркнут из истории учеником Павла, он сохранился во многих других источниках. Один из них — это письма самого Павла. В письме к Галатам Павел называет его по имени (Гал. 1:19).

Послание к Галатам начинается очень характерно: у Павла нет верительных грамот от Иакова, и он объявляет, что эти грамоты ему вручил сам Иисус: «Павел Апостол, *избранный* не человеками и не через человека, но Иисусом Христом и Богом Отцем, воскресившим Его из мертвых — церквям Галатийским» (Гал. 1:1–2).

В этом письме Павел ненароком дает понять, что его недоброжелатели значат в иерархии секты куда больше его. Он называет Иакова, Кифа (т. е. Петра) и Иоанна «почитаемыми столпами» (Гал. 2:9) и «особо знаменитейшими» (Гал. 2:2) и тут же добавляет с досадой, что «в этих знаменитых, какими бы ни были они когда-либо, для меня нет ничего особенного» (Гал. 2:6).

В отличие от автора «Деяний», Иаков известен многим другим отцам церкви.

Еврей Гегесипп, приехавший в Рим в середине II века, писал о нем так: «Брат Господень Иаков получил управление Церковью вместе с апостолами. Все — от времен Господа и доньне — называют его „Праведным“»^[522].

Климент Александрийский писал в своих несохранившихся «Гипотипосис»: «Петр, Иаков и Иоанн, хотя и были особо Спасителем почтены, однако после вознесения Спасителя не оспаривали друг у друга эту честь, но избрали епископом Иерусалима Иакова Праведного»^[523].

Согласно Евсевию, «Иакова, брата Господня, апостолы возвели на епископский престол в Иерусалиме»^[524].

Согласно бл. Иерониму, Иаков «был посвящен апостолами в епископы Иерусалима сразу после Страстей Господних». Он «правил церковью Иерусалима тридцать лет»^[525].

Одна из главных черт Иакова Праведника, как его описывают все наши источники — это строжайшее соблюдение им иудейского закона.

Он был аскет и фанатик.

Согласно Гегесиппу, брат Иисуса, Иаков Праведник был «свят от чрева матери».

«Он не пил ни вина, ни пива, не вкушал мясной пищи; бритва не касалась его головы, он не умащался елеем и не ходил в баню. Ему одному было дозволено входить во Свята Святых; одежду носил он не шерстяную, а льняную (т. е. одежду жреца — прим. авт.). Он входил в Храм один, и его находили стоящим на коленях и молящимся о прощении всего народа; колени его стали мозолистыми, словно у верблюда, потому что он всегда молился на коленях и просил прощения народу. За свою великую праведность он был прозван „Праведным“»^[526].

Перед нами — явно не описание незначительного сектанта. Перед нами — описание иерарха оппозиционной церкви. Это описание удивительно контрастирует с образом его брата Иисуса, известного нам из постпавловских Евангелий. Иакова нельзя представить себе «едящим и пьющим» с грешниками. Он — глава суровой общины, требовавшей от своих членов абсолютной чистоты.

Такая община нам хорошо известна из Иосифа Флавия. Это — не что иное, как община *ессеев*, которые избегали чувственных наслаждений и были аскетами и фанатичными последователями закона.

Еще более впечатляюще выглядит описание Иакова Епифанием из Саламиса, взятое, вероятно, из утерянного текста под названием «Вознесение Иакова».

Епифаний сообщает, что «Иаков носил табличку на голове... Он никогда не носил шерстяных одежд. Его колени стали мозолистыми, как у верблюда, от постоянных его коленопреклонений перед Господом, вследствие его излишнего благочестия. Поэтому его больше не звали по имени. Его имя было „Праведник“. Он никогда не мылся в бане, не ел животной пищи... и не носил сандалий»^[527].

Итак, брата Иисуса звали не просто Иаков. Его звали Иаков Праведник, Цадок — т. е. так же, как звали основателя «четвертой секты» фарисея Цадока. Он был новый Цадок.

Более того, он претендовал на то, чтобы быть *первосвященником*. Он носил «табличку на голове», т. е. полагающуюся первосвященнику табличку с запретным именем бога, и ему «одному было позволено

входить в Святая Святых». Входить в Святая Святых было позволено только первосвященнику и только один раз в год — на Пасху. Именно в этот день первосвященник входил в Святая Святых и произносил там имя бога.

Мы легко можем себе представить, какое неудовольствие эти претензии Иакова вызывали у четырех благородных домов — Анана, Каиафы, Фаба и Бозта, время от времени перекупавших у римлян самый высокодоходный пост того времени в Иудее. Мы также легко можем понять, почему Ирод, а за ним римляне, вплоть до 36 года хранили под замком одеяние первосвященника с кистями, к которому были привешены золотые колокольчики, с повязкой из золота, пурпура, виссона, шарлаха и гиацинта, с наплечным покровом, густо затканном золотом, с сардониковыми застежками, на которых были вырезаны имена колен Израилевых, и наконец, с той самой тиарой из виссона и гиацинта, которую украшала золотая табличка с именем Яхве^[528].

После 36 года и отставки Пилата это одеяние было сдано сирийским наместником Вителлием новому первосвященнику — Иоанатану бен Анании, сыну того самого Анании (Анны), который при Пилате был серым кардиналом Синедриона. Именно этот Иоанатан и стал первым первосвященником, погибшим от рук террористов-сикариев.

Мытарства первосвященнического одеяния, как в зеркале, отражают в себе соперничество за него двух могущественных домов: богатого дома первосвященника Анании, поставившего первосвященниками всех своих пятерых сыновей — и дома, к которому принадлежал альтернативный первосвященник Иаков, который не ел мяса, не пил вина и носил то же прозвище, что и основатель «четвертой секты» Цадок.

Иаков также умел совершать чудеса. Особой его приметой — так же, как Самуила, Илии, Елисея, и Хония Рисовальщика Кругов — была власть над дождем. «Однажды, когда была засуха, он воздел руки к небу и начал молиться, и немедленно пошел дождь»^[529].

Дошедшие до нас канонические Евангелия очень сдержанно ведут себя, когда речь заходит о посмертном явлении Иисуса. Как правило, они утверждают, что Иисус явился сразу «нескольким апостолам», но не уточняют, каким именно. А из древнейших списков Марка сцена воскресения вообще вычищена. Это очень странно.

Ведь воскресение было поворотное для мира событие, и свидетель, которому первый явился воскресший Иисус, имел первостепенное значение. Злобный неоплатонист Порфирий, как мы помним, это-то обстоятельство и выбрал главной мишенью своей атаки, издевательски вопрошая, почему Иисус после воскресения не явился разным уважаемым лицам: например, Пилату, или Тиберию, или Сенату, который принял постановление о казни его последователей?

Евангелие от евреев, которое было главным евангелием эбионитов и которое считалось ими подлинным Евангелием от Матфея, прекрасно знает, кому первому явился Иисус. *После своего воскресения он явился именно своему брату Иакову.*

«В Евангелии, названном Евангелием от евреев, которое я недавно перевел на греческий и латинский, — пишет бл. Иероним, — и которое часто использует Ориген, после рассказа о воскресении Спасителя говорится: „Но Господь, отдав свой саван священнику, предстал перед Иаковом“ (т. к. Иаков дал обет полного поста, пока не увидит Восставшего собственными глазами) — и снова немного позднее говорится: „Приготовь стол и хлеб, — сказал Господь“, — и сразу после этого: „И он принес хлеб, и благословил, и разломил, и дал Иакову Праведному, и сказал ему: „Брат мой, вкуси хлеба, ибо Сын Человеческий восстал““»^[530].

Итак, согласно Евангелию от евреев, Иисус после своего воскресения *явился своему брату Иакову*. Это его брат Иаков, девственник, не вкушавший ни вина, ни мяса, с коленями, мозолистыми от молитв, первым увидел воскресшего Мессию. Он возглавил фракцию тех, кто утверждал, что Иисус Мессия воскрес, и оставался во главе этой фракции около тридцати лет, до тех самых пор, пока не был казнен по указанию первосвященника Анании.

Иосиф Флавий очень подробно описывает события, связанные с этой казнью.

Он сообщает, что эта казнь произошла после того, как умер прокуратор Иудеи Фест (то есть в 62 г.), и новый прокуратор, Альбин, еще не доехал до Иудеи. Этот-то момент очередной первосвященник из дома Анании — на этот раз это был его сын Анания бен Анания — и выбрал для того, чтобы расправиться со своим могущественным

соперником, претендовавшим на статус первосвященника по версии зилотов.

Анания «собрал Синедрион и представил ему Иакова, брата Иисуса, именуемого Христом, равно как нескольких других лиц, обвинил их в нарушении законов и приговорил к побитию камнями»^[531].

Мы не знаем, какие события предшествовали этому аресту. Может быть, дело было просто в решительном и жестком характере новоназначенного первосвященника, который был намерен выжечь заразу каленым железом. Может быть, он хотел отомстить за брата — ведь его брат, первосвященник Иоанатан, несколько лет назад пал первой жертвой развязанного сикариями террора. Может быть, Иаков действительно в это время вошел в Святая Святых в одежде первосвященника и с табличкой на голове — не такое уж невероятное предположение, если учесть, что в это время не только весь Иерусалим трепетал перед сикариями, но и многие из храмовых священников были на их стороне.

Однако нам известно из Иосифа Флавия о реакции истеблишмента на эту казнь. Этой реакцией была паника.

«Все усерднейшие и лучшие законоведы, бывшие в городе, отнеслись к этому постановлению неприязненно. Они тайно послали к царю с просьбою запретить Анану подобные мероприятия на будущее время и указали на то, что и теперь он поступил неправильно.

Некоторые из них даже выехали навстречу Альбину, ехавшему из Александрии, и объяснили ему, что Анания не имел права, помимо его разрешения, созывать Синедрион. Альбин разделил их мнение на этот счет и написал Анании гневное письмо с угрозой наказать его. Ввиду этого царь Агриппа лишил Ананию первосвященства уже три месяца спустя после его назначения и поставил на его место Иисуса, сына Дамнея»^[532].

Из этой истории мы можем сделать несколько выводов. Во-первых, мы видим, что казненный в 62 году Иаков, брат Иисуса, называемого Христом, был действующим иудеем. Его сбросили со стены храма и побили камнями — это была религиозная казнь, которой подлежал человек, который *прельщал* Израиль.

Мы не знаем, что проповедовал Иисус, но мы видим, что спустя несколько десятков лет после его казни его брат Иаков исповедовал

иудаизм и никто из всех задействованных в этой истории лиц — ни первосвященник Анания, ни «усерднейшие и лучшие законоведы», ни сам Иосиф Флавий — не сомневались, что Иаков, брат Иисуса, называемого Христом, был иудеем.

Во-вторых, Иосиф рассказывает нам поистине необыкновенную историю. Казнили явно человека, неугодного властям. Он сидел у рода Анании, как кость в горле. Первым действием нового первосвященника была казнь Иакова и его приближенных.

И вот, несмотря на то, что Иаков был неугоден, эта казнь породила такую панику, что большое количество высокопоставленных людей поспешили любой ценой от нее откреститься. Это даже стоило первосвященнику Анании должности, хотя нимало не умерило его влияния, которое после этой расправы, по словам Иосифа Флавия, продолжало расти день ото дня.

«Дело в том, что он давал займы деньги и постоянно умел склонять подарками Альбина и другого первосвященника (Иисуса). При этом у него были крайне испорченные слуги, которые в обществе подонков народа отправлялись на гумна и там насильно овладевали предназначавшеюся для простых священнослужителей десятиною; в случае же сопротивления они прибегали к побоям... Тогда-то многим из священников, для которых раньше десятина представляла источник существования, пришлось умереть от голода»^[533].

Этот беспредел со стороны Анании (гораздо более похожий на зачистку симпатизирующих Иакову бедных священников) прервала только вспышка террора со стороны сикариев. Для начала они украли сына Анании, Елеазара, но не убили его, а предложили обменять на десятерых захваченных Альбином сикариев. Анания взмолился к Альбину, и Елеазар был отпущен.

Это привело к новой волне террора.

«Теперь разбойники всячески старались захватить кого-нибудь из членов семьи или близких Анании и систематически держать их у себя до тех пор, пока не получат в обмен несколько сикариев. Тем временем число последних вновь увеличилось, и они с неслыханной дотоле дерзостью опустошали всю страну»^[534].

Сведения Иосифа Флавия поразительны. Иосиф Флавий утверждает, что Иаков, брат Иисуса, был действующим иудеем. Что он был казнен в 62 году и что эта казнь привела истеблишмент в такую

панику, что рабби один за другим поспешили сложить с себя всякую за нее ответственность. Он также сообщает, что эта казнь привела к активизации сикариев, причем первой их жертвой сделался сын того самого первосвященника Анании, который и казнил Иакова, брата Иисуса.

Но, как мы уже говорили, этот текст подвергся христианской редакции. Из него кое-что вычеркнули. А именно, из него вычеркнули фразу Иосифа Флавия, впрямую связывающую смерть Иакова, брата Иисуса, с *Иудейской войной*.

Это несчастье, согласно Иосифу Флавию, которого цитирует в данном случае Евсевий Кесарийский, «случилось с иудеями в отмщение (ἐδίησιν) за Иакова Праведного, брата Иисуса, называемого Христом, ибо его, человека праведнейшего, иудеи убили»^[535].

В сохранившихся текстах Иосифа Флавия этот абзац отсутствует, однако в том, что он существовал, сомневаться не приходится. Этот абзац, кроме Евсевия, видели и Ориген^[536], и бл. Иероним^[537], которые не только цитируют его, но и выражают негодование по этому поводу: ведь, согласно церковной доктрине, падение Храма произошло не из-за побиения камнями Иакова, а из-за распятия Христа.

«Их пронзительные протесты, особенно Оригена и Евсевия, вероятно, имеют отнюдь не косвенное отношение к исчезновению этого абзаца из всех дошедших до нас рукописей *Иудейской войны*», — замечает Роберт Эйзенман^[538].

Как легко понять, причиной *Иудейской войны* могла быть только одна смерть — смерть главы секты сикариев. В этом случае восстание было мезтью за эту смерть. Однако предположение, что брат Иисуса, Иаков, руководил сикариями и зилотами, плохо согласуется с гипотезой о мирном и никому не известном Иисусе.

Если воинственный и фанатичный Иаков, взявший себе тот же псевдоним, что и основатель «четвертой секты» Цадок, руководил этой самой сектой в течение тридцати лет, то, очевидно, он делал это как наследник своего брата. Он ведь тоже происходил из рода Давидова. Но если влиятельный и известный Иаков был всего лишь наследник своего брата, то как же мог быть неизвестен его брат?

Община Иакова Праведника

Как называлась община, которой руководил Иаков, брат Господень? Мы уже вскользь касались этого вопроса. Остановимся теперь на нем поподробней.

«Христианами» она не называлась ни при какой погоде. «Христиане» было слово, которое использовали враги общины.

Какими самоназваниями пользовались ученики Иисуса?

Одно из этих самоназваний было «зилоты». «Видишь, брат, сколько тысяч уверовавших, и все они зилоты» (Деян. 21:20), — говорит Иаков Павлу. Но зилоты — это самоназвание «четвертой секты».

Еще одно самоназвание общины — «Следующие Пути». Павел в начале своей карьеры преследовал «до смерти Следующих Пути (Ὀδόν)» (Деян. 22:4) и выпросил у первосвященника письма к синагогам, чтобы «найти Следующих Пути» (Деян. 9:2). «Следующие пути» было также одним из излюбленных самоназваний обитателей Кумрана.

Еще одно самоназвание ранних последователей Иисуса — это «святой». Павел постоянно употребляет его в своих письмах. Он называет членов своей общины «святыми». «Приветствуют вас все святые (ἅγιοι)» (2 Кор. 13:12). То же самое слово употребляет в отношении приверженцев Иисуса Иоанн Богослов (Откр. 13:7). То же самоназвание употребляет и другой ранний христианин, Папий Александрийский: «И когда кто-либо из *святых* возьмется за кисть»^[539].

Как о «святом», об Иоанне Крестителе говорит Марк: «Ирод боялся Иоанна, зная, что он муж праведный и *святой*, и берег его» (Мк. 6:20). Согласно Гегесиппу, брат Иисуса Иаков Праведник был «свят от чрева матери». Иосиф Флавий описывает ессеев как людей, которые «преследуют особую святость»^[540].

Слово «святые» — это также постоянное самоназвание кумранитов. В «Свитке войны» описываются «станы святых», в Уставе Общины говорится об «общине святых», и Енох видит жилища святых на небе у Господа.

Чаще, чем «святыми», обитатели кумранской общины называли себя только «праведными», *цадиким*, по прозвищу своего основателя Цадока. Это же самое слово является самоназванием ранних христиан. Иаков, брат Господень, прозывается Праведник. Апостол Павел с негодованием говорит о своих соперниках, «лжеапостолах, которые представляются как *служители праведности*» (διάκονοι δικαιοσύνης) (2 Кор. 11:5). Слово *праведники* являлось самоназванием христиан вплоть до IV века, когда оракул Аполлона в Дидиме потребовал от императора Диоклетиана истребления *праведников*, разумея под этим христиан.

Еще одним самоназванием кумранской общины было *эбионим*, т. е. бедные, нищие. Также *эбионим* впоследствии назывались иудействующие христиане. Еще более поразительно то, что в одном из вариантов «Свитка войны» *святые* и *праведники* называются не только «нищими», но и «нищими духом», как и в Нагорной проповеди (Мф. 5:3). В «Свитке войны» они назывались «сынами света», так же, как в Евангелии от Иоанна (Ин. 12:36).

Еще одним важнейшим самоназванием кумранской общины было «Хранители Завета», или, на древнееврейском — ноцрей ха-Брит, то есть *ноцрим*, *назорей*. Именно представителем «назорейской ереси» называет Павла первосвященник Анания (Деян. 24:5). Прозвище Иисуса было Иисус Назорей (Мк. 10:47; Мф 26:71; Лк. 18:37). Ранние христиане назывались «назореями» и «ессеями», — пишет Епифаний^[541]. На иврите христиане называются «назореями» (ноцри) до сих пор, и это же название сохранилось в арабском, где христиане называются «насрани»^[542].

Иначе говоря, все знаковые для обитателей Кумрана самоназвания были также самоназваниями последователей Иисуса. И наоборот, все самоназвания последователей Иисуса были также самоназваниями обитателей Кумрана. И те, и другие были *святые, праведники, Сыны Света, ревностные, нищие духом, назорей и Следующие Пути*.

Что еще интересней — в ряде случаев именно кумранское словоупотребление дает нам возможность понять, что именно значит слово *святой* в Новом Завете.

К примеру, утверждение, что «Сын Человеческий придет во Славе отца своего со *святыми* ангелами» (Мк. 8:38; Лк. 9:26), непонятно без кумранского представления о *святых* как мистически избранных

людях, еще при жизни равных богам и способных вступать в общение с ангелами и быть членами войска духов.

Ранние христиане и кумраниты разделяют не только самоназвания — они разделяют также и особенности общественной организации. И те, и другие имеют общность имущества. И те, и другие подчиняются мебаккерам/епископам. И те, и другие имеют строжайшую иерархию, на самом верху которой стоит отпрыск дома Давидова.

Даже героически отстаивающий гипотезу о «мирных ессеях» Геза Вермес вынужден признать, что кумранское общественное устройство «заставляет предположить прямую причинно-следственную связь» между кумранитами и христианами. «Вероятно, молодая и еще неопытная церковь строила себя по модели хорошо к тому времени развитого есеевского сообщества», — пишет он^[543].

Гипотеза о наличии в Палестине того времени сразу двух фанатических сект, которые обе называли себя праведниками, святыми и назореями, обе подчинялись епископам/мебаккерам, обе возглавлялись отпрысками дома Давидова и обе исповедовали общность имущества, точь-в-точь напоминает рассказ Марка о некоем преступнике Иисусе Сыне Отца, который орудовал в Иерусалиме в то же время, когда там проповедовал мирный Иисус Сын Божий. Некоторые приемы не меняются даже за тысячелетия.

Но дело не только в самоназвании и структуре. Кумраниты и ранние христиане имеют еще и одинаковую картину мира.

Некоторые детали этой картины мира стали так привычны для нас, что мы даже не сознаём, насколько резко они отличаются от Пятикнижия Моисея.

Ранние христиане и кумраниты разделяют общее представление о могуществе Сатаны. Если в ортодоксальном иудаизме у Бога не существует соперников, то у ранних христиан, как и у кумранитов, Сатана — князь или даже «бог века сего» (2 Кор. 4:3).

Они разделяют представление об ангелах, падших из-за того, что они совокупились с дочерьми человеческими. *Падшими* эти ангелы называются только в книге Еноха. В Книге Бытия ничего о падении ангелов не говорится. В ней совокупление Сынов Божиих с дочерьми человеческими описано в совершенно нейтральных тонах, а великаны, плод их союза, называются «сильные, издревле славные люди» (Быт. 6:4).

Ранние христиане и кумраниты разделяют представление о духовной природе ангелов. Во всех трех синоптических Евангелиях саддукеи, желая подколоть Иисуса, задают ему каверзный вопрос: если одна и та же женщина была женой поочередно семи братьев, то чьей женой она будет по воскресении?

«Иисус сказал им в ответ: заблуждаетесь, *не зная Писаний*, ни силы Божией, ибо в воскресении ни женятся, ни выходят замуж, но пребывают, как Ангелы Божии на небесах» (Мф. 22:29–30; Мк. 12:24–25).

Но в Торе нет ничего о духовной природе ангелов. В Жреческом Документе ангелов нет вообще, а в J, откуда взята история о Сынах Божиих, совокупляющихся с дочерьми человеческими, эти самые сыны, как легко видеть, совершенно не против секса.

О духовной природе ангелов говорит именно Книга Стражей — «будучи духовными, святыми, в наслаждении вечной жизни, вы осквернились с женами» (Енох. 3:44). Именно на нее и ссылается Иисус. Он цитирует книгу Еноха как св. Писание.

Ранние христиане и кумраниты разделяют представление о том, что те, кто будет умерщвлять свою плоть и постигнет тайны, известные секте, сами станут как ангелы, особенно после смерти. Если ортодоксальный иудаизм возводит между Богом и человеком глухую стену, то кумраниты и ранние христиане разрушают ее. Они обещают, что их адепты будут «равны ангелам и суть сыны Божии» (Лк. 20:36).

Если ортодоксальный иудаизм запрещает видеть Бога, то ранние христиане, как и кумраниты, именно что возносятся на небеса (2 Кор. 12:2). Они умеют «видеть небо отверстым и Ангелов Божиих восходящих и нисходящих к Сыну Человеческому» (Иоан. 1:51).

Раннехристианское представление о Святом Духе в значении «ипостась бога, снисходящая на человека и делающая его *святым*», совершенно одинакова для Кумрана и Евангелий, и более того, евангельское словоупотребление непонятно без кумранского.

При этом мистическая идеология воздержания, святости и аскетизма, умение возноситься на небеса и становиться сынами Божиими в раннем христианстве, точно так же, как и в Кумране, не исключает сладострастного предвкушения физической расправы над врагами и столь же физического и материального процветания природы, последующего за этой расправой.

Наоборот: она предполагает их. Именно в силу особой святости христиан и кумранитов творимая ими резня и является актом космического искупления. «Грабь, герой», — восклицает «Свиток войны». «Вы будете преданы в руки праведных; они перережут ваши шеи и умертвят вас», — пророчествует Енох. (Енох. 19:69). «Отраднее будет земле Содомской и Гоморрской в день суда, нежели тому городу, который не примет учеников Иисуса», — обещает Иисус (Мф.10:15).

Кумраниты и христиане разделяют представление о Страшном суде и о том, что на этом суде будет награждение *праведников* и наказание грешников.

Они разделяют представление о наступившем вслед за Страшным судом материальном изобилии для спасенных праведников. «На каждом виноградном кусте будет десять тысяч лоз», — обещает Иисус у Папия^[544]. «И мера маслин даст десять прессов елея», — обещает Енох (1 Енох. 2:49).

Они разделяют представление о том, что Господь Мессия придет с войском ангелов на облаках (IQM XII; Мф. 26:64. Откр. 1:7).

Они разделяют представление о том, что этот Мессия, ветвь рода Давидова, будет Второй Властью в Небе, воплощением Господа и Сыном Бога. «Сыном Бога он будет называться, и Сыном Всевышнего назовут его» (4Q 246), — читаем мы в кумранских текстах. «Он наречется Сыном Всевышнего... Сыном Божиим наречется рождаемый святой» (Мф. 1:32–35), — читаем мы в Евангелии от Матфея.

Они разделяют представление о том, что этот Мессия был «презрен», но теперь он находится выше ангелов (4Q 471b). Этот Мессия, как и Иисус, висящий на кресте, — предмет насмешек и поношений: «Они скажут против него много слов... Они будут изобретать басни про него, и они будут говорить о нем все бесчестное» (4Q 541, fr. 9). В «Дамасском документе» этого Мессию, возможно, называют Иеша (Спасение).

Они разделяют представление о «мете» или «печати». В «Дамасском документе» в день Страшного суда спасется только тот, кто имеет «мету». В «Откровении Иоанна Богослова» спасется только тот, кто имеет «печать».

Они разделяют понятие о «Новом Завете». И те, и другие считают себя Новым Израилем, который заключил с богом Новый Завет. Только

те, кто вошел в Новый Завет, есть *праведники* и подлежат Спасению.

Если оно плавает, как утка, крикает, как утка, и называется, как утка — вероятно, оно утка и есть. Если Иаков Праведник возглавлял общину *святых, праведников, ревностных, нищих духом, Следующих Пути и назореев Нового Завета*, ждущих пришествия Иешуа на облаках небесных — то, вероятно, он возглавлял Кумран.

Единственное возражение против отождествления кумранитов и ранних последователей Иисуса заключается в том простом обстоятельстве, что ряд кумранских текстов явно предшествует Иисусу.

Но это возражение имеет смысл, только если принять традиционную хронологию христианства и считать вместе с Лукой, что оно появилось на свет в 29 г. н. э, когда Иоанн Предтеча начал проповедовать скорое пришествие Мессии.

Эта традиционная хронология — неправда.

Даже Мелитон и Тертуллиан предательски проговариваются, что имя «христианин» появилось на свет *во время императора Августа*, то есть тогда же, когда, согласно Иосифу Флавию, на свет появилась «четвертая секта». Славянский Иосиф отождествляет Цадока и Иоанна Крестителя и утверждает, что он проповедовал по крайней мере 30 лет, с 6 по 36 г. н. э. А мандеи утверждают, что Иоанн Креститель проповедовал сорок два года.

Если принять гипотезу о том, что Иисус Назорей, как и Мессия Менахем и Иуда Галилеянин, происходил из рода атамана Иезекии, то начало иудейской секты, часть которой впоследствии развилась в римское христианство, именно что датируется I в. до н. э, а сама эта секта датировала себя еще раньше. Она считала себя настоящими преемниками тех *святых*, которые подняли восстание против Антиоха IV Епифана. Еврейские источники неизменно связывают деятельность Иисуса Назорея с именами Иехошуа бен Перахии и Симеона бен Шетаха, и очень возможно, что эти источники и в самом деле правильно определяют время раскола *святых* на правящих фарисеев и оппозиционных ессеев.

Тот факт, что такие тексты, как «Свиток войны», мы можем, скорее всего, датировать временем гражданской войны против Ирода, — это вовсе не повод отрицать тождество кумранитов и ранних

христиан. Это повод для другого — для пересмотра хронологии раннего христианства.

Глава 16

О чем молчат «Деяния апостолов»

Вернемся снова к «Деяниям апостолов» и попытаемся восстановить неотцензурированную историю развития христианской общины после казни Иисуса.

Никакой демократии в этой общине не было. Никакие языки пламени на апостолов не сходили. Преемником Иисуса стал его брат Иаков по прозвищу Праведник.

Апостолы проповедовали прямо в Храме, храмовые священники обращались в веру *святых*, а доказательством истинности этой веры были постоянно творимые исцеления и чудеса. Эти исцеления совершались прямо на ступенях Храма на глазах зевак.

Начиная с эпохи Просвещения либеральные теологи приложили необыкновенные усилия, чтобы вычеркнуть эти чудеса из истории христианства. Мы уже говорили о Рудольфе Карле Бультмане, который предложил удивительную теорию о том, что чудеса, описанные в Новом Завете, не должны отвлекать нас от существа вопроса, а существом вопроса являлась экзистенциальная готовность Иисуса к самопожертвованию.

Проблема заключается в том, что бультмановский экзистенциализм, может, и пришелся бы по вкусу императору Марку Аврелию, но иерусалимской толпе на него было плевать с высокой колокольни. Чихать они хотели на экзистенциализм. С экзистенциалистскими лозунгами бультмановский Христос не собрал бы по всему Иерусалиму и полудюжины верующих.

То, что проповедовал Иисус и апостолы, была возможность стать *святыми* — то есть смертными, обладающими великим могуществом и стоящими выше ангелов. Верующих ждала вечная жизнь и золотые троны.

Эти обещания пленяли толпу и приводили всё новых и новых обращенных. Каждому хотелось сесть на престоле, вкусить от древа, растущего посреди Рая, и пасти железным жезлом язычников.

Яхад был так силен, что, когда апостолов арестовывали, на следующее утро они вновь проповедовали на ступенях Храма. В конце

концов, арестовавшие их стражники вовсе не горели желанием сделаться жертвой людей, которые могли убивать огнем из своих уст.

Всё изменилось после беспорядков, связанных с нападением на Иакова, брата Господня, которого наш хитрый Лука именует «Стефаном».

Почему он дает ему именно такое прозвище?

Мы можем только догадываться, но самое простое предположение заключается в том, что «Стефанос», т. е. Венец — это греческое название тиары иудейского первосвященника. Именно о «золотом тройном кованом венке» (στέφανος) пишет Иосиф Флавий^[545]. О «стефаносе» с золотой табличкой пишет Филон Александрийский^[546] и «Завещание Леви»^[547].

Лука лжет — искусно и изоциренно. Он хорошо знает, что удивительный персонаж, лицо которого сияло, как лицо ангела, претендовал на статус первосвященника по версии праведников. Поэтому он и называет его «Венцом».

В результате беспорядков Иакова чуть не убили, и с группой сторонников он бежал в Кумран. Вскоре после этого в Кумран прибыл и Павел. Он явился туда, разумеется, без всяких писем первосвященника и не как представитель властей, а как представитель другой фракции. Он повинился и признал правоту Иакова, но мир между ним и Иаковым был недолог.

Вскоре Павел бежал из Кумрана/Дамаска, будучи спущен, по его собственному признанию, в корзине по стене (2 Кор. 11:32). Он сделал в точности то, что и Лжец в «Дамасском документе», который увел с собой часть яхада.

Через некоторое время после бегства он объявился в Антиохии, где у него вышел конфликт с бывшим там Петром. Конфликт был связан с тем, что Петр, «до прибытия некоторых от Иакова, ел вместе с язычниками; а когда те пришли, стал таиться и устраняться, опасаясь обрезанных» (Гал. 2:11–12).

В разгар этого конфликта из Рима, согласно «Псевдоклиментинам», прибыл императорский курьер с постановлением об аресте всех гоэсов^[548]. Вероятно, это постановление и было тем самым сенатусконсультом 36 года, которым верующие «впервые были объявлены христианами» (Деян. 11:26).

Вся публика разбежалась.

Павел свалил в Селевкию, а оттуда на Кипр, где он «проповедовал слово Божие в синагогах Иудейских» (Деян. 13:5).

В числе прочего на Кипре Павел встретил некоего «волхва, лжепророка, иудеянина, именем Вариисуса». Апостол Павел немедленно разоблачил этого диавола/Лжеца в присутствии проконсула Сергия Павла (Деян. 13:10).

Тут надобно заметить, что Вариисус — это бар Иисус, сын Иисуса. Павел встретил в городе Пафос некоего еврея, который именовал себя Сын Иисуса, и совершенно уничтожил его перед проконсулом.

В уже упоминавшемся нами «Вознесении Исайи» подобная же история описана с точки зрения другой стороны. В нем рассказывается о том, как по доносу лжепророка Белхиры/Господа Говна царь Манассия распилил пророка Исайю надвое деревянной пилой. «И пока Исайю распиливали на две части, его обвинитель, Белхира, стоял рядом, и все лжепророки стояли рядом, смеясь и радуясь из-за Исайи»^[549].

Не будет натяжкой предположить, что после доноса Павла судьба пророка по прозвищу «сын Иисуса» не сильно отличалась от судьбы пророка Исайи после доноса на него Белхиры, — учитывая только что принятый *сенатусконсульт* против христиан.

После блестящей победы над сыном Иисуса апостол Павел приплыл в Памфилию, а оттуда отправился сушей в Антиохию Писидию (не путать с Антиохией!) в центральной Анатолии. Там Павел снова проповедовал в синагоге, но иудеи, *исполнившись ревностью* (ζήλος) (Деян. 13:45), «воздвигли гонение на Павла и Варнаву и изгнали их из своих пределов» (Деян. 13:50).

Негодование иудеев-зилотов было, надо думать, как-то связано с бегством из Дамаска, размолвкой в Антиохии и неприятностями, произошедшими с сыном Иисуса на Кипре.

Из Антиохии Писидии Павел бежал в Иконий, где иудеи снова хотели его побить камнями (Деян. 14:5). Но самое страшное случилось в Листре. Там *исполнившиеся ревности* иудеи, следовавшие за Павлом еще из Антиохии Писидии, нагнали его, «побили Павла камнями и вытащили за город, почитая его умершим» (Деян. 14:19).

Как мы легко можем заметить, неприятности Павла не имели никакого отношения к властям. С римскими властями у него были

прекрасные отношения. Он даже разоблачил перед проконсулом Кипра сына Иисуса. Неприятности Павла были связаны исключительно с *исполнившимися ревности иудеями*.

Они также могли быть связаны с удивительным происшествием, имевшим место в Листре, когда местный народ начал называть Павла *богом*. «Боги в образе человеческого снизошли к нам», — говорил народ (Деян. 14:11). Мы не можем не восхититься мастерством, с которым автор «Деяний» рассеивает дошедшие до его паствы слухи, что Павел сам притязал на статус Христа и бога: как всегда, во всём был виноват глупый и не разобравшийся в сути проблемы народ.

Совсем другая картина в это время наблюдалась в Иерусалиме. Там бывший собутыльник Калигулы Ирод Агриппа начал систематические преследования христиан.

«В то время царь Ирод поднял руки на некоторых из принадлежащих к церкви, чтобы сделать им зло» (Деян. 12:1).

Он отрубил голову Иакову, брату Иоанна и бросил в темницу апостола Симона, более известного под своим греческим именем Петр. Из темницы Симона, по уже установившемуся обычаю, вывел ангел, после чего Агриппа в ярости казнил стражников (Деян. 12:19).

Неприятности Петра и Павла, как мы видим, имели принципиально разный характер. Павла преследовали по всем городам *иудеи-ревнителю*. У других апостолов врагами были *власти*.

Святотатство Агриппы не осталось безнаказанным, и он умер, будучи изъеден червями (Деян. 12:23).

В этот момент, со смертью Агриппы, все прочие апостолы практически исчезают у Луки из повествования. Отныне он ведет рассказ исключительно о Павле. Он даже забывает рассказать, чем кончилось дело с Петром, таким чудесным образом спасшимся из темницы.

Причина этого вполне понятна. Наш условный Лука пытается изобразить дело так, будто преследование христиан было делом еврейских властей, а так как после смерти Агриппы в 44 г. н. э. провинция перешла под прямой контроль римлян, сделать это уже невозможно.

Восполним же за Луку допущенный им пробел.

В 46 г. н. э. прокуратор Куспий Фад, едва вступив в должность, поймал и казнил атамана разбойников Толомея^[550].

«Толомей» — это не имя, а прозвище. «Талмай» значит по-арамейски «борозда»: Толомей — это земледелец, крестьянин. Христианство хорошо знает человека по прозвищу Толомей, точнее, бар-Толомей («Сын борозды», что то же самое). Это не кто иной, как один из двенадцати апостолов, Нафанаил по прозвищу Варфоломей (Ин. 1:45).

Вслед за этим Куспий Фад казнил пророка Феуду, который обещал своим последователям раздвинуть воды Иордана^[551]. Роберт Эйзенман считает, что мы хорошо знаем пророка Феуду, правда, под немного другим именем. Это не кто иной, как апостол Иуда Фома, т. е. «близнец». Апостол Иуда Фома претендовал на то, чтобы быть «духовным близнецом» Иисуса. Если ученикам Павла Христос являлся в облике Павла, то ученикам Иуды Господь Иисус являлся «в облике Иуды Фомы»^[552].

Преемником прокуратора Куспия Фада стал Тиберий Александр. Он распял сыновей Иуды Галилеянина, Иакова и Симона^[553]. По случайному совпадению, они носили имена двух апостолов Христа. Казнь Иакова и Симона удивительно напоминает казнь «двух светильников», «двух маслин», которые умели выдувать огонь из уст и воскресли прямо на глазах всего Иерусалима через три дня после распятия (Откр. 11:12).

Еще одним «разбойником», бесчинствовавшим в Иудее в течение 20 лет, был атаман Елеазар бен Динай, для подавления восстания которого в начале 50-х в Иудею были введены сирийские когорты наместника Уммия Квадрата.

Елеазар бен Динай известен Талмуду как убийца и сын убийцы^[554], а позднеантичному комментатору Песни Песней — как мятежник, пытавший насилем, как и Бар Кохба, до времени избавить Израиль^[555]. Но самую интересную историю о Елеазаре бен Динае раскопал Роберт Эйслер, показавший, что в одном из первых печатных изданий «Иосифона», подвергшихся христианской цензуре, Елеазар бен Динай называется учеником «сына Иосифа»^[556].

Человек с именем Елеазар известен нам из Нового Завета очень хорошо. Елеазар — это не кто иной, как Лазарь, сторонник Иисуса, брат Марии и Марфы, житель Вифании, которого воскресил Иисус (Ин. 11:43). Если Елеазар и Лазарь — это действительно одно и то же лицо, то мы встречаемся тут с любопытной тенденцией. В ранних

миллениаристских текстах немедленному воскресению подлежали люди, которые имели особые революционные заслуги, т. е. шахиды, мученики. Девушка Тавифа в «Вознесении Исаяи» воскресла не просто так, а потому, что боролась с Антихристом. В «Деяниях апостолов», однако, ее просто воскрешает Петр.

То же и Лазарь: если это Елеазар бен Динай, то понятно, чего он воскрес. За какие такие подвиги воскресение во плоти раньше Страшного суда случилось с неким Лазарем, не имевшим никаких революционных заслуг, — непонятно.

Подавив восстание, Уммий Квадрат назначил прокуратором Иудеи Антония Феликса. Тот арестовал и выслал в Рим нескольких храмовых священников, придерживавшихся веганской диеты Иоанна Крестителя. Это происшествие напоминает нам о большом количестве храмовых священников, которые «покорились вере» (Деян. 6:7).

С Елеазаром бен Динаем (который был усмирен, но не пойман) Феликс поступил еще проще: он пригласил его на дружеский ланч и арестовал.

К сожалению, это изумительно простое решение не принесло покоя провинции. После ареста Елеазара *зилоты* перешли к тактике индивидуального террора. Появляясь со скрытыми под платьем кинжалами посреди толпы, они убивали тех, кто недостаточно ревностно служил богу. Это боевое крыло зилотов начали называть *сикариями*.

Это оживление сикариев совпадает со временем, указанным в «Апокалипсисе Исаяи», согласно которому Второе Пришествие должно было свершиться через 1335 дней с начала царствования Нерона (Вознесение Исаяи, 4:14), то есть на Пасху 57 года.

Именно около этого времени, указанного в пророчестве, пророк «четвертой секты» родом собрал огромную толпу на Елеонской горе, — той самой, откуда Иисус вознесся на небеса и куда он и должен был прийти во время Второго Пришествия (Деян. 1:9–12). Вместо Мессии толпу встретили присланные из Кесарии когорты. Толпу нашинковали, пророк сбежал ^[557].

Именно в это-то самое время, согласно «Деяниям», Павел и возвратился в Иерусалим. Первым делом он отправился засвидетельствовать почтение Иакову.

«На другой день Павел пришел с нами к Иакову; пришли и все пресвитеры», — вспоминает автор «Деяний» (Деян. 21:18).

«Братом Господним» автор «Деяний» Иакова не называет, да и не может: ведь автор «Деяний» считает Иисуса Сыном Всевышнего. Такая возвышенная христология удивительно кстати позволяет исключить брата Иисуса из божественного престолонаследия.

Однако скрыть важного положения Иакова автор «Деяний» не в состоянии. Ибо сразу после отчета Павла Иаков показывает ему собравшуюся толпу и говорит буквально следующее: «Видишь, брат, сколько тысяч уверовавших иудеев, и все они *зилоты*» (Деян. 21:20).

Вслед за этим Иаков велит Павлу прийти в Храм и принести жертву, и этот поход оказывается ловушкой.

Какие-то фанатики, напав на Павла, начинают кричать, что «этот человек всех учит против народа и закона», и вот уже огромная толпа тащит Павла на растерзание: насилу римский тысяченачальник, увидев новые столкновения в городе, отбивает его и первым делом принимает Павла за того самого *гоэса*-египтятина, который собирал народ ждать Мессию на Елеонскую гору.

«Так не ты ли тот египтянин, который перед сими днями произвел возмущение и вывел в пустыню четыре тысячи человек разбойников» (Деян. 21:38).

Беспокойство тысяченачальника нетрудно понять: в Иерусалиме в это время царят паника и террор, а за стенами города *зилоты* грабят дома облеченных властью лиц, а их самих убивают и сжигают целые деревни.

Именно в это самое время, согласно «Деяниям», апостол Павел беседует в Кесарии с прокуратором Феликсом и его супругой Друзиллой, а спустя пару лет — с братом Друзиллы Агриппой.

Именно во время этой беседы с Павлом Агриппа расхохотался: «Ты немного не убеждаешь меня сделаться христианином» (Деян. 26:28). Этот царь Агриппа II, который так запанибрата перешучивался с Павлом, был сыном того самого Агриппы I, который убил Иакова, сына Зеведеева, и заточил в тюрьму Петра.

Преемник Феликса прокуратор Фест отправил Павла в Рим, где и жил Павел, «проповедуя Царство Божие и уча о Господе Иисусе Христе со всяким дерзновением невозбранно» (Деян. 28:31). Этот политически корректный конец позволяет автору «Деяний» завершить

свое повествование хеппи-эндом и ничего не говорить о том, что случилось после отъезда Павла в Иерусалиме с теми самыми сикариями, которые «покаялись ни пить, ни есть», пока не убьют Павла, и отношения которых с официальными властями не отличались таким взаимопониманием и теплотой.

Восполним же то, что по какой-то причине упустил рассказать наш условный Лука.

После убийства первосвященника Ионатана в стране окончательно воцарилось двоевластие. Разгром, учиненный «египтянину», помог мало. Религиозные террористы убивали своих врагов, храмовые священники противились начальству, и «обманщики и прельстители, которые под видом божественного вдохновения стремились к перевороту и мятежам, туманили народ безумными представлениями и манили его за собой в пустыни, чтобы там показать ему чудесные знамения его освобождения»^[558].

Два наместника подряд — Феликс, а потом Фест — оказались совершенно бессильны совладать с этим религиозным бардаком, и только после отставки Феста первосвященник Анания, пользуясь тем, что новый прокуратор Альбин еще не достиг провинции, решился наконец предпринять действия против того, кто на самом деле стоял за всеми обманщиками, прельстителями, пророками и сикариями — против верховного главы всего христианского яхада, Иакова, брата Господня.

Гибель его мало напоминала смерть маргинала. Как и распятие Иисуса, она произошла на Пасху, когда в город стекалась взбудораженная толпа.

Вот накануне этой-то Пасхи, в 62 году, «книжники и фарисеи», по словам Гегесиппа, приступили к Иакову с просьбой успокоить народ.

Причиной их просьбы, согласно Гегесиппу, была *распространившаяся среди многих иудеев уверенность, что Иисус есть Христос.*

Гегесипп утверждает, что представители всех семи известных ему иудейских сект (т. е. саддукеи, фарисеи, иродиане, самаритяне, галилеяне, ессеи и масбофеи) спрашивали у Иакова, что такое «двери Спасения», и он отвечал им, что таковой дверью является его брат.

«Некоторые из них уверовали, что Иисус есть Христос... Кто же поверил, тот обязан этим Иакову»^[559].

Это-то и послужило причиной обеспокоенности Синедриона.

«Так как уверовали многие, *даже из властей*, то иудеи пришли в смятение: книжники и фарисеи стали говорить, что так, пожалуй, весь народ будет ожидать в Иисусе Христа. Все вместе пошли к Иакову и сказали ему: „Просим тебя, удержи народ: он заблуждается, думая, что Иисус и есть Христос. Просим тебя: вразуми всех, кто придет в день Пасхи, относительно Иисуса; тебе мы все доверяем. Мы и весь народ свидетельствуем о тебе, что ты праведен и не зриаешь на лица. Убеди толпу: пусть не заблуждаются об Иисусе, и весь народ, и все мы послушаем тебя. Стань на крыло Храма, чтобы тебя видели и чтобы слова твои хорошо слышал весь народ“»^[560].

Сделка, которую первосвященник Анания предложил Иакову, один в один напоминает сделку, которую Сатана предложил Иисусу и которую Гиркан предложил пророку Хонии Рисовальщику Кругов, умевшему вызывать дождь^[561].

Иаков, брат Иисуса, выбрал тот же путь, что и Хоний. Он не стал отказываться от своих убеждений. Наоборот, он счел свое выступление подходящей оказией, чтобы свидетельствовать о Христе.

«Упомянутые книжники и фарисеи поставили Иакова на крыло Храма и закричали: „Праведный! Мы все обязаны тебе доверять. Народ в заблуждении об Иисусе распятом; объяви нам, что это за „дверь Иисуса““. И ответил он громким голосом: „Что спрашиваете меня о Сыне Человеческом? Он восседает на небе одесную Великой Силы и придет на облаках небесных“»^[562].

«Крыло Храма», на котором стоял Иаков Праведник — это вполне конкретное место. Это — верхний краеугольный камень стены, слегка выдававшийся на высоте тридцати метров над собравшейся на Пасху толпой. Один из этих гигантских камней, расколотый, до сих пор возвышается в проломанной им мостовой, будучи сброшен с высоты в ходе штурма Храма. Надпись на его боку возвещает, что именно с этого места звучал *шофар*, возвещавший наступление праздников и начало войны.

Можно себе представить, какое впечатление произвели на Пасху на четыреста тысяч набившихся на площадь паломников эти слова Иакова, прозвучавшие вместо *шофара*.

«Многие вполне убедились и прославили свидетельство Иакова, говоря: „Осанна Сыну Давидову“. Тогда книжники и фарисеи стали

говорить друг другу: „Худо мы сделали, позволив дать такое свидетельство об Иисусе. Поднимемся и сбросим его, чтобы устрашились и не поверили ему“»^[563].

После этого взбешенные книжники сбросили Иакова со стены и побили его камнями, так же, как в «Деяниях апостолов» они за несколько десятилетий до того побили «Стефана».

«Они поднялись и сбросили Праведника. И говорили друг другу: „Побьем камнями Иакова Праведного“, и стали бросать в него камни, так как, сброшенный вниз, он не умер, но, повернувшись, стал на колени, говоря: „Господи Боже, Отче! Молю тебя, отпусти им, ибо не знают, что делают“»^[564].

Наступило всеобщее замешательство. Кто-то из священников, сочувствовавший Иакову, кричал: «Остановитесь! Он молится за вас!» В этот момент, однако, какой-то суконщик ударил Иакова по голове скалкой. Иаков мученически скончался. «Он правдиво засвидетельствовал и иудеям, и грекам, что Иисус есть Христос. Вскоре Веспасиан осадил их»^[565].

Смерть Иакова произвела такое впечатление на современников, что рассказ о ней сохранился сразу в нескольких местах, в частности, в гностическом «Втором Апокалипсисе Иакова», найденном в Наг-Хаммади.

«Священники... нашли его стоящим у колонн Храма, у большого краеугольного камня. И они решили сбросить его с высоты, и они низвергли его. И... они схватили его и били его, влача по земле. Они растянули его и положили камень ему на живот. Они встали на него ногами, говоря: „Ты ошибался!“ И снова они подняли его, еще живого, и заставили его выкопать яму. Они заставили его встать в нее. И, засыпав его по живот, они побили его камнями»^[566].

Не менее поразительную историю о смерти Иакова рассказывает нам Иосиф Флавий. Он утверждает, что после того, как усилиями Анана Иаков был приговорен к смерти, «усерднейшие и лучшие законоведы, бывшие тогда в городе, отнесли к этому постановлению неприязненно» и даже «нажаловались на него за превышение полномочий к едущему в Иудею новому префекту Альбину»^[567].

Это сообщение не менее удивительное, чем вымаранная из Флавия фраза об Иудейской войне, случившейся «в отмщение за

Иакова Праведника, который был братом Иисуса, известного как Христос»^[568].

В тот момент, когда в городе царила полная анархия, когда сикарии безнаказанно убивали людей, «обманщики и разбойники» жгли села и враждующие фракции забрасывали друг друга у Храма камнями, первосвященник Анания приговорил к смерти руководителя этих обманщиков, разбойников и сикариев. И это решение так перепугало половину священства, что они поспешили откреститься от него.

«Эллинизированное заморское движение, которое мы теперь называем христианством, было зеркальной противоположностью того, что происходило в Палестине при Иакове», — замечает Роберт Эйзенман^[569].

Что вычеркнули

Итак, посмотрим, на основании уже рассмотренных нами источников, что именно вычеркнуто в «Деяниях апостолов» из этих самых деяний апостолов после казни Иисуса.

Ответ такой, что из них вычеркнуто всё. Из них вычеркнут реальный преемник Иисуса — его брат Иаков, который «не пил вина, не употреблял животной пищи» и именовался Праведником.

Из них вычеркнуто реальное самоназвание секты — *ревностные, святые, праведники, Следующие Пути, бедные, назореи*. Из них вычеркнуты бранные прозвища, которыми ее называли противники: *сикарии* и *бирйоним*.

Из них вычеркнут основной месседж Иисуса Назорея и Иакова Праведника — спасутся только те, кто будет соблюдать закон. Из них вычеркнут основной способ спасения — джихад.

В «Деяниях апостолов» из истории последователей Иисуса вычеркнуто их огромное влияние, их воинственность и двоевластие, в которое погрузилась Палестина в это время, когда сикарии являлись на праздники в Иерусалим и «без труда резали тех, кого желали. Нередко они появлялись также в полном вооружении во враждебных им деревнях, грабили и сжигали их»^[570].

В «Деяниях» история учеников Иисуса начинается с того, что на них нисходит Дух Святой, выдавая тем самым любому члену их коллектива право проповедовать Иисуса. Это — павловская пропаганда, диаметрально противоположная реальному положению дел. Реальным принципом секты было железное единоначалие. Она была готова карать смертью любое отступление от генеральной линии партии. «И вот судьба членов Его Завета, которые нарушают этот Устав: они будут уничтожены рукой Велиала в день Пришествия Господня»^[571].

Фигура Иакова, брата Господня, является абсолютно ключевой фигурой для разгадки ребуса, который представляет собою раннее христианство. В чем-то она даже важнее фигуры Иисуса.

Если бы нам не было известно о существовании Иакова, мы могли бы легко предположить, что Иисус Христос был всего лишь одним из

многочисленных милленаристских пророков, которые в этот момент волновали Израиль.

Мы могли бы тогда согласиться с той картиной, которую нам предлагает современный, отцензурированный и исправленный текст Иосифа Флавия: картиной броуновского религиозного движения, бесчисленных самозарождающихся пророков и обманщиков, которые растут, как грибы, увлекают людей в пустыню, манят их знаменами Спасения.

Каждый пророк того времени, можем решить мы, был пророком ненависти, точно так же как каждый поэт в Германии в 1830-х годах был романтиком. Чтобы сделаться романтическим поэтом, не надо было принадлежать к организации или давать клятву верности — это было поветрие времени.

В такой картине мира Иисус получается всего лишь одним из милленаристов, не лучше и не хуже Феуды, египетского пророка или «самаритянина». Своей посмертной славой он обязан Павлу, перелицевавшему его учение. С какой стати Павел вздумал перелицовывать учение именно Иисуса, а не Феуды, не уточняется. Вся Иудея ждала Мессию — и Иисус объявил себя Мессией. Вся Иудея ждала царя из дома Давидова — и Иисус объявил себя царем из дома Давидова.

Мрачная фигура Иакова, брата Господня, фанатика-зилота, который не ел мяса и не пил вина, который в течение по крайней мере тридцати лет единолично руководил всем христианским *яхадом*, ставит крест на этой картине броуновского религиозного движения.

Вместо нее мы получаем другую картину: картину тоталитарной общины, подчинявшейся представителям дома Давидова.

Эта община появилась раньше Иисуса. Если верить сведениям «Од Соломона» и тому, что сообщает Талмуд, то она отделилась от основного ствола фарисеев во времена Симеона бен Шетаха и незадолго до взятия Иерусалима Помпеем, т. е. в 60-х гг. до н. э.

Очень вероятно, что в течение долгого времени ее взгляды продолжали оставаться вполне приемлемыми для иудейской элиты. Именно ее сторонники, вроде ессея Менахема, были одним из главных очагов сопротивления Ироду в 37 году до н. э.

Вскоре после смерти Ирода эта община была реформирована могущественным пророком по прозвищу «Цадок». Этот Цадок был не

кто иной, как Иоанн Креститель, и именно он впоследствии провозгласил Иисуса царем, по той простой причине, что Иисус происходил из того же рода, что и предыдущие Главы Общины. Именно поэтому после его казни его брат Иаков унаследовал его власть.

Был ли Иаков единственным, кто претендовал к этому времени на статус Главы Общины?

Нет.

Еврейские милленаристы, как и последователи Карла Маркса, обладали потрясающей способностью делиться на фракции; ничто не заставляет нас предположить, что процесс этот начался только с апостола Павла. В сущности, он начался как раз с разделения на фарисеев и ессеев.

Из «Псевдоклиментин» мы видим, что к 36 г. н. э. «четвертая секта» насчитывала по крайней мере три фракции. Та, которая считала, что воскрес Иисус; та, которая считала, что воскрес Иоанн Креститель; и та, которая возглавлялась «самаритянином». Мы можем также подозревать, что *физический брат* Иисуса, Иаков Праведник, мог быть не очень в восторге от апостола Иуды Фомы, который притязал на титул *духовного близнеца* Иисуса.

Ситуацию с «четвертой сектой» мы можем сравнить с современными исламистами. Среди них бушуют фракционные споры. В Сирии ИГИЛ был смертельным врагом «Джабхат аль-Нусра», а «Такфир валь-Хиджра» недолго любила бен Ладена. Но при этом все эти секты хорошо организованы. Ни одна из них не является мирной, но при этом исламистская пропаганда неизменно заточена на то, чтобы представлять членов секты не агрессорами, а безвинными жертвами. Если в Европе XXV в. победит ислам, то в школьных учебниках будут преподавать историю о невинно убитом бен Ладене.

Несомненно, среди «четвертой секты» были разные фракции. Но одну из важнейших из них возглавлял брат Иисуса, Иаков Праведник.

Ирод Агриппа, который хорошо понимал, с чем он имеет дело, боролся с сектой достаточно эффективно. В его правление главари сидели в Кумране или разбежались в Египет и Малую Азию.

Сразу после смерти Агриппы секта начала стремительную экспансию. Эта экспансия не была следствием корыстолюбия, надменности или глупости римских прокураторов, хотя они и были

корыстолюбивы, надменны и глупы. Она была следствием прежде всего растущего организационного и идеологического могущества *цадиким*.

Организация вбирала в себя, как циклон, самые разные слои общества и отвечала чаяниям самых разных людей. Несмотря на то, что ее члены называли себя *эбионим*, она отнюдь не состояла исключительно из голытьбы, точно так же как большевистская оппозиция в России начала XX века вовсе не состояла из одних рабочих.

Христианство вовсе не было тоненьким ручейком. В точности как об этом свидетельствуют сами ранние христиане, еще в царствование Нерона оно было распространено очень широко. «Вознесение Исаяи» было написано в Сирии, «Апокалипсис Иоанна» — в Азии, «Апокалипсис Илии» — в Египте.

Абсурдно думать, что Иисус был незначительной фигурой, мелким лузером, который сгинул бы без следа, если бы не посмертная рекламная кампания Павла.

Мелкие лузеры не зарабатывают такой посмертной славы.

История знает много вождей, приверженцы которых верили в их возвращение.

В 755 г. н. э. был убит хорасанский правитель Абу Муслим, знаменитый полководец, низложивший Омейядов и захвативший Дамаск. После его убийства его сторонники подняли восстание, утверждая, что он не был убит, но превратился в белого голубя^[572].

В 922 г. в Багдаде был публично казнен Мансур аль-Халладж, суфийский мистик и чудотворец, объявлявший себя единым с Господом. Его приверженцы спустя столетие после его казни еще собирались на берегах Евфрата, ожидая его возвращения.

Основатель религии курдов-езидов, суфийский мистик Шейх Ади умер в 1162 г. Езиды считают его аватаром Ангела Павлина (Малак Тавус), *второго бога*, демиурга, сотворившего мир по поручению Всевышнего.

Султан Сахак, основатель еще одной тайной и мистической религии, ярзанизма, умер в XV в. Ярзаниты, в количестве около 5 млн человек, продолжают существовать в Иране и Ираке до сих пор. Они считают, что султан Сахак был царь Истины и Господь. Он был зачат

непорочно от девственницы (или ангела) и не умер, а воплотился в следующем святом.

В Средние века в Европе верили в воскресение Карла Великого; Балдуина IX, первого латинского императора Константинополя; Фридриха Барбароссы и Фридриха II. Мусульмане полагают, что Махди, Спаситель, который придет в конце времен, будет происходить из рода пророка Мухаммеда.

Как видим, все эти люди, в воскресение/возвращение/пришествие которых верили их приверженцы, происходили из разных времен и разных стран. Объединяло их одно. Спаситель, избегший смерти, или был при жизни влиятельным вождем, или происходил из рода такого вождя. Он еще при жизни имел солидную группу сторонников.

Неужели же человек, воскресение которого было моделью для всех вышеописанных случаев, представлял собой исключение?

Сам факт того, что Иисус после унижительной казни был объявлен воскресшим, свидетельствует о наличии крупной организации. Эта организация была готова делать что угодно: притворяться, лгать, изображать себя невинными жертвами, бесконечно менять идеологию — и всё для того, чтобы сохранять влияние. Как цепочка ДНК, она готова была мутировать, чтобы выжить.

Иисус Мессия значил для «четвертой секты» куда больше, чем, к примеру, Дорт/Дорофей, который тоже призывал к восстанию против римлян и тоже считался воскресшим. Более того, Иисус оказался более влиятелен, чем сам Иоанн Креститель/Цадок.

Одним из самых очевидных свидетельств влиятельности организации, которую возглавляли преемники Иисуса, является размах, с которым велась травля апостола Павла. Павел встречал альтернативную точку зрения на Иисуса практически во всех местах, куда он приходил. И все эти люди были недовольны «свободой, которую мы имеем во Христе Иисусе», и хотели «поработить нас» (Гал. 2:4) — то есть заставить подчиняться Иакову Праведнику.

Не всякая трехгрошовая секта может найти сорок человек, которые «поклонятся не есть, не пить», пока не убьют еретика прямо во время судебного разбирательства, а потом еще и последуют за ним в Кесарию и в Рим.

Не менее важным свидетельством влияния Иакова был сам суд над ним и приглашение его обратиться к своей пастве со стены Храма:

ни Феуда, ни «египетский пророк» таких приглашений не удостоивались. Не менее показательна и лихорадочная поспешность, с которой члены истеблишмента открестились от казни.

Есть логика организаций, революций и сект. Глупо было бы утверждать, что любой пьяный матрос, топивший в феврале 1917 года в проруби офицеров, был членом партии большевиков. Большевики были не единственной милленаристской организацией, действовавшей в это время в России, и они находились то в тактическом союзе, то в жесткой вражде с целым рядом из них. Но большевики не были *маленькой, незаметной и мирной организацией*.

Точно так же глупо утверждать, что Иаков Праведник контролировал всех: и Досифея, который себя объявил преемником воскресшего Иоанна Крестителя, и *духовного близнеца Феуду*, и любую банду, грабящую во имя Праведности село.

Но у нас есть все основания полагать, что именно Иаков Праведник контролировал Кумран.

Могло ли в Кумране обитать множество сект? Ответ: нет. Никакой свободы мнений в Кумране не было и быть не могло. Это была теократическая община, жившая в строжайшей дисциплине, по сравнению с которой город Солнца Кампанеллы мог показаться образчиком анархии.

Но, может быть, Кумран всё-таки был базой мирного движения? Может быть, обитатели Кумрана, как и написано в «Дамасском документе», соблюдали Новый Завет, любили ближнего, отдыхали в субботу и мирно ждали Спасение и Праведность, которые будут явлены в конце дней?

В 1952 году в пещерах Кумрана был найден свиток, который дал исчерпывающий ответ на этот вопрос.

Медный свиток

20 марта 1952 года отец де Во и три других археолога из *Ecole Biblique* при обследовании кумранской пещеры № 3 нашли удивительную находку: свиток, распавшийся на две части.

Что находка была важна, следовало уже из ее внешнего вида: из-за необычайной важности нанесенный на свиток текст был написан не на пергаменте, а выбит на тончайших листах меди, свернутых потом в рулон.

По этой же причине свиток несколько лет нельзя было прочесть. Для того чтобы развернуть тонкий медный лист двухтысячелетней давности, потребовался специальный станок, построенный профессором Райт-Бейкером из Манчестерского технологического колледжа.

В 1955 г. свиток развернули, и выяснилось, что это не религиозный текст, а список сокровищ.

«Медный свиток» перечислял гигантское количество золотой и серебряной утвари и драгоценных ритуальных сосудов. Общий вес сокровищ составлял 65 тонн серебра и 26 тонн золота, далеко оставляя за собой любой клад капитана Кидда. В свитке было перечислено 64 места, где эти сокровища были спрятаны. В основном это был Иерусалим и окрестности.

Что это были за сокровища?

Это были сокровища Храма, разграбленные вилотами в 66 году.

«Медный свиток» одновременно и датировал Кумран, и идентифицировал его обитателей.

«Медный свиток» совершенно опровергает представление об обитателях Кумрана как о мирных ессеях и точно так же совершенно опровергает представление о миллениаристах, захвативших Иерусалим, как о бандитах, лишенных организации.

Вывести из Храма 80 тонн драгоценностей, спрятать их и не разграбить, а отчитаться, хотя бы формально, в каждом золотом бруске, могла только построенная на жесточайшем контроле структура.

Несомненно, у «четвертой секты» было много фракций, и некоторые из них были даже мирными, как фракция Павла. Но именно то обстоятельство, что апостол Павел проповедовал от имени Иисуса, а не от имени кого-нибудь другого, подчеркивало высокий, системообразующий статус Иисуса Христа.

Именно пришествие Иисуса проповедовал самый влиятельный из вождей «четвертой секты», его брат Иаков Праведник, когда ему предложили отречься от Иисуса. «Что спрашиваете меня о Сыне Человеческом? Он восседает на небесах одесную Великой Силы и придет на облаках Небесных»^[573], — сказал Иаков.

Именно пришествие Иисуса проповедовал уже упомянутый Иуда Фома, он же Феуда, чье восстание было подавлено в 46 г. н. э. при прокураторе Куспии Фаде.

Именно Иисуса проповедовал тот гоэс, о котором Иосиф Флавий говорит, что он выводил людей в пустыню, чтобы «возвестить (ἑπαγγέλλω) им *Спасение*», то есть, в обратном переводе на арамейский, — возвестить Иешуа^[574].

Эти ранние последователи Иисуса с самого начала считали его Второй Властью в Небе. Они считали его Сыном Бога и Сыном Всевышнего. Он был *гегемоном* секты, не признававшей другого *гегемона*, нежели Яхве.

Верования этих ранних последователей Иисуса сильно отличались от позднейших. Не забудем, что в то время даже фарисеи верили в переселение душ и полагали, что «души добрых переселяются по их смерти в другие тела»^[575].

Павел не единственный претендовал быть новым Христом. Очень возможно, что на это претендовали и Иуда Фома, и Глава Общины во время восстания — Менахем.

Для некоторых фракций секты Иисус, судя по всему, вовсе не умирал. Он был унижен, но потом оказался выше ангелов. Он был надмирный дух, который надел на себя тело человека, как одежду, и именно поэтому он мог надеть и другие тела.

Кто воскресал в этой теологии — так это последователи Иисуса. После смерти они получали эфирные тела ангелов, и еще при жизни умели ходить на небо, творить чудеса и убивать врагов огнем из своих уст.

Именно поэтому Иисус у Иоанна обещал пришествие Утешителя/ Менахема, и называл его «Духом Истины, который будет свидетельствовать обо мне» (Ин. 15:26).

Именно поэтому Веспасиан после Иудейского восстания приказал вырезать родственников Иисуса^[576].

Именно поэтому фарисеи, собравшиеся в Явне, составили проклятие *миним*, исповедовавшим ересь Двух Властей в Небе — то есть против тех, кто веровал, что Мессия из рода Давидова или что пророк Енох есть второй бог.

Именно об этом проклятии говорит Иисус в Евангелии от Марка. «Вас будут предавать в судилища и бить в синагогах, — говорит Иисус, — и будете ненавидимы всеми за *имя мое*» (Мк. 13:9–13).

Евангелие от Марка было написано сразу после падения Храма, и Иисус говорит в нем о событиях, которые последуют сразу за этим падением. Он говорит, что Иудейская война повлечет за собой преследования последователей Иисуса. Их будут бить и преследовать за *имя мое*.

И, более того, он прямо утверждает, что она будет сопровождаться появлением пророков и Мессий, говорящих *от его имени*.

«Ибо восстанут псевдо-Христы и псевдопророки, и дадут знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных» (Мк. 13:22), — говорит Иисус. «Ибо многие придут *под именем Моим*; и многих прельстят» (Мк. 13:6).

Эти псевдо-Христы и псевдопророки придут не от имени абстрактного Мессии. Они придут «*под именем Моим*». И после этого христиан будут преследовать «за *имя Мое*».

Иисус у Марка прямым текстом говорит, что *бирйоним* говорили от его, Иисуса, имени. Он утверждает, что они были лже-Христы. Если у Иоанна Иисус называет Менахема «Духом Истины», то у Марка, причем в тот самый момент, когда римские солдаты по распоряжению Веспасиана выискивали и распинали родственников Менахема, Менахем называется «лже-Христом».

В начале этой книги мы задались вопросом: как получилось, что командир Масады Елезар бен Яир, кровавый фанатик, двоюродный брат Мессии Менахема, перед тем, как перерезать горла женам и детям своих соратников, утверждал, что душа есть «родственница Бога»? Как получилось, что в Масаде те же самые люди, которые еще недавно

надеялись на физическое преобразование мира и на то, что Древо Жизни будет пересажено к престолу их царя, теперь говорили, что подлинное освобождение заключается не в том, чтобы *освободить мир*, а в том, чтобы *освободиться от мира*?^[577]

Ответ заключается в том, что эта поразительно высокая гностическая теология в устах бандитов и головорезов была следствием катастрофических неудач многочисленных предшествовавших Иудейской войне восстаний. Елеазар бен Яир обещал своим сторонникам то же, что и Енох, который заверял своих последователей, что души мучеников попадают на небо и становятся ангелами (Енох, 19, 139). Там, на небе, они будут сиять (Енох, 19, 137).

Иисус Христос обещал венцы, престолы, победу и Древо Жизни.

Иисус сказал: «Каждый, кто мне повинуется, получит престолы и венцы среди тех, кто Мои»^[578].

Иисус сказал: «Я напишу имя Мое на их челах, и я запечатаю их правую руку, и они не будут испытывать ни голода, ни жажды»^[579].

Иисус сказал: «Те, кто Мои, не будут побеждены, и они не будут знать страха в битве»^[580].

Когда война началась, она началась при новом аватаре Христа. Ее начал Утешитель, Дух Истины, пришедший свидетельствовать об Иисусе.

Когда Утешитель/Менахем был убит, его последователи ждали Второго Возвращения Христа. Когда Иерусалим был осажден, они ждали, что Мессия придет на помощь и в самый последний момент явится на расколовшейся надвое Елеонской горе.

И даже в самый момент штурма Храма несколько тысяч женщин и детей собрались на его галереях, повинувшись предсказанию пророка, который созывал их в этот самый момент идти к Храму, «где вы узрите знамение *Спасения*»^[581], то есть, опять-таки в обратном переводе на арамейский, знамение Иешуа. Он обещал им дословно то же, что и «Дамасский документ», который сулил верующим, что все те, кто слушался Учителя Праведности, будут прощены Господом и «узрят Его Спасение» (Иешу'ато)^[582].

Послушавшиеся пророка погибли.

Мессия так и не пришел.

Тит разрушил Храм, разрубил мечом занавес в Святая Святых и совокупился с проституткой на свитке Торы^[583].

Вере в Иисуса Мессию, в том виде, в котором ее исповедовала первая радикальная генерация мессианистов, был нанесен чудовищный, сокрушительный удар.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ КНИГИ

notes

Примечания

Автор будет стараться давать все цитаты из Библии по Синодальному переводу, за исключением случаев, когда перевод искажает смысл оригинала. В тех случаях, когда перевод отступает от оригинала, автор будет руководствоваться достижениями библеистики и здравым смыслом. В частности, в данной цитате в Синодальном переводе вместо оригинального «Господь войск» стоит «Господь Саваоф». Такого персонажа в Торе не существует. Господь Саваоф — это искаженное еврейское Яхве Цеваот, т. е. Господь войск или Господь воинств. После длительных колебаний автор выбрал вариант «Господь войск» как более простой и наглядный, несмотря даже на то, что у нас в дальнейшем будет много разговора о «Небесном воинстве». В ряде случаев — например, *херем* или *бама* — ключевой древнееврейский термин будет оставлен без перевода, но снабжен толкованием. Псалмы цитируются с двойной нумерацией — общепринятой международной и, в ссылке, с греческой. В случае, если автор цитирует текст Нового Завета в переводе, отличающемся от Синодального, в скобках, как правило, будет приведено спорное слово по-гречески, чтобы читатель мог судить сам. То же самое правило действует относительно цитат из отцов церкви и Иосифа Флавия. Многие русские переводы отцов церкви не очень хороши. Если различия в переводе носят принципиальный, а не чисто эстетический характер, в скобках будет приведен греческий оригинал.

Bart Ehrman. *Misquoting Jesus*, HarperCollins, 2005, p. 188.

Иосиф Флавий. Иудейские древности, 20, 9, 1.

Robert Eisenman. James, Brother of Jesus, London, 2012, p. 35–36.

Ориген. Против Цельса. 1.47, 2.13; Комментарий на Евангелие от Матфея, 10:17.

Евсевий Кесарийский. Церковная история, 2, 23, 20.

Hieronymus. De Viris Illustribus, 2; Commentarii in epistulam Pauli apostoli ad Galatas, 396 (1:10).

Евсевий Кесарийский сообщает, что преемником Иакова стал двоюродный брат Иисуса Симеон бар Клеопа. Однако затем он сообщает, что Симеон бар Клеопа был казнен при Траяне, во время преследований, начавшихся, вероятно, в 117 г. н. э. Чтобы взрослый человек, ставший преемником Иакова в 62-м, дожил до 117-го, мягко говоря, маловероятно. Это был бы абсолютный гиннесовский рекорд по правлению среди глав церкви, далеко оставляющий позади даже 31-летнее правление Пия IX.

Евсевий Кесарийский. Церковная история, 3, 12.

10

Там же, 3, 20.

Там же, 3, 32, 6.

Berakhot 28b-29a.

M. Sordi, I. Ramelli. Il senatoconsulto del 35 contro i Cristiani in un frammento porfiriano, *Aevum* 78 (2004), 59–67; см. также: M. Sordi, «I cristiani e l'impero romano», Milano, 2004, p. 27–29.

Robert Eisler, *The Messiah Jesus and John the Baptist*, New York, 1931, p. 252.

Иосиф Флавий. Иудейская война, 1, 10, 5.

16

Там же, 1, 16, 5.

Ygael Yadin. Masada: Herod's Fortress and The Zealot's Last Stand, London, 1966, p. 201.

Там же.

Иосиф Флавий. Указ. соч., 7, 8, 7.

20

Там же, 4, 7, 2.

Daniel Boyarin. *Border Lines: The Partition of Judaeo-Christianity*, University of Pennsylvania Press, 2004, p. 89.

Юстин Мученик. Разговор с Трифоном Иудеем, 60.

Сократ Схоластик. Церковная история, 2.30 5.30.

Richard Elliot Friedman. Who Wrote the Bible? HarperCollins, 1997.

В данном случае я разделяю высказанное Ричардом Эллиотом Фридманом предположение о том, что автор Яхвиста был тот же человек, который написал «Придворную историю царя Давида»; см. *Richard Elliot Friedman. The Lost Book of the Bible.*

Richard Elliot Friedman. Указ. соч., p. 75.

Thomas Römer. *The Invention of God*, Harvard University Press, 2015, p. 147.

Синодальный перевод — 131:2.

Richard Elliot Friedman. Указ. соч, ch.6.

Israel Finkelstein. *The Bible Unearthed*, Simon and Schuster, 2001, p. 107.

Adam Zertal. Has Joshua's Altar Been Found on Mt. Ebal? *Biblical Archaeology Review*, 11:01, Jan-Feb 1985.

James H. Breasted. *Ancient Records of Egypt*, Vol No.4, (1906),
p. 198–199.

Marvin H. Pope. *El in the Ugaritic Texts*, Brill, 1955, p. 34–35.

C. F. — A. Schaeffer. Les Fouilles de Ras Shamra-Ugarit. Huitieme campagne. *Syria*. vol. 18 (1937). pl. XVII (*ANEP*, pl. 493).

Frank Moore Cross. *Canaanite Myth and Hebrew Epic*, Harvard University Press, 1973, p. 36.

Frank Moore Cross. Указ. соч., p. 19; Mark S. Smith. The Early History of God: Yahweh and the Other Deities in Ancient Israel, Grand Rapids: Eerdmans, 2002, p. 38.

Frank Moore Cross. Указ. соч., р. 39.

Там же, р. 26.

Иосиф Флавий. Иудейские древности, 15, 7, 9.

Lauren A. S. Monroe. Israelite, Moabite and Sabaean War-ḥērem Traditions and the Forging of National Identity: Reconsidering the Sabaean Text RES 3945 in Light of Biblical and Moabite Evidence, *Vetus Testamentum*, Vol. 57, Fasc. 3 (2007), p. 318–341.

Julius Wellhausen. Prolegomena to the history of Israel, NY, 1957, p. 440.

Mark S. Smith. Указ. соч., р. 96.

CAT 1.IV 46, The Ugaritic Baal Cycle, Supplements to Vetus Testamentum, vol. 114, Brill, 2009.

P. Skehan. «A Fragment of the „Song of Moses“ (Deut. 32) from Qumran», *Bulletin of the American Schools of Oriental Research* 136 (1954):12–15.

William G. Dever. Did God Have a Wife?; в: *Archaeology and Folk Religion in Ancient Israel*, Grand Rapids, Michigan, 2005; Saul M. Olyan. Asherah and the Cult of Yahweh in Israel, Atlanta: Scholars Press, 1988; Judith M. Hadley. The Cult of Asherah in Ancient Israel and Judah: Evidence for a Hebrew Goddess, Cambridge University Press, 2000.

John Day. Asherah in the Hebrew Bible and Northwest Semitic Literature, *Journal of Biblical Literature*, Vol. 105, No. 3 (Sep., 1986), p. 391.

K. Kenyon. Digging up Jerusalem, London, 1974, p. 142.

Синодальный перевод — 81:1.

Синодальный перевод — 88:7–9.

Синодальный перевод — 67:18.

Avigdor Shinan, Yair Zakovitch. From Gods to God, The Jewish Publication Society, 2012, p. 193.

Thomas Römer, *The Invention of God*, Harvard University Press, 2015, p. 154.

Patrick D. Miller. *The Religion of Ancient Israel*, Westminster John Know Press, 2000, p. 61.

О битве Яхве с чудовищами см.: Umberto Cassuto. A Commentary on the Book of Genesis: From Adam to Noah, Jerusalem: Magnes Press, 1973–1975; John Day. God's conflict with the dragon and the sea, Cambridge University Press, Cambridge, 1985; Avigdor Shinan and Yair Zakovitch. Указ. соч.

* Синодальный перевод — 73:13–14.

Синодальный перевод — 88:26.

John Day. God's Conflict with the Dragon and The Sea, p. 142.

Филон Александрийский. О жизни Моисея, 1, 155–8.

Eusebius. Praeparatio Evangelica, 29.

Margaret Barker. *Gate of Heaven: The History and Symbolism of the Temple in Jerusalem*, London: SPCK, 1991, p. 134–135.

* Синодальный перевод — 109:1.

Синодальный перевод — 44:7–8.

Israel Finkelstein, *The Bible Unearthed*, Simon and Schuster, 2001
p. 186–191.

Israel Finkelstein, Указ. соч., p. 169.

Там же, р. 133.

Там же, р. 235.

Там же, р. 257.

Richard Elliot Friedman, Who Wrote the Bible? p. 74

Richard Elliot Friedman. Указ. соч., p. 201.

Там же, р. 188–207.

Zéev Herzog, Miriam Aharoni, Anson F. Rainey and Shmuel Moshkovitz, The Israelite Fortress at Arad, *Bulletin of the American Schools of Oriental Research*, No. 254 (Spring, 1984), p. 1–34.

Климент Александрийский. Строматы, 1, 23.

Иосиф Флавий. Иудейские древности, 4, 8, 48.

Sotah, 13b.

Иосиф Флавий. Указ. соч., 2, 9, 4.

Shemot Rabbah, 1, 20.

Иосиф Флавий. Указ. соч., 2, 9, 2.

Eusebius. *Praeparatio Evangelica*, 9, 23.

Филон Александрийский. О жизни Моисея, 1, 155–158.

Иосиф Флавий. Указ. соч., 4, 8, 48.

Анналы Сеннахериба, цит. по: «Я открою тебе сокровенное слово». Пер. В. Якобсона. М., 1981.

Adam Zertal. Has Joshua's Altar Been Found on Mt. Ebal? *Biblical Archaeology Review*, 11:01, Jan-Feb 1985.

Baruch Halpern. *From Gods to God*, Mohr Siebek, 2009, p. 339–245;
Israel Finkelstein. *Указ. соч.*, p. 247.

Patrick D. Miller. *The Religion of Ancient Israel*, Westminster John Know Press, 2000, p. 61.

Leroy Waterman. The Camouflaged Purge of Three Messianic Conspirators, *Journal of Near Eastern Studies*, 13, no. 2 (Apr., 1954): p. 73–78.

Richard Elliot Friedman. Who Wrote The Bible? p. 218.

Yitzhak Magen, Bells, Pendants, Snakes and Stones, A Samaritan temple to the Lord on Mt. Gerizim, *Biblical Archaeology Review*, 36:6 November/December 2010.

Точная дата строительства Храма на горе Геризим является одной из важнейших дат в истории евреев. Ее значение невозможно преуменьшить. Как мы уже сказали, евреи и самаритяне имеют, не считая незначительных разночтений, одну и ту же Тору. Это значит, что Тора появилась в своем нынешнем виде еще до разделения на евреев и самаритян, то есть до строительства Храма на горе Геризим. Если он действительно начал строиться в середине V в. до н. э., тогда гипотеза Ричарда Эллиота Фридмана о том, что окончательным редактором Торы был Ездра, не может быть верной. Тогда Тора была отредактирована несколько раньше, а редактура Ездры ограничилась несколькими вставленными абзацами, например, процитированным выше — про аммонитян и моавитян. В любом случае тот факт, что Храм на горе Геризим начал строиться в V в. до н. э., совершенно дискредитирует модные «минималистские» теории, утверждающие, что Тора была окончательно написана чуть ли не во III–II вв. до н. э.

Richard Elliot Friedman. Указ. соч., р. 82.

Диодор Сицилийский. Историческая библиотека, 40.3.1–7.

Иосиф Флавий. Иудейские древности, 18, 1, 4.

b. Sanhedrin, 10.

b Sanhedrin, 38b.

Frank Moore Cross. Canaanite Myth, p. 16.

J. A. Emerton. The Origin of the Son of Man Imagery, *The Journal of Theological Studies*, 9 (1958), p. 225–242.

Frank Moore Cross. Указ. соч., 17.

Margaret Barker. Temple Mysticism An Introduction (London: Society for Promoting Christian Knowledge, 2011, p. 150.

Shaye J. D. Cohen. *From the Maccabees to The Mishna*, London, 1989, p. 152.

Иосиф Флавий, Иудейские древности, 13, 10, 6.

Иосиф Флавий. Указ. соч., 13. 14. 2. Приведенные здесь цифры, разумеется, остаются на совести самого Иосифа.

Иосиф Флавий. Иудейская война, 1, 5, 3.

Berakhot, 48a.

Yerushalmi Sanhedrin, 6:6.

Иосиф Флавий. Иудейские древности, 13, 16, 5.

Иосиф Флавий. Указ. соч., 14, 1, 3–4.

Дион Кассий. История, 37, 7а.

Иосиф Флавий. Указ. соч., 14, 3, 1.

Там же, 14, 4, 3.

Там же, 14, 4, 4.

Aryeh Kasher. *Jews and Hellenistic Cities in Eretz-Israel*, Mohr Siebeck, 1990, p. 177–178.

Иосиф Флавий. Указ. соч., 14, 8, 5.

Иосиф Флавий. Иудейские древности, 14, 6, 2.

Иосиф Флавий. Указ. соч., 14, 7, 3.

В русском переводе Флавия атаман назван «Иезекией». Мы здесь употребляем форму «Езекия», чтобы подчеркнуть, что атамана звали так же, как праведного царя Езекию. У него было вполне давидовское имя. Поскольку в оригинале и царя, и атамана зовут «Хизкия (г) у», то оба варианта равно далеки от оригинала.

Там же, 14, 9, 2.

The Wonderful and Most Deplorable History of the Later Times of the Jews: with the destruction of the city of Jerusalem. Which history begins where the Holy Scriptures do end, London, 1706, p. 42.

Там же.

Иосиф Флавий. Иудейская война, 1, 10, 6.

Иосиф Флавий. Иудейские древности, 14, 9, 4.

О том, как точно перевести слово «шило» (), он же «Силом», по-русски, идут горячие споры. Синодальный перевод предлагает «Примиритель», и это довольно верно. В любом случае в данном контексте Шило был один из титулов Мессии.

Leonhard Rost. *Judaism outside the Hebrew canon: An introduction to the documents*, Abingdon, 1976, p. 118.

Psalms of Solomon, A new translation and introduction by R. B. Wright, в James H. Charlesworth, The Old Testament Pseudepigrapha, vol. 2, Doubleday and Co, 1985: pp. 639–670.

123

Там же.

Елифаний из Саламиса. Панарион, 29, 4, 9.

Иосиф Флавий, Иудейская война, 2, 8, 6

Там же, 2, 8, 10.

Иосиф Флавий, Иудейские древности, 14, 11, 4

Там же, 14, 13, 1–2.

Там же, 14, 13, 3.

Там же, 14, 13, 4.

Иосиф Флавий. Иудейская война, 1, 14, 2.

Иосиф Флавий. Указ. соч., 1, 14, 4; см. также: Иудейские древности, 14, 14, 5.

Иосиф Флавий, Иудейская война, 1, 16, 2; см. также: Иудейские древности, 14, 15, 4.

Иосиф Флавий. Иудейская война, 1, 16, 3.

Там же, 1, 16, 5.

Иосиф Флавий. Иудейские древности, 14, 15, 6.

Там же, 14, 15, 10.

Там же, 14, 16, 2.

Baba Batra 3b.

Sukkah 43b.

Ta'anith 23a.

Иосиф Флавий. Иудейские древности, 16, 5, 2.

Tertullian, app. to De praescr. adv. haer., 45; см. также Иероним в: Matt. xxii. 15: 'quidam Latinorum ridicule Herodianos putant, qui Herodem Christum esse credebant.

Иосиф Флавий. Иудейские древности, 14, 3, 2.

Исследователи спорят, кто имеется в виду под этими испорченными именами. Это либо рабби Абталион и Шемайя, либо рабби Хиллель и Шеммай.

Иосиф Флавий. Указ. соч., 14, 9, 4 и 15, 1, 1.

Мещерский Н. А. «История Иудейской войны» Иосифа Флавия в древнерусском переводе, М., 1958. С. 200.

Мещерский Н. А. Указ. соч., с. 201.

Так иудейские милленаристы называли римлян.

The Assumption of Moses, 6, 2–6, цит. по.: R. H. Charles, ed., *The Apocrypha and Pseudepigrapha of the Old Testament in English*, Oxford: Clarendon Press, 1913, 2.

Baba Bathra 3b-4a.

Иосиф Флавий. «Иудейские древности», 15, 10, 5.

Основой раввинистического иудаизма является утверждение, что «устная Тора», составляющая Талмуд, была передана Господом Моисею на горе Синай, так же как и письменная. Эта устная Тора была передана Моисеем Иисусу Навину, Иисус передал ее старейшинам Израиля, те — пророкам, те — мужам Великого Собраниа, а те — пяти «парам», последней из которых были Гиллель и Шеммай.

Mishna, Avot 1:1–12. 23.

Jerusalem Talmud. Hagiga 2:2 (77b), о переводе «броня» см.: Israel Knohl. The Messiah Before Jesus, University of California press, 2000, p.127.

Bavli Hagiga 15a.

Иосиф Флавий. «Иудейские древности», 14, 15, 6.

Все кумранские тексты, если иного не оговорено, цитируются по: Geza Vermes, *The Complete Dead Sea Scrolls in English, Revised Edition*, Penguin Books, 2004.

Geza Vermes. *The Complete Dead Sea Scrolls in English*, Revised Edition, Penguin Books, 2004, p. 203.

Иосиф Флавий. Иудейские древности, 15, 36, 3.

Иосиф Флавий. Иудейская война, 1, 24, 7.

Там же, 1, 24, 3.

163

Там же, 1, 27, 5.

Иосиф Флавий. Иудейские древности, 17, 2, 4.

165

Там же, 15, 10, 4.

Там же, 17, 6, 5.

167

Там же, 17, 6, 5.

Иосиф Флавий. Иудейская война, 1, 33, 2.

Иосиф Флавий. Иудейские древности, 17, 6, 3.

Там же, 17, 6, 5.

Иосиф Флавий. Иудейские древности, 17, 10, 5.

Иосиф Флавий. Указ. соч., 17, 10, 5.

Там же.

Там же.

Там же, 17, 10, 6.

Там же, 17, 10, 8.

Там же, 18, 1, 1.

Там же, 18, 1, 5.

Иосиф Флавий. Иудейская война, 2, 8, 2

Иосиф Флавий. Указ. соч., 2, 8, 6.

181

Там же, 2, 8, 7.

Иосиф Флавий. Иудейские древности, 18, 1, 6.

Иосиф Флавий. Иудейская война, 2, 8, 10.

Плиний Старший. Естественная история, V, 17.

Организация, запрещенная в России.

Книга Еноха цитируется, как правило, по единственному российскому переводу А. В. Смирнова, выполненному в 1888 г. Перевод Смирнова выполнен с эфиопской книги Еноха, впервые опубликованной в начале XIX в. Для своего времени он был замечательного качества. С тех пор, однако, нам стало известно значительно больше вариантов текста, и в случае важных разночтений автор оставляет за собой право пользоваться кумранским текстом, как в данном случае, а также текстом George W. E. Nickelsburg and James S. VanderKam, *1 Enoch: The Hermeneia Translation*, Fortress Press, Minneapolis, 2012. На сегодняшний день это наиболее точный перевод, учитывающий все варианты и разночтения. Кроме того, в русском и западном переводах приняты разные разбиения: перевод Смирнова разбит на 20 главок, западный — на 107. Автор использует разбиение Смирнова.

О Двух Властях в Небе см. подробней: Alan F. Segal, *Two Powers in Heaven*, Brill Academic Publishers, 2002.

Peter Schäfer. *The Jewish Jesus: How Judaism and Christianity Shaped Each Other*, Princeton University Press, 2012, p. 77.

2-я книга Еноха цитируется по переводу Л. М. Навтанович, в: Библиотека литературы Древней Руси, т. 3. / Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексева, Н. В. Поньрко. — СПб.: Наука, 1999. Поскольку в переводе Навтанович отсутствует нумерация, она дается так, как принято в англоязычных изданиях.

Цит. по: 2 Enoch, in Paul C. Schnieders, The Books of Enoch, USA, 2012. К сожалению, в списке, с которого осуществлен перевод Навтанович, данный важнейший фрагмент отсутствует.

Richard Bauckham. The Martyrdrom of Enoch and Elijah: Jewish or Christian? *Journal of Biblical Literature*, vol. 95, No. 3 (Sep., 1976), p. 455–456.

Hagigah 15a.

Коран 21, 86.

Сахих Муслим 1:309; 1:314.

J. T. Milik. Problemes de la litterature henoehique a la lumiere des fragments arameens de Qumran, *Harvard Theological Review*, 64, 1971, p. 333–378.

Иосиф Флавий. Иудейская война, 2, 8, 6.

Иосиф Флавий. Указ. соч., 2, 8, 7.

Eileen Schuller. Some Contributions of the Cave Four Manuscripts (4Q427–432) to the Study of the Hodayot, *Dead Sea Discoveries*, Vol. 8, No. 3 (2001), pp. 278–287.

The Children Of Salvation (Yesha') And The Mystery Of Existence (4Q416, 418), 8, 6 B: Robert Eisenman and Michael Wise. Dead Sea Scrolls Uncovered, Barnes and Noble, 1992.

Синодальный перевод — Пс. 88:8.

Ascention of Isaiah, 2, 9; цит. по: James H. Charlesworth, The Old Testament Pseudepigrapha, vol. 2.

The Damascus Document, 6, 9; v: R. H. Charles, ed., *The Apocrypha and Pseudepigrapha of the Old Testament in English*, vol. 2: *Pseudepigrapha*, Oxford: Clarendon Press, 1913, p. 799–834.

Иосиф Флавий, Иудейские древности, 18, 1, 6.

Гимн Самопрославления цитируется по реконструкции Esther Eshel, 4Q471B: A Self-Glorification Hymn, *Revue de Qumrân*, Vol. 17, No. 1/4 (65/68) (Novembre 1996), pp. 175–203. Г-жа Эшел полагает, что Гимн Самопрославления написан от лица основателя секты, учителя Праведности. Это с Цадоком случилось несчастье, а потом он стал выше ангелов. Мы поговорим об этом подробнее в другой книге, где Кумрану будет посвящено гораздо больше места. Впоследствии, когда в секте случился раскол, часть верующих, несомненно, относила эти строки к пророку. Но у нас есть важный момент, который позволяет определить, что гимн написан-таки от лица Мессии. Дело в том, что Мессия сообщает в нем о «суде моем». Творить Страшный суд — это дело Мессии, а не пророка, который его возвещает.

Иосиф Флавий. Иудейская война, 2, 8, 2.

Robert Eisenman. James The Brother of Jesus, p. 96.

Иосиф Флавий. Иудейские древности, 18, 1, 5.

Kenneth and Minna Lonnqvist. The Numismatic Chronology of Qumran. Fact and Fiction. *The Numismatic Chronicle*, 2006, vol. 166, p. 123.

Hyppolytus of Rome. *Refutation Of All Heresies*, 9, 21: цит. по: *Ante-Nicene Fathers*, Vol. 5. Edited by Alexander Roberts, James Donaldson, and A. Cleveland Coxe. Buffalo, NY: Christian Literature Publishing Co., 1886.

Иосиф Флавий. Иудейские древности, 18, 4, 1.

Тацит. «История», 5, 9.

Иосиф Флавий. Иудейская война, 2, 10, 3.

Иосиф Флавий. Указ. соч., 2, 10, 5.

Иосиф Флавий. Иудейские древности, 19, 6, 2.

Иосиф Флавий. Указ. соч., 19, 7, 4.

Там же.

217

Там же, 19, 7, 5.

218

Там же, 20, 5, 1.

219

Там же, 20, 1, 1.

220

Там же, 20, 5, 2.

Иосиф Флавий. Иудейская война, 2, 12, 1.

Иосиф Флавий. Иудейские древности, 20, 5, 4.

Иосиф Флавий. Указ. соч., 20, 5, 4.

Там же, 20, 6, 1.

Sotah IX.9.

Иосиф Флавий. Иудейские древности, 20, 6, 1.

Иосиф Флавий. Указ. соч., 20, 6, 2.

Иосиф Флавий. Иудейская война, 2, 13, 3.

Иосиф Флавий. Указ. соч., 2, 13, 3.

230

Там же, 2, 13, 4.

231

Там же, 2, 13, 5.

Иосиф Флавий. Иудейские древности, 20, 8, 10.

Иосиф Флавий. Иудейская война, 2, 13, 6.

Иосиф Флавий. Указ. соч., 2, 17, 9. Здесь мы имеем дело с некоторой путаницей, что не характерно для Иосифа. Врет он много, но путается редко. Дело в том, что в Иудее тогда было два первосвященника Анании. Один, Анания сын Недевея, был первосвященником 12 лет, с 47 по 59 год, и был отправлен в цепях в Рим прокуратором Сирии Квадратом, возможно, за сочувствие восставшим. Другой, Анания бен Анания, был сын того самого первосвященника Анании (Анны), который был одним из палачей Иисуса, и именно этот Анания приговорил к смерти Иакова, брата Иисуса. Таким образом, один из Ананий был кровным врагом зилотов, а другого можно заподозрить в некоем сочувствии их идеям. Оба Анании были убиты в ходе Иудейской войны, один — в самом начале, другой — в ходе осады Иерусалима. Сыном кого из Ананий был Елеазар, не совсем понятно. Если полностью следовать логике Иосифа, то получается, что Елеазар был сын Анании бен Анании, но тот Анания, который был убит в начале осады, был Анания бен Недевей.

235

Там же.

236

Там же, 2, 19, 9.

237

Там же, 4, 9, 4.

Там же, 4, 6, 1.

239

Там же, 4, 9, 10.

240

Там же, 4, 6, 3.

241

Там же, 5, 10, 2.

242

Там же, 5, 13, 1.

b. Gittin 56A.

Иосиф Флавий. Иудейская война, 5, 10, 2.

Иосиф Флавий. Указ. соч., 5, 13, 6.

246

Там же, 6, 5, 2.

247

Там же, 6, 5, 4.

Там же.

Иосиф Флавий. Иудейские древности, 20, 9, 1.

Eisenman. James, Brother of Jesus II, 2012, Introduction, i.

Bart Ehrman. *Jesus Before the Gospels*, HarperCollins, 2016, p. 124.

Bart Ehrman. *Misquoting Jesus*, HarperCollins, 2005, p. 95.

Bart Ehrman. Указ. соч., р. 158.

Там же, р. 159.

Voltaire. Dieu et les hommes; в: Œuvres complètes de Voltaire, Garnier, 1883, tome 28, p. 195.

Voltaire. L'Épître aux Romains, указ. соч., tome 27, p. 91.

Voltaire. Dieu et les hommes, указ. соч., tome 26, p. 200.

Там же.

Светоний. Божественный Клавдий, 25.

Плиний Младший. Письма, 96, 5; цит. по: пер. М. Е. Сергеенко, М.-Л. 1950 («Литературные памятники»).

261

Плиний Младший. Указ. соч., 96, 7.

Там же, 96, 1.

263

Там же, 96, 2.

Там же, 97.

Иосиф Флавий, Иудейская война, 7, 10, 1.

266

Там же, 96, 10.

Тацит. Анналы, XV. 44:4.

Там же, 44:5–8.

Юстин Мученик. Апология, 69.

Robert Eisler. Jesus Messiah, p 12.

Robert Eisler. Указ. соч., p. 67.

Бл. Иероним, Толкование на Евангелие по Матфею, 12, 13.

Hyppolytus of Rome. Refutation of all Heresies, 9, 8, Ante-Nicene Fathers, Vol. 5. Buffalo, NY: Christian Literature Publishing Co., 1886.

Одна из наиболее полных историй злоключений Талмуда изложена в: G. R. S. Mead. Did Jesus Live 100 B.C.? London: Theosophical Publishing Society, 1903, ch 5.

Маститый исследователь Талмуда Иоганн Майер даже сочинил целый труд на тему о том, что сведения об Иисусе, сообщаемые Талмудом, не представляют исторической ценности. — См.: Johann Maier. Jesus von Nazareth in der talmudischen Uberlieferung. Следует, однако, отметить, что бывали важные исключения, крупнейшим из которых является замечательный труд Самуэля Краусса — Samuel Krauss. Das Leben Jesu Nach Jüdischen Quellen, 1902.

Origen. Commentary on John 2:12; Homily on Jeremiah 15:4, цит по:
Willis Barnstone. The Other Bible, HarperCollins, 2005.

b Sanh 107b, b Sot 47a.

b Sanh 43a.

Юстин Мученик. Диалог с Трифоном, 90.

Евсевий Кесарийский. Церковная история, 5, 18, 9.

Robert Eisler. Указ. соч., p. 15.

Там же, р. 591.

Robert Eisenman. James brother of Jesus, p. 46.

The Damascus Document, 1, 7 B: R. H. Charles, ed., *The Apocrypha and Pseudepigrapha of the Old Testament in English*, vol. 2: *Pseudepigrapha*, Oxford: Clarendon Press, 1913, p. 799–834.

The Damascus Document, 1, 8 — там же.

The Acts of Andrew, 22; v: M. R. James. The Apocryphal New Testament, Oxford: Clarendon Press, 1924.

Robert Eisenman. Указ. соч., p. 225–226.

From Jesus to Church, ch. 2; v: George R. Beasley-Murray. Jesus and the Kingdom of God, Grand Rapids, Eerdmans, p. 3–51; Bruce D. Chilton. The Kingdom of God in Recent Discussion; v: Chilton and Evans. Studying the Historical Jesus, p. 255–280; Rudolf Schnackenburg. Gottes Herrschaft und Reich, Eine Biblische-Theologische Studie, 1959.

Bruce D. Chilton. The Isaiah Targum, Arbib11 Wilmington DE,
Michael Glazier, 1987.

Kevin J. Cathcart, Robin J. Gordon. *The Targum of the Minor Prophets*, Arbib14 Wilmington DE, Michael Glazier, 1987, pp. 102, 120, 224.

Samson H. Levey. *The Targum of Ezekiel*, Arbib13 Wilmington DE, Michael Glazier, 1987, p. 32.

Hermann Samuel Reimarus. *Fragments from Reimarus: Consisting of Brief Critical Remarks on the Object of Jesus, Williams and Norgate*, London, 1879 p. 12.

Robert Eisler. Jesus Messiah, p. 253.

S. G. F. Brandon. *Jesus and the Zealots*, Charles Scribner's Sons, New York, 1967, p. 243.

S. G. F. Brandon. Указ. соч., p. 203.

Иринеи Лионский. Против ересей, V: 33.3–4.

Там же.

Baruch, 29, 5; в: R. H. Charles. Указ. соч., 2:481–524.

Иосиф Флавий. Иудейская война, 2, 13, 4.

Лактанций. О Божественных установлениях, в. 3, 4.

The Acts of John, 30–36; цит. по: Richard Pervo. The Acts of John, Polebridge Press, 2016.

The Acts of Andrew, 24; цит. по: Dennis McDonald. The Acts of Andrew, Poledridge Press, 2005.

The Acts of Philip, 15; цит. по: François Bovon and Christopher R. Matthews. The Acts of Philip, Baylor University Press, 2012.

Bultmann, Rudolf. *New Testament and Mythology and Other Basic Writings*. ed. Schubert M. Ogden. Philadelphia: Fortress, 1984, p. 3.

Иосиф Флавий. Иудейская война, 2, 13, 4.

b Sanhedrin 107b, b Sotah 47a.

Robert Eisler. Указ. соч., p. 479.

Там же, р. 456.

Hermann Samuel Reimarus. Указ. соч., р. 22.

S. G. F. Brendon. The Trial of Jesus of Nazareth, New York, 1968, p. 175.

О функционировании Храма как финансового центра см.: Neill Q. Hamilton. Temple Cleansing and Temple Bank, *Journal of Biblical Literature* Vol. 83, No. 4 (Dec., 1964), p. 365–372; Marthy E. Stevens. Temples, Tithes and Taxes, Peabody: Hendrikson, 2006, p. 136–144; Lee I. Levine. Jerusalem: Portrait of the City in the Second Temple Period, Philadelphia, 2002, p. 236–237; см. также главы, посвященные Храму, в классическом, но не устаревшем Emil Schürer. A History of the Jewish People in the Time of Jesus Christ, T &T Clark, 1890.

Иосиф Флавий. Против Апиона, 9, 112.

313

Иосиф Флавий, Иудейская война, 6, 9, 3.

Диодор Сицилийский. Историческая библиотека, 40.3.1–7.

b. Pesharim 57a, Tosefta Menahot XIII 21.

Иосиф Флавий. Иудейские древности, 20, 9, 1.

840, Frangment of an Uncanonical Gospel, The Oxyrhynchus papyri, edited with translations and notes by Bernard P. Grenfell and Arthur S. Hunt, Part V, London 1908.

Иосиф Флавий. Иудейская война, 4, 3, 6–7.

Henk Jan de Jonge. The Cleansing of the Temple in Mark 11:15 and Zechariah 14:21, в: The Book of Zechariah and its Influence (ed. Christopher Tuckett, Hampshire, Ashgate, 2003), p 91.

Там же, р. 90.

321

Тацит. История, 5, 12.

Иосиф Флавий. Иудейские древности, 13, 6, 7.

Иосиф Флавий. Указ. соч., 14, 13, 4.

Иосиф Флавий. Иудейская война, 2, 1, 3.

Иосиф Флавий. Указ. соч., 2, 17, 9.

326

Там же.

327

Там же, 5, 3, 1.

328

Там же, 2, 8, 1.

329

Там же, 7, 10, 1.

S. G. F. Brendon. The Trial of Jesus of Nazareth, p. 174.

b Avodah Zarah. 16b-17a, см. также: Peter Schäfer. Jesus in the Talmud, Princeton University Press, 2009, p. 42.

Иосиф Флавий. Иудейские древности, 18, 3, 1.

Иосиф Флавий. Иудейская война, 1, 5, 2.

Филон Александрийский. О посольстве к Гаю, XXXVIII, 299.

Иосиф Флавий. Иудейские древности, 18, 3, 2.

Там же.

M. Shekalim IV, 2; см. также: Zéev Wilhelm Falk. Introduction to Jewish law of the second Commonwealth, part 1. Leiden, Brill, 1971, p. 68.

м. Yom. 1:1а. См. также: Alfred Edersheim. The Temple and Its Ministry and Services at the Time of Jesus Christ, New York, 1874, p. 307.

Иосиф Флавий. Иудейская война, 5, 4, 2.

340

b Sanhedrin 34b.

Haim Cohm. The Trial and Death of Jesus, The Westminster Press, New York, 1963, p. 33.

b Avodah Zarah 27b-28a; M Shabbat VI 10; XIV 3–4; b Shabbat 108b-109a; см. также: Haim Cohn, указ. соч., p. 42.

М Pei'ah IV 4, IV 10; М Menahor X 3; см. также: Haim Cohn, указ. соч., р. 44.

Dennis R. MacDonald. *The Acts of Andrew*, Polebridge Press, 2005.

Dennis R. MacDonald. Указ. соч., 18с, 4.

346

Там же, 22, 3.

347

Там же, 12, 14.

Francois Bovon. *The Acts of Philip*, Baylor University Press, 2012.

Francois Bovon. Указ. соч., 2, 18.

350

Там же, 2, 19.

Harold W. Attridge. *The Acts of Thomas*, Polebridge Press, 2010.

Harold W. Attridge. Указ. соч., 12, 141.

Там же, 12, 163.

The Story of St. James, цит. по: A. S. Lewis. *Acta Mythologica Apostolorum*. Cambridge University Press, p 31.

Иосиф Флавий. Иудейская война, 2, 13, 5.

Иосиф Флавий. Указ. соч., 2, 13, 6.

357

Там же, 2, 13, 4.

m Sanh VII 6; см. Также: Haim Cohn. The Trial of Jesus of Nazareth, p. 299.

359

b Sanh 43a.

Иосиф Флавий. Иудейская война, 5, 5, 2; 6, 2, 4.

m Sanh 4.1, см. также: Emil Schürer, Geza Vermes, Fergus Millar. The History of the Jewish People in the Age of Jesus Christ, Volume 2, p. 223.

Haim Cohn. Указ. соч., р. 171.

S. G. F. Brendon. The Trial of Jesus of Nazareth, p. 176.

Warren, William. «Who Changed the Text and Why? Probable, Possible, and Unlikely Explanations». *The Reliability of the New Testament: Bart Ehrman and Daniel Wallace in Dialogue*. Fortress Press. 2011, p. 118.

Иосиф Флавий. Иудейские древности, 17, 9, 5.

The Acts of Philip 2, 12, цит. по: Francois Bovon. Указ. соч.

The Acts of Andrew, 18b, 4, цит. по: Dennis R. MacDonald. Указ. соч.

The Story of St. James, цит. по: Lewis, p. 32, The Acts of Andrew, 22, 8;

The Acts of Thomas, 8, 9, цит по: Harold W. Attridge. Указ. соч.

The Acts of Andrew and Matthew, 30, цит. по: Dennis R. MacDonald.
Указ. соч.

The Acts of Philip, 15, цит. по: Francois Bovon. Указ. соч.

Robert Eisler. Jesus Messiah, p. 4.

S. G. F. Brendon. Указ. соч., р. 179.

Marvin Harris. Cows, Pigs, Wars and Witches, The Riddles of Culture, Vintage Books, 1989 p. 192–193.

Юстин Мученик. Апология, 71.

Тертуллиан. Апологетик, 5; К Скапуле, 4; Евсевий Кесарийский.
Церковная история, 5, 5.

Юстин Мученик. Указ. соч., 70.

The Correspondence of Paul and Seneca, в: M. R. James. The Apocryphal New Testament, Oxford, Clarendon Press, 1924.

Letter of Lentulus, в: Schneemelcher, Wilhelm, ed. (1991). *New Testament Apocrypha: Gospels and Related Writings*. 1. Cambridge: James Clarke. p. 66.

The Report of Pilate to the Emperor Claudius, v: Acts of Peter and Paul, From Ante-Nicene Fathers, Vol. 8. Edited by Alexander Roberts, James Donaldson, and A. Cleveland Coxe. Buffalo, NY: Christian Literature Publishing Co., 1886.

The letters of Herod and Pilate, p. 389–398, v: B. Harris Cowper. *The Apocryphal Gospels: And Other Documents Relating to the History of Christ*, Oregon, 2006.

382

Там же.

The report of Pontius Pilate, p. 405–409, в: В. Harris Cowper. Указ. соч.

The Trial and Condemnation of Pilate, p 410–414, в: В. Harris
Cowper. Указ. соч.

Voltaire. Dieu et les hommes, Œuvres complètes de Voltaire, Garnier, 1883, tome 28 p. 200.

Tertullianus. Ad nationem, 1, 7, 8: «Principe Augusto nomen hoc ortum est» — «Наше имя появилось при Августе».

Плиний Младший. «Письма», 96, 7.

Там же, 96, 2.

Юстин Мученик. Указ. соч., 69.

Евсевий Кесарийский. Церковная история, 4, 26, 5.

Евсевий Кесарийский. Указ. соч., 5, 1, 47.

392

Там же, 4, 26, 10.

Hippolytus. Dan. I, 20, 2–3.

Евсевий Кесарийский. Указ. соч., 3, 20, 5.

395

Там же.

396

Там же, 3, 12.

397

Там же, 3, 32, 1–6.

M. D. Gibson. Apocrypha Sinaitica, *Studia Sinaitica*, V., 1896, 52–59.

Лактанций, О Божественных Установлениях, V, 11, 19.

Тертулиан. Апологетик, 4, 4.

401

Там же, 4, 11.

Юстин Мученик. Указ. соч., 4.

Athenagoras. A Plea for the Christians, 1; цит. по: Ante-Nicene Fathers, Vol. 2, Buffalo, NY, 1885.

Hieronymus. De Viris Illustribus, 42.

The Acts of Andrew, 18c, 12, v: Dennis MacDonald, The Acts of Andrew, Polebridge Press, 2005.

The Apology of Apollonius, 13; цит. по: F. C. Conybear, The Apology and Acts of Apollonius and Other Monuments of Early Christianity, New York, Macmillan, 1894.

M. Sordi, I. Ramelli. «Il senatoconsulto del 35 contro i Cristiani in un frammento porfiriano», *Aevum* 78 (2004), 59–67, см. также M. Sordi, *I cristiani e l'impero romano*, Milano, 2004, p. 27–29.

Тертулиан. Указ. соч., 5, 2.

Porphyrios. *Gegen die Christen*, fr. 64.; см. также Robert M. Berchman. *Porphyry against the Christians*, Leiden, 2005, p. 192–219, где этот фрагмент значится под номером fr. 165–210.

410

Плиний Младший. Указ. соч., 96, 5.

Scriptores Historiae Augustae, XXIX Флавий Вописк Сиракузянин,
Фирм, Сатурнин, Прокул и Боноз, 7, 2–8.

The Damascus Document, 9, 1.

The Apocalypse of Peter, B 5; v: The Apocryphal New Testament. —
Translation and Notes by M. R. James, Oxford: Clarendon Press, 1924.

414

Там же.

415

Там же, В 15.

Там же, В 22–29.

417

The Apocalypse of Peter, D (The Ethiopic text).

Robert Ingersoll. The Great Infidels, The Works of Robert G. Ingersoll, in Twelve Volumes, Volume III. The Dresden Publishing Company, p. 319.

Все цитаты из «Вознесения Исайи» даются по: *Martyrdom and Ascention of Isaiah, a new translation and introduction by M. A. Knibb*, в: James H. Charlesworth. *The Old Testament Pseudepigrapha*, vol 2, Doubleday, New York, 1985.

О переводе «Господь Говна» см. Ginzberg. The Legends of the Jews: From Moses to Esther, Philadelphia, vol. 6, 1909, p. 373.

Интересно, что в кумранских текстах (а именно, в комментарии на пророка Наума) правящий на данный момент иудейский царь тоже называется нечестивым Манассией, и комментарии предрекают гибель ему и всем его женам и детям, что по определению не может относиться к историческому Манассии (4Q169).

Robert G. Hall. The Ascension of Isaiah: Community Situation, Date, and Place in Early Christianity, *Journal of Biblical Literature*, Vol. 109, No. 2 (Summer, 1990), p. 295.

D. Flusser. The Apocryphal Book of «Ascensio Isaiae» and the Dead Sea Sect, *Israel Exploration Journal*, vol. 3, No. 1 (1953), p. 30–47.

Иосиф Флавий. Иудейские древности, 20, 8, 5.

425

Там же.

426

Там же, 20, 8, 6.

427

Там же, 20, 8, 10.

Все цитаты из «Апокалипсиса Илии» приводятся по изданию: Apocalypse of Elijah, в: James H. Charlesworth. Указ. соч.

О ранней датировке «Апокалипсиса Илии» см.: J. — M. Rosenstiel. *L'Apocalypse d'Elie*, Paris, Geuthner, 1972. Розенстиль считает оригинал «Апокалипсиса» ессе́йским произведением I в. до н. э.

The Damascus Document, 9, 53, B: R. H. Charles, ed., *The Apocrypha and Pseudepigrapha of the Old Testament in English*, vol. 2: *Pseudepigrapha*, Oxford: Clarendon Press, 1913.

Дион Кассий. Римская история, 66, 8, 1.

432

Дион Кассий. Указ. соч., 55, 4, 3.

Robert Eisler. Jesus Messiah, p. 236.

Там же, с. 7.

E. S. Drower, ed. *The Haran Gawaita and the Baptism of Hibil-Ziwa*,
Citta del Vaticano, 1953, p. 5–6.

436

Е. С. Дровер. Указ. соч., р. 7.

437

Там же, р. 8.

Mark Lidzbarski. Der Ginza oder das grosse Buch der Mandaer, Vandenhoeck & Ruprecht, Göttingen, 1925, II, 136, p. 48.

439

Там же.

Wilhelm Brandt. Die mandäische religion, Leipzig, 1889, p. 155.

Reimarus. On The Objects of Jesus and His Disciples, 2, 60.

442

Ориген. Против Цельса, 1.57.

443

Там же.

444

Там же.

Иосиф Флавий. Иудейские древности, 4, 8, 48.

446

Там же.

447

Климент Александрийский. Строматы, 1, 23.

Eusebius. *Praeparatio Evangelica*, 9, 27.

Pseudo-Philo, Bib. Ant 48.1, v: A Commentary on Pseudo-Philo's Liber Antiquitatum Biblicarum, With Latin Text and English Translation. Brill Academic Publications.

Robert Hauward. Phinehas — the Same as Elija, *Journal of Jewish Studies* 29 (1978) 22–34.

Иосиф Флавий. Иудейская война, 1, 33, 2.

Иосиф Флавий. Иудейские древности, 20, 6, 2.

Origen, Commentary on John 4:25; XXVII 162: «Из самаритян некий Досифей появился, утверждая, что он есть Христос, о котором говорили пророки, от которого произошли нынешние досифеяне, которые имеют книги от Досифея и рассказывают о нем разные басни, как-то: что он не познал смерти и до сих пор жив».

454

Ориген. Против Цельса, 1.57.

Odes of Solomon, в: James H. Charlesworth. The Old Testament Pseudepigrapha, Vol. 2, New York, 1985.

Иринеи Лионский. «Против ересей», 1, 24, 4.

The Acts of John, 97, цит по: Richard I. Pervo, The Acts of John. *Early Christian Apocrypha*, Polebridge Press, Salem, Oregon, 2016.

Gospel of Bartholomew, в: M. R. James. The Apocryphal New Testament, Oxford: Clarendon Press, 1924.

Поликарп Смирнский. Послание к филиппийцам, 7.

Вольтер. О божественности Иисуса, Философский словарь.

Евсевий Кесарийский. «Церковная история», 6, 12, 4.

The Gospel of Peter, 10, 41–42, в: M. R. James. Указ. соч.

463

Baruch, 30, 1.

464

Там же, 30, 2.

William Wrede. Paul, Lexington, 1962, p. 181.

Евсевий Кесарийский. Похвальное слово Константину, XVI, 120.

Следует отметить, что ранняя церковь не следовала этой рекомендации Павла. Христиане не соблюдали кашрут, однако они отказывались от вкушения идоложертвенного мяса, т. е. практически любого мяса, продававшегося на языческом рынке. После конца языческих жертвоприношений эта проблема перестала перед ними стоять.

The Damascus Document, 8, 14, B: R. H. Charles, ed., *The Apocrypha and Pseudepigrapha of the Old Testament in English*, vol. 2: *Pseudepigrapha*, Oxford: Clarendon Press, 1913, p. 799–834.

The Damascus Document, 9, B, 2.

Иосиф Флавий. Иудейские древности, 20, 7, 2.

The Acts of Peter, 1, 1 (Berlin Coptic Codex), v: Robert F. Stoops. The Acts of Peter, Polebridge Press, 2012.

The Acts of Peter, 2, 5, 4.

473

Там же, 2, 17.

474

Там же, 2, 8.

475

Там же, 2, 9.

476

Там же, 2, 10, 2.

477

Там же, 2, 15, 14.

478

Там же, 2, 26, 7.

479

Там же, 2, 28, 66.

480

Там же, 2, 29, 9.

481

Там же, 3, 1, 5.

482

Там же, 3, 3.

483

Там же, 3, 8, 12.

Recognitions of Clement, 1, 1, Translated by Thomas Smith. B: Ante-Nicene Fathers, Vol. 8. Edited by Alexander Roberts, James Donaldson, and A. Cleveland Coxe. Buffalo, NY: Christian Literature Publishing Co., 1886.

Recognitions, 1, 7.

486

Там же.

487

Там же, 1, 69.

Там же, 1, 71.

489

Там же, 2, 7.

490

Там же, 2, 9.

491

Там же, 2, 13.

492

Там же, 2, 14.

Там же, 7, 8–10.

Там же, 7, 28.

495

Там же, 10, 54.

496

Там же, 10, 56.

497

Там же, 10, 66.

498

Ориген. Против Цельса, 1, 57.

Иосиф Флавий. Иудейские древности, 20, 6, 2.

Юстин Мученик. Апология, 56.

Ипполит Римский. Обличение всех ересей, 6, 15.

Евсевий Кесарийский. Церковная история, 3, 26, 1.

The Acts of Paul and Thecla, 21, в: The Apology and Acts of Apollonius, ed. FC. Conybeare, 1894.

Acts of Saint Eugenia, 3, в: The Apology and Acts of Apollonius, ed.
F. C. Conybeare, 1894.

The Acts of Paul and Thecla, 5.

Walter Bauer. *Orthodoxy and Heresy in Earliest Christainity*, Fortress Press, 1971, p. 38.

Бауер. Указ. соч., р. 236.

The Damascus Document, 8, 15, в: R. H. Charles. Указ. соч., 799–834.

The Damascus Document, 9, B, 43.

Последнюю фразу, известную нам лишь в одном экземпляре XI–XII вв., можно перевести как содержащую имена нарицательные. Но если вслед за Робертом Эйзенманом рассматривать «Спасение» (Иеша) и «Праведность» (Цдака) как имена собственные, то с некоторой натяжкой получается, что члены Нового Завета ждали возвращения Иешуа и Цадока (см. Robert Eisenman. James, The Brother of Jesus, p. 450).

511

Там же, 9, В, 10.

512

Там же, 9, В, 11.

513

Там же, 9, В, 37.

Bart Ehrman. *The New Testament*, OUP USA, 1997, p. 79–80.

Robert Eisenman. James brother of Jesus, p. 420.

Иосиф Флавий. Иудейская война, 2, 13, 4.

О более серьезной «порней» со стороны Павла мы поговорим в следующей книге.

Elaine Pagels. Revelations, Vision, Prophecy and Politics in The Book of Revelation, Penguin Books, 2012, p. 54.

b Gittin, 56b-57b.

Recognitions of Clement, 4, 21.

Иосиф Флавий. Иудейская война, 2, 8, 6.

Евсевий Кесарийский. Церковная история, 2, 23, 4.

Евсевий Кесарийский. Указ. соч., 2, 23, 2.

524

Там же, 2, 23, 1.

Hieronymus, De viris illustribus, 2.

Евсевий Кесарийский. Указ. соч., 2, 23, 5–7.

527

Елифаний. Панарион, 78.14.1–6.

Иосиф Флавий. Иудейская война, 5, 5, 7.

Елифаний. Указ. соч., 78, 14.

530

Бл. Иероним. Указ. соч., 2.

Иосиф Флавий. Иудейские древности, 20, 9, 1.

532

Там же.

533

Там же, 20, 9, 2.

534

Там же, 20, 9, 3.

Евсевий Кесарийский. Указ. соч., 2, 23, 20.

Ориген. Против Цельса, 1.47, 2.13; Комментарии на Евангелие от Матфея, 10.17.

Бл. Иероним. Указ. соч., 2, Comm. On Gal. 396 (1:10).

Robert Eisenman. James brother of Jesus, p. XXIV. Интересно также, что эта фраза осталась в позднем и недостоверном «Мученичестве Иакова», сохранившемся на арабском в египетском монастыре в Дейрес-Суриани: «И Иаков праведник был ученик и мученик и епископ евреев. И он умер во имя Господа Иисуса Христа. И после его смерти великий гнев постиг всех евреев, обитателей Иерусалима. И это случилось прежде всего над теми, кто был причиной убийства Иакова ученика. И Веспасиан окружил их, и ограбил их, и увел в плен». — A. S. Lewis, *Acta Mythologica Apostolorum*, London, 1904, p 146.

Иринеи Лионский. Против ересей, 5.33.3–4.

Иосиф Флавий. Иудейская война, 2, 8, 2.

Елифаний. Указ. соч., 29, 1, 2–3.

Самоназвание это, «назореи», указывающее на строжайшее соблюдение иудейского закона, было так неприятно постпавловским евангелистам, что они стали производить его от города Назарета, вероятно, по тем же соображениям, по которым «плоды деревьев» превратились в акрид, а Петр Бирйона — в Петра, сына Ионы.

Geza Vermes, *The Complete Dead Sea Scrolls*, p. 44.

Иринеи Лионский. Указ. соч., V: 33.3–4.

Иосиф Флавий. Иудейские древности, 3, 7, 6.

Филон Александрийский. Жизнь Моисея, 2, 114.

Testament of Levi, 8. 2, цит. по: R. H. Charles. The Testaments of the Twelve Patriarchs, London, 1908.

Recognitions of Clement, 10, 56.

Ascention of Isaiah, 5: 2–6.

Иосиф Флавий. Иудейские древности, 20, 1, 1.

551

Там же, 20, 5, 1.

Acts of Thomas, 1, 11, 3, цит. по: Harold W. Attridge. The Acts of Thomas, Early Christian Apocrypha, Polebridge Press, Salem, Oregon, 2010.

Иосиф Флавий. Иудейские древности, 20, 5, 2.

Sotah IX.9.

Song. Rab. 2.7.1 (transl. Maurice Simon, *Midrash Rabban*, vol. 9, London, Soncino, 1983), см. также: Matthew V. Novenson. *The Grammar of Messianism: An Ancient Jewish Political Idiom and Its Users*, p. 145.

Robert Eisler. *Jesus Messiah*, p. 102–103.

Иосиф Флавий. Иудейская война, 2, 13, 5.

558

Там же, 2, 13, 4.

Евсевий Кесарийский. Церковная история, 2, 23, 9.

560

Там же, 2, 23, 10–11.

561

Иосиф Флавий. Иудейские древности, 14, 2, 1.

Евсевий Кесарийский. Указ. соч., 2, 23, 12–13.

563

Там же, 2, 23, 14.

Там же, 2, 23, 15–16.

565

Там же, 2, 23, 18.

Second Apocalypse of James, 17, цит. по: James M. Robinson, The Nag Hammadi Library in English, HarperCollins, 1990, p. 269–276.

Иосиф Флавий. Иудейские древности, 20, 9, 1.

Евсевий. Указ. соч., 2, 23, 20.

Robert Eisenman. James, The Brother of Jesus, XXX.

Иосиф Флавий. Иудейские древности, 20, 8, 10.

The Damascus Document, 9, 12.

S. Frederick Starr, *The Lost Enlightenment*, Princeton University Press, 2013, p. 124.

Евсевий Кесарийский. Указ. соч., 2, 23, 13.

Иосиф Флавий. Иудейские древности, 20, 8, 10.

Иосиф Флавий. Иудейская война, 2, 8, 4; Иудейские древности, 18, 1, 3.

576

Евсевий Кесарийский. Указ. соч., 3, 12.

Иосиф Флавий. Иудейская война, 7, 8, 7.

Apocalypse of Elijah, 1, 8, B: James H. Charlesworth, *The Old Testament Pseudepigrapha*, Vol. 1, 1983.

579

Там же.

580

Там же, 2, 1.

581

Иосиф Флавий. Иудейская война, 6, 5, 2.

The Damascus Document, 9, 53, B: R. H. Charles, ed., *The Apocrypha and Pseudepigrapha of the Old Testament in English*, vol. 2: *Pseudepigrapha* (Oxford: Clarendon Press, 1913): pp. 799–834.

583

b Gittin 56b.